
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Л. В. Борисова

**ТРУДОВЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
В СОВЕТСКОЙ
РОССИИ
(1918–1924 гг.)**

МОСКВА • СОБРАНИЕ • 2006

Б 82 Борисова Л.В. Трудовые отношения в советской России (1918–1924 гг.) / Российская акад. наук; Институт российской истории. – М.: Собрание, 2006. – 288 с.

УДК 94(47).084.3

ББК 63.3(2)612-2+63.3(2)613-2

В монографии рассматриваются наиболее важные и малоизученные аспекты трудовых отношений: доктринальные предпосылки и практика использования различных форм труда; его мотивация в период военного коммунизма и в годы нэпа. Впервые рассмотрены причины, формы, масштаб социально-трудовых конфликтов рабочих и механизм их разрешения на государственных и частных предприятиях. При этом анализируются роль профсоюзов в проведении большевистской политики в трудовой сфере и забастовочном движении, различные позиции в большевистском руководстве.

Несомненный интерес представляет и другая сторона взаимоотношений большевистского государства с рабочими – разжигание классовой ненависти и целенаправленное формирование резко негативного отношения к своим политическим оппонентам. Как показано в монографии, наиболее искусно такая реакция рабочих была спровоцирована в ходе процесса над партией правых эсеров в 1922 г. Таким образом было положено начало действию политического театра, «расцвет» которого пришелся на вторую половину 1930-х гг.

Монография основана на уникальных архивных документах, прежде всего, из фондов Центрального архива ФСБ РФ, впервые вводимых в научный оборот, а также широко использована эмигрантская периодика. Книга адресована историкам и всем тем, кто заинтересован в преодолении идеологических стереотипов в изучении прошлого нашей страны.

© Борисова Л.В., 2006

© Институт российской истории РАН, 2006

© Оформление. ООО «Издательство «Собрание»», 2006

ISBN 5-9606-0025-0

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
----------------	---

Глава 1.

ОТ «ОСВОБОЖДЕННОГО ТРУДА» — К ПРИНУДИТЕЛЬНОМУ	15
Выработка экономического курса	15
Труд в обмен на продовольствие	22
Борьба за трудовую дисциплину	33
Чрезвычайные меры на транспорте	39
Принудительный труд: формы и методы	48
Главкомтруд и всеобщая трудовая повинность	55
Дискуссии о принудительном труде	65

Глава 2.

РАБОЧИЙ КЛАСС В УСЛОВИЯХ «ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА»	85
Забастовочное движение	86
Социальный взрыв. Выступления рабочих Москвы весной 1921 г.	122
Профсоюзы и забастовки	136

Глава 3.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЭПА (1922–1924 гг.)	153
Нэп и принудительный труд	154

Зарплата и стимулирование труда	161
НОТ	171
Источники дохода, условия труда и быта	176
<i>Глава 4.</i>	
ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В РОССИИ (1922–1924 гг.)	186
Общая характеристика трудовых конфликтов	190
Задержки заработной платы	194
Недовольства низкими ставками и высокими нормами выработки	211
Конфликты с руководящим составом предприятий	214
Отношение к коммунистам	222
Механизмы ликвидации трудовых конфликтов	227
<i>Глава 5.</i>	
РЕАКЦИЯ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ НА ПРОЦЕСС ПРАВЫХ ЭСЕРОВ	247
Подготовка общественного мнения.....	249
Встреча иностранных защитников	262
Демонстрация 20 июня	267
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	279
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	283
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	285

ВВЕДЕНИЕ

Завершение социалистического периода в истории нашей страны активизировало внимание исследователей к изучению его истоков. Не смотря на существование огромного количества трудов о военном коммунизме и нэпе, написанных в советское время, современные историки вновь активно обращаются к различным аспектам истории этого времени. Объективно назревшая переоценка исторического прошлого ведется как по линии переосмысления обширнейшей историографии, так и исследования новых сюжетов, обращение к которым было невозможно в силу идеологических запретов.

В сложившейся после 1991 г. политико-историографической ситуации открылся доселе невиданный доступ к источникам, прежде всего, к архивным документам. Не случайно эта ситуация получила название «архивной революции». В связи с значительным увеличением информационного пространства и освобождением от цензурных запретов произошло небывалое расширение тематики исследований и смена приоритетов. Одновременно появилась возможность по-новому взглянуть на, казалось бы, максимально изученные традиционные сюжеты в советской историографии во всей их многомерности и неоднозначности и начать исследование ранее невидимой части исторического айсберга. Уже первые сравнительные исследования имеющейся историографии с рассекреченными документами показали, что наиболее перспективным направлением современных исследований является изучение проблем социальной истории. К кругу таких проблем относится, в частности, история трудовых отношений. Ее исследование в историографии прошлых лет проводилось в рамках теории освобождения труда, развитой из положений марксизма. В итоге изучение истории советского рабочего класса на основе этой теории свелось к подмене исследования реального положения рабочих идеологическими догмами. Не перспективность такого подхода, ставшая очевидной после крушения социалистической системы, привела в конце прошлого века к кри-

зису рабочей истории¹. Индустриальный труд перестал рассматриваться как приоритетное направление в изучении истории.

В последние годы под влиянием современного рабочего активизма и в связи с раскритикованными источниками наметилось возрождение интереса к рабочей истории. Ее изучение ведется в нескольких направлениях. Прежде всего, в контексте ключевой проблемы советской эпохи — взаимоотношений общества и власти. Исследуется рабочий класс и как субъект трудовых отношений. Ведется поиск новых подходов к анализу различных аспектов бытия рабочих в условиях отечественной модернизации. В центре внимания оказалось также изучение теневых сторон деятельности партийно-государственной власти, взаимоотношений власти с различными слоями общества, протестных движений, негативных процессов внутри отдельных категорий населения, таких как пьянство, проституция, суициды, всего того, что якобы не могло существовать в социалистическом обществе. Сделаны первые шаги и по изучению регионального среза этих проблем.

Во многом усиление интереса к изучению проблем труда было инициировано осуществлением масштабного российско-голландского проекта «Мотивация труда в российской промышленности, 1861–2000 гг.» Теоретической основой проекта послужили работы ряда западных исследователей по проблемам труда. Среди них наибольший интерес представляет исследование Чарльза и Криса Тилли «Труд при капитализме», в котором система стимулирования труда подразделяется на три группы: 1) материальное вознаграждение, 2) морально-нравственные побуждения и обязательства, 3) принуждение и наказание². Дальнейшее развитие она получила в работе голландского историка Марселя ван дер Линдена³. В ходе осуществления проекта отечественными историками было признано, что разработанная классификация применима и к исследованию труда в России, как в дореволюционный период, так и в советское и постсоветское время⁴.

Трудовые отношения — очень широкое понятие. Оно включает в себя как внутренние факторы, характеризующие отношения между работодателем и работником, так и внешние. К внутренним факторам относятся побудительные причины к труду. К внешним — роль государства, трудовое законодательство, состояние финансовой системы, рынка труда, господство определенных морально-этических норм в обществе. Показателем степени сбалансированности всех этих факторов является производительность труда. Она отражает не только интенсивность труда рабочего и его квалификацию, но и условия труда и быта, техническую оснащенность производства, ор-

ганизацию управления и внедрение научных принципов организации труда. Все эти аспекты проблемы в разной степени освещаются в данной монографии. При этом в центре исследования находится проблема эволюции индустриального труда в рамках двух социалистических моделей экономики: военного коммунизма, базировавшегося на принудительном труде, и нэпа, при котором появляется рынок труда.

Избранная автором проблема пока не получила целостного отражения в историографии, но ее отдельные аспекты, прежде всего, связанные с внешними факторами трудовых отношений, освещены в ряде работ последних лет. Так, с начала 1990-х годов появляются работы, посвященные изучению принципов взаимодействия различных звеньев государственного механизма: компартии, органов госуправления, профсоюзов, кооперации. Исследуются внутренние процессы, проходившие в советской политической системе: огосударствление партии и профсоюзов, формирование однопартийности, использование репрессивных методов решения экономических и политических проблем, уничтожение политической оппозиции и целый ряд других. Важной особенностью этих исследований являлось привлечение большого пласта новых источников.

Одной из первых таких монографий стала книга А.Ф.Киселева «Профсоюзы и советское государство», главное место в которой отведено анализу дискуссий о профсоюзах в 1917–1920 гг.⁵ Благодаря использованию новых документов и переосмыслению уже введенных в научный оборот автору удалось раскрыть «подводные течения», проанализировать точки зрения и подходы партийных и профсоюзных лидеров ко многим проблемам экономики военного коммунизма. В первую очередь, о роли профсоюзов в управлении народным хозяйством, в проведении мобилизаций, милитаризации экономики. В книге приведен интересный материал о забастовочном движении рабочих, об отношении к ним профсоюзов.

Характерной особенностью книг, созданных в последние годы, является стремление авторов сочетать изучение крупных проблем с конкретно историческим анализом их составляющих. Так, в монографии известного экономиста В.А.Мау «Реформы и догмы. Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. 1914–1929» показана преемственность экономических мероприятий, проводившихся в военных условиях царским правительством, Временным правительством и большевиками⁶. Автором обоснован важный вывод о том, что военно-коммунистические меры были апробированы до Октябрьской революции и не противоречили логике экономического развития страны.

Формированию советской политической системы в условиях военного коммунизма и нэпа посвящена монография Е.Г.Гимпельсона⁷. В книге анализируется процесс огосударствления составных частей политического механизма, показаны особенности экономических и политических процессов этого периода.

В монографии В.А.Шишкина «Власть, политика, экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928)» исследуется переплетение доктринальных установок и исторических реалий в складывании системы тоталитаризма⁸. По мнению автора, военно-коммунистическая система, в частности, являлась порождением целого комплекса причин: влияния марксистской доктрины, Гражданской войны и экономического опыта предшественников по преодолению экстремальных ситуаций в экономике.

Социальным аспектам политики послеоктябрьских лет посвящены работы С.А.Павлюченкова⁹. Автор анализирует движение протеста против большевистской политики в городе и деревне, нарастающие кризисные явления внутри партийно-государственной системы и др. сюжеты. Исследованию конкретных событий в книге «Военный коммунизм в России: власть и массы» предшествует подробный анализ историографии военного коммунизма, существующих точек зрения. Так, по вопросу о времени, с которого можно вести отсчет военного коммунизма, С.А.Павлюченков считает, что он наступил сразу же после захвата власти большевиками в 1917 г., а не в мае 1918 г. Доводом в пользу такого утверждения, по его мнению, является то, что мероприятия по ограничению частной собственности и рынка как составляющие суть военного коммунизма, уже в этот момент превратились в принцип общественного строительства.

Только в последние годы появились работы по истории левых оппозиционных партий, написанные с объективных позиций. Выяснилось, что «эти заклятые враги революции» в острые моменты Гражданской войны стремились участвовать в мобилизации масс на фронт и неоднократно заявляли о недопустимости вооруженного свержения советской власти. Также исследуются формы участия этих партий в выборных кампаниях в Советы и в рабочем движении¹⁰.

Социально-экономическое положение рабочих в постреволюционный период, усилия государства по сохранению квалифицированных кадров явились предметом исследования в монографии А.А.Ильюхова¹¹. Автор пришел к выводу, что русский рабочий по ряду причин не был подготовлен к новому отношению к труду.

К числу наименее разработанных относится проблема рабочего движения в постреволюционный период. По мере возникновения очагов современного рабочего движения проблематика рабочего

протеста приобретает не только научную, но и общественную значимость. В связи с этим особо актуален вопрос о методах урегулирования взаимоотношений власти с индустриальными рабочими. Советские историки касались этой темы бегло и неохотно. Ее затрагивали, как правило, в связи с политической борьбой большевиков с меньшевиками и эсерами в профсоюзах¹². Уже в первых работах определились специфические подходы к освещению трудовых конфликтов, строго соответствовавшие партийным директивам. Так, забастовки рабочих приписывались исключительно влиянию меньшевиков и эсеров и оценивались как антисоветские выступления, независимо от характера требований. Утверждалось также, что в трудовых конфликтах принимали участие лишь отсталые слои рабочих, а отсталость выводилась из их социального происхождения. Отрицалось проведение карательных мер против участников трудовых конфликтов.

Характерной особенностью освещения трудовых конфликтов периода нэпа являлось акцентирование внимания на негативных моментах положения рабочих на частных предприятиях, которые рассматривались исключительно в рамках теории классовой борьбы. Даже увеличение заработной платы в частном секторе квалифицировалось, как желание усилить эксплуатацию рабочих. При этом подход к забастовкам 1920-х гг. в работах современников событий существенно отличался от восприятия забастовок периода военного коммунизма. Последние воспринимались как совершенно новые и не свойственные новой власти явления, так как Октябрь 1917 г. стал тем водоразделом, который отсек все социальные процессы, происходившие до него. С появлением же частного сектора время в сознании партийных и профсоюзных деятелей как бы вернулось вспять. В официальной лексике снова появились слова «эксплуататоры», «эксплуатируемые», «классовая борьба», а забастовки стали сравнивать с формами дореволюционной борьбы рабочих за свои права¹³. При этом тот факт, что большинство трудовых конфликтов происходило в государственном секторе, замалчивался. Для работ современников, главным образом, профработников, занимавшихся на практике вопросами труда, характерно преуменьшение накала и масштаба социальных конфликтов в первой половине 1920-х гг. Так, П.Н.Авдеев утверждал, что они «возникали исключительно как местные, в связи с волокитой и неисполнением условий закона и договоров госорганами в данном предприятии или учреждении»¹⁴. Такой же подход был характерен и для советской историографии последующих десятилетий. Более активно, насколько позволяла источниковая база, освещение рабочего протеста в первые годы существования советского государства велось за границей¹⁵.

Важную роль в активизации исследовательского интереса к российской рабочей истории в целом и рабочего движения первого послереволюционного десятилетия, в частности, сыграло издание фундаментальных публикаций документов, раскрывающих в новом свете положение рабочего класса в советской России. Первым был издан сборник «Трудовые конфликты в советской России 1918–1929 гг.», подготовленный в ныне забытом жанре обзоров источников¹⁶. В нем приводится информация об имеющихся источниках изучения этой проблемы в архивных фондах и в периодической печати тех лет, в том числе, и в эмигрантских изданиях. Политическая сторона рабочего протеста освещена в сборнике документов «Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917 — 1929. Экономические конфликты и политический протест» (СПб, 2000). В нем впервые опубликованы документы о политических выступлениях рабочих в рамках движения уполномоченных. В связи с выходом этих изданий в редакции журнала «Отечественная история» был проведен круглый стол, участники которого высоко оценили научное значение сборников¹⁷.

В 1990-е гг. началась активная разработка истории карательных органов в центре и на местах, их роли в развертывании хозяйственной деятельности¹⁸. Впервые началась научная публикация значительных комплексов архивных документов ВЧК/ОГПУ и его местных органов, в которых показано отношение различных слоев крестьянства к большевистской политике, формы сопротивления крестьянства. Опубликованы большие комплексы архивных документов по истории крупнейших вооруженных выступлений против режима: «Антоновщине» и восстанию в Кронштадте, вынудившие власть отказаться от политики военного коммунизма¹⁹. В результате проделанной работы были обнародованы огромные массивы неизвестных, до недавнего времени находившихся на секретном хранении, документов. По объективным причинам содержащаяся в них информация носит, как правило, негативный характер. Именно поэтому она так тщательно скрывалась на протяжении всего советского периода. Да и из находившихся на открытом хранении документов позволялось обнародовать преимущественно те факты, которые свидетельствовали об успехах и достижениях советского общества, двигавшегося «от победы к победе». Естественно, что возникающая новая историческая картина вызывает психологический дискомфорт среди ряда ученых. Однако, это та объективная реальность, которая не зависит от того, удобна она или нет²⁰. В тоже время необходима серьезная методологическая и методическая разработка новых комплексов исторических документов, пока еще не введенных в научный оборот²¹.

В последние годы все большее внимание историков привлекают трудовые отношения при социализме и фигура рабочего как основного действующего лица в них²². Началось также изучение особенностей рабочего движения в постреволюционные годы²³. Появились первые работы, в которых исследуется мотивация социального поведения рабочих России. В рамках этого направления обращают на себя внимание работы историка из Санкт-Петербурга С.В.Ярова²⁴. В центре его исследований — социальная психология рабочих в период военного коммунизма и нэпа, роль эгалитаристских элементов в рабочей психологии, аполитичность и конформизм как главные элементы постреволюционного сознания. Интерес представляет и оценка автором массового участия рабочих в политических кампаниях периода нэпа не с точки зрения поддержки власти, а как специфический эмоциональный момент.

Однако, не смотря на прогресс в изучении протестного движения, многие его аспекты остаются еще вне поля зрения исследователей. В предлагаемой монографии ставятся следующие задачи: рассмотреть формы, методы и особенности протестного движения рабочих в 1918–1924 гг.; исследовать доктринальные предпосылки и практику использования различных форм труда; особенности мотивации труда в период военного коммунизма и в годы нэпа. При этом недовольства рабочих рассматриваются в контексте политических, идеологических и экономических проблем, возникавших в 1918–1924 гг., анализируется роль профсоюзов в проведении большевистской политики в трудовой сфере и забастовочном движении, позиции оппозиционных партий. Среди важнейших вопросов, затрагиваемых в исследовании, большое значение имеет вопрос, оказывало ли протестное движение влияние на действия власти?

Спецификой трудовых отношений в советской России являлась та роль, которую играла политическая составляющая — заводские собрания, митинги, демонстрации. Они были главным инструментом политизации сознания рабочих, разжигания классовой ненависти и целенаправленного формирования негативного отношения к политическим оппонентам власти. В монографии впервые показан механизм формирования властью заданного отношения рабочих к массовым политическим кампаниям периода нэпа, таким как изъятие церковных ценностей и процесс правых эсеров. В связи с этим исследуется и другой важный вопрос взаимодействия власти и общества, о каналах поступления информации руководству страны.

В основе исследования лежит фундаментальный метод исторической науки — метод историзма, а также системный подход к рассматриваемым событиям. Кроме того, тематика монографии позволяет

применять методы социальной истории, социальной психологии и конфликтологии.

Монография основана на архивных источниках, впервые вводимых в научный оборот. Используются документы, выявленные в фондах федеральных архивов (РГАСПИ, ГАРФ, РГАЭ, РГВА): документы различных подразделений ЦК РКП(б), комфракций ВЦИК, ВЦСПС, отраслевых профсоюзов и политорганов на транспорте, ряда экономических ведомств. Основную часть источников, впервые вводимых в научный оборот, составляют документы Центрального архива ФСБ РФ. В монографии также использована советская и эмигрантская периодическая печать, а также имеющиеся на сегодняшний день публикации источников.

Автор выражает глубокую признательность директору Института российской истории РАН члену-корреспонденту РАН А.Н.Сахарову за содействие в публикации этой книги. Особую благодарность автор выражает д.и.н. А.К.Соколову и д.и.н. В.П.Булдакову за ценные советы и замечания, высказанные в процессе работы над книгой. Самые искренние слова признательности адресую также своим коллегам-сотрудникам Центра изучения новейшей истории России и политологии за помощь и поддержку.

Примечания

¹О советской историографии истории рабочего класса см.: *Соколов А.К.* Драма советского рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2004.

²См.: Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000. С. 212–213.

³См.: *Ван дер Линден М.* Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Там же. Работы российских участников проекта публиковались в ежегодниках «Социальная история», а также см.: Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт / Под ред. *Бузгалина А.В.* и др. М., 2001. Рабочий класс и рабочее движение в России: история и современность / Под ред. *Бузгалина А.В.* и др. М., 2002.

⁴Практическое применение разработанных положений о мотивации труда на протяжении более 100 лет см.: *Маркевич А., Соколов А.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005.

⁵*Киселев А.Ф.* Указ. соч. М., 1991.

⁶ Мау В.А. Указ. соч. М., 1993.

⁷ Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. М., 1993.

⁸ Шишкин В.А. Указ. соч. СПб, 1997.

⁹ Павлюченков С.А. Крестьянский Брест. М., 1996; *Его же*. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.

¹⁰ Краус Т. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского переворота. 1917–1928. Будапешт, 1997; *Ненароков А.П.* Отступление или капитуляция: меньшевики в рамках официальной легальности, январь–июнь 1918 г. В кн.: Проблемы политической и экономической России. Сб. ст. М., 1998; *Павлов Д.Б.* Лидеры РСДРП о характере большевистской власти // Там же; *Меньшевики и меньшевизм*. Сб. ст. М., 1998.

¹¹ Ильюхов А.А. Политика Советской власти в сфере труда (1917–1922 гг.). Смоленск, 1998.

¹² См. напр.: *Панкратова А.М.* Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. Л., 1927. *Гриневич В.* Профсоюзное движение в России М., 1923. *Алуф Ф.* Большевизм и меньшевизм в профсоюзном движении. Л., 1926. *Козелев Б.* Как большевики боролись за руководство профсоюзами. М., 1928 и др.

¹³ См.: *Стопани А.* Промышленные конфликты на местах // Вопросы труда. 1923. № 1. *Его же*. Еще об особенностях наших забастовок // Там же. № 2. *Фин Я.* Опыт стачки в советской России. М., 1924. *Белкин Г.* Рабочий вопрос в частной промышленности. М., 1926. *Авдеев П.Н.* Трудовые конфликты в СССР. М., 1928 и др.

¹⁴ *Авдеев П.Н.* Трудовые конфликты в СССР. М., 1928. С. 10.

¹⁵ Здесь следует, прежде всего, назвать сборники документов, вышедшие под общей редакцией А.И.Солженицыны в серии «ИНРИ»: Независимое рабочее движение в 1918 г. Док. и мат. Париж, 1981. Урал и Прикамье (Ноябрь 1917–январь 1919). Док. и мат. Париж, 1982.

¹⁶ Трудовые конфликты в советской России 1918–1929 / Отв. ред. *Кирьянов Ю.И., Розенберг В., Сахаров А.Н.* М., 1998.

¹⁷ См.: Отечественная история. 2002. № 2.

¹⁸ *Рассказов Л.П.* Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа, 1994; *Измозик В.С.* Глаза и уши режима. Государственный контроль за населением советской России в 1918–1928 гг. СПб, 1995; *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. Казань, 1995. *Алексеева Г.М.* Гулаг в системе тоталитарного государства. М., 1997. ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005 и др.

¹⁹ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 1. 1918–1922. М., 1998. Трагедия советской деревни. Т. 1. М., 1996. Крестьянское восстание в Тамбовской губ. в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Тамбов, 1994; Кронштадт. 1921 год. М., 1997.

²⁰ См.: обсуждение доклада А.Н.Яковлева «Новейшая история России XX века в документах: опыт историографического исследования» // Известия РАН. 2000. № 6.

²¹ Например, ведутся споры о достоверности следственных дел как исторического источника. В связи с этим существуют две точки зрения на возможность их публикации. Первая: это сфабрикованные документы и публиковать их нельзя. Вторая: документы следственных дел можно публиковать только в комплексе с реабилитационными материалами для проведения сравнительного анализа. Другой вариант обоснования утвердительного ответа: публиковать как важный элемент эпохи вместе с обстоятельным комментарием, раскрывающим истинное положение вещей. См.: Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 117; 1997. № 5. С. 111; Проблемы публикации документов по истории России XX века. М., 2001. С. 336.

²² Рабочий класс в процессах модернизации России. М., 2001. *Соколов А.К.* Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917–сер. 1930-х годов) // Экон. история. Обзорение. 2000. № 4. *Федулин А.А.* Становление и развитие системы социального партнерства в СССР. М., 1999 и др.

²³ *Александрова Е.В.* Социально-трудовые конфликты: пути разрешения. М., 1993. *Борисова Л.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2000. *Ее же.* «Причины волнения однородны...» // Ежегодник историко-антропологических исследований 2003. М., 2003. *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской России. 1917–1918 годы. М., 2004 и др.

²⁴ *Яров С.В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих. СПб, 1998. *Он же.* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб, 1999.

Глава 1.

ОТ «ОСВОБОЖДЕННОГО ТРУДА» — К ПРИНУДИТЕЛЬНОМУ

В советской историографии тема труда при социализме всегда занимала почетное место. Написано огромное количество книг и статей о формировании новой трудовой дисциплины, о коммунистическом отношении к труду и его различных проявлениях: трудовых починах, ударничестве, социалистическом соревновании. При этом рабочий класс рассматривался как опора и носитель большевистской идеологии. Особенностью этих работ являлась героизация событий, сосредоточение внимания исключительно на позитивных моментах, упрощенный подход к оценке сложных, многомерных проблем. В силу политических и идеологических условий «темная сторона Луны», на которой находились различные формы внеэкономического принуждения разных слоев населения и их действительная мотивация, не исследовалась. Проблема принудительного труда трактовалась исключительно как мера, продиктованная военными условиями.

Отбросив идеологические догмы и сложившиеся мифы, опираясь на рассекреченные архивные документы и современные исследования, попытаемся ответить на следующие важные вопросы: как соотносились теоретические представления о труде при социализме и их реализация большевиками на практике? Как использовался большевиками опыт преодоления кризисных ситуаций в экономике, накопленный воюющими странами? Были ли пересмотрены принципы организации труда после окончания Гражданской войны?

Выработка экономического курса

Как известно, краеугольным камнем марксизма в сфере труда являлось положение о свободном творческом труде на благо общества. Декларировалась также одинаковая обязательность труда для всех членов общества, образование промышленных армий, в особенности для сельского хозяйства. Труд человека провозглашался мери-

лом его потребностей. Независимо от вида труда предполагалось предоставить равные условия «в смысле владения и потребления». Все эти меры, по замыслу основоположников марксизма, были характерны для первой стадии коммунистического общества.

«Овладев всеми средствами производства в целях их общественно-планомерного применения, общество уничтожит ныне существующее порабощение людей их собственными средствами производства, ...производительный труд из тяжкого бремени превратится в наслаждение»¹, — так представлялся характер труда уже в коммунистическом обществе. Наемный труд как преходящая и низшая форма должен был при коммунизме уступить место ассоциированному труду, выполняемому добровольно, с готовностью и воодушевлением². Таким образом, теоретические представления марксизма в области организации труда, носили очень общий характер. К тому же считалось, что социалистическая революция должна произойти одновременно во всех странах с высокоразвитой экономикой, т.е. исходный уровень для претворения социалистических задач предполагался совершенно иной, чем в России.

Придя к власти, большевики сразу приняли декреты, которыми устанавливались наиболее значимые завоевания рабочего класса на Западе. Россия была провозглашена республикой труда. Лозунг освобожденного труда стал активно внедряться в сознание масс, в том числе и с помощью нового агитационно-массового искусства через оформление многочисленных демонстраций и митингов³. Появились фабрики, сельхозартели и коммуны с названием «освобожденный труд».

Поначалу главная ставка в организации трудового процесса делалась на сознание трудящихся, на «творческую инициативу масс» и регулирование трудовых отношений «снизу». Большевики считали, что массы с помощью практического опыта сами придут к убеждению, что их благосостояние целиком зависит от дисциплинированности их собственного труда. Говорилось также об учете и контроле, пропаганде трудовых достижений⁴. Вместе с тем большевистское руководство не имело четких представлений о том, как в условиях экономической разрухи формировать более высокую производительность труда. Большое влияние на становление системы трудовых отношений оказали также еще целый ряд важных обстоятельств. Они были связаны с острой направленностью революции против «буржуев», якобы враждебных пролетариату; двойственным представлением о труде при коммунизме, своеобразным преломлением дореволюционных традиций в трудовых отношениях. С одной стороны, шло возвеличивание труда, а с другой, его воспринимали как

тяжкую долю. Одновременно получило распространение и такое представление о труде, что при коммунизме вообще не надо будет работать⁵.

В итоге провозглашенный свободный труд трансформировался в палочную дисциплину. Право на труд было заменено принципом обязательности труда, сформулированным в знаменитом лозунге «кто не работает, тот не ест». А введение трудовой повинности установило принцип принуждения в качестве главного, а, по сути, и единственного для трудовых отношений до начала 1920-х годов. О предпочтении большевиками именно этого принципа в построении трудовых отношений свидетельствовало также обсуждение экономических вопросов еще накануне Октябрьской революции. Так, выступая на VI съезде партии, В.П.Милютин заявил, что принудительный труд является основой социализма⁶.

Еще одним отличием от классического марксизма являлось то, что принуждение рассматривалось в тесной связи с революционным насилием. Наиболее четко этот подход был сформулирован в середине 1920 г. Н.И.Бухариным в книге «Экономика переходного периода». Специальная глава книги была посвящена роли революционного насилия в переходную эпоху. В ней говорилось, что, разрушив оковы старого общества, революционное насилие создало новую форму – концентрированное насилие, воплощенное в государстве диктатуры пролетариата. В этом, по мнению Бухарина, проявлялась созидательная роль насилия. Чем больше эта сила, тем короче переходный период. «С другой стороны, это же «концентрированное насилие» отчасти обращается и вовнутрь, являясь фактором самоорганизации и принудительной самодисциплины трудящихся»⁷, – утверждал Бухарин. В отличие от марксистской теории Бухарин и, судя по одобрительным замечкам на полях книги, Ленин считали возможным применение насилия не только по отношению к эксплуататорским классам, но и к полупролетарским слоям и к пролетариату. Причем, этот тезис, как будет показано ниже, активно воплощался на практике.

Экономическая политика большевиков рассматриваемого периода формировалась не только на основе доктринальных установок, но и была связана с российскими государственными традициями и деятельностью предшественников, царского и Временного правительств. К тому же, экономический кризис, развивавшийся в странах-участницах I мировой войны, не только имел общую природу и картину проявления, но и объективно требовал примерно одинаковой схемы действий. Прежде всего, максимального усиления роли государства в производстве, в снабженческо-распределительной

сфере, в мобилизации трудовых ресурсов. В рамках этой программы пыталось действовать и правительство царской России. Главными инструментами регулирования были выбраны государственные заказы, фиксированные цены, ограничение свободы торговли, введение хлебной разверстки для военных закупок.

Временное правительство также было вынуждено начать свою деятельность с продовольственного вопроса. Законом от 25 марта 1917 г. «О передаче хлеба в распоряжение государства» вводилась монополия на хлеб⁸. Однако, непоследовательность и нерешительность в проведении всех этих мер привели к тому, что продовольственный кризис принимал все большие размеры, становясь важным политическим фактором в борьбе большевиков за власть. Как до Февральской революции, так и позже при отказе крестьян сдать хлеб применялись меры принуждения, вплоть до вооруженной силы. Временным правительством была также введена трудовая повинность для лесозаготовок. Прекращение заготовок, вывоза и сплава дров рассматривалось как уголовное деяние, и виновные предавались суду⁹.

Каким виделся путь выхода из экономического кризиса оппозиции, партии большевиков? Еще находясь в эмиграции, в марте 1917 г. Ленин предлагал «...осуществлять правильно и быстро разверстку хлеба и др. припасов, проводить в жизнь “всеобщую трудовую повинность”, которую французы называют теперь “гражданской мобилизацией”, а немцы “обязанностью гражданской службы”...»¹⁰. Осуществление этих мер предлагалось возложить на народную милицию, руководящая роль в которой, по мнению Ленина, обязательно будет принадлежать пролетариату. На Апрельской партийной конференции в качестве практически назревших шагов к социализму были названы национализация земли, установление государственного контроля над банками, объединив их в единый центральный банк, а также над страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами (Продуголь, Продамет и т.п.), проведение всеобщей трудовой повинности. По мнению Ленина, все эти меры технически можно было осуществить немедленно, не дожидаясь перехода всей власти к пролетариям и полупролетариям. Правда, возлагая их практическое проведение на советы депутатов, Ленин уже говорил о необходимости сознательного усвоения подавляющим большинством народа необходимости этих перемен, так что в итоге этот процесс никак не мог быть немедленным. Обращает на себя внимание и указание на то, что в регулировании своего собственного хозяйства через советы будут участвовать вооруженные массы рабочих и крестьян¹¹.

Как видно из этой программы, предложения большевиков, с одной стороны, не выходили за рамки госкапитализма (за исключением требования о национализации земли) и, с другой, совпадали с теми мерами, которые выдвигались логикой экономического развития. Эти же меры назывались и Временным правительством, и партиями народников и меньшевиков. Отвечая на риторический вопрос, в чем же различие между большевизмом и капиталистами вместе с их политическими сторонниками, Ленин писал в мае 1917 г.: «...программу “ужасного” большевизма приходится признать, ибо иной программы выхода из действительно грозящего, действительно ужасного краха быть не может, но... но капиталисты “признают” эту программу (см. знаменитый § 3 декларации “нового” Временного правительства) для того, чтобы не исполнять ее. А народники и меньшевики “доверяют” капиталистам и учат народ этому губительному доверию»¹².

Наиболее подробно ситуация экономического кризиса обсуждалась на VI съезде РСДРП(б), в августе 1917 г. В докладе В.П.Милютина об экономическом положении было констатировано, что катастрофа, о которой еще совсем недавно говорили как об угрозе, стала реальностью: финансовый крах с перспективой отказа от платежей по займам, сокращение производства, расстройство железных дорог. Запас хлеба в Петрограде на 10 дней, в других городах — не более чем на 20 дней. Положение с продовольствием было таково, что не исключалась перспектива голодных бунтов. Ответственность за сложившееся положение была возложена на Временное правительство, которое не приняло действенных мер в борьбе с хозяйственным развалом и потворствовало интересам предпринимателей. В финансовой области Временное правительство пошло только на увеличение поимущественного налога, не проводился контроль за производством, в области рабочего законодательства был разработан ряд законопроектов (биржи труда на паритетных началах, создание примирительных камер), но они не вносили ничего принципиально нового по сравнению с дореволюционным законодательством.

Исходя из того, что в ближайшее время у большевиков нет возможности получить государственную власть и проводить экономическую политику в интересах народных масс, Милютин делает вывод, что кто бы другой не осуществлял антикризисную политику будут неизбежны столкновения рабочих с властью. А задача большевиков превратить эти стихийные выступления в сознательное политическое движение против власти¹³.

Доклад Милютина и предложенный по нему проект резолюции вызвали оживленное обсуждение. Дважды председатель ставил на

голосование вопрос о закрытии прений и дважды он отклонялся большинством голосов. Прежде всего, выступавшие говорили об изменении обстановки по сравнению с апрелем 1917 г., когда партией были выдвинуты лозунги рабочего контроля и всеобщей трудовой повинности. По их мнению, в ситуации, когда побеждает контрреволюция, эти меры могут проводиться только при условии завоевания власти большевистской партией.

Полемизуя с Милютиным, Н.Осинский (будущий левый коммунист и первый председатель Президиума ВСНХ) высказал мнение, что «к моменту торжества контрреволюции у буржуазии будут меры для борьбы с разрухой». В отличие от Западной Европы, где с самого начала войны было гражданское перемирие, отечественная буржуазия не осмеливалась в обстановке классовой борьбы проводить непопулярные меры. Теперь же, получив власть, она «проведет всеобщую трудовую повинность в форме германской каторжной повинности. Поэтому сейчас нам даже опасно говорить об этом лозунге», — заявил Осинский¹⁴. Против введения трудовой повинности до установления диктатуры пролетариата выступили многие делегаты. В ряде выступлений прозвучала мысль, что к трудовой повинности надо подходить с точки зрения, каким классом она вводится. Если буржуазией — это каторга для рабочих, если пролетариатом — это мера социалистическая. «Но, с другой стороны, не нужно закрывать глаза на то, что после революции замечается значительное понижение производительности труда... Нам придется усердно пропагандировать идею повышения производительности труда, если его плодами пользуется сам народ», — говорилось в выступлении С.М.Закса¹⁵. Вот так упрощенно, двумя красками рисовалась картина вроде бы еще не близкого будущего. Но это было последнее столь широкое обсуждение экономической ситуации. И положения, зафиксированные в резолюции съезда, стали по существу первой экономической программой после победы в октябре 1917 г.

Реалии уже первых месяцев после прихода большевиков к власти потребовали срочного упорядочения анархической стихии, определения практических подходов к тем программным декларациям, которые провозглашались накануне. Такой план действий «по налаживанию правильной хозяйственной жизни страны» был обнародован В.И.Лениным в декабре 1917 г. на заседании Бюро ВСНХ. Участник этого заседания Н.Осинский назвал его «проектом всеобщей национализации производства». Ленин предлагал объявить собственностью государства все акционерные предприятия, оставив управление ими в руках бывших собственников, при этом, обязав их выполнять закон о рабочем контроле и еженедельно отчитываться перед местными

советами. Устанавливался жесткий контроль над деньгами богатых. Лица богатых классов обязывались содержать все деньги в банках, получая на личные нужды 100–125 руб. в неделю, для производственных нужд — по удостоверениям органов рабочего контроля.

В проекте был определен «денежный эквивалент» тех, кого следовало относить к богатым классам: собственность на сумму свыше 5 тыс. руб. или доход свыше 500 руб. в месяц. (В сохранившемся черновом наброске указывалась более высокая сумма стоимости недвижимости — свыше 25 тыс. руб.)¹⁶. Надо заметить, что указанный Лениным ежемесячный доход, пользуясь современной терминологией, скорее был характерен для среднего класса. Например, заработок знаменитого актера В.И. Качалова доходил до 1 тыс. в месяц.

Проектом предусматривалось также аннулирование внешних и внутренних займов, прикрепление всех граждан к потребительским обществам, осуществление чрезвычайных мер для подвоза продовольствия и топлива. На железнодорожные союзы и местные советы возлагалась борьба с мешочничеством. В сфере организации труда предлагалось ввести всеобщую трудовую повинность для граждан с 16 до 55 лет. В качестве первого шага по реализации трудовой повинности предлагалось ввести потребительско-рабочие или бюджетно-рабочие книжки, в которых еженедельно должны быть отметки о выполнении работ. «Иначе — “враги народа”, — добавлено в черновых набросках Ленина, а в качестве наказания — “отправка на фронт, принудительные работы”»¹⁷. (Как будто трудовая повинность — уже не принуждение). Перед рабочими и служащим национализированных предприятий ставилась задача укрепления дисциплины и повышения производительности труда под угрозой революционного суда. Таким образом, одним декретом предусматривались решительные действия почти во всех хозяйственных сферах.

После состоявшегося обсуждения Бюро ВСНХ отклонило этот проект. Конкретные доводы, высказанные на заседании, остались неизвестны (его протокол не сохранился), но, очевидно, что даже левые коммунисты во главе с Н.Осинским, составлявшие большинство в руководстве ВСНХ, не поддержали предложенных стремительных темпов строительства социализма. Вполне возможно, что, направляя свой проект в ВСНХ, Ленин предполагал произвести разведку боем, рассчитывая в зависимости от реакции определиться со сроками проведения включенных в него мер. Во всяком случае, все эти меры по отдельности были воплощены на практике в течение 1918 г.

Весной 1918 г. Ленин вновь возвратился к вопросам организации труда. 27 марта и 1 апреля он участвовал в заседаниях Президиума

ВСНХ, на которых обсуждался вопрос о трудовой повинности и трудовой дисциплине. В ходе обсуждения проекта Совета профсоюзов о трудовой дисциплине глава большевистского государства предложил ряд конкретных мер. Он считал необходимым установить сдельную оплату труда, по возможности, для всех производств, использовать систему Тейлора для поднятия производительности труда, публиковать отчеты о производительности труда на предприятиях, устроить группы контролеров из представителей различных профессий с привлечением инженеров, бухгалтеров, крестьян. По мнению Ленина, карательные меры за несоблюдение трудовой дисциплины должны были быть строже, чем при капитализме, вплоть до тюремного заключения¹⁸.

Законодательное закрепление положения о всеобщей трудовой повинности получило в Кодексе законов о труде 1918 г. Трудовой повинности подлежали все граждане в возрасте от 16 до 50 лет (а не 55-ти, как в проекте декрета, обсуждавшемся в ВСНХ), за исключением потерявших трудоспособность вследствие несчастного случая или болезни. В целом законодательство в области трудовых отношений отражало главную тенденцию большевистской политики — огосударствление всех функций по регулированию условий применения труда.

Труд в обмен на продовольствие

Государство стремилось взять под контроль и подчинить себе сложившийся рынок труда, устанавливая жесткие правила для обеих сторон: рабочей силы и работодателя. С начала 1918 г. во всех городах с населением не менее 20 тыс. человек были организованы биржи труда. В управлении биржами сначала принимали участие и предприниматели, но затем их вытеснили. Биржи собирали информацию о вакансиях, в обязательном порядке предоставляемую предприятиями, и регистрировали всех безработных. Причем, зарегистрированные посылались на предприятия в порядке очереди, без права предприятий самостоятельно брать на работу кого-либо.

Ситуация с рабочей силой довольно быстро менялась. В первой половине 1918 г. из-за массовой демобилизации, закрытия многих фабрик и заводов, перехода части из них на выпуск мирной продукции предложение значительно превышало спрос. Кроме того, на территории России находились иностранные рабочие азиатского происхождения: китайцы, корейцы, персы. Их труд как наиболее дешевый традиционно использовался в дореволюционное время. По сведениям отдела желтого труда, существовавшего в Наркомтруде,

весной 1918 г. их насчитывалось около 10 тысяч. К различным работам были привлечены и около 4 тыс. военнопленных¹⁹. По данным 72 бирж труда с января по апрель по всем группам производства было зарегистрировано 342448 безработных и 109582 вакансий, на работу было послано 85782 человека. Таким образом, на каждые 100 безработных приходилось 32 места²⁰.

Только на Петроградской бирже на 28 марта 1918 г. числилось 27396 безработных (по утверждению Петроградского Совета профсоюзов, это была лишь треть от действительного количества): в январе — 13298, в феврале — 8787 человек. При этом спрос на рабочую силу в феврале составлял 2840 человек, в марте — 3387. Биржа труда выдавала также разрешения на выезд. Всего было выдано 34979 билетов, из них 16978 для членов семей безработных. Наибольшее число выехало в Архангельскую (1702 чел.), Новгородскую (2840) и Псковскую губернии (около 8 тыс.)²¹.

По решению II съезда комиссаров труда, состоявшегося в мае 1918 г., функция перераспределения рабочей силы была возложена на организованный отделом рынка труда подотдел обмена излишками и распределения рабочей силы. Это был центральный орган, направлявший заявки в свои районные пункты. Так, с начала сентября по конец декабря 1918 г. в подотдел обмена поступило требований на 16714 рабочих, в том числе требование на 1750 человек для уральских заводов. Его выполнение было поручено Московскому райотделу обмена, который отправил за три недели 456 человек. В связи с военными событиями оставшаяся часть задания не была выполнена. Для Ижевских и Воткинских заводов, направивших требование на 5 тыс. рабочих, 11 отделами других районов было уже собрано нужное количество рабочих, но по той же причине отправка была приостановлена²². Часть требований не удовлетворялась из-за отсутствия средств передвижения и продуктов.

Сложившаяся система распределительных органов получила юридическое оформление в Положении об органах учета и распределения рабочей силы от 3 мая 1919 г. и к середине 1919 г. их насчитывалось свыше 300²³.

Безработица была не только объективным следствием разрушительных воздействий на экономику войны и революции, но и была связана с некомпетентностью, непродуманностью решений новой власти. Так, Д.Б.Рязанов считал, что безработица в Петрограде была отчасти вызвана паникой и бегством властей. Еще до образования Центроколлегии по эвакуации и разгрузке Петрограда (председатель А.Г.Шляпников) часть заводов уже была разрушена. Главное артиллерийское управление в целях "обезвреживания" промышлен-

ности приказало вывозить станки по частям. В случае невозможности вывоза было распоряжение, ломать и подкладывать под них фугасы.

Во второй половине 1918 г. из-за ухода рабочих в деревню и последствий военных действий в некоторых отраслях промышленности (деревообрабатывающей, строительной, транспортной, горнодобывающей) стал ощущаться недостаток рабочих рук. Так, в Арзамасском уезде Нижегородской губернии для работ в уезде не смогли найти 150 плотников и 200 мостовщиков. Тогда как до революции этот уезд являлся крупным центром отхожих промыслов строительных рабочих. Известно, что в 1914 г. около 12 тыс. его жителей ходили на заработки до Иркутска и дальше²⁴.

Начиная с 1919 г. все больше нарастает потребность предприятий в рабочей силе. По данным отделов учета и распределения рабочей силы на 100 безработных приходилось мест: в январе — 92,1; в феврале — 102,7; в марте — 101,8; в апреле — 126,2; в мае — 101,8; в июне — 116,1; в июле — 150,8; в августе — 107,0²⁵. По данным за 1920 г. на 100 безработных приходилось уже 167,8 мест. Провинциальные фабрики и заводы, как правило, вообще не работали в период сельхозработ из-за ухода рабочих в деревню.

«Служащие берут отпуска и во время отпусков отправляются в деревню в качестве поденных рабочих, где работают у крестьян на полях и ежедневно зарабатывают больше, чем получают жалованья за месяц, получают за свою работу плату мукой и прочими продуктами», — сообщалось в информационной сводке Пензенской губчека²⁶.

В связи с массовым бегством рабочих и служащих в деревню Исполком Петроградского совета рассматривал весной 1919 г. возможность прикрепления рабочих и служащих к их месту работы. В июле этого же года Совнарком обсудил проект практической регистрации поступления и увольнения советских служащих, представленный П.И.Поповым.

«Мне смешно, когда говорят о буржуазном саботаже, когда на испуганного буржуа указывают как на саботажника. Мы имеем саботаж национальный, народный, пролетарский»²⁷, — так оценивал ситуацию в производстве сторонник научной организации труда А.К.Гастев. Повсеместно упала производительность труда. Прогулы достигали до 50% рабочего времени, широко распространились хищения. «Для части рабочих кражи тканей — промысел и средство к существованию», — сообщалось, например, Смоленской губчека об итогах обысков на Ярцевской ткацкой фабрике. При выносе с фабрики было задержано 5 пудов краденой пряжи и 150 аршин суровых тканей. Еще около 300 аршин тканей и 10 пудов пряжи нашли

под станками в цехах²⁸. По подсчетам С.Г.Струмилина, реальный заработок рабочего в течение трех лет — с 1919 по 1921 г. держался на уровне 30% довоенного²⁹. Лишь пополнение его таким нелегальным способом позволяло как-то сводить концы с концами.

В 1917–19 гг. по всей цензовой промышленности валовая продукция на одного рабочего в год уменьшилась в два раза, а в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности — в 4,5 раза. Главной причиной лавинообразности этих процессов являлось резкое падение уровня жизни рабочих, вплоть до настоящего голода. Если в 1914 г. стоимость обычного для Петроградского чернорабочего набора продовольствия составляла 26,1 коп., в 1916 г. — 41 коп., в 1917 г. — 85,8 коп., то в 1918 г. с учетом покупки большей части продуктов на вольном рынке в среднем получались затраты в 20,5 руб. При этом средняя заработная плата в день росла следующим образом: в 1914 г. — 1 руб. 7 коп., в 1915 г. — 1 руб. 38 коп., в 1916 г. — 2 руб. 94 коп.; в 1917 г. — 5 руб. 33 коп., в 1918 г. — 11 руб. 20 коп. В Москве дневная заработная плата увеличилась с мая 1916 г. по январь 1918 г. с 2 руб. 75 коп. до 9 руб. А цены к апрелю 1918 г. выросли на 898%³⁰. Таким образом, заработная плата не обеспечивала питание даже самого работающего, не говоря о членах его семьи и других нуждах. Аналогичная ситуация была характерна и для других городов.

Отмечая значительное ухудшение материального положения рабочих к середине 1918 г., нарком труда В.П.Ногин подчеркивал: «...Надо совершенно определенно и ясно сказать, что это ухудшение произошло за последнее время, т.е. тогда, когда политическая власть была в руках рабочих»³¹. По его мнению, для того, чтобы обеспечить прожиточный минимум рабочим, и тем самым повысить производительность труда, нужно было перейти от денежной оплаты труда к оплате продуктами.

Основной формой натурализации заработной платы являлась выдача продуктов по карточкам. Карточная система распределения продуктов не была «изобретением» большевиков. Она ведет свое начало с августа 1916 г., когда в Москве начали распределять сахар по карточкам. Выдача по карточной системе главного продукта питания, — хлеба, имевшего большое политическое значение, началась лишь с момента Февральской революции, с 1 марта 1917 г. По мере нарастания продовольственного кризиса по карточкам стали распределяться все новые и новые продукты. Размер продовольственного пайка, выдававшегося по карточкам в августе 1917 г., по сравнению с послеоктябрьской действительностью, кажется сказкой: 1,5 ф. хлеба в день; 2,5 ф. сахара, 0,5 ф. крупы, 1,5 ф. жиров, 2 ф. мяса и

т.д. в месяц³². В такой ситуации на VI съезде РКП(б), проходившем в это время, говорилось о надвигающейся голодной революции. Для сравнения приведем нормы «усиленного забронированного пайка», на который с декабря 1919 г. были переведены рабочие группы оборонных заводов (всего 661 тыс. рабочих). Паек делился на три категории, в зависимости от продолжительности рабочего дня: 12 часов, 11 и 10 часов. По первой категории предусматривалась выдача 1,5 ф. хлеба и 60 золотников овощей ежедневно, по третьей — 1 ф. хлеба и 48 золотников овощей³³. На практике эти нормы в большинстве случаев не выполнялись. Положение даже этой части рабочих, снабжавшихся в первую очередь, дошло до такой черты бедствия, что в конце 1920 г. было признано необходимым, организовать срочно во всероссийском масштабе ряд недель помощи «бойцам передовых позиций хозяйственного фронта»: донецким шахтерам, рабочим соляных копей, нефтяных промыслов и других ударных производств. Причем, в помощь рабочим поступали и отчисления красноармейцев, деливших свои пайками.

«Ассортимент» продуктов и их количество сильно различались в пайках рабочих разных производств и регионов и зависел, в первую очередь, от положения с продовольствием. Так, весной 1919 г. в распоряжении Наркомпрода вместо необходимых 32 млн пудов хлеба имелось всего лишь 12–13 млн. С мест в ВЧК поступали тревожные сообщения, начинавшиеся такими словами: «продовольственный вопрос обостряется», «настроение населения тревожное на почве голода», «продовольственное положение критическое». Приводились и конкретные данные. Например, в секретный отдел ВЧК поступила информация, что во Владимирской губ. из 65 тыс. населения Вязниковского уезда 45 тыс. «не имеют никаких хлебных продуктов», а в Гороховецком уезде из 110 тыс. жителей голодало 90 тыс. Сообщения о голоде среди населения и происходящих на этой почве волнениях и восстаниях поступали из многих регионов страны³⁴. В свою очередь, в Москве и Петрограде на первых страницах газет, как сводки с фронта военных действий, ежедневно публиковались сообщения о продвижении маршрутных поездов с хлебом и о наличии его у продорганов. В этих условиях, чтобы как-то дотянуть до нового урожая, ЦК РКП(б) в апреле 1919 г. принял решение о введении единого трудового классового пайка³⁵. Он должен был уравнивать распределение продуктов между рабочими и служащими. В целях экономии предполагалось также снизить снабжение железнодорожников, доведя его до уровня других рабочих. Однако скудные продовольственные ресурсы, предназначавшиеся, в первую очередь, для военных нужд, не обеспечивали даже минимальных

потребностей населения³⁶. Поэтому рабочим приходилось самим изыскивать различные способы снабжения.

Среди санкционированных властью способов дополнительного получения продуктов главное место занимала деятельность продотрядов, формировавшихся предприятиями из своих рабочих. Они занимались сбором продовольствия в деревне независимо от продотрядов Наркомпрода и военного ведомства. Большим подспорьем в питании являлось также предоставление рабочим крупных городов земли, как под личные огороды, так и для организации подсобных хозяйств предприятиями. О масштабе этой деятельности свидетельствует тот факт, что руководил подсобными хозяйствами специальный орган ВСНХ — «Главное управление земледельческими хозяйствами промышленных предприятий республики», в который ежедневно поступали сведения о приписке земель. Так, по данным управления на 1 июня 1919 г. «для обслуживания продовольственных нужд индустриального пролетариата» было выделено около 62 тыс. десятин земли, из них Гомзе — 29,7 тыс., Центротекстилю — 6,3 тыс., Главбуму — 5,7 тыс. При этом для текстильной промышленности в самое ближайшее время предполагалось отвести еще 92,5 тыс. десятин земли. А, например, в распоряжении Казанбурга, известного среди современников щедростью своих пайков и в связи с этим упомянутого Борисом Пастернаком в «Докторе Живаго», в середине 1919 г. находилось 600 десятин земли³⁷.

Соотношение между продовольственным пайком и зарплатой, сложившееся к осени 1920 г., было в юмористической форме изображено в одном из парижских журналов в виде двух объявлений: «Продается изящная карманная коробочка для хранения месячного продовольственного пайка». «Ново! Удобно! Поместительная тачка с небольшим мотором для перевозки денег»³⁸.

В прямой зависимости от скудного продовольственного снабжения находился и уровень производительности труда. Причем, при исследовании влияния питания на работоспособность рабочих учитывалась каждая калория. Так, по данным бюджетных обследований, проводившихся в дореволюционной России, средняя суточная норма питания взрослого городского рабочего равнялась 3820 калорий. Физиологический минимум, т.е. затраты энергии только на поддержание жизнедеятельности организма, без работы, составлял 2300 калорий в сутки. При легкой работе рабочему среднего телосложения было необходимо получать не менее 2600 калорий ежесуточно, при средней — до 3100, а при тяжелой — не менее 3600. При этом сокращение пайка в 3100 калорий всего лишь на 10%, по подсчетам Северного областного комиссариата труда, приводило к тому, что

продуктивность труда падала до 61% по отношению к нормальной. А сокращение этого же пайка на 30% приводило к падению производительности труда до нуля³⁹. Однако, средняя зарплата петроградского рабочего по данным на май 1918 г. обеспечивала ему всего лишь 1900 калорий в сутки, из которых 1 тыс. давали продукты, купленные на вольном рынке. Чтобы смягчить этот колоссальный разрыв с до-революционным временем, С.Г.Струмилин в своих статистических подсчетах стал исходить из суточной нормы потребления, равной 2100 калориям. Эта «лукавая» цифра получилась благодаря учету выдач по врачебным рецептам, питания в общественных столовых, покупок продуктов по более низким ценам в провинции и т.п. Затем, исходя из того, что вес рабочих снизился с 70 до 50 кг, и выводя отсюда понижение физиологического минимума до 1850 калорий, он сделал вывод, что и при таком питании рабочий может давать 20% довоенной производительности⁴⁰.

В последующие годы по данным ЦСУ питание рабочих немного улучшилось. К началу 1919 г. суточная норма питания составила 2680 калорий, а спустя год — 2980 калорий. Вычтя из этих показателей величину физиологической нормы, Струмилин получил данные, что только вследствие недоедания производительность труда в 1919–1920 гг. должна была понизиться на 54%, а с учетом ряда показателей и того больше. Фактически же часовая выработка понизилась на 33–36%. «Это значит, что, в общем и целом, наш пролетариат работает даже лучше, чем ему позволяет его питание, работает за счет своих запасов здоровья, работает, постепенно истощая свой организм»⁴¹, — к такому выводу пришел известный статистик и будущее подтвердило его прогноз.

Падение заработной платы и жизненного уровня населения во многом было связано с объективными экономическими условиями, сложившимися после окончания I мировой войны. Не только в побежденной Германии, но и в странах-победительницах реальный уровень оплаты труда также упал более чем на 30%⁴². Но положение населения России продолжало ухудшаться под влиянием революции и Гражданской войны; когда все имевшиеся ресурсы, в большинстве своем произведенные еще при старой власти, направлялись для армии. А разжигание классовой ненависти приводило все к новым жертвам и углублению экономической разрухи.

Предпринимались попытки, рассмотреть категорию заработной платы и в теоретическом плане, с точки зрения марксизма. Исходя из учения Маркса, что труд одинаково присущ всем общественным формам, а заработная плата присуща только капитализму с его покупкой и продажей рабочей силы; делался вывод, что при отми-

рании товарного производства исчезнет и заработная плата. Так, основываясь на этом утверждении, лидер профсоюза металлистов А.З.Гольцман считал, что в условиях советской России зарплата как экономическая категория эволюционирует от особой формы дохода одного из классов буржуазного общества к форме сознательного общественного распределения. Проявление этого процесса он видел в натурализации заработной платы и в постепенном отмирании денежной системы, которая служила распределителем доходов в буржуазном обществе. По его мнению, для действительного приспособления товарообмена к производству необходимо было вводить не твердые цены, как считало большевистское руководство, а вообще ликвидировать их. Обосновывая это положение, Гольцман писал: «По мере того, как личный доход будет заменяться сознательным регулированием, деньги будут все больше и больше терять свое значение, и в результате, когда ни одного кусочка продукта нельзя будет получить иначе, чем по карточкам, деньги потеряют весь смысл и превратятся в кучки бумажек. Они отомрут. Вместе с ними отомрет и цена и человечество будет регулировать свое производство уже не слепую игрой конкуренции, руководствуясь повышением и понижением цен, а сознательной организацией производства и, что явится другой стороной того же самого распределения продуктов»⁴³. Курс на натурализацию заработной платы разделяло и руководство ВСНХ, а проблема безденежных расчетов обсуждалась еще в мае 1918 г. на I съезде совнархозов. II съезд совнархозов, состоявшийся в декабре 1918 г., принял решение о курсе на ликвидацию денег и натурализацию бюджета всюду, где можно было установить безденежные расчеты⁴⁴. Таким образом, реалии, продиктованные кризисом экономики, оценивались как достижения революции и практическое воплощение марксизма. В связи с этим примечательна характеристика особенностей изучения категории заработной платы, сформулированная одним из авторов в 1919 г.: «Сейчас мы переживаем момент общественного переворота. **Все общественные понятия, категории превращаются в «собственные противоположности».** Зарботная плата переживает такой же переворот. Поэтому все исследования, касающиеся **последних дней ее существования**, [выделено мной. — Л.Б.] приобретают большой интерес и ценность»⁴⁵.

На практике абстрактно-экономические рассуждения Гольцмана выливались в его выступления против повышения зарплаты. Свою позицию он неоднократно высказывал и в печати, полемизируя с Ю.Лариным. Абстрагируясь от полуголодного положения рабочих, он считал, что если зарплата будет в точности соответствовать ценам продуктов, выдаваемых по карточкам; то возможности покупки

дополнительных продуктов на вольном рынке уже не будет. А значит, будет ликвидирована спекуляция. Реализация утопии Гольцмана привела бы не только к потере трудоспособности, но и смерти рабочих. Невозможно было прожить на восьмушку хлеба и три селедки, которые составляли карточную выдачу рабочему в Петрограде, да и то при самом благоприятном стечении обстоятельств. Тем не менее, несмотря на очевидную оторванность позиции Гольцмана от реальности, она имела и своих сторонников. Так, намерение Совнаркома повысить осенью 1918 г. тарифные ставки в Москве и Петрограде в связи с повышением твердых цен было встречено протестом ЦК Всероссийского союза металлистов. Сделано это было не без влияния входившего в его состав Гольцмана. В докладной записке, направленной в Совнарком и Президиум ВСНХ, говорилось, что в повышении тарифов профсоюз видит проявление не классовой пролетарской точки зрения, которая должна совпадать с интересами индустриального развития страны, а старых цеховых традиций. Наоборот, руководство профсоюза, исходя из хозяйственного положения, считало правильным понизить реальную зарплату до физиологического минимума потребления. «При таком условии не может быть никаких оправданий попыткам повысить зарплату до уровня довоенного потребления»⁴⁶, — заявили лидеры профсоюза. По всей видимости, в такой крайней форме у некоторой части строителей социализма проявлялся эмоциональный подъем, героизация действительности, ощущение больших перспектив в созидании нового общества и стремление как можно скорее достичь поставленной цели⁴⁷. Однако большинство партийных и профсоюзных лидеров, в целом находившиеся на этой же эмоциональной волне, более реально оценивали ситуацию «на трудовом фронте», да и Гольцман в последующие годы не возвращался к этой идеалистической позиции.

Признавая необходимость незамедлительного повышения производительности труда, руководители профсоюзов делали ставку, в первую очередь, на введение сдельной оплаты труда, заинтересовывающую рабочих в более интенсивной работе, и премирование. При этом подчеркивалось и значение повышения сознательности и культурного уровня рабочих, однако, отмечалось, что это очень длительная работа⁴⁸. «Уровень самосознания большинства пролетариата еще не настолько высок, — признавалось в печати, — чтобы большинство считало себя в отдельности (чтобы каждый считал себя) как бы винтиком единого механизма в виде всего хозяйственного аппарата страны. В такой обстановке приходится больше рассчитывать не на самосознание масс, а на особые стимулы, извне приходящие и более возбуждающие волю каждого из трудящихся,

чем идеалы социалистического строительства или экономическое процветание государства в целом»⁴⁹.

Главным стимулом организации производства в этот период являлось снабжение рабочих и служащих продовольствием. Промышленные предприятия были классифицированы по четырем группам: ударные, работающие, остановленные и ликвидированные. Для того чтобы наладить работу, хотя бы ключевых отраслей промышленности, добычи топлива и транспорта, имевшиеся скудные ресурсы сосредотачивали на наиболее технически оснащенных предприятиях, которые и получили название ударных. Их деятельность была нацелена на выполнение специально разработанных для них производственных программ. Ударные предприятия в первую очередь должны были снабжаться топливом, сырьем, продовольствием и даже денежными знаками, наравне с военной промышленностью. Не менее сложной задачей было обеспечение их рабочей силой. Необходимый персонал предоставлялся в порядке мобилизаций. Квалифицированные рабочие, инженеры и техники изымались из предприятий и учреждений, в которых они работали не по специальности. Рабочие ударных предприятий получали усиленный «продфазтоповский» паек и премии натурой, а в случае милитаризации, как, например, ударных предприятий, работавших на транспорт, — красноармейский паек. В конце 1919 г. была даже составлена особая смета на снабжение продовольствием 750 тыс. рабочих, крайне необходимых для выполнения основных работ, но она не была реализована⁵⁰.

По решению IX съезда РКП(б) наряду с ударными стали создаваться и образцовые предприятия. Предполагалось, что они будут служить примером организации производства для отрасли в целом, а возможно и всей промышленности. Также как ударные, они должны были снабжаться всем необходимым в первую очередь. О большом значении, придававшемся работе образцовых предприятий, свидетельствовало и то обстоятельство, что политическая работа на них проводилась под контролем ЦК партии. На образцовых предприятиях должна была быть и образцовая партработа. Для ее организации командировались лучшие партработники, а при направлении рабочей силы предписывалось посылать как можно больше коммунистов. Содействовать производственной работе образцовых предприятий были призваны различные ведомства: в первую очередь, ВСНХ, а также Наркомпрод, Наркомтруд, Наркомздрав, Главпрофобр и др. В обязанности Наркомпрода, например, входил контроль за снабжением образцовых предприятий продовольствием, о чем он должен был регулярно отчетываться перед Советом

Обороны. Организация образцовых предприятий проводилась в условиях катастрофического состояния экономики. «Кризис топлива, сырья, транспорта, промышленности, живой рабочей силы. Особенно квалифицированных рабочих. Мы не можем использовать некоторые предприятия даже при наличии топлива, наличии сырья из-за отсутствия рабочей квалифицированной силы»⁵¹, — говорилось в докладе А.И.Рыкова на III съезде совнархозов. Последний фактор в наибольшей степени тормозил включение предприятий в число образцовых. При таком кадровом голоде на партийность рабочих уже никто не обращал внимания. Списки образцовых предприятий в соответствии с насущными хозяйственными приоритетами составлялись в ВСНХ, а затем утверждались в ЦК РКП(б)⁵².

Пополнение числа образцовых предприятий происходило и за счет изменения статуса ударных. Так, в августе 1920 г. для экспериментального изучения образцовой постановки производства некоторое количество ударных предприятий было преобразовано в образцовые⁵³. Наряду с благоприятными условиями снабжения на них предполагалось ввести строгую дисциплину, образцовые дисциплинированные кадры, образцовый учет и хорошо поставленную партийную работу. При этом также в порядке опыта вводилась система Тейлора.

О реальном положении ударных и практически не отличавшихся от них образцовых предприятий можно судить по выступлениям на съезде представителей группы ударных заводов по восстановлению транспорта (24–28 июня 1920 г.)⁵⁴. На съезде обсуждался ход выполнения ударной программы, разработанной для этих заводов. При этом констатировалось, что имеющееся техническое оборудование позволяет выполнить намеченные задания, но при условии достаточного обеспечения топливом, металлом, смазочными материалами, фуражом, одеждой и обувью для рабочих. Выступавшие представители заводов, в том числе и Гомзы, обращали также внимание на множество организационных проблем, мешавших успешной работе. Они говорили о необходимости предоставить заводоуправлениям свободу действий для организации продуктивной работы, интенсификации труда, уменьшения прогулов и простоев техники, а также о возможности использования подрядного принципа организации работы и свободного рынка для экстренных закупок. Многие выступавшие отмечали недостаток рабочих и служащих, причем называли точные цифры вплоть до единиц. Например, для заводов Гомзы были необходимы дополнительно 9573 квалифицированных рабочих, 6027 неквалифицированных и 469 служащих. Предлагалось также, создать натуральный фонд для премирования и отменить «потолок» зарплаты при сдельной работе⁵⁵.

О масштабе распространения принципа ударности дают представление следующие данные, прозвучавшие на III съезде совнархозов: в начале 1920 г. из 4 тыс. национализированных предприятий работало только около 2 тыс., остальные были закрыты. К концу 1920 г. насчитывалось 1716 ударных и 27 образцовых предприятий в различных отраслях тяжелой и легкой промышленности. Таким образом, получается, что подавляющее большинство работавших предприятий было переведено на режим особого благоприятствования. Естественно, что такое количество «привилегированных» сводило на нет принцип ударности, так как имевшихся ресурсов катастрофически не хватало. Кроме того, в ноябре 1920 г. началось выделение ударных и среди учебных заведений системы профтехобразования, что также требовало дополнительных ресурсов.

Борьба за трудовую дисциплину

Проблема повышения производительности труда, являвшаяся одной из главных экономических задач постреволюционного периода, была неразрывно связана и с уровнем заработной платы и с условиями и организацией трудового процесса. Свою положительную роль должны были сыграть научная организация труда и введение сдельной системы работы, премирование рабочих, но, в конечном счете, все эти меры означали интенсификацию труда истощенных рабочих и поэтому, зачастую, наталкивались на их сопротивление. В то же время уравнительность заработной платы, невозможность прожить на нее не создавали у рабочих заинтересованности в своем труде. Отсутствие экономических стимулов не могло постоянно компенсироваться революционной романтикой. «...Где нет снабжения без перебоя, где рабочие не уверены в том, что завтра его семья получит хлеб, он обеспечивает себя и семью тем, что достает продовольствие везде и где угодно. Этим определяется невероятно высокий процент прогулов на фабриках, где нерегулярно получается хлеб. Есть большие заводы, где прогулы достигают 40 и даже 50%»⁵⁶, — говорилось в выступлении А.И.Рыкова в конце 1920 г.

Не оказали заметного влияния на укрепление трудовой дисциплины и правила внутреннего распорядка, принимавшиеся на национализированных предприятиях в первые месяцы после революции. Старая дисциплина труда рухнула вместе со всем дореволюционным укладом жизни, а для создания новой государство избрало вполне логичный для большевистских представлений путь запугивания и

принуждения. При этом у некоторых лидеров иногда появлялось ощущение, что не все правильно в проводимом экономическом курсе. Так, на экстренном совещании членов Президиума ВСНХ, руководителей главков и профсоюзов, созванном в октябре 1919 г. в связи с наступлением А.И.Деникина, член Президиума ВСНХ А.Ломов назвал хозяйственную политику «государственным хищничеством и спекуляцией», а Рыков заявил: «Кризис, переживаемый нами, есть кризис всей финансово-экономической организации Советской власти. Если бы Деникин теперь был не у стен Москвы, а далеко за Харьковом, кризис был бы также ярко выражен»⁵⁷.

Ленин неоднократно высказывался за введение «самых решительных и драконовских мер поднятия дисциплины и самодисциплины рабочих и крестьян», за создание специальных промышленных судов. А в тезисах по текущему моменту, написанных им в связи с проведением хлебной монополии, специальный пункт гласил: «Ввести расстрел за недисциплину». В понимании Ленина задача установления трудовой дисциплины была тождественна установлению трудовой повинности. Ее отличием от трудовой повинности в применении к богатым являлось лишь то, что не было необходимости регистрировать представителей трудящихся, так как труд был единственным источником их дохода. Анализируя причины победы в Гражданской войне, Ленин откровенно говорил, что новая дисциплина держалась на революционном насилии, и ставил перед ЧК задачу, стать орудием проведения такой дисциплины в мирное время⁵⁸. О необходимости введения строгой классовой дисциплины и установления минимума выработки для каждого рабочего публично заявлял и Рыков⁵⁹.

Под эгидой профсоюзов создавалась специальная система органов, призванных действовать внутри рабочей массы, добиваться соблюдения трудовой дисциплины и поднятия производительности труда. С этой целью весной и летом 1918 г. были организованы первые рабочие дисциплинарные суды. Они имели право вынести выговор, перевести на работу низшей категории, объявить бойкот, уволить с фабрики. Налагаемые наказания в немалой степени носили морально-воспитательный характер. Так, в зависимости от степени вины выговор мог быть объявлен на собрании профкома, на общем собрании всего предприятия или опубликован в печати. В качестве меры наказания использовалось также увольнение на различные сроки (от 3 дней до 3 месяцев) с сохранением или без сохранения места работы. А чтобы помешать поступлению уволенного на другие предприятия города и окрестностей, об увольнении сообщалось в печати и во все рабочие организации. В качестве наказания исполь-

зовалось и временное или бессрочное исключение из членов профсоюза с объявлением в печати⁶⁰. Однако, нарушений дисциплины было такое количество, что мог пройти год, прежде чем нарушитель получал свое наказание. К тому же организация этих судов не была обязательной и поэтому не охватывала всех предприятий.

Неэффективность работы по укреплению трудовой дисциплины привела к тому, что осенью 1919 г. ВСНХ и ВЦСПС было разработано новое положение о дисциплинарных судах, принятое Совнаркомом 14 ноября 1919 г.⁶¹ Необходимость ужесточения мер воздействия на рабочих была связана, в первую очередь, с интересами Военного ведомства. В связи с поставленной в это время задачей увеличения численности армии необходимо было одновременно поднять производство вооружения и боеприпасов. Однако многие заводы военной промышленности в силу различных причин работали только по 3–4 часа в день, а возможные дисциплинарные взыскания не давали положительных результатов для повышения производительности труда. Как отмечалось докладчиком о рабочих дисциплинарных товарищеских судах на пленуме ВЦСПС 30 октября 1919 г. Орловым, чрезвычайным комиссаром патронных и оружейных заводов приходилось на практике принимать драконовские меры, так как способы морального воздействия не приносили результатов. Выражая точку зрения Военного ведомства, он заявил, что не время думать о морали, а надо профсоюзам самим выработать такие меры наказания, которые бы обеспечили введение 12-часового рабочего дня. Содокладчиком от Президиума ВЦСПС выступил Полонский. Обосновывая необходимость введения дисциплинарных судов, он сказал, что все способы поднятия производительности труда — введение сдельной и премиальной систем оплаты, моральное воздействие — уже исчерпаны, поэтому и встал вопрос о судах. При этом Полонский предложил выбрать из двух зол меньшее. Если военные организации установят на заводах военную диктатуру, то профсоюзы потеряют поле своей деятельности. Если же профсоюзы поддержат организацию дисциплинарных судов, то через репрессии против отдельных наиболее злостных элементов смогут воздействовать на широкие массы рабочих. Примечательно, что Полонский предложил считать злостных нарушителей трудовой дисциплины нетрудовыми элементами, «приклеив» им политический ярлык «проникших из чужого лагеря», «завербованных из разорившихся лавочников, кулаков и буржуазных элементов». Тем самым он выразил стремление профсоюзного руководства отмежеваться от неудобной части членов профсоюзов, которые не вписывались в принятый политический курс. «Мы их со спокойной

совестью, как прежних штрейкбрехеров, как нетрудовой элемент передадим в концентрационный лагерь»⁶², — заявил Полонский.

Именно пункт о праве дисциплинарных судов среди прочих мер наказания направлять в концлагеря вызвал наибольшие споры при обсуждении проекта. Следует отметить, что к репрессивным методам укрепления трудовой дисциплины, в том числе и в милитаризованных отраслях, большинство руководящих профработников относились отрицательно, считая, что они не нужны и только приведут к недовольству рабочих и служащих⁶³. Однако в данном случае среди высшего руководства победили сторонники ужесточения наказаний. Один из выступавших, отвечая на упреки в адрес чека, обосновал необходимость этой меры с той же позиции, что и Полонский: «Мы дурные элементы садим в концлагерь. Мы должны сказать рабочему, что ты до тех пор рабочий, пока дисциплинирован. С момента, как он перестает быть рабочим, с ним покончены расчеты. Здесь ничто нас удерживать не должно. Нечего прятаться. Чрезвычайная комиссия не есть орган буржуазный, поставленный над рабочим классом. Мы знаем, что лучшие представители рабочего класса работают в чрезвычайной комиссии»⁶⁴.

Д.Б.Рязанов, поддерживая в принципе организацию дисциплинарных судов, выступил против направления в концлагерь как меры наказания. По его мнению, профсоюзы не должны были подменять судебные органы и использовать правовые нормы, применявшиеся к нетрудовым элементам. Он видел в дисциплинарных судах защиту рабочих от более суровых военного и чрезвычайного судов. Единственным противником принятия этого проекта в целом был представитель союза металлистов Б.Г.Козелев. Он заявил, что принятие положения нанесет удар по авторитету профсоюзов, так как такие меры могли применяться только при капитализме, а в сложившихся условиях дисциплинарными судами производительность труда не поднять. «Если мы чувствуем, что мы абсолютно бессильны морально воздействовать на рабочие массы, этими судами при тех обстоятельствах, при которых приходится работать рабочим, достигнуть ничего нельзя, паче чаяния из рабочего можно выкачать столько, сколько имеется при известных условиях»⁶⁵, — так объяснил свою позицию Козелев.

Продолжавшаяся Гражданская война, военные и трудовые мобилизации, малочисленность профработников привели к тому, что процесс организации судов растянулся на многие месяцы. Даже спустя год после принятия положения от 14 ноября 1919 г. организация дисциплинарных судов во многих губерниях была далека от завершения. А действовавшие суды, как, например, в Томской губернии, «не в достаточной мере прониклись пониманием задач, перед ними

стоящими»⁶⁶. Но были и первые успехи. Так, через дисциплинарные суды профсоюза металлистов Рыбинского района к июню 1920 г. прошло 800 человек, из которых около 20 человек были приговорены к строгим наказаниям⁶⁷. По мнению рыбинских профработников, этими мерами удалось уменьшить число прогулов среди металлистов. На этом фоне наиболее активно организация дисциплинарных судов проходила в столицах. К концу 1920 г. в Петрограде было организовано 22 дисциплинарных суда, которые рассмотрели 4095 дел⁶⁸. А в Москве к этому времени суды работали при всех 20 губотделах профсоюзов, но темпы их организации были такими же неспешными, как и в провинции. Около половины московских губсудов были организованы в течение сентября – декабря. За год они рассмотрели 5182 дела⁶⁹. При этом наибольшее количество дел относилось к членам союза металлистов. Это объяснялось тем, что союз металлистов наиболее активно вел борьбу с нарушителями трудовой дисциплины и вообще выделялся среди других отраслевых союзов своей организованностью. По имеющимся неполным сведениям о приговорах московских дисциплинарных судов за 1920 г. наибольшее количество нарушений составляли прогулы и опоздания – 55%, хищения – 15,3%, недобросовестное отношение к обязанностям – 9,1%, нарушение правил внутреннего распорядка – 7,6%, неподчинение распоряжениям руководящих органов – 4,7%, самовольное оставление службы – 2,3%, оскорбление должностных лиц – 0,8%, злоупотребление служебным положением – 0,5%. При этом 11,9% обвиняемых были оправданы. Что касается приговоров суда по этим нарушениям, то из 2871 осужденного 750 человек должны были отработать свои прогулы сверхурочно и в праздничные дни, 602 человека получили выговоры, 398 были приговорены к принудительным общественным работам, 157 лишились премии и части жалования, 51 человек был направлен в концлагерь⁷⁰.

В целом деятельность дисциплинарных судов из-за медлительности в их организации, а главное под влиянием кризисных явлений в профдвижении, оказалась малозаметной. И хотя ЦК отраслевых профсоюзов постоянно запрашивали информацию с мест и на всех своих съездах профработники говорили о роли дисциплинарных судов в налаживании трудовой дисциплины, но конкретных результатов так и не было обнародовано. Поэтому не случайно, выступая на объединенном заседании фракций VIII съезда Советов, ВЦСПС и МГСПС 30 декабря 1920 г., Ленин сказал: «Дисциплинарные суды мы все забыли...». А напомнили о них тезисы доклада Я.Э.Рудзутака, написанные к V профконференции, уже после упоминавшегося выше обсуждения проекта положения о дисциплинарных судах. В тезисах,

в частности, говорилось о необходимости профсоюзам взять в свои руки борьбу с трудовым дезертирством (прогулами, опозданиями), превратив дисциплинарные суды в действенное средство в этой борьбе. «Когда я прочитал в тезисах т. Рудзутака о дисциплинарных судах, я подумал: наверное, уже есть декрет об этом. И оказалось, что декрет есть»⁷¹. По этому поводу Троцкий пошутил: «Ленин вспомнил о главном стороннике демократии — о дисциплинарных судах»⁷².

На практике борьба за трудовую дисциплину велась более жесткими методами, на которые профсоюзы, как все-таки демократические организации, были не способны. Ее проводили военные органы, устанавливавшие свои правила на милитаризованных предприятиях, вплоть до введения солдат на их территорию. Особый карательный характер носило поддержание дисциплины на транспорте. Об одном из таких фактов, в частности, сообщалось в «Правде» 4 сентября 1920 г. В газете говорилось о том, что на Ростовском железнодорожном узле в качестве наказания за прогулы 46 человек были отправлены в лагеря принудительных работ и 47 — в штрафные роты.

Использовался и такой мобилизующий фактор как выдача продовольствия. Так, в качестве меры повышения трудовой дисциплины съезд политкомиссаров Подмосковского угольного бассейна, состоявшийся в декабре 1920 г., принял решение выдавать продовольственные пайки только тем рабочим, у которых выполнена норма выхода. В соответствии с этим решением Управление Бобриковских копей довело до сведения забойщиков, «что для них обязательны и норма выходов и норма производительности одновременно и, если будет выполнена норма производительности, но не будет хватать хотя бы одного дня до нормы выходов, паек выдаваться ни в коем случае не будет»⁷³. А в ответ на протесты со стороны отделения союза горнорабочих рудоуправление сообщило, что издание приказа вызвано неспособностью дисциплинарного суда привлечь к ответственности прогульщиков. Кроме того, было заявлено, что выдавать пайки неработающим рудоуправление считает преступлением против кодекса законов о труде, а в издании приказа видит пока единственный способ борьбы с прогулами. В данном случае обращает на себя внимание не только избранная мера воздействия на нарушителей, но и некоторая запоздалость ее проникновения в массы. Ведь еще весной 1920 г., когда продумывался переход к мирной жизни, Ленин уже сформулировал ее следующим образом: «В число мер для повышения дисциплины и производительности труда должны войти понижение пайка для неисправных и т.п.»⁷⁴

Еще одним важным фактором, позволявшим поддерживать трудовую дисциплину пока шли военные действия, являлся страх

военнообязанных быть отправленными на фронт, что неминуемо следовало за увольнением с милитаризованных предприятий.

Чрезвычайные меры на транспорте

С конца 1918 г. началась милитаризация отдельных отраслей, работавших на военные нужды. Первыми военно-принудительные меры организации работы были испробованы на железнодорожном транспорте. Декретом СНК от 28 ноября 1918 г. он был переведен на военное положение, а железнодорожники объявлены мобилизованными, оставаясь на своих рабочих местах.

В феврале 1919 г. для политического руководства и проведения партийной линии на транспорте в качестве временного органа был учрежден Главполитпуть (Главный политический отдел НКПС), работавший непосредственно под руководством ЦК РКП(б). Это был чрезвычайный орган, подчинивший работу транспорта всецело задачам военного времени. Партийное руководство на местах осуществлялось через политотделы дорог, участков и т.д., имевших права партийных организаций. Главной фигурой, обладавшей огромной властью, становится фигура политкомиссара. По сети железных дорог действовали около 3 тысяч комиссаров. «И на каждые 4 вагона, которые грузятся в течение суток, имеется комиссар», — не без ехидства говорил Рыков. Первое время их деятельность сочеталась с работой профсоюзно-общественных органов, в том числе с работой дисциплинарных железнодорожных судов, организация которых началась в соответствии с декретом от 17 апреля 1919 г.⁷⁵ Дисциплинарные железнодорожные суды были правомочны наказывать за прогулы, исполнение в рабочее время частных заказов, за фиктивные заболевания.

Пока шла организация этих судов, некоторые руководители проявляли собственную инициативу в борьбе с прогулами. Так, Управлением Сызрано-Вяземской железной дороги, в цехах и службах которой прогулы доходили до 50%, в июле 1919 г. были организованы бюро по борьбе с прогулами. «Помня, что железные дороги тот же самый фронт, где должна быть также революционная дисциплина», управление предписало всем комиссарам, районным и участковым транспортным чека, местным профсоюзным органам срочно организовать из собственного состава участковые бюро по борьбе с прогулами⁷⁶. Было объявлено, что отныне прогульщики будут наказываться арестом и отправкой на месяц в концлагерь с

обязательной ежедневной трудовой повинностью. А фамилии прогульщиков будут объявляться для всеобщего сведения. Такая же мера наказания ожидала врачебный персонал за выдачу фиктивных бюллетеней и отпусков по болезни. Надо отметить, что борьба с отпусками по болезни была развернута самым серьезным образом по всей сети дорог. Всем комиссарам и политотделам специальным циркуляром было предписано направлять сомнительных больных для переосвидетельствования не куда-нибудь, а в особый отдел ВЧК. В свою очередь, для ужесточения контроля над медиками особому отделу было предоставлено «право безапелляционного переосвидетельствования» медперсонала в Москве (врачей, ветврачей, фармацевтов, зубных врачей и сестер милосердия)⁷⁷. А в соответствии с Временными правилами об отпусках по болезни железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих, опубликованными 24 июля 1919 г., отпуск по болезни предоставлялся специальной комиссией. В ее состав, кроме двух врачей, входили также представитель профсоюза, однородной профессии с освидетельствуемым, и представитель администрации. Совершенно очевидно, что при таком составе мнение «буржуазных спецов» не играло решающей роли, а отстаивание его могло стоить жизни. А вот как на практике осуществлялась работа врачей: «во всех приемных покоях и при врачах поставлен контроль сознательных товарищей, которые парализуют прогулы и шкурничество», — сообщалось с Волго-Бугульминской дороги⁷⁸.

Уже в начале августа «инициатива» Сызрань-Вяземской дороги была обсуждена руководством Всепрофсожа (Всероссийского профсоюза рабочих и служащих железнодорожного транспорта) и получила резко отрицательную оценку. «...Созданием Временного Бюро с карательными функциями коренным образом нарушаются Положения как о народном суде, так и железнодорожных дисциплинарных судах, — отмечалось в отношении, направленном политкомиссару дороги (копии — в Наркомпуть, Главполитпуть, ВЧК, Учкпрофсожу Сызрано-Вяземской дороги). — Такого рода посягательство на компетенцию нормальных органов правосудия и создание чрезвычайных судилищ могло иметь место единственно при том условии, если бы с неопровержимостью было доказано, что ни Народные, ни Дисциплинарные суды не справляются с лежащими на них задачами и проявляют свою несостоятельность»⁷⁹. Данные поступавшие с мест, по мнению профсоюзного руководства, свидетельствовали о том, что железнодорожные дисциплинарные суды вполне дееспособны и выполняют свои задачи. Положительная оценка их деятельности, данная ВЦСПС, являлась, кстати, одним из доводов в пользу организации дисциплинарных судов в промышленности.

Осталось неизвестным, что послужило причиной, но еще до получения протеста Всепрофсожа, бюро по борьбе с прогулами были распущены. Правда, идея создания дополнительных органов к уже имевшимся была очень живуча. Так, в марте 1920 г. специальные комиссии по борьбе с прогулами были организованы на Московско-Казанской железной дороге⁸⁰.

Более серьезные проступки рассматривались реввоенжелдор-трибуналами, созданными в соответствии с постановлением от 15 декабря 1919 г. при каждом управлении железной дороги⁸¹. Под трибунал отдавали не только за дисциплинарные проступки (прогулы, неисполнение приказа вышестоящего начальника и т.п.), но и за производственные нарушения. Например, за плохую сцепку вагонов, неполное использование мощности паровозов и т.п. В качестве обвинения могла фигурировать и такая сугубо экономическая категория как падение производительности труда. Так, например, в июне 1920 г. трибуналом было рассмотрено дело о падении производительности труда в Тульских железнодорожных мастерских⁸². Перед трибуналом предстало 34 человека, среди которых были служащие разного уровня, инженер, два техника, мастер, врач, два милиционера и несколько рабочих. На скамье подсудимых оказались и высшие должностные лица — комиссар мастерских и заврайполит. Они были приговорены за бездействие к трем годам исправительных работ. К такому же наказанию был приговорен врач «за неправильную выдачу бюллетеней». Значительно более строгое наказание, 10 лет принудительных работ под стражей, получили техник и один из рабочих, обвинявшиеся в прогулах с целью спекуляции. На такой же срок был осужден и один из милиционеров всего лишь за то, что не явился на дежурство и самовольно уехал в деревню. 13 человек за прогулы были приговорены к принудительным работам без содержания под стражей на срок от одного до трех лет, а четверо рабочих были оправданы. При этом всему составу Управления Южной железной дороги было поставлено на вид отсутствие с их стороны должного руководства Тульскими мастерскими.

В ряду наиболее массовых и неискоренимых в связи с тяжелым положением с продовольствием «преступлений» являлся провоз продуктов. Например, за провоз в багажном вагоне нормированных и ненормированных продуктов группа багажных артельщиков была признана виновными в корыстном использовании желдортранспорта и приговорена к общественным принудительным работам на один год⁸³. Отметим, что в период Гражданской войны все составы, в том числе и особые литерные, в обязательном порядке осматривались для выявления продуктов, провозимых сверх разрешенных норм.

Таким образом, предпринимались безуспешные попытки пресечь поставки товаров для теневой торговли. При этом, как правило, ответственные работники, гражданские и военные, не разрешали осматривать свои вагоны, оскорбляли и угрожали оружием контролерам из заградительных отрядов, а иногда и арестовывали их. Исполнение рутинных служебных обязанностей воспринималось этими «товарищами» как личное унижение и оскорбление и было ничем иным как проявлением комчванства, поразившем партийные ряды. Так, например, для освобождения арестованных Н.Осинским сотрудников транспортной чека в связи с попыткой осмотреть его вагон понадобилось вмешательство Дзержинского.

Агрессивное поведение в ряде случаев диктовалось еще и тем, что «хозяева» вагонов, зачастую, везли продукты вне всяких норм, беззастенчиво пользуясь своим служебным положением. Так, несмотря на сопротивление со стороны члена РВС С.И.Гусева, все же был произведен осмотр его поезда на ст. Хоботово 20 марта 1920 г. В результате около колес были найдены окорока, а в вагоне — корзина со спиртными напитками, мука, сельди и множество других продуктов⁸⁴. Еще более вопиющий случай произошел на ст. Воронеж в мае 1920 г. Перед Пасхой, в то самое время, когда у населения заградительные отряды отбирали соль свыше 2–3 фунтов и яйца свыше 3–4 десятков, штабом 2-й трудармии были привезены ящики вина, закуски, белая мука. Все эти продукты заняли пять подвод. Для того, чтобы ввезти их в город без огласки, было сделано распоряжение о снятии заградительного отряда, но по роковой случайности оно запоздало. И в момент выгрузки перед подводами с продуктами появился заградительный отряд, а вскоре подоспели еще и чекисты. Однако перед усиленным вооруженным конвоем, сопровождавшим подводы, они были бессильны⁸⁵.

А вот как происходило празднование Пасхи в экстренном поезде члена Президиума ВСНХ, известного специалиста в области железнодорожного транспорта Ю.В.Ломоносова. Специальное лицо оповестило всех едущих в поезде, что в момент наступления Пасхи будет салют из пулеметов и третьим салютом все приглашаются к столу. «Не буду описывать обед, — сообщал очевидец, — скажу лишь, что такие обеды были редки даже в давние времена»⁸⁶. Слух обедающих услаждался игрой на гитарах, балалайках и хроматической гармонии. Многие из подобных фактов рассматривались на заседаниях Оргбюро ЦК партии. О том, что облик борцов за социализм был далеко не безупречен, есть также документальное свидетельство Л.Мартова. В письме Б.Щупаку от 15 декабря 1920 г. он «порядочно отделал» видных большевистских лидеров Л.Б.Каменева,

К.Б.Радека, А.И.Рыкова, М.П.Томского, А.Г.Шляпникова и братьев Садуль за то, что они питались несоразмерно со своими официальными пайками. Похвалу за скромность в этом же письме получили Н.И.Бухарин, А.И.Балабанова и Г.В.Чичерин⁸⁷.

В конце концов, Оргбюро постановило запретить осматривать поезда ответственных работников. Однако были особые случаи, когда по соображениям государственной важности все же досмотр проводился, не взирая на лица. Один из них был связан с поездом командующего Туркестанским фронтом М.В.Фрунзе. Он прибыл в Москву 20 сентября 1920 г. после завершения Бухарской операции и был встречен на вокзале отрядом ВЧК во главе с А.Г.Белобородовым. Основанием для проведения обыска послужила телеграмма уполномоченного ВЧК в Туркестане Я.Х.Петерса, который сообщил о циркулировавших в Ташкенте слухах: будто бы в поезде везут золото, награбленное в Бухаре, и товары для Сухаревки. Не смотря на военную охрану, чекисты обыскали весь состав, исключив только вагоны Фрунзе и начальника особого отдела Туркестанского фронта Г.И.Бокия, но ничего не нашли. В момент производства обыска Фрунзе уже находился с докладом у заместителя предреввоенсовета Э.М.Склянского, поэтому не мог помешать действиям чекистов. Однако в этот же день он обратился с протестом в ЦК РКП(б), в котором писал об удручающем моральном впечатлении, которое получил он и работники штаба фронта в связи с павшим на них подозрением, и о подрыве престижа представителей власти в глазах народа⁸⁸. Фрунзе также объяснил происхождение возникших слухов реальными фактами погрузки и выгрузки золота в Ташкенте. Он представил документы, подтверждавшие сдачу всех ценностей, захваченных в Бухаре, в Самаркандское и Ташкентское отделения народного банка. Причем, Петерсу, как писал Фрунзе, все эти факты были известны. Именно поэтому поезд перед отправкой из Ташкента чекисты не осматривали. Фрунзе просил также ЦК обратить внимание ВЧК на недопустимость подобных действий без достаточных данных и на необходимость изменения методов проведения чекистских операций.

В начале 1920 г. на железных дорогах сложилось критическое положение с топливом. О топливном кризисе сообщалось с Рязано-Уральской, Омской, Самаро-Златоустинской и др. дорог. Причем там, где дрова были заготовлены, не было подвижного состава и наоборот. «В то время, как в Оренбурге сожжено 20 тысяч новых шпал, в шести верстах от Оренбурга находится несколько составов поездов с дровами»⁸⁹, — сообщалось в феврале 1920 г. в Главполитпуть. В Сибири движение важнейших продовольственных маршрутов сры-

валось не только отсутствием топлива и снежными заносами, но и тем, что по дороге на протяжении сотни верст непрерывной лентой двигались составы вагонов и паровозов, захваченные у Колчака. В этой пробке в середине февраля застряло около 2 млн пудов хлеба и 4 млн пудов соли⁹⁰.

Рабочие-железнодорожники любыми путями старались избавиться от своей службы, зачастую выбирая из двух зол меньшее: не возвращались из отпусков, пытались закрепиться на какой-нибудь работе в родных местах. Но, как правило, их возвращали назад как военномобилизованных и подвергали наказаниям. Так, токарь депо Александровской железной дороги П.Тягунов, пользуясь бюллетенем, самовольно уехал в деревню и устроился на работу в волсовет. По существовавшим правилам волсовет был обязан получить разрешение с прежнего места службы и поэтому направил запрос в депо. В итоге беглец не только был возвращен в депо, но и за 272 часа отлучки был приговорен трибуналом к принудительным работам по месту службы на 68 дней. Исполняя наказание, Тягунов должен был ежедневно работать на час дольше, чем остальные рабочие.

Однако были и такие ситуации, при которых наказание оказывалось предпочтительнее работе на железной дороге. Так, на Самаро-Златоустинской дороге железнодорожники были доведены до такого положения, что преднамеренно совершали преступления для того, чтобы попасть на принудительные общественные работы на Колтуновские разработки топлива. Секрет заключался в том, что там помимо снабжения продовольствием еще платили по 200 руб. за распиловку 1 сажени дров⁹¹. О размерах преступности персонала этой дороги свидетельствовали данные Доркомпутъездесертира (дорожной комиссия по борьбе с трудовым дезертирством на транспорте). Только за три летних месяца 1920 г. было рассмотрено 385 дел в отношении 1196 дезертиров⁹².

Критическое положение с перевозками и состоянием подвижного состава, нараставшее из месяца в месяц, забастовки, массовые прогулы, неподчинение приказам сопровождалось усилением карательной политики и военных методов организации работ. Работа дисциплинарных судов в этих условиях становилась неэффективной и влекла за собой конфликты профсоюза с административным аппаратом. Поэтому наркомпутъ Л.Б.Красин и начглавполитпутъ А.П.Розенгольц направили 2 февраля 1920 г. письмо в Совет Обороны с предложением упразднить на железных дорогах дисциплинарные суды и возложить производство дисциплинарных взысканий на комиссаров и техническую администрацию дорог. 9 февраля такое постановление было принято⁹³.

Практическая реализация этого постановления осуществлялась уже новым наркомом. Взамен уехавшего в Лондон Л.Б.Красина временно исполнять обязанности Наркомпути был назначен Л.Д.Троцкий. В его специальном циркуляре «О производстве расследований по должностным преступлениям» говорилось: «В отношении возбуждения как дисциплинарных, так и судебного преследования против железнодорожных служащих и рабочих полномочным хозяином дела являются комиссары и лица технической администрации железных дорог»⁹⁴. Аресты со стороны ТО ВЧК могли производиться только с согласия комиссара района, комиссара дороги и члена коллегии НКПС. Единственным исключением являлся захват чекистами на месте серьезных служебных преступлений, но и в этом случае комиссар НКПС имел право изменить меру пресечения.

О том, насколько широкими полномочиями обладал политкомиссар дороги, свидетельствуют, в частности, действия дорполита Александровской дороги. В связи с агитацией меньшевиков и эсеров против трудовой повинности он предложил райполитам Вязьмы, Смоленска, Орши и Ржева установить по всем службам и железнодорожным мастерским тайный контроль за агитаторами и совместно со всеми учреждениями, в том числе ТО ЧК производить необходимые аресты на квартирах⁹⁵. Следует отметить, что среди комиссаров были сторонники и других методов воздействия на железнодорожников. Так, комиссар Кудрявцев из Воронежа считал, что «лица, стоящие на ответственных постах, вносят вместо организации только дезорганизацию транспорта и ими до того терроризированы технические руководители, что им ничего не остается делать, как саботировать или бежать к Деникину. Для борьбы с этим злом необходима присылка опытных и сознательных сотрудников»⁹⁶.

Интересное видение кадровой ситуации в свете постановления от 9 февраля зафиксировано в циркуляре начглавполитпути. Отмечая отсутствие людей, борющихся «по-революционному» с саботажем и преступлениями, А.П.Розенгольц писал: «Замечаю на железных дорогах стремление репрессивные мероприятия заменить бумажной перепиской и длиннейшими расследованиями, это нужно пресечь»⁹⁷.

16 марта 1920 г. приказом наркома были отменены отпуска рабочих и служащих железных дорог впредь до особого распоряжения. Следующим шагом по пути удержания железнодорожников на рабочих местах явилось учреждение 28 апреля центральной, дорожных и районных комиссий по борьбе с трудовым дезертирством на транспорте⁹⁸. Комиссии приговаривали к аресту, направляли в

штрафные команды, передавали дела на рассмотрение трибуналов. Знаменитый дом Готье в Москве — «главная» тюрьма НКПС, находившаяся на Рязанской ул., дом 12, и тюрьмы по всем дорогам никогда не пустовали.

По решению VIII съезда партии в течение лета 1919 г. была проведена всероссийская перерегистрация членов партии. В результате избавления от «примазавшихся элементов» численность РКП(б) сократилась вдвое, но в ходе партийных недель произошло почти трехкратное увеличение партийных рядов. Быстрыми темпами происходило увеличение и числа коммунистов на железнодорожном транспорте. Так, в декабре 1919 г. железнодорожные парторганизации насчитывали около 10 тыс. коммунистов, а к 15 августа 1920 г. — около 50 тыс., из них 7,5 тыс. коммунистов были направлены по партийной мобилизации, объявленной ЦК РКП(б) в феврале 1920 г. Рост партийных организаций шел, главным образом, за счет приема в партию наиболее сознательных железнодорожников. Однако, уже в начале мая 1920 г. Главполитпуть обратился в Оргбюро ЦК РКП(б) с предложением провести перерегистрацию коммунистов-железнодорожников и одновременно организовать при дорполитах партийные суды. В качестве обоснования необходимости этих мер было указано: «в целях очищения коммунистических рядов железнодорожников от невыносимых элементов»⁹⁹. Это предложение, получив одобрение Оргбюро, было проведено в жизнь. В результате перерегистрации только на Рязано-Уральской дороге выбыло 40% коммунистов¹⁰⁰.

С марта 1920 г. стали стабильно издаваться секретные бюллетени информационно-инструкторского отдела Главполитпути. Они рассылались высшему партийно-хозяйственному руководству, редакторам центральных газет, руководству Главполитпути в центре и на местах, председателю ВЦСПС, руководству Главвода, Цекпрофсожа, руководителям карательных органов. К середине 1920 г. бюллетени рассылались в 54 адреса. Среди их получателей были Ленин, Троцкий, Дзержинский, Крестинский и др. Это были регулярные сводки о политических настроениях рабочих, работах на железных дорогах, субботниках и митингах. Специальный раздел бюллетеней содержал информацию о дисциплинарных взысканиях. Приведем лишь одно из таких сообщений: «Северные дороги. Московский район — За время с 4 января по 6 марта с.г. подвергнуто аресту в дисциплинарном порядке 115 мастеровых, рабочих и служащих, в общей сложности, на 694 дня (65 случаев за неявку, 50 случаев за нераспорядительность и халатность по службе и 1 случай за взятки). Продолжительность содержания под арестом 1–14 дней.

Количество неявок с 65% упало до 41%»¹⁰¹. А на ст. Ртищево Рязано-Уральской ж.д. за первую половину апреля 1920 г. наказанию были подвергнуты все рабочие и служащие: 42% арестованы, 57% получили выговоры за неявку на работу и различные дисциплинарные проступки¹⁰². На Сызрано-Вяземской дороге в течение июля дисциплинарные взыскания получили 868 человек¹⁰³, а на Юго-Восточной дороге только за одну неделю в июле было 652 дисциплинарных взыскания¹⁰⁴. Наиболее подробная информация имеется по Северной дороге. Так, в апреле 1920 г. ревжелдортриб рассмотрел 37 дел, по которым были осуждены 123 человека: 4 – к расстрелу, 44 – к тюремному заключению, 12 – к принудработам, остальные получили более мягкие наказания. Кроме того, на 705 человек были наложены дисциплинарные взыскания. В мае – 570 дисциплинарных взысканий, в июне – 587 и 18 чел. были осуждены ревжелдортрибом. В июле – 530 взысканий и рассмотрено 107 дел, по которым неизвестны меры наказания, кроме одного расстрела. В августе – 656 взысканий и 5 дел по Ревжелдортрибу. На Донецкой дороге только за август 1920 г. было назначено 1384 дисциплинарных взыскания¹⁰⁵. Около каждой железнодорожной мастерской и каждого депо стояли вагоны-тюрьмы, в которых железнодорожники отбывали наказания. К сожалению, данные о наказаниях, сообщавшиеся в бюллетенях, носят бессистемный характер: разная степень подробности и не всегда сопоставимые хронологические отрезки. Но все же они дают возможность представить масштаб репрессий.

Помимо секретной информации о применении наказаний против «нерадивых» железнодорожников сообщения подобного характера публиковались и в ведомственной печати. Для руководства ведомственной печатью в Главполитпути был организован литературно-издательский отдел, в который политуправления дорог направляли, в том числе и сообщения о приговорах трибуналов. Таким образом, с помощью запугивания руководство пыталось поднять трудовую дисциплину и, тем самым, повлиять на уровень производительности труда.

Задаче, любой ценой заставить работать транспорт, была подчинена и работа профсоюзного аппарата. В сентябре 1920 г. на основе объединения союзов железнодорожного и водного транспорта был создан, по сути, чрезвычайный профсоюз – Цектран. Он находился вне поля руководства ВЦСПС, и при этом в его составе работала половина всех руководящих профсоюзных работников¹⁰⁶. К тому же в руководство Цектрана входила почти вся коллегия НКПС во главе с Троцким, являясь тем самым образцом сращивания профсоюза с госаппаратом. Деятельность этого союза была полностью подчи-

нена курсу партии на проведение крайней степени принуждения. Отвечая на критику на Восьмом съезде советов в связи с деятельностью Цектрана, Троцкий указывал на общую практику партийного руководства профсоюзами, которая не всегда оправдана. «Разве, товарищи, ЦК партии здесь с Зиновьевым не играл роль политотдела по отношению к ВЦСПС и в положительных и в отрицательных сторонах, ибо тов. Зиновьев говорит, что ЦК намекал на то, что ЦК неосторожно поступил по отношению к ВЦСПС. Томский жаловался несколько раз и был, вероятно, прав»¹⁰⁷.

Транспорт в этот период являлся полигоном для испытания принудительного принципа организации труда, об эффективности применения которого можно судить по данным о количестве рабочих на железнодорожном транспорте. По подсчетам С.Г.Струмилина в 1920 г. их было вдвое больше, чем в мирное время, но в то же время чувствовалась острая нужда в рабочей силе¹⁰⁸.

Принудительный труд: формы и методы

Принудительный труд, трудовая повинность стали главным принципом в использовании государством рабочей силы после победы революции. При этом в отличие от советской историографии, которая делала акцент исключительно на обусловленности принудительного труда войной, большевистское руководство подчеркивало его созвучие социалистическому строительству. «Субботники, трудовые армии, трудовая повинность — вот практическое осуществление в разных формах социалистического и коммунистического труда»¹⁰⁹, — говорил Ленин. Принудительный труд применялся в виде перебросок рабочей силы с одного предприятия на другое, отдельных трудовых мобилизаций рабочих и технических специалистов. Следующей его формой по степени концентрации принуждения являлась милитаризация различных отраслей народного хозяйства, при которой рабочие и служащие принудительно закреплялись за предприятием и переводились на положение военно-мобилизованных. Сначала была милитаризована военная промышленность, в ноябре 1918 г. — железные дороги, а затем и многие другие отрасли народного хозяйства, в том числе и такие сугубо гражданские, как сахарная промышленность. На положение милитаризованных были переведены представители многих профессий, даже гробовщики и кладбищенские работники. Милитаризация как форма организации производства по военному продолжалась и во второй половине 1920 г., когда боевые

действия носили уже второстепенный характер, а на первый план вышли задачи восстановления разрушенного хозяйства¹¹⁰. «Венцом» этой системы было создание трудовых армий.

Первое время органы распределения рабочей силы довольно осторожно относились к применению принципа принуждения. Так, в резолюции совещания отделов распределения рабочей силы, проходившего 25–27 ноября 1918 г., было принято постановление об использовании мобилизации определенных категорий рабочих только в крайних случаях¹¹¹. Однако расширение советской территории в ходе военных действий Красной Армии и необходимость политического и экономического закрепления на ней требовали все больших вливаний рабочей силы. В связи с этим в начале 1919 г. уже ставилась задача поголовной мобилизации всего трудоспособного населения. Она получила закрепление в программе партии, принятой VIII съездом РКП(б). А с середины этого года начался фактический переход к системе трудовой повинности¹¹².

Одна из главных ролей в организации принудительного труда отводилась профсоюзам. Отношение профсоюзных лидеров к этой проблеме было достаточно определенно продемонстрировано на заседании Пленума ВЦСПС 13 января 1919 г. Так, во время обсуждения принципов переброски рабочей силы для работы Ижевского и Харьковского заводов были высказаны две позиции. С.А.Лозовский заявил, что можно не только мобилизовать рабочих, но даже объявить социальное крепостное право, но, по его мнению, нужно, прежде всего, материально заинтересовать рабочих. В отличие от него А.З.Гольцман и В.В.Косиор высказались за принудительную переброску. При этом их позиция основывалась не только на конкретной ситуации, а носила принципиальный характер. «Даже в мирное время не будет ничего удивительного в том, если будет применяться принудительное распределение рабочей силы в интересах общества в целом. Это будет принудительным по отношению ко всему пролетариату... — заявил Гольцман. — Нужно пускать те заводы в ход, которые необходимы. Не стоит для этого останавливаться перед тем, что тысячи рабочих привыкли жить в Сестрорецком районе, не хотят переезжать в Харьковский»¹¹³. О том, какими методами достигалось подчинение рабочих государственным интересам, свидетельствует, в частности, постановление Президиума ВСНХ, принятое в июне 1920 г. В связи с рассмотрением вопроса об использовании рабочих закрывающихся предприятий в нем было записано, «что в случае невозможности путем добровольного соглашения с рабочими перебросить их на другие заводы, должен быть использован принудительный аппарат Главкомтруда, аппарат Чусоснабарма и Военного

ведомства»¹¹⁴. Таким образом, в качестве главной движущей силы в организации хозяйственной жизни в этот период открыто признавалось и широко использовалось насилие.

Метод переброски был основным для использования рабочих закрывающихся предприятий при пуске заводов на освобожденных территориях. Но в ряде случаев, профсоюзы стремились удержать кадры специалистов на месте. Такую политику, в частности, пытался проводить профсоюз текстильщиков. Он организовывал различные работы для квалифицированных рабочих, даже не по специальности, предполагая при первой же возможности возвратить их на производство¹¹⁵.

Осуществлялись и временные переброски свободной рабочей силы, как правило, для использования на полевых работах. Так, крупная мобилизация рабочих была проведена летом 1919 г. для уборки хорошего урожая в освобожденных от Колчака районах: в Самарской, Саратовской, Уфимской и Оренбургской губерниях. В связи с этим Совет Обороны принял решение, организовать переброску приблизительно 60 тыс. человек. За тысячи километров из центра России шли эшелоны с партиями рабочих, некоторые из них затем продолжали путь на баржах. Однако, не смотря на оторванность от дома и долгий тяжелый путь, рабочие в данном случае ехали охотно, так как имели возможность немного подкормиться, да еще привезти 2 пуда хлеба домой. Они получали 50 руб. суточных, продовольствие на дорогу, а во время работы — хлебный паек в 1,5 фунта. В течение месяца на восток страны было переброслено 39 733 рабочих и около 7 тыс. было мобилизовано из близлежащих районов. Самые крупные партии прибыли из Москвы (5542 чел.), Петрограда (5015 чел.), Иваново-Вознесенска (3260 чел.), Ярославля (2964 чел.), Твери (1950 чел.)¹¹⁶. Значительное количество рабочих выехало из текстильных районов (Шуя, Кинешма, Серпухов, Кострома, Богородск и др.). Ход этой операции постоянно освещался на страницах «Правды» и после завершения уборки были подведены итоги ее организации. Оказалось, что, несмотря на то, что места не только требовали, «но прямо вопили» о присылке большого количества рабочих, было немало случаев отказа продорганов от их приема. Так, Тверская партия в 1800 чел. не была принята в Уфе и отправилась домой. В Мелекесе отказались от прибывшей тысячи рабочих. Примерно 230 чел., приехавших в Бугульму, также были отправлены обратно¹¹⁷. Массовым явлением было и то, что из-за многосуточных задержек эшелонов в пути и нераспорядительности местных органов рабочие слишком поздно добирались до места назначения.

Путем трудовых мобилизаций восполнялся недостаток рабочих самых различных специальностей. Однако не менее остро ощущалась нехватка чернорабочих и сезонников. Вчерашние крестьяне, они разошлись по деревням, еще более усугубив критическое положение с рабочей силой. Большинство мобилизаций проводилось путем военных призывов мужчин определенного года рождения. Вместо отправки на фронт их использовали в качестве трудармейцев на «бескровном фронте». Применялся и другой способ мобилизации необходимого количества работников. В некоторых губерниях устанавливалась обязательная разверстка по волостям. Например, чтобы получить 2 тыс. чернорабочих каждая из 200 волостей Ярославской губернии обязывалась к определенной дате выставить 10 человек. По принципу круговой поруки волость отвечала за неявку десятка и была обязана пополнять убыль. На волостных органах также лежала обязанность снабжать каждого мобилизуемого продовольствием и необходимыми инструментами. На практике одна мобилизация накладывалась на другую, сталкивая интересы военных и гражданских органов, и в результате создавалась взрывоопасная ситуация. Вот как, например, проходили трудмобилизации в Тюменской губернии. «Особенно вредно действуют на население неплановые и бессистемные мобилизации, — сообщал губвоенревком в ноябре 1919 г. — Вот краткий перечень возрастных групп, которые воинские части мобилизовали в районе нашей губернии: 1) от 30 до 40 лет, 2) от 18 до 43 лет, 3) от 18 до 45 лет. Такая пестрота мобилизаций, совершаемых по-разному, зачастую на территории одного и того же уезда (например, Тобольского, Челябинского и др.), создавала среди населения недовольство и ропот, а методики проведения мобилизации (например, обязательство являться на призыв в город при радиусе уездов в 400–500 верст) только усиливали это настроение»¹¹⁸. А об использовании трудмобилизаций для работы в совхозах крестьяне говорили: «Семена — на участок Петра, Петра — на участок Семена».

На эффективности организации работ путем трудовых мобилизаций сказывалось также соперничество местных органов. Продовольственные, топливные и лесные органы, выдавая в разных количествах соль, мануфактуру и другие товары в качестве премий, переманивали друг у друга крестьян, а военные просто захватывали подводы силой. Для того чтобы избежать дезорганизации при проведении гужевой повинности, в некоторых губерниях местные власти разделяли волости между органами соперничающих ведомств. Таким образом, одна волость приписывалась, например, к губпродкому, а другая — к гублескому. «Сама мобилизация проводится обыкновенно,

как здесь выражаются «выгонкой на работы» при помощи воинской силы и это относится даже к трудгужевой повинности на возку дров, где выдается премия натурой. Вот и на это необходимо обратить внимание, та же лошадь при одинаковой поклаже, если она везет продфураж, она премии не получает, а если везет дрова, то получает»¹¹⁹, — сообщалось Дзержинскому о методах проведения трудмобилизаций. Во многом успех мобилизации определялся и тем, кто ее проводил. Так, если мобилизацию проводил посторонний для местных властей — уполномоченный Главкомтруда, действовавший более жестко и независимо, чем губкомтруд; то она, как правило, давала большую отдачу. При этом свою роль играло и то обстоятельство, что у уполномоченного не было личных связей с местным чиновничеством, то есть по терминологии того времени он не успел «окумиться». В наиболее сложные регионы, в которых местная власть не могла справиться с сопротивлением населения, направляли даже членов ВЦИК. В свою очередь, крестьяне при появлении авторитетных членов правительства не упускали возможности высказать свои недовольства. Так, например, представители Саранского уезда Пензенской губ. во время проезда бронепоезда Троцкого пожаловались ему на то, что их гоняют на трудгужповинность за 170 верст. Естественно, что он осудил такую организацию, а саранцы после этого перестали проводить эту повинность, утверждая, что тов. Троцкий их освободил¹²⁰.

В порядке трудмобилизаций проводились также работы по благоустройству и очистке городов от мусора и снега, чистка железнодорожных путей. Привлечь полуголодное население к этому тяжелому труду после работы или в выходной день стоило власти больших усилий. При этом оппоненты большевиков не упускали любой возможности покритиковать их действия. Так, в связи с трудповинностью по уборке Москвы от снега представители профсоюза «желтых» печатников ехидно советовали: «Предлагаем снег в городах и на линиях железных дорог принять на учет: установлено, что все товары, принятые на учет, немедленно тают»¹²¹.

В наиболее концентрированной форме принудительный труд использовался в армии. Еще с 1918 г. известны случаи эпизодического использования воинских подразделений для решения гражданских задач. А «точкой отсчета» для будущих трудовых армий можно назвать передачу в январе 1918 г. 24 военно-строительных дружин в подчинение совнархозу Западной области и фронта, которому было поручено финансирование работ этих дружин¹²². По мере приближения окончания Гражданской войны на «бескровный фронт» стали переориентироваться целые армии. В январе 1920 г. в связи с ликвидацией сибирского фронта командование армии выступило с инициативой,

преобразовать 3-й армию в 1-ю трудовую во главе с Троцким. Его заместителем был назначен Г.Л.Пятаков. После одобрения этого преобразования Политбюро ЦК РКП(б) и Советом Обороны были подготовлены проекты создания Кубано-Грозненской, Украинской, Казанской и Петроградской трудовых армий. В конце января и начале февраля к хозяйственным работам были привлечены Запасная армия и части 2-й армии, а в марте — войска 8-й армии. Большевицкое руководство использовало готовый и самый организованный аппарат в лице армии для решения трудовых задач. К тому же в военном аппарате были сосредоточены специалисты и техника.

По мере окончания боев на трудовой фронт переходили все новые части. Так, после разгрома Деникина в Украинскую трудовую армию была влита 42-я дивизия. В приказе командующего Укрсовтрударма И.В.Сталина, в частности, говорилось: «Красноармейцы 42-й дивизии! Вы умели драться с врагами рабоче-крестьянской России честно и самоотверженно, — докажите, что вы способны трудиться так же честно и самоотверженно для подвоза угля к станциям, погрузки его в вагоны и сопровождения угольных грузов до места назначения. Помните, что уголь так же важен для России, как победа над Деникиным. Полки 3-й армии на Урале уже отличились в деле добычи и подвоза дровяного топлива. Полки Запасной армии на Поволжье покрыли себя славой в деле ремонта паровозов и вагонов, 42-я дивизия должна показать, что она не отстанет от других, обеспечив стране подвозку, погрузку и сопровождение угля. Этого ждет от вас рабоче-крестьянская Россия»¹²³.

Всего было создано 8 трудовых армий. Одновременно организовывались новые руководящие органы — революционные советы трудовых армий, в которые входили члены реввоенсоветов армий и представители различных хозяйственных ведомств: Наркомпрода, Наркомпути, Наркомзема, Наркомтруда, и ВСНХ. Ревсоветы трудармий возглавляли крупные партийно-хозяйственные и военные деятели: Троцкий, Г.Е.Зиновьев, Сталин, С.В.Косиор, В.А.Радус-Зенкович. У каждой трудовой армии была определенная специфика деятельности. У Украинской — шахты Донецкого бассейна, у Кавказской — нефтяная промышленность, у 2-й особой армии — железнодорожный транспорт в районе Юго-Восточных железных дорог. В декабре 1920 г., когда военные фронты были ликвидированы и к трудовым армиям были присоединены новые части, в Донецком бассейне была создана особая Донтрудармия.

Трудармейцы в зависимости от обстановки использовались не только для выполнения трудовых заданий, но и как вооруженная сила для принуждения и поддержания дисциплины, а также для

охраны различных объектов. Вместе с трудармейцами к выполнению трудовых повинностей привлекалось и местное население. От каждого призываемого по трудовой и гужевой повинности требовалось исполнение определенного трудового задания («урока»), после выполнения которого он освобождался до срока. Оплата труда при исполнении повинностей должна была проводиться по тарифным ставкам соответствующих профсоюзов с использованием премиальной системы. На практике такая оплата была большой редкостью, и крестьяне в большинстве случаев даже не знали, что их труд и использование лошадей при гужевой повинности должны оплачиваться. Большим стимулом при заготовке и вывозе леса являлись натуральные премии, но их выдача не была регулярной.

Уклонение от трудовой мобилизации и повинности приравнивалось к дезертирству на фронте с применением соответствующих карательных мер комиссиями по борьбе с дезертирством. За невыход на работу без уважительной причины, а также за прогул налагалось дисциплинарное взыскание, вплоть до ареста на срок до одного месяца. При этом сначала нужно было отработать прогул, а уже затем отбыть наказание. За плохую работу и невыполнение задания в назначенный срок также следовало наказание: задание еще больше увеличивалось при неограниченном сроке мобилизации.

Ревсоветы трудовых армий руководили организацией и проведением работ, давая распоряжения волисполкомам, местным комитетам по трудовой повинности и хозяйственным органам. Тем самым они вызывали неудовольствие центральных ведомств. Основываясь на опыте возглавляемого им ревсовета 1-ой трудовой армии, Троцкий даже предложил в марте 1920 г. создать в Сибири мощный областной центр. В «советское генерал-губернаторство» должны были войти представители всех основных ведомств¹²⁴. Не смотря на протест Президиума ВСНХ, это предложение было поддержано Лениным и ЦК партии и закреплено в новом положении о Ревсовете 1-й армии труда, принятом 15 апреля 1920 г.¹²⁵ В соответствии с ним Совтрударм получил полномочия областного органа Совета Обороны в пределах Екатеринбургской, Пермской, Тюменской, Челябинской и Уфимской губерний и исполнял распоряжения правительственных органов. А постановления центральных хозяйственных ведомств передавались через соответствующих уполномоченных-членов Совтрударма.

Почти все трудовые армии в той или иной степени были на положении резервных и находились в подчинении военного ведомства. Центрального руководства в области трудовой деятельности они не имели. Трудармейцы выполняли работы, не требующие специ-

альных навыков: очистка железнодорожных путей, ремонт путей и подвижного состава, погрузо-разгрузочные работы, заготовка и вывозка дров, угля, сельхозработы. С началом боевых действий на Западном фронте многие трудовые части перешли на боевое положение. После окончания Гражданской войны они вновь перестроились на трудовую деятельность. Их военный статус был окончательно ликвидирован переводом в марте 1921 г. трудовых армий в ведение Наркомтруда.

Главкомтруд и всеобщая трудовая повинность

В ноябре 1919 г. в обстановке глубокой тайны Троцкому был поручено совместно с соответствующими ведомствами начать продумывать будущую демобилизацию и введение милиционной системы трудовой деятельности. В связи с этим ответственные работники Наркомтруда предлагали не создавать новый орган, а передать эту работу своему ведомству, соответствующим образом укрепив и расширив его. В то же время принятие этого варианта означало бы предоставление Наркомтрду дополнительных прав по отношению военных ведомств, через которые осуществлялась практика трудово-випинностей. В итоге комиссия СНК под председательством Троцкого сочла более целесообразным создание нового межведомственного органа и разработала законопроекты о Главном комитете по трудовой повинности (Главкомтрде) и о всеобщей трудовой повинности.

Учреждением в январе 1920 г. Главкомтруда завершились организационные усилия государства по созданию жесткой системы поголовного привлечения к принудительному труду. Возглавил Главкомтруд Дзержинский, а в его состав вошли персонально утвержденные СНК представители Наркомвоенна (Л.П.Серебряков и Данилов), НКВД (Васильев) и Наркомтруда (А.М.Аникст)¹²⁶. Само название этих ведомств свидетельствовало о характере и методах работы этого учреждения. С мая при Главкомтрде был введен пост представителя ВЦСПС, а в июле вместо уехавшего на Украину Дзержинского председателем был назначен Серебряков. Примечательно, что вскоре ЦК партии счел необходимым, чтобы III съезд профсоюзов обратился по радио к международному пролетариату с разъяснением сущности проводимой милитаризации труда. А в состав «избранного» съездом президиума ВЦСПС впервые вошел идеолог принудительного труда Н.И.Бухарин. ЦК поручил ему «работу в области идейно-политического руководства»¹²⁷.

Помимо рабочего аппарата для проведения отдельных наиболее важных вопросов трудовой повинности при Главкомтруде в течение 1920 г. было образовано несколько чрезвычайных комиссий: для приведения в нормальное санитарное состояние населенных пунктов России (Чрезкомздрав); Комиссия по транспорту; Топливо-гужевая комиссия, Чрезкомснегапуть и др. В числе первых была организована и Комиссия по вопросам освобождения и отсрочкам граждан от трудовой повинности, сформированная из представителей Наркомтруда и ВЦСПС. Срочная необходимость ее создания была вызвана большим количеством индивидуальных и коллективных заявлений о невозможности по различным причинам исполнять трудовую повинность, главным образом, наиболее тяжелую — по очистке железнодорожных путей от снега. Создание комиссии было связано и с позицией Главкомтруда, который добивался отмены всех ведомственных решений, в том числе и аннулирования всех охранных грамот, и сосредоточения этих вопросов исключительно в своей компетенции. В рассмотрении заявлений комиссия придерживалась принципа, что освобождение от трудовой повинности может быть только в исключительных случаях. А своей целью она считала подбор для граждан таких работ, которые в соответствии с состоянием здоровья и трудовыми навыками приносили бы максимальную пользу для государства. Например, женщины, обремененные большой семьей, использовались для пошива на дому обмундирования для Красной армии. Трудовую повинность на дому выполняли также инвалиды. Дети, которые по законодательству не должны были привлекаться к повинностям, тем не менее, использовались для сбора шишек на топливо. Кроме того, была очевидна и необходимость контроля за соблюдением хотя бы элементарных норм охраны труда, чтобы не лишиться «живой рабочей силы трудящихся». Эта функция также была возложена на Комиссию по освобождению и отсрочкам. В связи с этим 25 февраля она была переименована в Комиссию по рациональному использованию труда и освобождению привлекаемых в порядке трудовой повинности, сокращенно — Главправтруд, и было утверждено положение о функциях комиссии¹²⁸. В дальнейшем Главправтруд разработал инструкцию о применении Кодекса законов о труде при трудовой повинности и возможных отступлениях от него. Большое место в деятельности Правтруда занимала разработка всевозможных правил и списков категорий работников различных профессий, освобождавшихся от мобилизаций. Так, от трудовой повинности были освобождены железнодорожники, работающие по специальности, отдельные категории культурно-просветительских работников: ученые, единственные руководители учебных заведе-

ний, отдельных классов или групп детей, учащиеся краткосрочных курсов. Рабочих-подростков предписывалось привлекать к трудовой повинности не более 6 часов в день и таким образом, чтобы, по возможности, не нарушался ход занятий в школах и клубах подростков, т. е. по всей видимости, на субботниках и воскресниках. К тяжелой физической работе не должны были привлекать работников искусства, машинисток и телефонисток.

Предпринимались попытки проводить трудовую повинность и за пределами России. Например, в Туркестане декрет о проведении трудовой повинности был скопирован с российского без учета местных особенностей, а его применение отличалось упорством, граничившим с преступной глупостью. Так, в Фергане специально устраивали митинги, чтобы собравшееся на них население отправлять на выполнение трудов повинностей. Людей ловили на базарах, окружали мечети. В результате такого «проведения» в Фергане вообще стало невозможно устроить какие-либо митинги и собрания, а киргизы Семиреченской области перестали приближаться к населенным пунктам. Применение трудовой повинности не только не имело практической пользы, но и сыграло отрицательную роль как внутри Туркестана, так и на сопредельных территориях. Население ассоциировало проведение трудовой повинности с царистской практикой привлечения на работу, которая в свое время вызвала ряд восстаний. В итоге Турккомиссия ВЦИК признала, что организация трудовой повинности в Туркестане должна проводиться с величайшей осторожностью и учитывать те формы общественного труда, которые традиционны для местного населения. В связи с этим в октябре 1920 г. было принято решение, переработать декрет о трудовой повинности, пересмотрев коренным образом организацию и формы трудовой повинности в Туркестане, исходя из местной специфики¹²⁹.

Свои особенности имело и проведение трудовой повинности на Украине. Не смотря на то, что на Украине действовало российское законодательство по труду и созданный в апреле 1920 г. Всеукраинский комитет по трудовой повинности (Всеукркомтруд) подчинялся российскому Главкомтуду, все объявленные мобилизации всякий раз предварительно согласовывались с Совнаркомом Украины. Предоставление решающего голоса украинским властям было связано с близостью фронтов и разгулом бандитизма, которые в ряде случаев не давали возможности проводить ту или иную мобилизацию. Так, Украинское правительство не сочло возможным провести массовую трудовую мобилизацию родившихся в 1886–1888 гг., назначенную Главкомтудом и проведенную в России, из-за невозможности одеть и разместить всех мобилизованных¹³⁰. Местные осо-

бенности учитывались и при формировании сети местных органов, проводивших трудповинность на Украине. Так, Всеукркомтруд считал необходимым в отличие от волкомтрудов в России включить в их состав представителей массовой крестьянской организации, проводившей советскую линию на селе, — комитетов незаможных селян. В итоге сложилась довольно сложная система взаимоотношений между Москвой и Всеукркомтрудом, закрепившая определенную автономию последнего. Наиболее активно инициатива украинских товарищей проявлялась при проведении трудмобилизаций для внутренних нужд. При этом для успешного проведения массовых мобилизаций преимущественно использовалось военное ведомство, являвшееся наиболее авторитетным и налаженным аппаратом принуждения. Для инструктирования местных коммунистов и становления практической работы не только в области трудповинности весной 1920 г. на Украину был направлен председатель Главкомтруда Дзержинский¹³¹. Вообще же главным источником рабочей силы, по преимуществу квалифицированной, для украинской промышленности являлась Россия. Так, к 1 декабря 1920 г. Всеукркомтрудом было переброшено из России 16691 горнорабочих для шахт Донбасса. К тому же география российских мест, из которых приезжали мобилизованные рабочие, постоянно расширялась. Сначала это были соседние Курская, Орловская и Воронежская губернии, а к середине 1921 г. уже и отдаленные Пензенская и Тверская. Трудмобилизованные из России также широко использовались на уборке урожая. «Украина живет за счет рабсилы из России и своей рабочей силы туда почти не дает»¹³², — откровенно говорилось в одной из статей, опубликованной в харьковском журнале «Коммунист».

Оригинальный подход к использованию трудовых повинностей как средству сократить область применения денежных расчетов был высказан в июне 1920 г. на сессии ВЦИК¹³³.

В течение 1920 г. под началом Главкомтруда была создана огромная сеть местных органов. В процессе их организации проявились две основные особенности. Во-первых, при формировании некоторых губкомтрудов в их состав были включены представители ведомств, не указанных в Положении Совнаркома о комтрудах. Так, например, в Алтайский, Черниговский губкомтруды, комтруд Туркестанского фронта вошли представители железнодорожного, продовольственного, земельного ведомств. Таким образом, местная власть делала поправки центрального законодательства на свою специфику и привлекала к проведению трудповинностей наиболее заинтересованные в ней ведомства. Вторая принципиальная особенность, получившая очень широкое распространение, — милита-

ризация структуры и деятельности комтрудов. Прежде всего, она проявлялась в том, что председателями губкомтрудов назначались военкомы, а их техническим аппаратом служил аппарат военкомата. В ряде случаев копирование военного образца принимало еще более концентрированный вид. Например, при Новониколаевском губкомтуде был организован особый трудовой полк в 2,5 тыс. человек, который находился в полном его распоряжении¹³⁴.

Процесс организации органов по трудовой повинности шел не только вширь, но и вглубь, захватывая и очень мелкие «объекты». Так, на время навигации комиссии по трудовой повинности (комиструды) были организованы на каждом парусном, паровом, весельном судне, насчитывавшем не менее 10 человек команды¹³⁵. Для использования кустарей-одиночек, прислуги были организованы комиструды во всех кварталах Москвы. Для выявления трудовых дезертиров, «лежебоков», «лодырей» им предписывалось обходить квартиры и учреждения в рабочие часы¹³⁶. «Честный гражданин, посмотри, сколько расплодилось паразитов на твоём теле — здоровых и крепких людей, которые торгуют разным хламом или ситром и квасом. Бери их за шиворот и веди в комиструд твоего квартала, в райкомтруд или в горкомтруд, там дадут им работу, заставят их трудиться на общее благо»¹³⁷, — такой призыв был помещен в печатном органе Москомтудра. Не полагаясь только на сознательность граждан, комитеты труда проводили массовые облавы, используя милицию и военный гарнизон. Их организация напоминала ведение военных операций против неприятеля. Так, в облаве, проведенной в Москве в начале октября 1920 г., участвовали 7 тыс. человек. Для ее организации и координации действий в каждом районе города были созданы особые тройки¹³⁸.

В июне 1920 г. Москомтруд принял решение о привлечении к трудовой повинности дачников по месту их нахождения. Несмотря на страдную пору, с 25 июня была объявлена гужевая повинность для крестьян Московской губ. Они должны были на своих лошадях обеспечить подвоз дров, заготовленных в 30-верстной полосе, к станциям. За уклонение или противодействие от повинности им грозили конфискацией лошадей и коров.

В недрах Главкомтудра рождались и весьма оригинальные проекты привлечения к принудительному труду. Так, был разработан проект о замене народам крайнего севера, ведущим полуоседлый образ жизни, службы в армии трудповинностью. Предлагалось привлечь их к организации оленьей почты, оленьего военного транспорта, для подвоза топлива к населенным пунктам и железной дороге.

Не смотря на все пропагандистские усилия, подавляющее большинство населения резко отрицательно относилось к принудитель-

ному труду и старалось уклониться от всевозможных повинностей. Наиболее очевидным проявлением такого отношения являлось массовое дезертирство мобилизованных. Так, один из делегатов Харьковского губернского съезда губкомтрудов привел в своем выступлении показательные данные: из нескольких десятков мобилизованных и отправленных в Харьков плотников через две недели все оказались дома. Большая «утечка» происходила и при медицинских освидетельствованиях. При этом цифра признанных непригодными к работе превышала 50–60% всех освидетельствованных. Наряду с этими формами скрытого сопротивления недовольство трудовыми повинностями проявлялось и в открытой форме. Например, в Старой Руссе по городу были расклеены прокламации, критиковавшие действия властей. А в Тихоновой Пустыни призванные на трудповинность провели «итальянку»¹³⁹. В некоторых местностях крестьяне выносили постановления об отказе от выполнения повинностей и заставить их изменить свое решение можно было только силой или угрозой конфискации лошадей. В связи с такими настроениями заготовка дров, гужевая повинность, как правило, не обходились без применения вооруженной силы. В декабре 1920 г. Главкомтруд даже разработал специальную инструкцию о порядке предоставления вооруженной силы местным органам труда¹⁴⁰. В соответствии с ней общее количество вооруженной силы не должно было превышать 30 человек на уезд. Если же обстоятельства требовали большего количества войск, то могли быть выделены и дополнительные силы. Для этого нужен был только приказ командира ВНУС. Однако на практике вооруженной силы всегда требовалось значительно больше, чем устанавливалось инструкцией. Например, председатель Вологодского губкомтруда обратился в декабре 1920 г. в штаб Беломорского военного округа с просьбой прислать вооруженный отряд в 200 красноармейцев в дополнение к имевшимся на месте 170 бойцам¹⁴¹.

Много усилий прилагалось Главкомтрудом к организации планового использования труда заключенных в лагерях и военнопленных. По неполным сведениям отдела управление лагерями общее количество заключенных, военнопленных и заложников к марту 1920 г. составляло 22447 чел., из них в Москве находилось 4134 чел. В апреле ожидалось прибытие еще 30 тысяч военнопленных¹⁴². Предполагалось использовать их путем прикрепления к хозяйственным органам, например, Москвотопу, которые могли бы обеспечить их помещением и продовольствием.

На протяжении 1920 г. массовый характер получило выполнение различных общественных работ через субботники. Организацией

их также занимались органы Главкомтруда. Как правило, субботники проводились для разгрузки вагонов, распилки дров, для ремонта вагонов и паровозов. Для выполнения работ на них были разработаны специальные нормы выработки. От участия в субботниках, как и в других трудповинностях, освобождались лица, моложе 16 лет, беременные и кормящие матери, освобожденные по болезни от трудовой повинности и ответственные работники¹⁴³.

Общеизвестно, что именно в депо «Москва-Сортировочная» произошел первый субботник. Стала хрестоматийной и строчка В.Маяковского: «свободный труд свободно собравшихся людей». Тема субботников была широко представлена в советской историографии, но при этом изучалась одна и, как показывают источники, далеко не главная их сторона — проявление трудового энтузиазма. В действительности, как зафиксировано в положении ЦК РКП(б) о субботниках, они рассматривались в качестве одной из форм пропаганды идеи трудовой повинности, лабораторией форм коммунистического труда. При этом трудовая повинность и коммунистический труд рассматривались как идеологические синонимы.

Одной из главных функций Главкомтруда, которая предопределяла успех выполнения всех остальных, являлась организация учета. На учет брались специалисты самых разных профессий, а затем эти данные использовались при проведении трудовых мобилизаций по профессиональному принципу. Не случайно, уклонение от учета приравнивалось к дезертирству. Так, в начале октября 1920 г. было принято решение о проведении в осенне-зимний сезон трудовой мобилизации 160 тыс. квалифицированных и до 300 тыс. неквалифицированных рабочих для предприятий ВСНХ и Наркомпути¹⁴⁴. Но даже прибытие на завод пополнения зачастую не ликвидировало нехватку рабочих рук. Изможденные и полураздетые люди плохо переносили дальние перемещения и бытовую неустроенность на новом месте. В итоге из 3337 человек, приехавших осенью 1920 г. на Ижевский оружейный завод, осталось работать только 1022 человека, остальные по состоянию здоровья были отправлены назад¹⁴⁵.

Еще летом 1919 г. была начата подготовительная работа по введению трудовых книжек. В Москве разработка порядка осуществления этого мероприятия была поручена административному отделу НКВД и МЧК. При этом трудовые книжки должны были выдаваться и иностранным гражданам, так как они также привлекались к трудовой повинности. Практическая работа по обмену паспортов на трудкнижки была возложена на профсоюзы, а общее руководство — на Моссовет. Однако такое обилие ответственных организаций не помогло сдвинуть обмен с мертвой точки. О необходимости введения

трудовых книжек вновь вспомнили в связи с обсуждением проблем принудительного труда. Об этом, в частности, говорил М.П. Томский на заседании комфракции ВЦСПС 23 января 1920 г., состоявшемся накануне III съезда совнархозов. Комфракцией были утверждены тезисы Томского по организации труда, с которыми он и выступил на съезде. Его позиция состояла в том, что трудовая повинность должна стать реальным фактом, но необходимым условием ее реализации в городах должно быть введение трудовых книжек. По его мнению, нужно было обязательно запретить менять место работы без разрешения соответствующего органа управления.

В конце концов, процесс обмена взял в свои руки Главкомтруд и в феврале 1920 г. жители Москвы и Петрограда получили новый документ. Трудовая книжка представляла собой многостраничный документ, содержащий исчерпывающие данные о гражданине. Помимо паспортных данных (паспорт ликвидировался), в нем были графы о грамотности, образовании, профессии, о судимости, о занятиях в 1914 г. и в 1917 г., месте жительства в июле 1914 г., в октябре 1917 г., о переменах в семейном и имущественном положениях и др. сведения¹⁴⁶. Введение трудовых книжек позволяло взять на учет и контролировать все городское население, независимо от классовой принадлежности, и организовывать массовые переброски и мобилизации рабочей силы.

О размахе мобилизаций на временные работы различных слоев населения свидетельствуют следующие данные: зимой 1919/20 г. в одной Тульской губернии на очистку железнодорожных путей от снега было мобилизовано свыше 113 тыс. человек, около 500 тыс. было мобилизовано в Москве и губернии во второй половине 1920 г., а на проведение дровозаготовок по всей республике только за первую половину 1920 г. было мобилизовано около 6 млн человек¹⁴⁷. Однако за этими большими цифрами, как правило, стояла плохая организация работы, для которой и не требовалось сгонять столько людей, необеспеченность инструментами, скудное снабжение продовольствием и одеждой. Все эти недостатки были прекрасно известны и для их искоренения неоднократно принимались постановления и инструкции. Так, IX съездом партии в очередной раз было указано на необходимость при проведении массовых трудовых мобилизаций устанавливать точное соответствие между количеством мобилизованных, местом их сосредоточения, размером трудовой задачи и количеством необходимых орудий труда. Через несколько месяцев, в июле 1920 г., об этих же проблемах вновь говорили на Всероссийском съезде комтруда. «В одних случаях людей посылают на работы слишком рано, и напрасно теряется много време-

ни, в других случаях — слишком поздно и не туда, куда следует, отчего опять-таки непроизводительно уходит и время и силы. Бывает так, что к трудовой повинности привлекают людей слишком старого возраста. Затем случается часто, что работа отнимает гораздо больше времени, чем она в действительности требует»¹⁴⁸, — отмечал в своем выступлении М.И.Калинин.

Шло время, но практика проведения мобилизаций не менялась и, по-прежнему, страдала теми же недостатками. Например, проведение сезонной трудовой мобилизации для работы на Астраханских рыбных промыслах точно соответствовало ситуации, обрисованной Калининым. В рамках этой мобилизации осенью 1920 г. в Астрахань была направлена группа женщин-членов партии из Московской, Саратовской и Владимирской губерний. Мобилизованные на осеннюю пугину, они прибыли в Астрахань слишком поздно, когда лов рыбы уже подходил к концу. К тому же неожиданно ударили такие сильные морозы, что была прекращена отправка пароходов, и все прибывшие вынужденно сидели в Астрахани без всякого дела. А группу мобилизованных в Саратовской губернии мороз застал еще в Саратове. Им пришлось трое суток ждать парохода, дежуря на пристани или ночуя в ночлежке. «Да пришлось-таки трое суток не спать и померзнуть так, что многие из нас уже сейчас расплачиваются: одежка у всех плохая, — просквозило и сейчас у нас много больных»¹⁴⁹, — сообщала одна из организаторов трудмобилизации. Кроме уже приехавших, ждали еще партию мобилизованных из Иваново-Вознесенска, но когда, учитывая окончание пугины, на заседании Астраханского губкома прозвучало предложение, телеграфировать о приостановке их приезда, то было заявлено: «Пусть все приезжают, а губком возбудит ходатайство перед ЦК об оставлении мобилизованных на весеннюю пугину».

Тяжелое положение, в котором оказались мобилизованные, откровенно описывалось в письме завгуботделом работниц Астраханского губкома партии. Она сообщала в ЦК РКП(б) о том, что все они разуты и полуодеты, получают паек — 1 ф. хлеба и 2 ф. рыбы и чтобы прокормиться, продают последнее из того, что привезли из дома. Нельзя было назвать удовлетворительными и бытовые условия, в которых оказались женщины в Астрахани. «...Дали нам общежитие, какое раньше при капитализме давали, грязи на нарах — на два вершка, ни матрасов, ничего нет. Мы заявляли относительно бани, но ответ был очень халатный. Стали заявлять относительно прачечной, ответ тоже получили нехороший. Мы стали волноваться, просили улучшить общежитие или отправить нас всех обратно. Но ответа не получили никакого»¹⁵⁰, — говорилось в за-

явлении группы коммунисток, мобилизованных из Владимирской губернии.

Не смотря на совершенную неготовность принимающей стороны обеспечить мобилизованных работой, жильем и продовольствием и уж абсолютно не думая об оторванности женщин от семьи и детей, Астраханский губком принял решение, задержать мобилизованных до новой путины, т.е. с поразительной легкостью продлил их мучения еще на полгода. А ведь среди приехавших большинство составляли женщины, оставившие дома детей, были даже беременные женщины, которых, казалось бы, ни один здравомыслящий руководитель не мог отправить на трудпovinность, да и существовавшие инструкции запрещали их мобилизацию. Тем не менее, для того, чтобы вернуться назад, им нужно было получить разрешение ЦК партии. Так, в числе мобилизованных для политработы на Астраханских промыслах находилась заведующая Комитетом твердых цен при ВСНХ Швейцер. Для ее демобилизации было принято персональное решение Оргбюро ЦК¹⁵¹. Что же касается остальных женщин, то ЦК предоставил им право уехать к 1 декабря. При этом часть коммунисток ЦК просил остаться для организации новой мобилизации.

Письма о непосильном труде и о необходимости отмены всеобщей трудовой повинности направлялись в различные инстанции. Обращались и лично к Ленину. Одно из таких писем было написано от имени женщин-сектанток в марте 1920 г. Оно является продолжением женской темы, но в другом социальном срезе, и еще одним подтверждением реального положения в осуществлении принудительного труда:

«...Вы и так уже много убили мужчин, возраст от 18 до 50 лет, оставили без приюта жен и детей, а теперь женщин гоните на работы пешком верст 15 или 20. Она больна, например, болезни женские, почек, слабые легкие. Она приходит на работу, дают ей кирку пуда в полтора или меньше, у нея силы истощены голодом, холодом, да и жизнь ее была раньше тяжелая. Она вся измочалена, издергана. Дорогой Владимир Ильич, прошу Вас сердечно об этом вопрос пересмотреть. Женщина это сейчас не мужчина, они на Вас набросятся, как пантеры голодные, не устоять Вашим пулеметам и пушкам. Они задумались над этим вопросом. Я могу Вам посоветовать, если не хватает рабочих рук, то от 20 лет до 35 — это женщины еще крепкие, в их годы мужчины уже были подороже, у них, значит, и здоровье сохранилось. Я знаю десятки тысяч женщин, которые за 40 и 45, когда мужья их избивали кулаками и ногами. Я сама выстрадала и на себе все это пережила. А теперь Вы, мы женщины, которые Вас

уважаем, сектантки, проводите в жизнь над нами насилие. ...Еще Вам нарисуем картину, районные доктора — коммунисты или шкурники. Когда приходит женщин к нему, он обращается к ней: «Ну, чего пришла, расстегивай свои монатки». Она отвечает: «Доктор, я больна». — «Ага, не хотите работать, нет, пойдешь, всех отправлю в чрезвычайку». Я свидетельница, как из районных амбулаторий выносили женщин мертвыми от испуга. Вот как врачи обращаются с пациентками. Я думаю, они в этом даже власть подрывают»¹⁵².

Где бы ни работали трудармейцы или мобилизованные, везде были большие трудности с жильем, продовольствием, одеждой. В большинстве случаев, организация труда также оставляла желать лучшего. «Условия работы на наших фабриках таковы, что положение рабочих на многих предприятиях напоминает концентрационный лагерь»¹⁵³, — заявил лидер профсоюза металлистов А.Г.Шляпников на заседании комфракции Восьмого съезда советов. Принудительный труд, встречая противодействие со стороны рабочих и крестьян, мог держаться только на вооруженной силе, сопровождался низкой производительностью труда и массовым дестирством.

Дискуссии о принудительном труде

К началу 1920 г. стало очевидным скорое завершение Гражданской войны и необходимость перехода всей машины советской власти на мирные рельсы. Уверенность в том, что партия сможет заняться хозяйственными вопросами, подкреплялась также благоприятной международной обстановкой.

В это время наметился революционный подъем среди германского пролетариата. Британские тред-юнионы и коммунисты требовали заключения мира с советской Россией, а Антанта сняла блокаду. В свою очередь, и большевики предпринимали попытки для выхода из международной изоляции и формирования позитивного восприятия своего государства за границей. В частности, с этой целью был разрешен въезд в страну ряду иностранных журналистов и общественных деятелей. Несмотря на то, что они находились под бдительным присмотром ВЧК, представители власти все же не могли полностью исключить общение иностранцев, как с оппозиционными партиями, так и со своими согражданами, пребывавшими в России. Осознавая возможность получения иностранцами информации о реальном положении в стране и, прежде всего, о карательной стороне деятельности режима, НКВД обратился в марте 1920 г. в по-

литбюро ЦК партии с предложением, освободить из советских тюрем иностранцев-заложников, арестованных во время Гражданской войны. В письме замнаркома иностранных дел Л.М.Карахана особо подчеркивалось: «Факт содержания в концентрационных лагерях и тюрьмах довольно значительного количества иностранцев-заложников идет в разрез со всей остальной картиной гуманности Советской власти, с которой мы их осваиваем»¹⁵⁴. Для умиротворения общественного мнения в Европе дипломатическое ведомство считало также необходимым организовать сбор имущественных претензий у освобождаемых иностранцев. А чтобы загладить причиненный иностранцам ущерб, предлагалось «окружить их атмосферой советской свободы», хотя бы за несколько недель до отъезда. В результате обсуждения этого важного вопроса политбюро всего лишь предложило Карахану: «столкнуться с тов. Дзержинским» и учредить межведомственную комиссию для принятия претензий¹⁵⁵.

Своеобразие внутривластного момента виделось, прежде всего, в том, чтобы, по выражению Ленина, перейти «к военному решению задач хозяйственных», т.е. ставилась задача перенести военный опыт в управление экономикой. При этом Ленин неоднократно повторял, что весь пролетариат должен проявить на фронте труда такие же неслыханные чудеса, как он проявил на кровавом фронте. Он называл чудом победу России над сильнейшими странами мира. Считая, что основой этого чуда являлись централизация, дисциплина и неслыханное самопожертвование, Ленин предлагал руководствоваться этими же принципами и в мирной жизни¹⁵⁶. Отсюда и его настойчивое стремление побороть несогласие ВЦСПС и ВСНХ с переходом от коллегиальности к принципу единоначалия (как говорили в те годы, единоличия) в управлении и многочисленные дискуссии о путях использования военного аппарата в народном хозяйстве. Ленин говорил также о необходимости превращения России в огромную армию труда.

Среди руководящего слоя членов большевистской партии было немало тех, кто предлагал без всяких оговорок внедрять военный опыт решения тех или иных задач в мирную экономику. Так, например, раздавались предложения превратить ВСНХ в ЧУСО по производству, а перед Наркомпродом поставить задачи: выжать и распределить. Привлекательность использования военных методов заключалась, прежде всего, в их простоте, понятности и кажущейся эффективности. При существовавшем невысоком образовательном уровне подавляющей части партийных руководителей использование этой уже привычной системы не могло не встретить одобрения. Вот как, например, объяснял свою позицию один из ее

сторонников: «Нам нужны были для армии полушубки, но не было для пошивки их портных — мы объявили по деревням мобилизацию портных и с делом, в общем и целом, справились. Нам теперь нужны для железной дороги плотники и столяры — мы объявляем по всем деревням губерний мобилизацию плотников и столяров, и я уверен, что мы их получим. Пора понять, что без военного подхода к делу нам не обойтись»¹⁵⁷.

Одной из главных задач, остававшихся в центре внимания партийного и хозяйственного руководства, являлась задача организации производства и обеспечение предприятий рабочей силой уже в мирных условиях. На протяжении 1920 г. повсеместная практика принуждения как основа трудового процесса при социализме получила теоретическое оформление в выступлениях и опубликованных работах лидеров большевизма. Так, один из главных идеологов принудительного труда Л.Д.Троцкий в выступлении на III съезде профсоюзов заявил, что трудовая повинность неизбежно входит в программу социалистической организации труда и без нее немислимо плановое хозяйство. «И ни один серьезный социалист не станет отрицать за рабочим государством права наложить свою руку на того рабочего, который отказывается выполнять трудовой наряд». Говоря о роли профсоюзов, Троцкий отмечал, что их задача состоит, в частности, и в том, чтобы распределять, группировать, прикреплять отдельные категории и отдельных рабочих к своим постам, а не в борьбе за лучшие условия труда¹⁵⁸. Н.И.Бухарин также не считал трудовую повинность мерой, продиктованной войной и экономической разрухой. «...По отношению к самому пролетариату принуждение есть метод организации, устанавливаемый самим рабочим классом, т.е. метод принудительной ускоренной самоорганизации»¹⁵⁹, — утверждалось в его книге «Экономика переходного периода».

Даже сравнительно широкие круги рабочего класса в переходный период носят печать капиталистического мира, поэтому, по мнению Бухарина, неизбежна принудительная дисциплина, которая тем сильнее ощущается, чем менее революционен данный слой. Принуждение должно исчезнуть в бесклассовом обществе. При этом Бухарин приводил расхожий довод, что принуждение проводится в интересах большинства. Известна положительная оценка Ленина этой книги и его многочисленные высказывания о принудительном труде как практическом осуществлении коммунистического труда.

После выхода книги появились и резко критические оценки бухаринских взглядов. Так, один из старейших членов партии М.О.Ольминский обвинил Бухарина в отходе от марксизма, в вы-

хватывании у Маркса отдельных фраз о насилии. В принуждении Ольминский видел не метод выработки коммунистического человечества, а акт самозащиты. «Конечно, было бы глупо и губительно для революции отрицать насилие и принуждение в период острой (явной или скрытой) гражданской войны»¹⁶⁰, — признавал он. Во взглядах Бухарина, по мнению Ольминского, отразилось не только его личное видение, но и ошибочные настроения части партии к середине 1920 г.: увлечение властью; «что захотим, то и моментально сделаем». Ольминский назвал Бухарина ревизионистом слева, не считающимся с революционными возможностями.

Интересна оценка книги, данная А.В.Чаяновым. Он назвал ее крупным событием в научной литературе, которое нельзя оставить без внимания. По сути же его мнение совпало с мнением Ольминского: распад народного хозяйства вызван необдуманными, ненужными и необязательными мероприятиями большевиков¹⁶¹.

С протестом против оскорбительного тона, в котором велась полемика Бухариным, выступила сестра Ленина А.И.Елизарова. «Грош цена была бы коммунистам, загнанным в коммунизм угрозой расправы»¹⁶², — заявила она.

И все же критики Бухарина не смогли поколебать его убежденности, что всякий, «кто осмеливается называть каторгой трудовую повинность при пролетарской диктатуре, тот просто-напросто — либерал, самый обыкновенный, самый ординарный»¹⁶³. Этой позиции он придерживался и при обсуждении конкретных вопросов.

Если книга Бухарина являлась теоретическим оформлением попытки вписать в рамки марксизма принуждение и насилие, то споры о практике их использования, начавшись в 1919 г., с переходом к мирной жизни приобретали все большую остроту по мере приближения к очередному IX съезду партии. По существовавшей практике он должен был подвести черту под спорными вопросами и превратить позицию Ленина и его сторонников в руководство к действию для всех организаций и членов партии. В наиболее откровенных и острых формах полемика велась на заседаниях коммунистических фракций непартийных органов. Чрезвычайно важное значение, придававшееся ЦК РКП(б) проведению партийных установок через комфракции профсоюзных и хозяйственных органов, было связано с особым положением этих органов. Они являлись проводниками единой партийной линии, так как принятые комфракциями решения были обязательны для выполнения всеми коммунистами, работавшими в этих органах, независимо от их личного мнения. А члены комфракций, оказавшиеся в меньшинстве при голосовании тех или иных вопросов, тем не менее, были обязаны в своих выступлениях

перед непартийными массами отстаивать решения комфракций. Возможность острых высказываний оппонентов обуславливалась также обстановкой строгой секретности, в которой проходили заседания. Даже упоминания о них карались партийными взысканиями. В связи с этим, не случайно, при созыве различных конференций и съездов все вопросы до вынесения на открытые заседания сначала обсуждались на заседаниях комфракций и именно здесь разворачивались реальные события, которые не всегда соответствовали первоначальному сценарию, разрабатывавшемуся в ЦК партии¹⁶⁴.

Одна из первых предсъездовских дискуссий вокруг вопросов мобилизации и принудительного труда в целом состоялась на заседании комфракции ВЦСПС 12 января 1920 г. В ней участвовали Ленин, Троцкий, Бухарин, Рыков и др. Центром обсуждения явился доклад Троцкого «Хозяйственное положение республики и основные задачи восстановления промышленности». Дискуссия выявила наличие среди высшего руководства различных подходов к решению экономических задач и нежелание оппонентов идти на компромисс. Как и ожидалось, с критикой высказываний Троцкого выступили Рыков, Ларин и Томский. Они были против передачи управления промышленностью в военные органы и создания трудовых армий. Так, систему мер, предложенную Троцким, Рыков назвал аракеевщиной, «но еще худшего свойства». Он высказался против превращения боевых армий в трудовые, заявив, что этот путь приведет к восстаниям и бунтам. По его мнению, освобождавшиеся от боевых действий военные части нужно было демобилизовать, а сокращение военных расходов использовать для улучшения положения рабочих: «За каждого демобилизованного солдата мы сможем накормить, одеть и обуть 3–4 рабочих», — заявил Рыков¹⁶⁵. Таким образом, в своем выступлении на комфракции Рыков вновь подтвердил позицию, сформулированную им от имени руководства ВСНХ на VII Всероссийском съезде советов (декабрь 1919 г.). При этом, как и большинство партийно-хозяйственных руководителей, он отождествлял провозглашенную советской Конституцией обязательность труда с трудовой повинностью и считал, что при ее проведении нужно делать упор не на принуждении, а на разъяснении населению необходимости этой меры. Однако, разделяя эту общую платформу, Рыков в отличие от Ленина, Троцкого и Бухарина видел в использовании принудительного труда «беду» советской власти, вынужденную меру, без которой пока нельзя обойтись. В то же время он говорил, что принуждение «по своему духу, по своей организации стоит в резком противоречии с коммунистическими принципами»¹⁶⁶. Близкую позицию занимал и председатель ВЦСПС Томский. Выступая на комфракции, он сказал,

что необходимо любой ценой создать реальный фонд заработной платы. «Так как мы гениально грабили всю Россию для Красной армии, приступим к такому же широкому грабежу всей России во имя улучшения интересов рабочего класса как базы развития и улучшения производительной силы»¹⁶⁷, — заявил Томский. В свою очередь, Ленин подверг острой критике высказывания членов Президиума ВСНХ, в том числе и по вопросу введения единоначалия, против которого выступало и руководство профсоюзов. «Чем ребячеством заниматься, подумайте, что делать. Народ голодает, железные дороги не возят, а у нас имеется армия, в которой каждый солдат говорит: «Я теперь знаю, что такое дисциплина». Ленин предложил использовать армию для уборки хлеба. Одним из его аргументов в пользу предложения Троцкого было и то, что железные дороги не в состоянии вывезти демобилизованных солдат¹⁶⁸. В итоге обсуждения комфракция ВЦСПС не поддержала доклад Троцкого, не смотря на его одобрение Лениным, Бухариным, Ногиным и другими участниками.

Критическое отношение к официальному экономическому курсу было высказано и на III съезде совнархозов (25–29 января 1920 г.). В докладе Рыкова, прозвучавшем в день открытия съезда перед широкой аудиторией не только делегатов, но и представителей Моссовета, профсоюзов, крупнейших промышленных предприятий, вновь говорилось о сохранении принципа коллегиальности. Не смотря на выступление Ленина, в котором он охарактеризовал принцип коллегиальности как несоответствующий наступившему этапу практической работы, сторонники единоначалия и в этот раз оказались в меньшинстве. В итоге в резолюции съезда «Об управлении хозяйственной жизнью» было записано, что «только на основе коллегиальности может быть обеспечено участие профсоюзов и рабочих масс в управлении экономической жизнью страны», а единоличное правление может вводиться с согласия профсоюзов в каждом отдельном случае¹⁶⁹. Приверженность руководства ВСНХ революционной позиции проявилась и в отношении другого организационного принципа управления — централизма. Его концентрированным воплощением были пресловутые главки. Не смотря на их очевидную неэффективность и оппозицию местных органов системе главкизма, Президиуму ВСНХ удалось, пойдя на некоторый компромисс, отстаивать свою позицию и в этом вопросе. В итоге съезд признал, что в условиях хозяйственной разрухи усиленная централизация управления народным хозяйством становится еще более необходимой, но в то же время указал, что она должна сочетаться с работой местных хозяйственных органов. В резолюции было также

записано, что основная задача всех органов — борьба с бюрократизмом и волокитой, т.е. с пороками существовавшей системы централизованного управления.

Еще одна важная проблема, по которой была продолжена дискуссия на III съезде совнархозов, это трудовая повинность и трудовые армии. Как известно, в советской историографии бытовала практика отделять позицию «врага народа», «антиленинца» и «антипартийца» Троцкого по вопросам принудительного труда как ошибочную от позиции Ленина и партийного курса в целом. Выше уже говорилось о совпадении взглядов Троцкого с позицией Ленина и ЦК. Эта же точка зрения была представлена и в докладе Троцкого на съезде совнархозов. В основу его доклада были положены «Тезисы ЦК РКП(б) о мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд», автором которых он сам и являлся.

Таким образом, расхождения по вопросам экономического строительства среди большевистских лидеров были довольно острыми и по мере приближения IX съезда партии в полемику по поводу тезисов ЦК включались все новые лица. Наиболее основательно они были проанализированы в работах старейшего члена партии и члена Реввоенсовета Кавказского фронта С.И.Гусева. Накануне съезда в качестве материала для обсуждения им были опубликованы две брошюры. Первая брошюра «Очередные вопросы хозяйственного строительства» имела особый гриф «только для членов партии». Она была подготовлена в рекордно короткий срок: написание и издательский процесс заняли всего три дня. По мнению Гусева внимание съезда должно было сосредоточиться на четырех основных хозяйственных вопросах: единый хозяйственный план, трудовые мобилизации, милитаризация хозяйства, трудовые армии. Анализируя тезисы ЦК, он отмечал отсутствие в них главного вывода: о катастрофическом положении хозяйства. В связи с этим Гусев считал необходимым сосредоточить усилия партии на самом главном, беспощадно отбросив все остальное. «Чем сложнее положение, тем более простым, грубым, прямолинейным и беспощадным должен быть единый хозяйственный план»¹⁷⁰, — отмечалось в брошюре. Главной задачи, которая должна быть определена планом в первый период, по мнению Гусева, являлось восстановление транспорта, подвоз и образование запасов хлеба, топлива и сырья. При этом были жизненно необходимы переход от заготовки дров непосредственно к электрификации и переброска части промышленности к источникам сырья и энергии. Он считал, что необученную рабочую силу нужно использовать для восстановления транспорта и строительства мощных электростанций

у источников топлива, что позволит в дальнейшем отказаться от ее применения и уберечь леса от тотальной вырубki. Поддерживая решение ВЦИК о милитаризации железнодорожного транспорта, Гусев предложил также использовать дореволюционный опыт введения чрезвычайных мер на транспорте, в том числе и систему наказаний: аресты на срок до трех месяцев, увольнение без суда и следствия, учреждение железнодорожных военных трибуналов. Что касается практики проведения трудповинностей, то Гусев считал приоритетной задачей обработку наделов красноармейцев и трудармейцев силами мобилизованных на трудповинность крестьян. Ради этого, по его мнению, можно было даже временно пожертвовать совхозами. Брошюра Гусева вызвала одобрение Ленина, как по своей форме, так и постановкой вопроса о центральном месте единого хозяйственного плана в восстановлении народного хозяйства. В докладе Ленина на IX съезде партии она была названа «лучшей вещью», а в проект резолюции съезда было внесено предложение Гусева о том, что хозяйственный план должен представлять собой не сумму производственных программ, сформированных на основе данных различных органов, а, наоборот, он должен определять параметры производственных программ¹⁷¹.

В качестве материала к съезду Гусев издал еще одну брошюру — «Трудовые мобилизации и трудовые армии в Саратовской губернии». Она была написана на основании опыта трудовых повинностей по заготовкам дров и снегоочистке, которые были проведены армией и мобилизованным военным аппаратом местным населением. Отмечая успешную работу трудармейцев, Гусев видел главную причину хороших результатов в устранении междуведомственности и четкой организации работ на основе полной милитаризации и единоначалия. Большое влияние на состояние дисциплины трудармейцев, как указывалось в книге, оказали два фактора: присутствие на каждом участке работы политработников и выездные сессии ревтрибунала. Сессии на месте разбирали дела и тут же публично выносили приговоры. Мобилизация населения на снегоочистку была проведена военным аппаратом с опорой на части ВОХРа. В уездах мобилизацией руководили тройки, а в волостях двойки. При этом в нарушение Кодекса законов о труде к трудповинности привлекались мужчины старше 50 лет. Кроме этого, на тяжелые работы по снегоочистке были мобилизованы даже женщины, что вызвало сильное недовольство крестьян. Работу местных органов по организации трудповинности Гусев охарактеризовал как «разгильдяйство», «расхлябанность», «полное неумение, хотя бы частично, милитаризоваться, воспринять, хотя бы частично, военные методы и военный темп работы»¹⁷².

По мнению Гусева, использование армии для выполнения трудовых заданий можно было начать и раньше. С таким предложением он обращался к руководителям ВСНХ, Наркомпрода и НКПС еще в феврале 1919 г. в статье «Отношения между ведомствами», опубликованной в «Правде»¹⁷³. В ней говорилось о возможности использования отдельных частей и армейских аппаратов для восстановления дорог, мостов, заготовки, сбора и погрузки хлеба, восстановления фабрик и заводов. При этом армейские аппараты должны были работать под руководством и контролем местных органов соответствующих наркоматов. Однако, использованию армии в то время помешало увлечение междуведомственными совещаниями и упорство отдельных учреждений, уверявших, что у них все благополучно. Исходя из практического опыта трудовых армий в Саратовской губернии, Гусев сделал общий вывод о том, что военные методы организации работ вполне оправдали себя. Он предложил создать вместо бесправных комитетов по трудовой повинности органы с диктаторским полномочиями — трудовые ревкомы. Они выполняли бы хозяйственный план «железной рукой» и с «величайшей беспощадностью». Трудревкомы, по мнению Гусева, должны были не только проводить мобилизации, но и иметь право предварительной проверки обоснованности требований рабочей силы, рациональности плана работ, обеспеченности мобилизованных продовольствием, инструментами и прозодеждой. Констатируя неспособность Главкомтруда справиться с возложенными на него обязанностями, Гусев резко ставил вопрос о необходимости выбора между Главкомтрудом и междуведомственностью, с одной стороны, и централизмом и трудревкомами, с другой. Он считал, что у центра должно быть право, перебрасывать рабочую силу из любого хозяйственного района в другой район. Также как, например, Троцкий и Бухарин, он считал целесообразным использование принудительного труда в форме трудовых армий и в мирное время. «У нас имеются два типа трудармий: 1) трудармии из бывшей Красной армии, 2) местные трудовые армии, организуемые из местного населения с использованием на работы местных воинских частей (Саратовская губ.). Они не имеют строго оформленной организации, но все же милитаризованы настолько (единоличное начало, принудительность, централизация снабжения), чтобы быть признанными армиями... Наконец, намечается еще один тип трудармий для наиболее важных производственных районов (угольные и нефтяные), которые по самому характеру производства (непрерывность) должны стать постоянными армиями»¹⁷⁴, — писал Гусев.

Противоположной точки зрения придерживался видный экономист и государственный деятель Е.А.Преображенский. В статье, публикация которой совпала с началом работы съезда, он высказался против содержания постоянных трудовых армий. Он не видел «ни малейшего смысла строить постоянную армию труда в тех случаях и в той мере, в какой соответствующая работа может быть выполнена путем разверстки труда между крестьянством»¹⁷⁵. При этом он соглашался с временным использованием армии в качестве трудовой силы до тех пор, пока по военным соображениям она не могла быть распущена. Однако по минованию военной необходимости он считал целесообразным провести демобилизацию и использовать труд крестьян путем трудовой разверстки. По мнению Преображенского, в представленных на обсуждение тезисах ЦК нужно было разграничить два вида неквалифицированной («грубой») рабочей силы: постоянной в форме трудовых армий и сезонной. При этом он считал важным подчеркнуть, что в ближайшие годы более важное экономическое значение будет иметь трудовая повинность в форме трудовой разверстки, а не в форме постоянных трудовых армий.

Во многих статьях, публиковавшихся в ходе предсъездовской дискуссии на страницах «Правды», противниками использования трудовых армий в мирное время приводился и тот факт, что содержание военного аппарата «съедает» эффективность труда бойцов¹⁷⁶. Однако, никто из оппонентов не говорил о принципиальной неприемлемости принудительного труда в мирное время. Спор шел лишь о допустимых формах его использования.

Кульминационной точкой в дискуссии между сторонниками и противниками единоначалия, хозревкомов и трудовых армий стал IX съезд партии, состоявшийся в конце марта — начале апреля 1920 г. Обращаясь от имени ЦК к делегатам, Ленин сказал: «Мы заняли определенную позицию. Ваша обязанность окончательно утвердить, исправить или изменить наше решение»¹⁷⁷. Эта позиция была сформулирована в докладе Троцкого «О хозяйственном строительстве». Отвечая на критику трудовых армий в связи с низкой производительностью труда и дезертирством трудармейцев, Троцкий назвал эти утверждения не только ложью, но и заявил, что они направлены против социалистической организации труда в переходный период. По существу он ставил знак равенства между принуждением и социалистической организацией труда. Как отмечалось в докладе, в условиях планового хозяйства рабочая сила должна быть перебрасываема, назначаемая, командирована точно так, как солдаты. А к тем, кто не выполняет плановые наряды, должны приниматься карательные меры. По мнению Троцкого милитари-

зация рабочего класса немыслима без милитаризации профсоюзов. Именно они должны были установить такой режим, «при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если он не выполнит — он будет дезертиром, которого карают»¹⁷⁸.

На съезде вновь разгорелась полемика вокруг позиции ЦК, сформулированной в докладе Троцкого. Так, Осинский, выступавший с содокладом, высказался против чрезмерной милитаризации труда и слепого подчинения военным образцам. «Неправильно делать Совтрудармы областными хозяйственными органами. Это значило бы подчинить гражданский аппарат военному и вносить ломку в сложившийся аппарат. Неправильно также создавать особые хозяйственные областные органы, не создавая областных органов власти»¹⁷⁹, — заявил он. Осинский говорил также о том, что уничтожение коллегиального управления приведет и к ликвидации принципа демократического централизма. Он предложил ввести в хозяйственных органах сокращенные коллегии, исключая мелкие и милитаризованные предприятия. В отличие от Томского, который считал, что коллегия — единственный способ вовлечения широких масс в управление, Осинский привел в защиту коллегиальности другой аргумент. Он видел в ней высшую ступень школы управления, которая дает возможность подготовить рабочих к наиболее ответственной работе и полному овладению государственным аппаратом, а, значит, защищает от бюрократизма. При этом Осинский заявил, что его позиция по вопросу коллегиальности не совпадает с позицией руководства ВСНХ, так как, защищая коллегиальность, они стараются прикрыть и сохранить бюрократические приемы своего ведомства. По мнению Осинского, и милитаризация и единоначалие в управлении могли вводиться только по заключению хозяйственных и профсоюзных центров.

Второй содокладчик Троцкого — Рыков говорил о необходимости частичного сокращения и демобилизации армии. «Я за использование любого человека, но я не вижу в армии системы организации труда. Я полагаю, что армия есть временное явление»¹⁸⁰, — заявил он. Он считал, что использование армейского опыта в организации промышленности не может гарантировать ее успешного развития.

Выступая в прениях по докладу Троцкого, Бухарин, в частности, ответил тем критикам, которые окрестили милитаризацию крепостным правом. «Товарищи, возражающие против этого, не видят, что милитаризация есть не что иное, как самоорганизация рабочего

класса и организация рабочим классом других, близко к нему стоящих классов»¹⁸¹, — сказал он. Именно из этого положения Бухарин выводил необходимость милитаризации, называя ее позвоночным хребтом.

И все же благодаря массированной агитации и интенсивной работе по привлечению союзников на местах Ленину и ЦК партии удалось добиться поддержки у большинства делегатов. В итоге в резолюции съезда «Об очередных задачах хозяйственного строительства» был закреплен принцип единоначалия во всех звеньях производственно-административного аппарата¹⁸².

К съезду были также приурочены и мероприятия по практическому инструктажу местных работников. Так, в последний день съезда начало свою работу двухдневное совещание Главкомтруда с делегатами¹⁸³. Примечательно, что представители оппозиционной линии в совещании не участвовали. На нем выступил представитель Наркомтруда А.М.Аникст с докладом о деятельности Главкомтруда, а председательствовавший Дзержинский сформулировал его задачи. Выступавшие делегаты говорили о необходимости усиления Главкомтруда за счет партийных инструкторов на местах и активизации агитации среди населения, о предпочтении разверстки по волостям и урочной системы при проведении трудповинностей. Представители с мест говорили также, что центр засыпает комтруды заданиями, а отсутствие точных инструкций приводит к хаосу. Были высказывания и о том, что существующие комтруды из-за межведомственной организации не могут иметь авторитета и должен быть создан орган, наделенный властью, а не прибегающий к авторитету партии. Участвовавший в совещании С.И.Гусев помимо уже звучавшего тезиса о создании ревкомов по труду предложил возложить функции комиссий по труду на партийные и профсоюзные ячейки. Обсуждался также вопрос о взаимоотношениях местных и фронтовых органов при проведении трудповинностей. В итоге мнения участников совещания нашли отражение в резолюции IX съезд партии.

В целом дискуссия весны 1920 г. показала наличие двух течений в высшем руководстве страной. В условиях перехода к мирной жизни большинство лидеров профсоюзов и ВСНХ пытались опереться на экономические методы хозяйствования — улучшение продовольственного положения рабочих, отстранение от народного хозяйства военных организаций. Руководство партии в лице Ленина, Троцкого, Бухарина делало ставку на чрезвычайные методы, по преимуществу военные, которые позволили бы в короткий срок справиться с дезорганизацией и дали сравнительно быстрые результаты.

Последняя точка зрения победила и получила практическое воплощение в деятельности системы органов принудительного труда.

Примечания

- ¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 333. Т. 3. С. 542.
- ² Там же. Т. 16. С. 9.
- ³ Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств. 1917–1932. М., 1984. Этот лозунг писали также на агитационном фарфоре, выпускавшемся в эти годы.
- ⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 264.
- ⁵ См. подробнее: *Соколов А.К.* Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х гг.) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 4. М., 2000.
- ⁶ VI съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С. 154.
- ⁷ *Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 168.
- ⁸ *Валобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 398.
- ⁹ Подробнее см.: *Мау В.А.* Реформы и догмы 1914–1929. М., 1993.
- ¹⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 43–44.
- ¹¹ Там же. С. 451–452.
- ¹² Там же. Т. 32. С. 75–76. «Новое» Временное правительство – первое коалиционное Временное правительство, в которое по соглашению с исполкомом Петросовета вошли представители эсеров и меньшевиков – 6 министров-«социалистов».
- ¹³ VI съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С. 150–154.
- ¹⁴ Там же. С. 157.
- ¹⁵ Там же. С. 160.
- ¹⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 174, 428.
- ¹⁷ Там же. С. 429.
- ¹⁸ Протоколы Президиума ВСНХ. Декабрь 1917–1918 гг. Сб. док. М., 1991. С. 84.
- ¹⁹ *Аникст А.* Организация распределения рабочей силы. Статьи и доклады за 1918–1920 гг. М., 1920. С. 38, 42.
- ²⁰ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 87. Л. 52.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 31. Л. 21–22.
- ²² *Аникст А.* Указ. соч. С. 67.
- ²³ Известия ВЦИК. 1919. 25 мая.
- ²⁴ *Аникст А.* Указ. соч. С. 68.
- ²⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 87. Л. 52.
- ²⁶ Там же. Д. 218. Л. 60 об.
- ²⁷ Труды I съезда совнархозов. М., 1918. С. 382.

²⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 228. Л. 46.

²⁹ *Струмилин С.Г.* Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913–1922 гг. М., 1923. С. 28.

³⁰ Труды I съезда совнархозов. С. 383.

³¹ Там же.

³² *Струмилин С.Г.* Указ. соч. С. 20.

³³ Отчет ВЦСПС за 1919 г. М., 1920. С. 193.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 68. Л. 17 об.–26 об.

³⁵ Там же. Оп. 2. Д. 16. Л. 1.

³⁶ Напротив, по мере продвижения Красной армии на Восток выяснялось, что у населения прифронтовой зоны имеются значительные запасы хлеба. Так, у крестьян Ирбитского уезда по сообщению командования Восточным фронтом в ноябре 1919 г. все еще оставался хлеб урожая 1917–18 гг., а новый урожай был не тронут. При этом в ряде уездов наблюдалось лояльное отношение к советской власти и крестьяне добровольно сдавали хлеб. «Настроение населения [к] белым враждебно, все обобраны до нитки, отношение [к] нам хорошее», — сообщалось Штабом 5-й армии. По словам перебежчиков даже кулаки, натерпевшиеся от белых, симпатизировали в этот период большевикам. Красноармейцы, оказавшиеся в сравнительно сытом положении, также пытались помочь голодающему Центру. Например, красноармейцы 120-й дивизии 3-й армии, лежавшие в госпитале, решили отчислять в течение месяца по полфунта хлеба в пользу Центра (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 86. Л. 63, 73, 74, 92).

³⁷ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 852. Л. 57, 58. См. также: *Каменецкий И.В.* Как Петроград боролся с голодом в годы войны и революции. К предварительным итогам 4-летнего развития Петроградского огородничества. Пг., 1921. (Примечательно, что доход от издания этой брошюры был перечислен в пользу голодающих.)

³⁸ Экономическая жизнь. 1920. 7 ноября.

³⁹ Статистика труда. 1918. № 2–3.

⁴⁰ *Струмилин С.Г.* Питание Петроградских рабочих в 1918 г. // Новый путь. 1919. № 4–5. С. 9–10.

⁴¹ *Струмилин С.Г.* Кризис недопроизводства рабочей силы // Экономическая жизнь. 1920. 9 октября. По всей видимости, к этому времени автор «забыл» о своей поправке на снижение веса рабочих и использует физиологическую норму, равную 2 тыс. калорий.

⁴² Известия ВЦИК. 1918. 29 ноября.

⁴³ *Гольцман А. (Баярков Я.)* Регулирование и натурализация заработной платы. М., 1918. С. 65.

⁴⁴ *Рыков А.И.* Статьи и речи. Т. 1. М., 1927. С. 95, 124.

⁴⁵ Новый путь. Пг., 1919. № 4–5. С. 104.

⁴⁶ *Гольцман А.* Указ. соч. Приложение. С. IV–V. Нынешние члены профсоюзов и не подозревают, что существующий сейчас способ уплаты членских взносов путем бухгалтерской операции был предложен Гольцманом еще в декабре 1918 г., но руководство профсоюза металлистов отвергло это предложение. (См.: Металлист. 1919. № 1).

⁴⁷ О романтическом восприятии периода военного коммунизма свидетельствует, в частности: *Крицман Л.* Героический период русской революции (Опыт анализа так называемого «военного коммунизма»). М.; Л., 1926.

⁴⁸ См.: Арский // Экономическая жизнь. 1919. № 21, 23.

⁴⁹ Кий // Северная коммуна. 1919. № 32.

⁵⁰ Рыков А.И. Указ. соч. С. 209.

⁵¹ *Рыков А.И.* Экономическое положение Советской России. Доклад на объединенном заседании III съезда совнархозов, Моссовета и профсоюзов 25 января 1920 г. М., 1920. С. 30. Говоря о крайне тяжелом состоянии экономики, Рыков особо остановился на состоянии промышленного производства на Востоке страны. Так, до освобождения Урала на советской территории были потушены все домы, и промышленность существовала только за счет запасов, находившихся на складах, на фабриках и заводах. Примечательно, что в докладе было сказано, но без указания причин, и об исходе вместе с войсками Колчака до 96% техников и «громдного количества» квалифицированных рабочих. При этом с заводов была увезена различная документация и оборудование, часть предприятий была разрушена. Современному экономическому положению России был посвящен и доклад Троцкого, выступившего в этой же аудитории вслед за Рыковым. Он примечателен, прежде всего, как образец ведения политической дискуссии, в которой одно понятие ловко подменяется другим. Главный вопрос, на который Троцкий пытался ответить в своем докладе: виновны ли советский режим в экономическом кризисе, постигшем страну? Такая острая формулировка вопроса впервые прозвучала из уст большевистского лидера и была продиктована обвинениями со стороны западных социалистов. В частности, К.Каутский в книге «Россия» утверждал, что советский режим несовместим с развитием хозяйства. Полемизируя с этим утверждением, Троцкий охарактеризовал экономическое положение стран Западной Европы. Экономику Германии он определил как «все возрастающий упадок», Австрию назвал страной тьмы, нищеты и всеобщей безвыходности, железные дороги которой «не в лучшем положении, чем наши». Аналогичная разруха царил и в странах-победительницах. На основе этих утверждений Троцкий сначала сделал вполне закономерный вывод о разрушительном влиянии войны, но затем, противореча самому себе, он заявил в большевистском духе: «У людей не хватает больше энергии, решимости, воли, охоты, способности тянуть дальше ярмо капитализма». В связи с этим Троцкий даже привел слова американского капиталиста Вандерлипа о том, что Европа охвачена трудовым параличом, волной всеобщей лени и пассивности. Наконец, отвечая на главный вопрос, Троцкий заявил, что еще более тяжелое положение экономики России по сравнению с Европой коренится, конечно, не в политике советской власти и, в частности, экспроприации предприятий и железных дорог. А в отсутствии топлива и сырья, без которых не будет работать ни одна фабрика, независимо от формы ее собственности. Таким образом, внутренние причины экономического кризиса (революция и

связанная с ней Гражданская война, которые еще более усугубили последствия I мировой войны) были подменены в докладе их следствием. (См.: *Троцкий Л.* Речь на Всероссийском съезде совнархозов. М., 1920).

⁵² Так, 20 октября 1920 г. оргбюро ЦК утвердило представленный Президиумом ВСНХ список из 21 образцового предприятия и приняло циркуляр ЦК об усилении партийной работы на образцовых предприятиях, проект которого был также составлен в ВСНХ (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 81. Л. 5, 63–64).

⁵³ Протоколы Президиума ВСНХ 1920 год. М., 2000. С. 209.

⁵⁴ Экономическая жизнь. 1920. 27–30 июня.

⁵⁵ Многие из этих предложений были учтены в постановлениях правительства 1920–1921 гг., о которых еще будет рассказано. Так, уже 7 июля 1920 г. СТО принял постановление «О мероприятиях по снабжению рабочей силой ударных отраслей народного хозяйства» (ДСВ. Т. IX. С. 204–205).

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 16. Л. 301.

⁵⁷ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 853. Л. 7.

⁵⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 117, 146, 374, 144–145. Т. 40. С. 117, 120.

⁵⁹ *Рыков А.И.* Статьи и речи. Т. 1. С. 165.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 325. Л. 5.

⁶¹ Декреты Советской власти. Т. 7. С. 274.

⁶² ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 3. Д. 29. Л. 275.

⁶³ Так, например, с осуждением было встречено намерение Московского железнодорожного узла карать арестом и принудительными работам за опоздания и невыход на работу, за последнее нарушение полагался арест от 3 до 7 суток с применением принудительных работ. См.: *Новый путь.* Пг., 1919. № 4–5. С. 97.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 3. Д. 29. Л. 280.

⁶⁵ Там же. Л. 276. При отдельном голосовании пункта о концлагере голоса разделились следующим образом: 16 — «за», 7 — «против».

⁶⁶ Там же. Оп. 4. Д. 130. Л. 34.

⁶⁷ Там же. Д. 113. Л. 43.

⁶⁸ *Иозефович С.* Дисциплинарные товарищеские суды // *Вестник труда.* 1922. № 3–4 (18–19). С. 57.

⁶⁹ *Егоров К.* Московские товарищеские дисциплинарные суды за 1920 г. М., 1921. С. 9.

⁷⁰ Там же. С. 11.

⁷¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 225.

⁷² РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 20. Л. 131.

⁷³ ГАРФ. Ф. 5459. Оп. 2. Д. 80. Л. 43.

⁷⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 190–191.

⁷⁵ Известия ВЦИК. 1919. 18 апреля.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 111. Оп. 22. Д. 91. Л. 140.

⁷⁷ ДСВ. Т. 5. С. 152.

⁷⁸ Известия ВЦИК. 1920. 12 февраля.

- ⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 111. Оп. 22. Д. 91. Л. 136 об.
- ⁸⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 500. Л. 7.
- ⁸¹ Известия ВЦИК. 1919. 24 декабря.
- ⁸² РГАСПИ. Ф. 111. Оп. 22. Д. 82. Л. 108.
- ⁸³ Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 82. Л. 18.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 25. Л. 4, 28.
- ⁸⁵ Там же. Д. 42. Л. 32.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Краус Т. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского переворота. 1917–1928. Будапешт, 1997. С. 67.
- ⁸⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 88. Л. 64.
- ⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 25. Л. 2 об.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 634. Оп. 2. Д. 21. Л. 2.
- ⁹¹ Там же. Л. 1 об.
- ⁹² Там же. Ф. 111. Оп. 22. Д. 443. Л. 796.
- ⁹³ Там же. Д. 82. Л. 25; Известия ВЦИК. 1920. 11 февр.
- ⁹⁴ Там же. Д. 782. Л. 11 об.
- ⁹⁵ Там же. Д. 442. Л. 2.
- ⁹⁶ Там же. Д. 18. Л. 74.
- ⁹⁷ Там же. Д. 82. Л. 10.
- ⁹⁸ Там же. Д. 782. Л. 5, 23 об.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 27. Л. 4.
- ¹⁰⁰ Там же. Ф. 634. Оп. 2. Д. 21. Л. 107.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 500. Л. 8.
- ¹⁰² Там же. Ф. 634. Оп. 2. Д. 21. Л. 27.
- ¹⁰³ Там же. Ф. 111. Оп. 22. Д. 443. Л. 88 об.
- ¹⁰⁴ Там же. Ф. 634. Оп. 2. Д. 21. Л. 51.
- ¹⁰⁵ Там же. Ф. 111. Оп. 22. Д. 443. Л. 216.
- ¹⁰⁶ По данным на конец 1920 г. насчитывалось 1313 ответственных работников профсоюзов, включая ВЦСПС. Из них 656 чел. работало в Цектрানে. (Там же. Ф. 94. Оп. 2. Д. 20. Л. 19).
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 47.
- ¹⁰⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 85. Л. 56.
- ¹⁰⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 315.
- ¹¹⁰ Так, в августе 1920 г. были милитаризованы рабочие и служащие ударных заводов, работавших на транспорт (см.: Декреты Советской власти. Т. 10. С. 54).
- ¹¹¹ Бюллетень Наркомтруда. 1918. № 7. С. 23.
- ¹¹² См.: Аникст А. Этапы развития Народного комиссариата труда. М., 1923. С. 18.
- ¹¹³ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 3. Д. 27. Л. 2.
- ¹¹⁴ Протоколы Президиума ВСНХ 1920 г. Сб. док. М., 2000. С. 148.
- ¹¹⁵ Отчет ВЦСПС за 1919 г. С. 200.
- ¹¹⁶ Аникст А. Указ. соч. С. 88, 89.
- ¹¹⁷ Правда. 1919. 16 октября.
- ¹¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 42. Л. 108 об.

- ¹¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 86. Л. 12.
- ¹²⁰ Там же. С. 11.
- ¹²¹ Цит. по: *Окунев Н.П.* Дневник москвича 1917–1924. Кн. 1. М., 1997. С. 250.
- ¹²² Так как на практике совнархоз Западной области не располагал необходимыми средствами, делегации от дружин приезжали за расчетом в Москву в ВСНХ. В связи с создавшимся положением Президиум ВСНХ был вынужден обратиться в феврале 1918 г. за разъяснениями в Совнарком (см.: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 219. Л. 1).
- ¹²³ Пролетарская революция. 1940. № 3. С. 57.
- ¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 14. Л. 77.
- ¹²⁵ ДСВ. Т. 8. С. 39–41.
- ¹²⁶ СУ. 1920. № 8. Ст. 49; № 11. Ст. 74.
- ¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 30. Л. 1.
- ¹²⁸ Известия ВЦИК. 1920. 12 марта.
- ¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 103. Л. 28об.
- ¹³⁰ *Рейхель М.* Трудовинность на Украине // Коммунист. Харьков, 1921. № 6. С. 30.
- ¹³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 29. Л. 3.
- ¹³² Коммунист. Харьков, 1921. № 6. С. 33.
- ¹³³ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 30. Л. 63.
- ¹³⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 86. Л. 50.
- ¹³⁵ ГАРФ. Ф. 7275. Оп. 1. Д. 1. Л. 81.
- ¹³⁶ Там же. Л. 168.
- ¹³⁷ Там же. Д. 392. Л. 12.
- ¹³⁸ Там же. Д. 391. Л. 36.
- ¹³⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 86. Л. 57.
- ¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 7275. Оп. 1. Д. 128. Л. 7.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 19.
- ¹⁴² Там же. Л. 17 об.
- ¹⁴³ Там же. Д. 30. Л. 23.
- ¹⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 74. Л. 168.
- ¹⁴⁵ Там же. Д. 102. Л. 45.
- ¹⁴⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 62. Л. 83–90.
- ¹⁴⁷ *Гимпельсон Е.Г.* Советский рабочий класс 1918–1920. М., 1974. С. 146.
- ¹⁴⁸ Беднота. 1920. 29 июля.
- ¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 100. Л. 68.
- ¹⁵⁰ Там же. Л. 66.
- ¹⁵¹ Там же. Д. 78. Л. 5.
- ¹⁵² ЦА ФСБ РФ. Ф. (8) 1. Оп. 4. Д. 84. Л. 2.
- ¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 16. Л. 262.
- ¹⁵⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 14. Л. 116.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 96.
- ¹⁵⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 105.
- ¹⁵⁷ *Ходоровский И.* Можно ли обойтись без милитарных приемов? // Правда. 1920. 27 февр.

¹⁵⁸ *Троцкий Л.Д.* Соч. Т. 12. М.: Л., 1925. С. 136, 137.

¹⁵⁹ *Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 168.

¹⁶⁰ Красная новь. 1921. № 1. С. 250.

¹⁶¹ Там же. С. 272.

¹⁶² Народное хозяйство. 1921. № 8–9. С. 228.

¹⁶³ Красная новь. 1921. № 1. С. 269.

¹⁶⁴ О том, насколько официальная картина событий могла не соответствовать реальным фактам, свидетельствует, в частности, работа Пятой Всероссийской конференции профсоюзов, которая была созвана в разгар дискуссии о профсоюзах. Во второй день работы конференции, 4 ноября 1920 г. с докладом от Президиума ВСНХ выступил А.И.Рыков. Характеризуя предпосылки восстановления народного хозяйства, он говорил, в том числе, и о роли профсоюзов в преодолении кризиса рабочей силы и борьбе с прогулами через организацию ими продовольственного снабжения рабочих и дисциплинарные суды. В качестве новой задачи, решить которую могли только профсоюзы, Рыков назвал производственную пропаганду. «Ценность профсоюзов и центральных комитетов заключается не в том, что они умнее, допустим, коллегии отделов, Президиума ВСНХ и т.д., а в том, что за ними должны стоять десятки, сотни, миллионы рабочих, организованных в профессиональные союзы», — сказал он в заключение. Как свидетельствует стенограмма конференции, прения по докладу не открывались, а на заседании 5 ноября по предложению президиума конференции была принята резолюция: «принять к сведению». В действительности же вслед за докладом состоялось его бурное обсуждение на заседании комфракции конференции. На нем прозвучала критика, как самой деятельности ВСНХ и его органов, так и стиля его взаимоотношений с профсоюзами. ВСНХ обвинили в отрыве от профсоюзов и бюрократизме. Говорили также о необходимости передачи профсоюзам функций Главкомтруда и Наркомата труда по вопросам организации труда и переброски рабочей силы. Для усиления связи профсоюзов с хозяйственными органами предлагалось организовать при профсоюзах специальные органы — экономические отделы. По результатам прений комфракция приняла секретную резолюцию, в которой была отражена прозвучавшая критика. В знак протеста против такой оценки своей работы Президиум ВСНХ принял решение о коллективной отставке и направил заявление в ЦК РКП(б). См. публикацию этих документов: *Борисова Л.В.* «Президиум ВСНХ считает необходимым заявить...» // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 88–91.

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 95. Он. 1. Д. 6. Л. 2.

¹⁶⁶ Труды VII Всероссийского съезда советов. М., 1919. С. 191.

¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 95. Он. 1. Д. 6. Л. 5.

¹⁶⁸ Там же. Л. 13.

¹⁶⁹ Резолюции III Всероссийского съезда совнархозов. М., 1920. С. 13. Открытие съезда, состоявшееся в Большом театре, по неизвестным причинам задержалось на полтора часа. Не исключена вероятность того, что

ЦК партии до последнего момента предпринимались попытки уладить разногласия.

¹⁷⁰ Гусев С.И. Очередные вопросы хозяйственного строительства (О тезисах ЦК РКП). Материалы к 9-му съезду РКП. Саратов, 1920. С. 8.

¹⁷¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 256–257. Гусев С.И. Указ. соч. С. 29–30.

¹⁷² Гусев С.И. Трудовые мобилизации и трудовые армии в Саратовской губернии. Материалы к 9-му съезду РКП(б). Саратов, 1920. С. 4.

¹⁷³ Правда. 1919. 8 февр.

¹⁷⁴ Гусев С.И. Указ. соч. С. 14. Примечательно, что расхождение во взглядах не помешало Рыкову ходатайствовать в августе 1920 г. перед ЦК о командировании Гусева на работу в Президиум ВСНХ и эта просьба была удовлетворена (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 59. Л. 4).

¹⁷⁵ Преображенский Е.А. О мобилизации грубой рабочей силы // Правда. 1920. 30 марта.

¹⁷⁶ См.: Ауссем Б. Двадцать три процента // Правда. 1920. 26 февр.; Ларин Ю. Практика трудовой повинности // Там же. 29 февр.; Струмиллин С. Кризис недопроизводства // Экономическая жизнь. 1920. № 225 и др.

¹⁷⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 250.

¹⁷⁸ Протоколы IX съезда РКП(б). Март–апрель 1920 г. М., 1960. С. 94.

¹⁷⁹ Там же. С. 125.

¹⁸⁰ Там же. С. 132.

¹⁸¹ Там же. С. 138.

¹⁸² Несмотря на решение съезда, Президиум ВСНХ некоторое время продолжал придерживаться принципа коллегиальности. Так, например, в апреле 1920 г. им был утвержден состав коллегии Главводхоза, а в мае совместно с ВЦСПС было отклонено предложение о введении единоначалия в Комитете государственных сооружений. Переход к единоначалию начался лишь в сентябре 1920 г. (РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1332. Л. 2. Д. 1335. Л. 129. Д. 1375. Л. 5. Д. 1377. Л. 6).

¹⁸³ Публикацию протокола совещания см.: Борисова Л.В. Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2001. С. 166–171.

Глава 2.

РАБОЧИЙ КЛАСС В УСЛОВИЯХ «ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА»

На протяжении всего советского периода господствовало представление о рабочем классе как активном стороннике большевистского режима, в том числе в годы революции и Гражданской войны. Хотя в официальной историографии и приводились некоторые факты забастовочного движения, но они интерпретировались как незначительные эпизоды, не имевшие отношения к истинному пролетариату. Иначе могла быть поставлена под сомнение идеологическая основа советского государства, называвшего себя диктатурой пролетариата. В действительности, как показывают рассекреченные документы, прежде всего, ЦК РКП(б) и других партийных и государственных органов, картина взаимоотношений между властью и ее официальной опорой была далека от всеобщего одобрения. «На фабриках и заводах наблюдается охлаждение к Советской власти. То, что Советская власть теперь делает по отношению к рабочему классу, противоречит общей линии поведения, всему тому, что было раньше. Между Советской властью и рабочим классом назревает антагонизм, который нельзя считать единичным явлением...»¹, — так была охарактеризована обстановка, сложившаяся к весне 1918 г., одним из членов Петроградского Совета профсоюзов.

Заметное влияние на активизацию социального поведения рабочих оказывали особенности хозяйственного уклада в различных регионах. В этой связи наиболее показательно активное неприятие новой власти полупролетариями-полукрестьянами Урала. Уральские рабочие заводских поселков имели свои хозяйства и благодаря высоким заработкам и наличию в собственности земли жили безбедно. Отсюда многочисленные городские и заводские восстания на Урале с конца 1917 г. по лето 1918 г., в том числе выступления металлистов Воткинского и Ижевского заводов².

В постреволюционных условиях, не смотря на демагогические заявления власти о защите трудящихся, рабочие были вынуждены на практике активно использовать то же испытанное средство борьбы, что и в дореволюционный период, забастовки. Таким обра-

зом, на фоне продолжавшегося падения производства и ухудшения снабжения городов хлебом начался новый этап борьбы рабочих за свои права. В большинстве случаев забастовки возникали стихийно и под чисто экономическими лозунгами. Как правило, причиной прекращения работы было тяжелое продовольственное положение, невыплата заработной платы, произвол партийных и государственных чиновников. Массовыми становятся проявления бунтарства, погромы, акты неповиновения. В ряде случаев к экономическим требованиям присоединялись и требования общедемократического характера. Еще одной формой проявления экономического недовольства рабочих являлось создание в противовес пробольшевистским профсоюзам новых политизированных профессиональных объединений.

Социальная активность рабочих имела два крайних проявления. Параллельно с развитием забастовочного движения нарастал процесс большевизации рабочих, ставший особенно заметным к середине 1918 г. Однако большевизация далеко не всегда была тождественна усвоению массами коммунистических идей. Для этой части рабочих, прежде всего, было характерно четкое разделение мира на своих и чужих. Последних воспринимали как злейших врагов, вплоть до оправдания их физического уничтожения. При этом даже активные сторонники новой власти, как правило, не разбирались в политических программах партий, а ориентировались на определенных лидеров. Крайним проявлением этих настроений стал красный террор, перечеркнувший общечеловеческие морально-этические нормы³. Как верно отметил историк В.П.Булдаков, «страсть к насилию над “мировой буржуазией” действительно овладела частью рабочих и служащих. Но на этом основании не стоит говорить о “сверхреволюционности” всей массы пролетариев»⁴.

Забастовочное движение

Протесты рабочих, как и постоянные крестьянские выступления, являлись повседневным, будничным явлением в политической жизни большевистской России. Лозунги, под которыми большевики пришли к власти, по многим причинам так и остались на бумаге. И среди них — обещание хлеба. Даже в коммунистической листовке, выпущенной к первой годовщине Октября в Петрограде, признавалось, что рабочие называют ее «голодной годовщиной»⁵. Наибольшую активность в первой половине 1918 г. проявляли рабочие Петрограда. Хотя масштаб рабочего недовольства в Москве

уступал Петрограду, но своей территориальной близостью к правительству вызывал у власти не меньшую обеспокоенность. При этом волнения на продовольственной почве возникали преимущественно на крупных предприятиях с традициями революционной борьбы и являвшихся опорой большевиков до их прихода к власти. Так, в середине апреля мощный взрыв недовольства произошел на московском заводе Бромлей, считавшемся твердыней большевизма.

Весной 1918 г. произошел еще целый ряд волнений и забастовок в различных городах. При этом недовольство не исчерпывалось только продовольственным вопросом. В апреле бастовали печатники в Ярославле, в Туле была объявлена забастовка на Оружейном и Патронном заводах. Беспокорство власти продолжали доставлять также железнодорожники. Так, в г. Коврове Владимирской губ. на собрании 12 марта железнодорожники потребовали перевыборов Совета. Вслед за этим последовал арест одного из выступавших. В ответ в знак протеста прошла массовая демонстрация железнодорожников, которую власти разгоняли с помощью оружия⁶.

С мая на почве голода, безработицы и недовольства рабочих ущемлением своих прав начинается быстрый рост протестных выступлений. По своему масштабу они значительно превзошли все предыдущие проявления протеста. Среди этих конфликтов особое место принадлежит событиям в Колпино⁷. Здесь впервые власть отреагировала на волнения на продовольственной почве расстрелом безоружных рабочих.

Конфликт начался 9 мая с волнения женщин, стоявших в очереди за хлебом. Когда администрация лавки, в которой сосредоточили всю хлебную торговлю, объяснила, что запасы распроданы, а новых поступлений в ближайшие два дня не будет, группа разгневанных женщин направилась к пожарному депо. Они хотели дать сигнал тревоги, однако встретили отпор красногвардейцев. В то же время народ стал собираться на городской площади. Красногвардейцы пытались прикладами разогнать толпу, но только усилили нервную обстановку. В этот момент произошел инцидент, повернувший события в трагическую сторону. Один из подростков бросился к охраняемому гудку на пожарном депо и сумел дать сигнал. В ответ помощник коменданта Красной гвардии Торопилов выстрелил в него. Несколько ружейных залпов произвели и подоспевшие красногвардейцы. Подросток был ранен, а испуганная толпа обратилась в бегство⁸. Вскоре на звуки гудка и стрельбы стали выбегать рабочие Ижорского завода, расположенного в Колпино. Однако красногвардейцы оттеснили их обратно на заводскую проходную. Был созван общезаводской митинг, на котором присутствовало около 2 тысяч

человек. Собрание постановило, немедленно переизбрать местный Совдеп, допустивший расстрел жен и детей рабочих, а также требовать ареста всех виновных. Однако власти проявили ничем не оправданную жестокость: при выходе с завода рабочие сами попали под огонь красногвардейцев. Один рабочий был убит (по другим данным два), несколько ранено. Вечером в городе прошли обыски и аресты, а на следующий день было введено военное положение. Тем не менее, рано утром 10 мая рабочие пытались пробраться на территорию завода, чтобы провести собрание, но эти попытки были подавлены огнем красногвардейцев. В результате, как минимум, 6 рабочих получили тяжелые ранения. Во второй половине дня в Колпино прибыли броневики, а на всех перекрестках появились пулеметы.

И все же рабочим Ижорского завода удалось 10 мая направить свою делегацию в Петроград. Ее сообщение о драме в Колпино получило бурный отклик, и привело к многочисленным митингам и акциям протеста в Петрограде, а затем и в других городах. В этот же день митинги с резким осуждением действий власти прошли на Обуховском, именно сюда сначала прибыла делегация из Колпино, и Путиловском заводах. А 11 мая — на Русско-Балтийском заводе, на заводе Симменс-Шуккерт, на Арсенале, на заводе Речкина. Свое возмущение в последующие дни высказали рабочие и многих других петроградских предприятий. При этом представители большевиков не испытывали ни малейших сожалений по поводу расстрела безоружных. Мало того, в обращении Петросовета «К сведению всех», опубликованном на следующий день после похорон, утверждалось, что беспорядки спровоцировали правые эсеры и меньшевики. А в качестве вывода из случившегося власти города заявили: «Советская власть всякие шестивия и выступления будет рассматривать, как прямую помощь внешнему врагу и будет беспощадно их подавлять»⁹. Показательным в этом отношении был также двухтысячный митинг на Семяниковском заводе, на котором делегация с Обуховского завода доложила о событиях в Колпино. На митинге, не смотря на взрыв негодования, вызванный докладом, большевик, редактор «Красной газеты» М.И.Лисовский заявил: «Если во имя социализма придется расстреливать, то Советская власть будет расстреливать и впредь»¹⁰. Реакция на это заявление была неоднозначной. Часть возмущенных рабочих немедленно бросилась к оратору с явным намерением, учинить расправу. В то же время группа примерно в 40 человек встала на защиту Лисовского от толпы. Необходимо также отметить, что заявление Лисовского отражало позицию той части рабочих, которые по разным причинам, в том числе и под влиянием монополии коммунистической агитации, поддерживали политику

большевиков. Тем не менее, на митинге приняли требования: увеличить хлебный паек, немедленно созвать Учредительное собрание, установить контроль над правительственными учреждениями, переизбрать Петросовет, заменить наемную армию всеобщим вооружением рабочих.

В массовую политическую акцию превратились похороны жертв расстрела, прошедшие 14 мая. Не смотря на противодействие властей, в похоронной процессии участвовало более тысячи человек. Из Петрограда в Колпино приехали представители многих петроградских заводов: Арсенала, Патронного, Путиловского, Обуховского, Русско-Балтийского, Сименс-Шуккерта, Невской писчебумажной фабрики, Вагоностроительного и др. В похоронах приняли также участие представители Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов, организаций эсеров Колпино. Некоторые из них шли с заводскими знаменами, манифестанты пели революционные песни. На могилу погибших были возложены венки с многозначительными надписями. Так, от ЧС УФЗ — «Жертвам произвола — защитникам голодных», от завода «Арсенал» — «Жертвам голодных — погибшим от сытой власти»¹¹. Расстрел рабочих как метод подавления забастовочного движения отражал принципиальную позицию большевистской власти. Он неоднократно применялся не только в первое послереволюционное десятилетие, но и на протяжении всей советской истории.

Весной 1918 г. стали организовываться альтернативные политические организации рабочих, противостоявшие пробольшевистской позиции профсоюзов и советов. Позже за ними закрепилось название «Собрания чрезвычайных уполномоченных от фабрик и заводов». Первые собрания уполномоченных были организованы в «колыбели русской революции» Петрограде: на Арсенале, Путиловском, Патронном, Трубочном и ряде других заводов. При этом глава Петросовета Г.Е.Зиновьев пытался перевести новое движение на большевистские рельсы. Он считал, что представителей рабочих отдельных предприятий нужно приглашать на специально созданные районные совещания при советах. Там, по его мнению, рабочие могли бы объединиться, чтобы обсуждать насущные вопросы. Не смотря на развернутую кампанию в печати, единственное такое совещание было проведено в Рождественском районе Петрограда, но, по всей видимости, неудачно, так как в дальнейшем они не проводились. С самого начала в деятельности собраний уполномоченных были определены два главных направления противостояния власти: борьба против Брестского мира и задача вытеснения советов новыми классовыми организациями рабочих.

При этом, однако, не упускались из вида и повседневные проблемы, которые всегда находили горячий отклик в рабочей аудитории: продовольственный и топливный кризисы, безработица.

Вслед за Петроградом собрания уполномоченных были организованы также в ряде крупных промышленных центров: Москве, Коломне, Туле, Орле, Нижнем Новгороде, Сормове, Кулебаках, Твери, Вологде и др. По политической принадлежности состав их участников был довольно широким. Среди них были меньшевики, эсеры, бундовцы, даже член ЦК Социал-демократической партии Латвии. Активное участие в руководстве принимали также известные деятели профсоюзов: член исполкома ВЦСПС меньшевик В.Г.Чиркин, член правления Петроградского союза металлистов И.Г.Волков и др. Среди уполномоченных было немало беспартийных рабочих, главным образом, крупных металлообрабатывающих заводов. Однако, не смотря на пестрый состав, в движении явно просматривалось идейное и организационное влияние меньшевиков. При этом всегда отвергались звучавшие в большевистской прессе обвинения в променьшевизме и проэсерстве¹². Выражаясь современным языком, собрание уполномоченных позиционировало себя как представитель независимых рабочих организаций, за которыми стояли десятки тысяч рабочих. Если основываться на данных, что выборы 35 делегатов на «рабочий съезд» проходили по норме — 1 делегат от 5 тысяч рабочих, то можно считать, что движение уполномоченных к лету 1918 г. поддерживало не менее 175 тысяч рабочих. По некоторым сведениям в движении участвовали также представители служащих и кооперации.

Главным направлением в деятельности движения уполномоченных стала подготовка и проведение независимого Рабочего съезда. Причем, решение провести его не в Петрограде, что было бы вполне логично, учитывая наибольшую активность его представителей; а в новой столице государства должно было продемонстрировать власти авторитетность и серьезность намерений новой организации.

Идея всероссийского Рабочего съезда как очередная задача рабочего движения впервые возникла еще в годы первой русской революции 1905 г. Сначала проведение беспартийного Рабочего съезда связывалось с бойкотом выборов в Булыгинской думы. Затем в условиях легализации профсоюзов эта идея рассматривалась как форма борьбы за единство профессионального движения. Еще одна попытка реализовать созыв Рабочего съезда последовала вслед за разгоном I Государственной думы. Затем она неоднократно поднималась в партийных документах РСДРП, в том числе и летом 1918 г.¹³ Примечательно, что большевики уже в этот период выступали с

резкой критикой идеи проведения Рабочего съезда. Таким образом, очевидно, что собрание уполномоченных было исторически связано с идеологией меньшевизма. Об идейной близости с меньшевизмом свидетельствует также «наказ делегации к московским рабочим», данный Чрезвычайным собранием уполномоченных фабрик и заводов Петрограда своей делегации на Рабочем съезде¹⁴. Отмечая рост голода, безработицы и бесправия, в наказе говорилось: «Нашим именем прикрылась власть, враждебная нам, власть противонародная, власть принесшая нам только муки и бесчестье. Пусть она уйдет. Она обещала нам социализм и разрушила своими бессмысленными опытами все народное хозяйство. Какой социализм она могла ввести в отсталой земледельческой стране, в которой рабочие составляют маленькую часть и плохо организованы, в стране без техники, без культуры, разбитой войной? [...] Наши организации разрушены. Сделавшись органами власти в “социалистическом” отечестве, они не защищают больше нас. Мы распылены, разоружены, разбиты. Без союзов, без права стачек, без свободы печати, против своих и немецких капиталистов, против казенного капитализма, защищаемого ружьями и пулеметами, мы слабее и беззащитнее, чем при царизме»¹⁵. Примечательно, что в тексте наказа был также явный намек на расстрел в Колпино, что свидетельствует о знаковом значении этих событий для рабочего движения.

В наказе также резко осуждался внешнеполитический курс большевиков и, в частности, его болевая точка — заключение Брестского мира. В нем говорилось, что «советская власть купила жизнь ценой Брестского мира», пожертвовав интересами мировой революции. Как известно, Брестский мир вызвал волну осуждения не только со стороны политических оппонентов большевиков, но и раскол внутри партийно-государственного руководства, выразившийся в демарше левых коммунистов и конфликте в верхушке профсоюзов. Немало противников Бреста было и среди рабочих, так что в данном случае наказ мог отразить совпадение партийных и обывательских настроений. Однако, призывы, следовавшие в развитие этого сюжета, о борьбе за независимость Родины, о единой свободной Российской республике, о непризнании мира с Германией в случае их реализации могли втянуть обессилившую страну в новую войну. Заканчивался наказ призывами к борьбе: «За восстановление власти народа, за Учредительное собрание, за демократические органы. За восстановление народного хозяйства, против опыта советского социализма, за свои независимые организации. За прекращение гражданской войны и восстановление всех свобод. За всеобщее вооружение народа. За разрыв Брестского договора и против союза с

Германией»¹⁶. По всей видимости, этот широкий круг проблем и намечалось обсудить на предстоявшем Рабочем съезде.

Активная подготовка к предстоявшему съезду проводилась и другими региональными организациями движения. Так, 9 июня уполномоченными фабрик и заводов Нижегородской и Владимирской губерний была созвана рабочая конференция в Сормово. Это было одно из знаменательных событий российского рабочего движения. Как было указано в «бюллетене о деятельности бюро конференции», датированном 10 июня – 1 июля 1918 г., на ней присутствовали представители от 74 тысяч рабочих Нижегородской и части Владимирской губернии. Однако в этот же день конференция была разогнана. Против безоружных делегатов открыли огонь и были жертвы. По утверждению участника конференции меньшевика М. Гуревича, в этот момент на улице помимо митинговавших находилось также большое скопление гуляющей в выходной день публики. В результате стрельбы двое было убито, 9 человек получили серьезные ранения и 10 легкие¹⁷. Однако, проявив мужество и стойкость, 10 июня делегаты собрались вновь, и конференция приняла ряд постановлений и резолюций. Так, в резолюции по текущему вопросу, в основу которой был положен наказ Петроградских рабочих, ставилась задача скорейшего созыва Всероссийского рабочего съезда. Резолюция по продовольственному вопросу содержала требования свободы закупок, свободной деятельности кооперативов, отмены твердых цен. Свидетельством тому, что движение уполномоченных находилось еще на стадии оформления, являлось значительное внимание конференции к организационным вопросам. Так, были сформированы руководящие органы движения: избрано Бюро, в которое вошли представители Нижнего Новгорода, Канавино, Сормова, Кулебак, Выксы, Павлова, Ворсмы (Нижегородская губ.), Вязников, Коврова, Муром (Владимирской губ.), и выделенный из его состава постоянный президиум, пополнен состав пленума. В Бюро вошли также представители меньшевиков, эсеров и Бунда.

Значительное место в работе конференции заняла также дискуссия об отношении к советам. Политические амбиции движения уполномоченных были таковы, что было принято решение, там, где созданы собрания уполномоченных, отзывать представителей рабочих из советов. Таким образом предполагалось изолировать советы от рабочих масс. В итоге конференция приняла резолюцию о полной невозможности в создавшихся условиях работать в советах и необходимости выхода из них. Было решено также открыть широкую кампанию за перевыборы правлений профсоюзов и их центрального органа – совета профсоюзов. Как отмечалось на конференции,

«...в то время как рабочие массы уже изжили утопии большевизма, верхушки союзов, оторвавшиеся от масс, проводят самостоятельную политику, часто идущую вразрез с интересами рабочего класса»¹⁸. В качестве примера антирабочей позиции профсоюзов было приведено отношение к забастовке 18 июня Нижегородского губбюро союза металлистов, которое осудило действия рабочих в специальном воззвании. В этот день на предприятиях города началась политическая забастовка, прошел общегородской митинг, собравший 8 тысяч человек. Многолюдное собрание состоялось также в порту. По некоторым данным на нем присутствовало 20 тыс. человек. Железнодорожный узел по предложению бюро уполномоченных в забастовке не участвовал, однако железнодорожники выразили свою солидарность с бастующими в принятой резолюции. Как сообщалось в бюллетене, при поддержке бюро Уполномоченных фабрик и заводов Нижегородской и Владимирской губерний 18–20 июня прошли массовые забастовки рабочих и служащих и в других городах региона. Свою солидарность бастующим выразили крестьянские съезды и сходы в Княгинине, Городце, Дальне-Константиново. Оказывая моральную и материальную поддержку бастующим, бюро в своих обращениях к рабочим — «летучках», все же воздерживалось от призыва к всеобщей забастовке, мотивируя свою позицию необходимостью беречь силы «для приближающейся всероссийской борьбы пролетариата». Характеризуя с явным преувеличением готовность к стачечной борьбе железнодорожников и рабочих оккупированных областей, бюро заявило: «...Когда близится съезд и всеобщая стачка, следует, оказывая давление на центр в смысле ускорения движения, воздержаться от сепаратных ослабляющих силы движений»¹⁹.

Во время акций протеста 18–20 июня власти не решились на разгон митингов и демонстраций, однако, охрана в Нижнем Новгороде и его рабочих пригородах была значительно усилена. А в качестве превентивной меры начались аресты. Так, в Сормово был арестован депутат Нижегородского совета видный меньшевик И.Г.Уповалов, но под давлением рабочих его пришлось освободить. Правда, его пребывание на свободе было недолгим. По воспоминаниям Уповалова, через некоторое время после его освобождения в Сормово прибыли представители ВСНХ. На специально созванном собрании предстояло обсудить вопрос о национализации Сормовского завода. Однако рабочие потребовали включения в повестку и продовольственного вопроса. По обоим вопросам выступил Уповалов. В частности, он заявил о недопустимости национализации, так как в создавшихся условиях она приведет к гибели завода. В итоге рабочие поддержали его

точку зрения и проголосовали против национализации. По продовольственному вопросу большевистская резолюция также не нашла поддержки большинства собрания. Симметричным ответом власти стал новый арест Уповалова²⁰. По всей видимости, это случилось 27 июня 1918 г. В этот день по показаниям свидетелей на собрании в чугунолитейном цехе было принято решение, приостановить работу в знак протеста против ареста Уповалова и созвать рабочих всех цехов. Забастовка носила стихийный характер. Рабочие не известили о своих намерениях заводские и профсоюзные органы, в том числе избранный незадолго до забастовки завком, состоявший преимущественно из меньшевиков. Чтобы пресечь забастовку, в этот же на завод прибыл вооруженный отряд латышей, и в очередной раз повторилась Колпинская трагедия. Во время подавления забастовки 27 июня 1918 г. на Сормовском заводе были убиты двое рабочих чугунолитейного цеха. В этот же день президиум общезаводского комитета обратился с воззванием к рабочим и служащим, в котором заявил протест против расстрела рабочих и потребовал всестороннего расследования обстоятельств и выяснения виновников расстрела. При этом завком счел «своим нравственным долгом» напомнить, что все выступления рабочих должны проходить только с санкции общественных организаций. 2 июля свое отношение к забастовке выразил союз металлистов. В принятой им резолюции, в частности, говорилось: «Последнее выступление Сормовских рабочих, повлекшее за собой тяжкие печальные последствия, было вызвано помимо и без ведома правления союза, делегатского собрания, а также и других рабочих организаций. Выступление было спровоцировано определенными элементами, использовавшими создавшееся недовольство рабочих, на почве тарифных и продовольственных вопросов»²¹. Политическая оценка этим событиям была дана и Собранием уполномоченных. В связи с этим в упоминавшемся бюллетене конференции говорилось: «Напрасно комиссары стараются разжечь пролетариат, кинуть его на авантюру, провоцируют его на выступления, вводя красноармейцев в цех, разгоняя цеховые собрания как это было в Сормове 29 июня, запрещая торжественные похороны, издеваясь над жертвами даже после смерти их»²². Примечательно, что здесь указана другая дата расстрела, чем в профсоюзных документах. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что, не смотря на обилие организаций, стремившихся управлять действиями рабочих, забастовка в Сормово в очередной раз продемонстрировала независимый и аполитичный характер протеста. В данном случае рабочие выступили не в защиту меньшевика, а отстаивали Уповалова как своего лидера и защитника рабочих интересов.

В течение мая–июня эмиссары ЧСУ ФЗ Петрограда занимались активной подготовкой беспартийного совещания в Москве. Прежде всего, они выступали с агитацией на рабочих собраниях столицы. Их действия не могли не обеспокоить московские власти и против уполномоченных организовали пропагандистскую кампанию в официальной прессе и стали запрещаться заводские собрания. А затем начались аресты. Наибольший удар по движению уполномоченных в Москве был нанесен 13 июня 1918 г. В этот день в клубе Александровской железной дороги были арестованы 59 человек. Из них 44 человека состояли в оппозиционных партиях. Однако собравшиеся успели до ареста обсудить и принять воззвание и наказ к московским рабочим. В этих документах содержался призыв к рабочим Москвы и других промышленных центров к немедленной политической забастовке. А ее целью провозглашалось свержение советской власти²³. Все же, не смотря на репрессии, 28 июня в Москве состоялось совещание 29 представителей рабочих организаций Петрограда, Тулы, Ярославля, Нижегородской и Владимирской губерний, Сормова, Малышевского района, Брянска, Твери и др. Совещание высказалось за созыв рабочего съезда 20 июля в Москве. Был избран оргкомитет съезда и установлена норма представительства: по одному делегату от 5 тысяч рабочих. Была выпущена также листовка тиражом в 15 тысяч экземпляров и принято решение, разослать три письма в 106 региональных организаций²⁴. Съезд было решено провести легально, не смотря на массовые аресты членов Московского собрания уполномоченных. Официальные приглашения с предложением прислать делегатов были разосланы всем социалистическим партиям, в том числе и РКП(б). В то же время организаторам съезда пришлось принять конспиративные меры, чтобы арендовать помещение для заседаний. Им пришлось пойти на обман, сказав, что помещение снимается для профсоюза печатников²⁵.

Однако к намеченному сроку делегаты не приехали. Для обсуждения сложившейся ситуации руководящая тройка Оргкомитета созвала утром 22 июля частное совещание с прибывшими на этот момент делегатами. На состоянии состоялась полемика по поводу правомочности собравшихся из-за их малочисленности принимать какие-либо решения. Однако в результате обсуждения было принято решение, обсудить порядок дня и регламент предстоящего съезда. Съезд, как и наметило частное совещание, открылся вечером 22 июля в доме № 17 по Филипповской улице, а 23 июля во время второго заседания все его участники были арестованы²⁶. По словам очевидца, скрывшего свою фамилию под псевдонимом Н.Беглецов, арест был

полной неожиданностью для делегатов съезда. Не смотря на драматизм ситуации, описание ареста носит комический оттенок. Вот как развивались события в его изложении: «Не прошло и получаса с открытия заседания, как в коридоре неожиданно раздался приближающийся топот бегущих людей и в залу, где мы заседали, как бомба влетел маленький человек с обезьяньим личиком, в съехавшей на затылок крошечной шляпке и с револьвером на прицел в вытянутой вперед руке. Вслед за ним, тяжело топоча ногами, ворвались и буквально запрудили все помещение латышские стрелки, с винтовками наперевес, с нагайками за поясом и с ручными гранатами (!) на поясах»²⁷. Как вскоре выяснилось, «маленький человек» был комиссар ВЧК Р.И.Этин. Он произвел обыск и изъял рукописные протоколы съезда. В заведенном ВЧК деле съезд был назван «съездом контрреволюционеров». По показаниям Р.А.Абрамовича, данным им 30 июля, помимо формальных вопросов (регламент и т.п.) и отчетов с мест на двух заседаниях съезда успели заслушать лишь два доклада по первому пункту повестки «Организационный вопрос» и как только перешли к дебатам по докладам, были арестованы²⁸.

После доклада Оргкомитета, с которым выступил А.Н.Смирнов, начались выступления о положении на местах. Успевшие выступить на съезде делегаты говорили о царящем терроре, о необходимости перевыборов советов и профсоюзов, о забастовках на своих заводах. Первым выступил представитель петроградской делегации И.И.Шпаковский. Он заявил, что после политической забастовки 2 июля произвол власти еще больше усилился, а положение рабочего класса ухудшилось. О положении оппозиции в Петросовете после прошедших перевыборов говорил Д.В.Захаров: «Нам не дают слова в Совете, но мы решили подготовить массы к нашему уходу из Советов. Они пока терпят нас только потому, что мы прошли от крупных заводов»²⁹. Однако, позже возобладало мнение, что не следует добровольно оставлять работу в Совете. Он отметил также, что предвыборные собрания на предприятиях показали, что массы запуганы большевиками.

О политической борьбе за представительство в советах говорил также делегат из Нижнего Новгорода М.А.Вороничев. В отличие от Петрограда здесь большинство на перевыборах получила оппозиция. Однако, оказавшись в меньшинстве, депутаты-большевики покинули заседание совета и заявили, что будут единолично исполнять властные функции. Характеризуя настроения рабочих после забастовки 17 июня, он заявил: «Рабочие говорят, что политические забастовки не достигают цели и необходимо вооруженное выступление»³⁰. О развале работы бюро уполномоченных в Сормово говорил

еще один представитель нижегородцев член бюро Ю.С.Лейкин. Он сообщил, что из-за царящего террора собранию уполномоченных уже 5 раз не удавалось провести свои собрания. И настроения таковы, что ставился вопрос, о ненужности Рабочего съезда, так как необходимы решительные действия. «Всюду апатия и аполитичность. Отход от большевиков абсолютный, но из-за боязни большевиков часто опускают головы»³¹, — заявил Лейкин. В то же время он отметил, что рабочие не дают большевикам говорить. А на требования властей, выдать орудия, заявляют, что выдадут только той власти, которая даст порядок, а вы даете свинец. При этом, по всей видимости, полемизируя с Вороничевым, он сделал важное замечание: «преувеличивать настроения рабочих нельзя». Выступление Лейкина вызвало негодование его товарища по делегации, и в нарушение установленного регламента он потребовал слова повторно. Вороничев заявил, что Лейкина никто не уполномочивал говорить от имени рабочих.

Выступление представителя Кулебак П.И.Уханова свидетельствовало о том, что власть сделала выводы из Сормовской конференции, отменив перевыборы совета и запретив собрания уполномоченных. Он рассказал о том, что свои собрания они вынуждены проводить в лесу. Из его выступления также следовало, что причиной оппозиционных настроений является тяжелое положение рабочих. Кулебакский завод не работал и рабочие уже полтора месяца не получали продуктов и жалованья.

После нижегородцев с докладами о положении дел на местах выступали представители других делегаций. Так, в Туле, как отмечалось в выступлении Тульского делегата С.И.Полукарова, в ответ на репрессии рабочие объявили стачку с требованиями освобождения арестованных, созыва Учредительного собрания и отставки Совнаркома.

Делегат от Бюро уполномоченных Коломны В.П.Кац говорил о полном отходе масс от большевиков. В результате в новом совете большинство получили меньшевики и эсеры и только один большевик, поэтому власти не дали собраться этому совету. Такой же расклад политических сил сложился и в правлении профсоюза. Оппозиционный настрой рабочих, как рассказал Кац, проявился также в трехдневной забастовке 13 тыс. рабочих. Она была объявлена в знак протеста против ареста рабочих и социал-демократов и прекратилась после их освобождения. Новая забастовка была объявлена 19 июня одновременно с Нижним Новгородом и Тулой. «Движение в Коломне подошло к сути. Все в наших руках, выносятся резолюции, но ни одна организация не дает действенных лозунгов.

Рабочие обращаются к нам с вопросом: что делать дальше?»³² — заявил Кац. Символично, что именно на этом вопросе оборвалась протокольная запись «арестованного» съезда.

Выступления на съезде показали, что доверие к большевикам среди рабочих подорвано. Советы и профсоюзы, проводящие официальную линию, также не пользовались авторитетом среди рабочих. На волне массового недовольства большевиками социалистам удалось усилить свои позиции в советах и рабочих организациях. И только репрессии и откровенный нажим со стороны власти позволяли сдерживать процесс радикализации рабочего движения. Не смотря на то, что Рабочий съезд был малочисленным, власти не могли допустить реальных шагов по созданию всероссийской рабочей организации явно антисоветского характера. Против его участников были приняты самые решительные меры.

Одновременно с начавшимся следствием в официальной прессе была развернута пропагандистская кампания по дискредитации участников съезда. Главным выразителем позиции власти стали «Известия ВЦИК». Уже 24 и 25 июля в газете появились клеветнические сообщения о работе съезда, автором которых являлся главный редактор Ю.М.Стеклов. Несомненно, что они были написаны по указанию большевистского руководства. Таким образом, был пущен в ход испытанный способ политической борьбы — опорочить представителей рабочего движения в общественном мнении. С этой целью съезд был назван «тайным контрреволюционным заговором» «зажиточных элементов», «интеллигентов» и т.п., на который собрались представители «меньшевистских и эсеровских фракций»³³. Однако политических ярлыков показалось мало. Поэтому в следующей статье, опубликованной в качестве редакционной, участники съезда характеризовались как самозванцы и весьма богатые люди, которые не могут быть выразителями голодающих рабочих. Так, в газете сообщалось, что при обыске у арестованных нашли крупные суммы денег и ценности. У рабочего электростанции 1886 г., члена президиума съезда Е.С.Берга якобы обнаружили 6 тыс. руб. (в действительности всего 590 руб.), у Ю.С.Лейкина — 160 руб. серебром, перстень, бриллианты и золотые часы (в действительности — 1 руб. 65 коп. и металлические часы, оставшиеся при нем в тюрьме). Подобные измышления возводились и на других участников съезда.

Клевета была настолько грубой и очевидной, что вызвала возмущение даже в большевистском лагере. Так, выступая 8 августа на пленуме Петроградского Совета профсоюзов, Д.Б.Рязанов заявил: «Из Москвы к нам доносятся панические слухи. Там на второй день заседания арестована конференция и отчет об этом в газетах, несомненно, написан

рукой охранника или полицейского. Конференция не успела ничего выявить (там были представлены разные течения) и только одни проекты резолюции были захвачены при аресте. Арестованы такие товарищи как Волков, Абрамович и др., с которыми мы долго боролись в одних рядах. Перед нами одна задача — обратиться во Всероссийский Совет профессиональных союзов, чтобы ему, как и центральным организациям железнодорожников, было предоставлено право через своих представителей следить за ходом дела и чтобы были даны ему все гарантии того, что из очерков резолюции не создается дело. Только чудо может спасти пролетарско-крестьянскую Россию»³⁴.

Не могли обойти молчанием эти скандальные публикации и сами участники съезда. Находясь под арестом, они сумели переправить на волю «Открытое письмо заключенных в Московской губернской тюрьме (Таганка) по делу “рабочего съезда” ко всем Гражданам», под которым стояло 26 подписей. Письмо стало последней яркой страницей в истории движения уполномоченных. В виде листовки оно получило широкое распространение на московских предприятиях. В письме опровергались клеветнические сообщения в «Известиях» и содержалась информация о характере съезда, его повестке, порядке представительства на нем. Примечательно, что в тексте письма получила отражение и дискуссия о статусе состоявшихся заседаний, которая прошла утром 22 июня. По всей видимости, по прошествии нескольких дней они пришли к выводу, что все-таки состоялось «совещание рабочих делегатов по организации Всероссийского рабочего съезда». Такая оценка, прежде всего, основывалась на его незавершенности. В связи с этим в качестве вопросов повестки, которые предполагалось обсудить, в письме были названы борьба с распыленностью, меры сплочения и организации рабочего класса и подготовка Всероссийского рабочего съезда. «Но правительство коммунистов, как и царские его предшественники, не терпят никаких проявлений независимого рабочего движения, ибо в нем ему чудится близкая гибель своей власти, в нем она видит отражение продовольственного кризиса, и неспособное справиться со своими государственными задачами обрушивается на вождей рабочей общественности»³⁵, — так объяснялись в письме побудительные мотивы борьбы большевиков против движения уполномоченных. Естественно, что, обвиняясь в контрреволюционности, авторы письма обошли молчанием вопросы политической и стачечной борьбы, находившиеся в центре обсуждения делегатов. По этой же причине письмо заканчивалось политически нейтральными лозунгами: «Да здравствуют рабочие организации! Да здравствует их независимость и революционно-организационная самодеятельность!»³⁶

Подавив движение уполномоченных, власть значительно снизила риск консолидации рабочего активизма в регионах его распространения. Однако оставались причины, продолжавшие вызывать недовольства. Они коренились, прежде всего, в тяжелом экономическом положении, которое вело не только к забастовкам, но и к оттоку городского населения в деревню. Оба процесса, губительно влиявшие на производство, не могли не беспокоить власть. В ответ на постоянные требования хлеба, звучавшие на заводских собраниях и митингах, в августе 1918 г. профсоюзам и крупным производственным объединениям было предоставлено право самостоятельных продовольственных заготовок³⁷. Таким образом, стихийная самоорганизация голодных рабочих, устремлявшихся в деревню за хлебом, была поставлена под контроль. А процесс изъятия продовольствия получил законодательное оформление. В то же время была закреплена и уже существовавшая практика профсоюзов, в частности, петроградских. Учитывая производственные и военные интересы, они направляли в продотряды преимущественно пожилых рабочих, которых нельзя было мобилизовать на фронт. Позже по такому же принципу были организованы рабочие отряды по заготовке дров.

Однако нехватка хлеба оставалась главной причиной продолжавшихся забастовок. Психологической особенностью поведения рабочих во время этих протестов являлось резко негативное отношение не только к заводскому руководству в лице фабзавкомов, но и к любому представителю госорганов. Таким образом, проявлялись досада и разочарование оттого, что обещания большевиков не оправдались. Типичным примером такого выступления были события на Ярославской большой мануфактуре. Следует отметить, что у мануфактуры было славное революционное прошлое. Именно на ней была организована первая в Ярославле самостоятельная большевистская организация, насчитывавшая 120 человек. В марте 1917 г. фабком явочным порядком ввел 8-часовой рабочий день, а в апреле его возглавил известный большевик, член партии с 1912 г. Д.Н.Скотников, остававшийся на своем посту и во время описываемой забастовки. Проявлением революционности с точки зрения советской историографии являлась также организация рабочими отряда Красной гвардии, участвовавшего в установлении советской власти. Если же заглянуть в историю Ярославской большой мануфактуры поглубже, то мы увидим, что в 1890 г. на ней взбунтовались 4 тысячи рабочих, которые били и крушили все, что попадалось на их пути, отбивались от полиции кирпичами и поленьями. В конце концов, порядок на фабрике был восстановлен лишь с помощью войск³⁸. Таким образом, в истории мануфактуры отразились эта-

пы протестного движения российских рабочих. Забастовка конца 1918 г. являлась проявлением его нового периода.

Хотя в течение 1918 г. из-за отсутствия сырья закрылись многие текстильные фабрики, Ярославская большая мануфактура еще могла работать, используя старые запасы. Тем не менее, с 27 ноября по 4 декабря 1918 г. производство на ней было остановлено. 13 тысяч рабочих объявили забастовку. Их недовольство нарастало постепенно. Еще в августе–сентябре ощущалась острая нужда в продовольствии, была даже попытка остановить фабрику, но тогда фабзавкому удалось успокоить рабочих. Однако в ноябре даже с опытом и авторитетом Скотникова без улучшения ситуации с продовольствием уже невозможно было предотвратить забастовку. Тревожным показателем настроений рабочих являлось также игнорирование ими общих собраний на фабрике. Из многотысячного состава приходило лишь 300–400 человек, поэтому собрания отменялись из-за малочисленности. На эти настроения, как показало следствие, наложились и общая обстановка в городе – атмосфера террора, созданная Ярославской губчека и частями штаба корпуса ВЧК, необоснованные аресты членов фабзавкома, недоверие к советским органам, проявления хулиганства. Например, пьяным красноармейцам ничего не стоило въехать на лошадях в казармы, где жили рабочие. При этом милиция мер по жалобам не принимала³⁹.

К концу ноября ситуация накалилась до предела. И хотя положение с продовольствием было плохое, но все же чуть лучше, чем в предыдущие месяцы, терпение рабочих закончилось и копившееся недовольство вылилось в забастовку. Это был акт отчаяния. У забастовщиков не было конкретных требований, не было руководителей. В первые дни забастовки фабзавком созывал собрания, но поговорить с рабочими так и не удалось. При первом же появлении на трибуне губкомиссара труда, комиссара губпродкома или представителя профсоюза раздавался гул и выкрики: «Долой, давайте хлеба, долой комитет!» и собрание срывалось. На дверях фабрики и казарм по утрам стали появляться надписи: «Долой комитет и советы». Наконец, комитет встал на путь решительной борьбы и принял постановление, фабрику закрыть, а рабочих в течение 2–4 декабря расчитать. Для этого было решено, с помощью милиции выдворить рабочих с территории фабрики, прекратить отапливать помещения, фабрику запереть, а всех коммунистов вооружить и поставить в охрану. Принятое решение санкционировал губисполкомом и одобрили ВСНХ и Центротекстиль. При этом самым трудным оказался вопрос, как провести общее собрание рабочих, чтобы его не сорвали. Решили поручить его ведение зам. председателя Богородского

уисполкома Пустову. Правда, на собрании он представился сотрудником Штаба корпуса ВЧК и таким образом заставил себя выслушать. Как только Пустов поставил собравшимся ультиматум: или рабочие приступают к работе, или их увольняют (о каком-то изменении условий речь ни с одной из сторон не шла), забастовка закончилась. А для выяснения зачинщиков была образована следственная комиссия. Однако виновников забастовки не выявили. Не смотря на это, комиссия пришла к выводу, «что забастовка направлялась умелой группой, чтобы перевести ее с экономической в политическую». В пользу этого утверждения был приведен факт одновременного восстания в нескольких волостях Череповецкого уезда⁴⁰. Безусловно, опасения взаимного влияния выступлений в городе и в деревне не были беспочвенны. Однако не меньшей угрозой, которой опасались при каждой забастовке, могло стать перерастание экономического протеста в политический. А для этого рабочим нужна была новая, независимая от власти организация.

Весной 1919 г. по стране прокатилась новая крупная волна забастовочного и повстанческого движения среди всех слоев «трудового» населения: рабочих, крестьян, красноармейцев. Одним из самых кровопролитных было выступление в Астрахани 10–11 марта. Эти события довольно подробно освещены как важная страница в истории Астраханской парторганизации, отчасти из-за С.М.Кирова, занимавшего в это время должность председателя ВРК в Астрахани. Тем интереснее сопоставить реальные события, с идеологическими штампами. Рабочие требовали увеличения хлебного пайка, отмены продовольственных запретов и свободного вывоза рыбы. Еще в феврале была попытка объявить забастовку из-за сокращения нормы выдачи хлеба. Но тогда профсоюзные органы провели специальные собрания и митинги для разъяснения продовольственного положения и таким образом сумели отговорить рабочих. Однако с каждым днем напряжение нарастало. К тому же в город хлынули толпы деморализованной 11-ой армии, голодные, изможденные переходом через степь, изнуренные эпидемией сыпного тифа и насекомыми. «Многие падают на улице и умирают, все театры и свободные помещения превращены в лазареты или просто в место скопления прибывающих. Астрахань имеет вид как во время чумы, это город смерти»⁴¹, — сообщалось из Астрахани Дзержинскому.

Однако положение с хлебом все ухудшалось. По городу циркулировали слухи о предательстве командиров на фронте. В этой напряженной обстановке рабочие завода «Кама» огласили 6 марта свои требования на собрании представителей профсоюза, реввоенсовета и др. организаций, угрожая в случае их непринятия забастовкой.

На следующий день рабочие снова провели собрание, пригласив на него представителей мобилизованных солдат. В его итоге было принято решение, назначить забастовку на 10 марта. «Враги революции использовали трудную обстановку, тяжелое положение с хлебом, сумели вовлечь в антисоветский заговор наиболее отсталые слои трудящихся и 10 марта 1919 г. поднялся белогвардейский мятеж», — такова официальная мотивировка начала событий, данная в «Очерках истории Астраханской парторганизации»⁴².

О последующих событиях есть противоречивые сообщения. По всей видимости, рабочие не готовились заранее к вооруженному выступлению. Оно было спровоцировано действиями властей. Так, арестованный 10 марта рабочий завода «Кавказ и Меркурий» Э.И.Гертер так описывал начало событий: «10 марта с.г. находясь при мастерской данного завода, выйдя со свистком на улицу из таможенных ворот, т.к. другие ворота были окружены флотскими, которые не выпускали ни одного рабочего из завода. Находясь в толпе, которая стояла около шестого участка, напротив казарм, где нас хотели обстрелять из пулемета и где я вышел в качестве делегата предупредить братоубийство, что и прекратилось на некоторое время»⁴³. По официальной версии стрельбу спровоцировали рабочие. Кто-то из них выстрелил в матросов, стоявших в оцеплении. В ответ матросы ответили залпом (следовательно, у них заранее был приказ открывать огонь по рабочим) и это якобы послужило началом вооруженных действий. А оружие было захвачено рабочими после нападения на караулы 45-го полка⁴⁴.

О том, что власти готовились к вооруженному подавлению забастовки, говорит и тот факт, что Гертер был арестован сразу же, как только сделал несколько шагов, отходя от толпы. Это означает, что представители особого отдела контролировали ситуацию и если бы стрельба, действительно, была случайной, вполне могли вмешаться.

Забастовка охватила эллингтонский, пакгаузовский и царевский районы. Выступили металлисты, конопатчики и рабочие водного транспорта. Это не было выступление хулиганов и дезертиров, как поспешили сообщить в газетах. Начавшись как мирная акция, забастовка стихийно переросла в совместное вооруженное выступление рабочих и солдат против власти. Сторону повстанцев также приняли царевский исполком и два политкома, а возглавил «белогвардеец казачий офицер» Калмыков.

Восставшие двигались к Бакалдинскому районному комитету партии. Ими была захвачена колокольня Иоана Златоуста, откуда пулеметным и пушечным огнем обстреливалась прилегающая территория. Из города волнения перекинулись и на все прилегающие села.

Восстание было подавлено вооруженной силой. По данным астраханского совета профсоюзов погибло около 1 тысячи восставших и 184 человека были расстреляны⁴⁵. По сведениям, сообщенным в ЦК РКП(б) расстреляно было 1500 человек, главным образом рабочих⁴⁶. Но и эта цифра, по всей видимости, не отражает истинного размаха репрессий. Сохранились показания уцелевших очевидцев этих событий, арестованных особым отделом в мартовские дни. Уже упоминавшийся Э.И.Гертер, просидевший в особом отделе без следствия 13 дней. «С первой же ночи моего сидения (т.е. в ночь с 10 на 11 марта. — Л.Б.), где начались дни кошмарного расстрела. Здесь выводили партиями, ...через пять минут и менее слышались залпы расстрелов, не проходило трех-четырёх минут новая партия вызывалась...»⁴⁷. По показаниям А.Савельева, расстрелы производились без следствия прямо во дворе особого отдела, с перерывом в 5 минут. По его приблизительным подсчетам в одну только ночь было расстреляно 30–35 человек. Еще более ужасающая картина нарисована в показаниях рабочего завода «Нобель» В.А.Фунина. Он был арестован почти через неделю после событий — вечером 17 марта. «Придя в камеру я первым делом увидел, что там сидели рабочие и мастеровые в таком количестве, что можно было увидеть только на промысле, когда кладут селедку в бочата. Самую главную черту могу отметить, которая произвела на меня впечатление. В эту ночь вызывалось по несколько человек партиями в количестве 10–15 и 20 человек рабочих, которых выводили на двор и тут же расстреливали. Это происходило в ночь по три и четыре раза. Могу заметить, что было расстреляно в эту ночь 1% буржуев и 50% рабочих. На второй день из дома Сергеева мы были переведены в дом Степанова на Кутуме, где те же ужасы расстрелов шли очередным порядком каждую ночь, массовы»⁴⁸.

Расстрелы без суда и следствия, в том числе и рабочих, издевательства, пытки, запугивание были обычной практикой в губчека и особых отделах. (Заметим, что точно такими же методами, выходящими за рамки даже более чем относительной революционной «законности», действовали и продотряды, и органы борьбы с дезертирством, и всевозможные тройки). В астраханской расправе главная роль принадлежала начальнику особого отдела Г.А.Атарбекову, фигуре во многих отношениях примечательной. Член партии с 1908 г., еще до 1917 г. закончил юридический факультет Московского университета. После февраля 1917 г. руководил восстанием на черноморском побережье, некоторое время был членом Совета депутатов в Александрополе (Армения). После Октябрьской революции занимал должности тов. председателя ВРК Сухумского округа, члена штаба Южного фронта, чрезвычайного уполномоченного Северо-

Кавказского ЦИК, члена Северо-Кавказского исполкома, тов. председателя и председателя Северо-Кавказской краевой чека. В энциклопедиях о нем пишут как об участнике борьбы за Советскую власть на Кавказе, автор книги «Красный террор» С.Мельгунов называет его палачом Кавказа. И оба определения соответствуют фактам. В Астрахань Атарбеков был направлен на должность председателя Астраханской губчека. Учитывая прифронтовое положение города и дублирование функций губчека и особого отдела, весной 1919 г. эти органы объединили и главой нового особого отдела назначили Атарбекова⁴⁹. Юрист и «настоящий большевик» — такое сочетание в одном лице было большой редкостью даже среди чекистов. Однако, на практике юридическое образование никак не проявлялось. Так, инспектор особого отдела ВЧК, присланный в октябре 1919 г. для обследования деятельности Астраханского особого отдела, среди множества злоупотреблений отмечал: «В деле мартовских восстаний даже не разберешь, кого, за что и почему расстреляли. Арестованные держались без допроса по несколько недель и притом по самым пустяжным делам»⁵⁰.

Атарбекову и особому отделу удалось создать в городе атмосферу страха и подозрительности не только среди обывателей, но и в среде коммунистов, так как во многих учреждениях проходили аресты сотрудников-коммунистов. «Нужно сказать, что в последнее время не было того человека, который бы не боялся особотдела», — сообщалось в ВЧК об обстановке в Астрахани⁵¹. Выражаясь современным языком, Атарбеков собрал компромат на многих руководителей. По городу носились слухи об имеющихся в особотделе списках «белых» коммунистов. Руководители особого отдела вели себя так, будто бы, кроме них, в городе нет ни ревкома, ни реввоенсовета, ни других органов власти и управления.

19 июля особым отделом был раскрыт «белогвардейский заговор». По сообщению предревкома С.М.Кирова в Москву, заговорщики готовились поднять восстание в случае осложнения обстановки на фронте. В заговоре принимали участие представители буржуазии, духовенства, офицерства. Своей ближайшей задачей они ставили отравление рабочего батальона и ответственных работников в Астрахани. Сообщалось, что у арестованных (63 человека, поэтому в городе это событие называли «заговор 63-х») было найдено значительное количество цианистого калия⁵².

Раскрытие заговора было настолько неожиданным, что в адрес особого отдела раздавались обвинения в раздутости этого дела.

Недовольство деятельностью особого отдела особенно усилилось после возвращения с фронта астраханской отдельной роты комму-

нистов во главе с Аристовым. От ее состава осталась одна треть. Большие потери связывались с предательством отдельных командиров. Вина за их назначение возлагалась на особый отдел. К тому же между Аристовым и Атарбековым были давние трения. Было созвано совещание представителей воинских частей и реввоенсовета, с участием Кирова и Раскольниковца. На нем были подведены итоги материалам, собранным против особого отдела и поставлен вопрос о его реорганизации. На следующий день, 22 июля, было собрано представительное заседание ревкома, губкома партии совместно с представителями от всех военных и гражданских организаций Астрахани, в том числе и от особого отдела. Было принято решение просить Реввоенсовет о смещении Атарбекова с должности председателя особого отдела. Тем временем по городу вновь поползли слухи об измене, о возможности сдачи Астрахани; вскоре после заседания особым отделом были проведены новые аресты среди командиров особого полка. Тогда Аристов решился на крайние меры. В ночь на 25 июля, не ставя никого в известность, считая, что даже председатель губкома партии находится в зависимости от Атарбекова, Аристов и его ударная рота арестовали руководство особого отдела. Реввоен трибуналом 10-ой армии было начато следствие, затем по решению Астраханской коммунистической конференции от 2 августа 1919 г. следственные материалы и обвиняемые — ответственные работники особого отдела были направлены в Москву⁵³.

Уже 15 августа 1919 г. на заседании Оргбюро ЦК «тов. Атарбеков докладывает о восстании гарнизона и об аресте им особого отдела ЧК в Астрахани». Характерна оценка деятельности Атарбекова, данная С.М.Кировым в письме в ЦК: «Во всяком случае еще раз повторяю, что тов. Атарбеков и его сотрудники никаких серьезных упреков не заслуживают, а что же касается обвинений их, то это просто чепуха»⁵⁴. А 25 августа, еще до окончания следствия по этому делу, Оргбюро было принято решение откомандировать Атарбекова в связи с просьбой Сталина в его распоряжение⁵⁵.

Ситуация с особым отделом в Астрахани не была уникальной. Подобное положение было характерно для многих органов чека. Игнорирование всякого контроля над своей деятельностью, в том числе и партийных органов, сосредоточение слишком больших внесудебных полномочий в сочетании с широким толкованием таких понятий, как враг, контрреволюционер, саботажник и т.п. уже в эти годы позволили системе ВЧК занять особое место в политической и экономической жизни страны.

На почве тяжелого продовольственного положения весной 1919 г. прошли крупные волнения в армии. С 12 по 14 марта восстали 35-й и

34-й полки, располагавшиеся в Брянске. К ним примкнули и некоторые командиры. Общим митингом была принята резолюция: выбрать полковые и ротные комитеты, обезоружить всех коммунистов и комиссаров, вооружить восставших. Все части гарнизона отказались стрелять по восставшим, заявив: «Против своих не пойдем».

Восставшими были заняты станции Брянск и Колпино, разобраны пути, разогнан Льговский волсовет. Арестовывались все коммунисты. Руководил восстанием объединенный комитет. Повстанцы выдвинули лозунг: «Да здравствует Учредительное собрание». По сведениям Штаба корпуса ВЧК, в волнениях приняли участие около 6 тысяч человек пехоты и тысяча артиллеристов, имевших на вооружении 8 орудий, 4 пулемета и винтовки⁵⁶.

Уже утром 13 марта для подавления восстания из Смоленска и Москвы были направлены крупные подразделения войск ВЧК и железнодорожной охраны, броневики. Вечером следующего дня они прибыли в Брянск и восставшие без боя стали сдавать оружие. В 9 часов вечера было отправлено сообщение в Москву о том, что оружие сдано и большинство руководителей арестовано. За участие в восстании по официальным данным было расстреляно 6 человек⁵⁷.

Еще больший размах приобрели события в Гомеле. Здесь самовольно ушедшими с фронта воинскими частями была низложена советская власть, почти по сценарию Октября 1917 г. Еще в январе 1919 г. в город, незадолго до того освобожденный от немецкой оккупации, прибыла 2-я (Тульская) бригада 8-й стрелковой дивизии Красной армии в составе 67-го и 68-го полков. Их передислокация была связана с военными действиями петлюровцев. 18 марта бригада получила приказ, отправиться на фронт, а 20-го ее части повели наступление на Овруч, но под артиллерийским огнем противника отступили. В то же время некоторые подразделения отказались занять боевые позиции и начали митинговать. Они решили бросить фронт, возвратиться в Гомель, а оттуда — по домам. В результате 24 марта воинские эшелоны с 67-м и 68-м полками 2-й бригады прибыли в Гомель и потребовали отправить их в Брянск, но ревком им отказал, так как из Брянска была получена телеграмма: «Постарайтесь ликвидировать у себя»⁵⁸. Получив отказ, военные заняли железнодорожную станцию, выставили в стратегических пунктах пулеметы и начали арестовывать железнодорожников. И только тогда ревком согласился отправить эшелоны в Брянск, но теперь уже отказались военные. Однако, и после этого срочно избранный военно-революционный комитет Гомеля еще надеялся на мирный исход дела, отдав приказ: усилить караул, а отряд ЧК сосредоточить у гостиницы «Савой».

К этому времени солдаты уже заняли вокзал, разоружили железнодорожников-коммунистов. К вечеру 24 марта в их руках оказались практически не охранявшиеся почта, телеграф и другие учреждения в городе. Из тюрьмы были освобождены все заключенные. Никаких попыток разоружить или оказать сопротивление восставшим на улицах, помешать захвату важных объектов и учреждений ни одним из органов власти не предпринималось. Железнодорожники, еще недавно боровшиеся с немецкими войсками и Директорией, не только не оказали сопротивления, но даже избрали комиссию для переговоров со Стрекопытовым. Их волновали, главным образом, невыплата зарплаты и невыдача продовольствия, мешочничество и травля комиссаров-евреев. Антисемитские настроения были связаны с тем, что все «комиссарские» посты в тылу занимали евреи и это вызывало недовольство не только жителей Гомеля, но и многих других регионов.

По данным, поступившим 25 марта в штаб войск ВЧК из Брянска, общая численность повстанцев составляла 8 тысяч человек при 14 артиллерийских орудиях и одном бронепоезде⁵⁹. Неизвестно, вошли ли в эту цифру перешедшие на сторону восставших 2-й кавдивизион 2-й бригады и части гомельского гарнизона. Только саперная рота осталась верной революционному долгу. Как выяснилось после подавления восстания, комиссар 67-го полка Сундуков был убит красноармейцами. «Передают, что он до последнего уговаривал красноармейцев», — говорилось в докладе комиссара бригады 2-й бригады А.И.Ильинского. По его мнению, убийство произошло из-за опасения, что Сундуков сумеет переубедить солдат. Примечательно, что комиссар закончил свой рассказ о Сундукове укоренившимся штампом революционной жертвенности: «Умирая, он смеялся над убийцами и пел Интернационал»⁶⁰.

24 марта был организован повстанческий комитет во главе с завхозом 67-го полка Стрекопытовым. В его состав вошли также начальник штаба бригады Степин, командир 68-го полка Мачигин и др. В этот же день Стрекопытов созвал собрание в железнодорожных мастерских, на котором объявил, что власть советов низложена и принадлежит народу. Лозунгами восставших были «Долой коммунистов!», «Долой Ленина и Троцкого!», «Да здравствует Учредительное собрание!», «Да здравствует русская революция!». Комитет выпустил ряд воззваний к рабочим и солдатам, в которых призывал к низвержению советской власти и прекращению Гражданской войны. В одном из воззваний были сформулированы цели движения: «сочетание частной и государственной инициативы в области торговли и промышленности», «железные законы об охра-

не труда», «проведение в жизнь гражданских свобод», «земля — народу», «вступление Русской республики в лигу народов»⁶¹. Таким образом были обозначены болевые точки в положении различных слоев населения и сделана попытка, привлечь их на сторону восстания, придать выступлению общедемократическую направленность. Позже был сделан первый шаг по реализации этих намерений: приказ № 1 по гарнизону г. Гомеля от 26 марта объявил в городе и уезде свободную торговлю всеми товарами.

Не смотря на то, что за неделю до развернувшихся событий у ревкома были достоверные сведения о брожении в караульном гарнизоне и о том, что мятежные части движутся к Гомелю, представители власти не приняли никаких организационных мер. Никаких распоряжений железнодорожникам, рабочим и служащим не давалось. Даже чека в момент мятежа не функционировала. Ее отряд вместе с председателем находились в гостинице «Савой» и вокруг него. Гостиница стала единственным местом сопротивления в городе. В ее здании собрались ответственные работники и коммунисты, всего 65 человек, в том числе председатель ревкома С.Комиссаров, председатель ЧК И.Ланге, редактор газеты «Известия ревкома» Н.С.Билецкий (Езерский), чекисты Фрид и Гулло. Вместе с отрядом чека в «Савое» находилось около 300 человек, по оценке присланной для расследования этих событий Елены Бош, «плохо вооруженных и не очень смелых». По ее мнению, «средств для защиты у ревкома было немного, а отсутствие контакта с массами и гарнизоном привели к трусливой политике защиты [самих] себя. Защиту «Савоя» другими мотивами объяснить нельзя»⁶².

Утром 25 марта начался артиллерийский обстрел гостиницы. Положение осажденных стало катастрофическим и они сдались. При этом группа ответственных работников была арестована восставшими. Как позже было сообщено в ЦК РКП(б), 11 человек после ареста были вывезены на вокзал и убиты: председатель ревкома, секретарь ревкома Каганская, председатель чека, редактор газеты Билецкий, зав. отделом юстиции Ауэрбах-Подгорный и др.⁶³ По другим данным были замучены 14 ответственных работников и еще 17 человек убиты в городе⁶⁴. Таким образом, гомельская партийная организация и все органы власти были разгромлены.

В течение двух дней в городе шли грабежи и погромы, в которых принимали участие не только мятежные красноармейцы, но и гражданское население, в том числе и выпущенные из тюрьмы уголовники. Председатель упродкома В.Селиванов впоследствии рассказывал: «По Замковой улице и по другим прилегающим улицам к станции начался поголовный грабёж населения. В домах за-

бирали все, что было ценным. На улицах раздевали встречавшихся частных граждан. В советских учреждениях разбивали несгораемые кассы, забирали денежные знаки, рвали и сжигали дела, нагружали продовольствие из складов упродкома и райсоюза и отправляли на Полесскую станцию... В городе творилась такая вакханалия, которую может себе представить только переживший эту "историю"⁶⁵. Однако, в докладе Е.Бош в ЦК РКП(б) о мятеже в Гомеле от 25 апреля 1919 г. материальные последствия восстания оценивались более сдержанно: «Большого разгрома в городе не произведено, пострадал «Савой», сгорело главное здание замка и основательно испорчена телефонная сеть. Казначейство осталось нетронутым»⁶⁶.

На подавление мятежа были направлены крупные силы войск ВЧК всех видов вооружения. Они двигались из Смоленска, Орла, Калуги, Москвы, Брянска, Витебска, Могилева, Чернигова. 29 марта Гомель был взят. А уже 1 апреля реввоен трибунал привел в исполнение смертный приговор над 8 повстанцами, в числе которых был командир 68-го полка Мачигин⁶⁷.

Мятеж можно было предотвратить, если бы командование и городские органы обратили внимание на ужасающее положение, в котором находятся красноармейцы. Комиссар 2-й бригады 8-й стрелковой дивизии А.И.Ильинский ежемесячно докладывал о настроениях солдат. Как следует из его сообщений, нарастание недовольства красноармейцев происходило, главным образом под влиянием двух факторов: плохих вестей из дома и собственного невыносимого материального положения. Бригада была сформирована в основном из крестьян хлебных уездов, где проводилась усиленная реквизиция хлеба, скота, бесчинствовали продотряды. Красноармейцы были недовольны притеснениями в деревне и тем, что их семьи вопреки декрету не получали никакой помощи от местных органов. Комиссар Ильинский справедливо считал, что победоносную Красную армию можно будет построить только тогда, когда трудовое крестьянство будет уверено, что Советская власть на самом деле стоит на защите его интересов. А для этого, по его мнению, надо было уравнивать всех граждан перед советским законом и, прежде всего, немедленно искоренить «разбой, прикрытый официальным правом держать в руках оружие», т.е. действия продовольственных и заградительных отрядов.

Условия жизни самих красноармейцев были крайне тяжелыми. Если в январе 1919 г. они получали хлеба в половину нормы, не говоря о его плохом качестве, то в марте были нередки дни, когда красноармейцам вообще не выдавали хлеба, а только испорченный мерзлый картофель. Врачебными актами были зафиксированы мас-

совые заболевания красноармейцев от употребления испорченных продуктов. Даже не было соломы, чтобы постелить на нары в казармах. И это притом, что на базаре в Гомеле продукты были, в городе работали булочные, кондитерские, кофейни. Очень плохим было также снабжение обмундированием.

Ильинский постоянно докладывал командованию о тяжелом материальном положении красноармейцев. Вот что, например, он сообщил 15 марта, почти за неделю до волнений: «Сейчас в Гомеле невылазная грязь, лошадям по колено, выводить людей на занятия в развалившихся башмаках и лаптях невыносимо. ...Продовольственный вопрос стоит очень остро, настроение вследствие этого все ухудшается и может кончиться КАТАСТРОФОЙ [здесь и далее выделено Ильинским]. Вся «работа» наша уходит на то, чтобы успокоить недобольных, не допустить дела до угроз и бунта. И всему виной ОТСУТСТВИЕ продовольствия и обмундирования»⁶⁸. В этом же докладе был еще один важный момент для понимания природы последующих событий: коммунист Ильинский сообщил, что нигде не наблюдается антисоветской агитации. Уже после подавления волнений он изменил свою точку зрения, возможно, опасаясь за последствия для себя как политработника, и указал на всех каких только можно политических врагов. Так, в апреле 1919 г. в «докладе о мятеже частей 2-й бригады 8-й стрелковой дивизии» он написал: «Этот мятеж — тоже кулацкое восстание, но только в армии. Конечно, здесь действовали агенты и провокаторы всяческих левых и правых эсеров и просто черносотенцев. ...Я не сомневаюсь в том, что если бы организация мятежа бригады не попала в руки подготовлявших его или хотя бы готовых к нему шаек контрреволюционеров, то мятеж ни в коем случае не принял бы таких размеров ...»⁶⁹

Примечательна и сама личность комиссара бригады. Формально он был из числа молодых коммунистов. Свое вступление в партию осенью 1918 г. Ильинский позднее объяснял тем, что пост комиссара бригады, на который его послал Тульский губком РКП, требовал официальной принадлежности к коммунистам. По сути же, вступив в РКП(б), он лишь официально закрепил давно оформившиеся убеждения и подтверждением тому является вся его небольшая биография. Как записано в показаниях, данных Ильинским 18 апреля 1919 г. при расследовании гомельских событий, во время учебы в Московском коммерческом институте он работал в студенческом марксистском кружке. В 1916 г. его забрали в армию, и он получил военную подготовку в школе прапорщиков. В момент Октябрьского переворота (так Ильинский называет революцию) он был избран от своего полка на армейский съезд в г. Луцке, на котором примкнул к

большевикам. Затем комфракция армейского комитета делегировала его как сочувствующего на Третий Всероссийский съезд Советов в Петроград, откуда он был направлен агитатором в Тульскую губ.⁷⁰ Так, что, не смотря на свою молодость (в 1919 г. Ильинскому было 24 года) и менее года партийного стажа, комиссар Ильинский не был новичком ни в армии, ни на партийной работе и оценивал ситуацию с точки зрения убежденного сторонника советской власти. Тем не менее, ознакомившись в ходе следствия с донесениями и показаниями Ильинского, представитель ЦК Е.Бош вынесла знаменательный вердикт: «Ильинского необходимо перевести на другую работу и под строгий контроль, это коммунист-обыватель»⁷¹. И это неудивительно, если принять во внимание очень жесткий тип личности и опыт участия Е.Бош в подавлении крестьянских восстаний. Не случайно именно ее ЦК направил для расследования гомельских событий и организации местных органов в городе. Тем не менее, в своих выводах о причинах событий в Гомеле она также указала на отсутствие продовольствия и на полное игнорирование партийным комитетом нужд армии. Однако, в качестве первой причины представитель ЦК назвала отрыв органов советской власти от рабочих и красноармейских масс, активно боровшихся за советскую власть. Второй причиной, по ее мнению, было занятие всех комиссарских должностей работниками, не имевшими связей с массами, к тому же в подавляющем большинстве евреями. Последнее обстоятельство послужило почвой для широкого распространения погромной агитации среди красноармейцев и железнодорожников. Таким образом, в Гомеле проявились общие недостатки организации партийной и кадровой работы, которые особенно высвечивались в критических ситуациях. Весной 1919 г. в армии начался болезненный кризис разложения. Красноармейцы устали от войны и стремились домой. Даже в добровольческих, в том числе, латышских частях шло брожение. Вспышки, подобные гомельской, происходили и в других армейских частях. А антисемитские настроения настолько распространились в армии и в тылу, что в апреле 1919 г. Оргбюро ЦК постановило, развернуть агитационную кампанию против антисемитизма в центральной и провинциальной прессе⁷².

Главной причиной выступлений протеста, как в городе, так и в деревне в официальных сообщениях всегда назывались происки меньшевиков и эсеров, а не собственные ошибки большевиков. Зачастую, возмущение населения вызывали очевидные промахи местных властей, а отвечать за них приходилось все тем же меньшевикам и эсерам. Одна из таких трагикомических историй произошла в известном кустарными промыслами селе Богородицкое Нижегородской

губ. Здесь на выборах в местный совет, состоявшихся весной 1919 г., большинство получили меньшевики и их сторонники (из 80 мандатов 60). Но старый совет власть не отдал, а продолжал работу, пополнив себя депутатами-большевиками от нового совета. В результате целого ряда запретов, наложенных этой властью на крестьян окрестных деревень, на базаре в Богородицком прекратилась какая бы то ни было торговля, население стало голодать. Недовольство рабочих-кустарей вылилось в стихийный бунт против коммунистов, их массовое избие-ние. Тогда не помнящие зла меньшевики из нового совета объявили себя властью, спасли коммунистов от расправы (одного даже переодели в женское платье, чтобы укрыть от гнева толпы), а население убедили сдать оружие и разойтись. Когда же в село пришел отряд ВЧК и начались аресты, арестовали и меньшевиков-миротворцев. В итоге их приговорили к расстрелу, правда, затем гуманно заменили расстрел на 20 лет каторги⁷³.

Весной 1919 г. ВЧК и его местные органы провели массовые аресты меньшевиков. В Москве были арестованы 6 членов ЦК (Ф.Дан, А.Югов, Ю.Мартов и др.), значительная часть московского комитета РСДРП. Были проведены повальные аресты во многих крупных городах. Большинство арестованных меньшевиков были рабочими, в том числе членами завкомов и правлений профсоюзов⁷⁴.

В Туле в соответствии с полученной директивой были арестованы меньшевики Неколау и Третьяков, являвшиеся секретарями профсоюза металлистов. На следующий день после ареста, 1 апреля губисполком, губчека, правление профсоюза металлистов и совет профсоюзов Тулы собрали совещание представителей завкомов Оружейного и Патронного заводов, рабочего кооператива. Была предложена резолюция, обосновавшая арест подготовкой контрреволюционного выступления. Хотя резолюция была принята, но далеко не все были с ней согласны. На конференции профсоюза металлистов, созванной 2 апреля, делегаты осудили аресты и потребовали немедленного освобождения под поручительство рабочих организаций. Было выражено недоверие правлению тульского профсоюза металлистов, одоббившего аресты. В ответ было арестовано 63 делегата конференции.

Утром 3 апреля в знак протеста началась забастовка на Оружейном и Патронном заводах. Эти заводы были главными поставщиками оружия для Красной армии. Две трети стрелкового оружия и почти все пулеметы изготовлялись на оружейном заводе в Туле.

5 апреля к забастовке присоединились железнодорожники. В двух цехах железнодорожных мастерских началась «итальянка». Бастующие требовали улучшения снабжения продовольствием, осво-

бождения арестованных, объяснения причин арестов, созыва общего собрания железнодорожного узла с представителями оружейных заводов. Но профсоюз железнодорожников не поддержал этого решения, признав требования незаконными. «Союз меньшевистский, но знают, что дорогу мы объявили на осадном положении»⁷⁵, — так прокомментировал позицию профсоюза председатель Тульской чека Ф.Д.Медведев в разговоре по прямому проводу с Дзержинским. Здесь лишний раз подтвердился тот факт, что отдельные обвинения меньшевиков и эсеров в разжигании забастовочного движения, постоянно раздававшиеся со стороны большевиков, были скорее методом политической дискредитации оппонентов, чем реальным отражением происходивших событий.

Положению в Туле придавалось настолько серьезное внимание, что в ЦК партии подумывали о поездке к бастующим председателя ВЦИК М.И.Калинина, но местные коммунисты сразу заняли очень решительную позицию, рассчитывая только на репрессивные меры.

5 апреля в Тулу прибыла делегация из Москвы: представитель ВЧК И.Антонов, член ЦК союза металлистов Я.Розенталь, представитель ВЦСПС Н.Глебов и др. Глебов и Розенталь провели совместное заседание союза металлистов и представителей заводских комитетов бастующих заводов, на котором было принято постановление о прекращении забастовки в ночь с 5 на 6 апреля. Представителям всероссийского союза металлистов этим постановлением поручалось взять на себя расследование обстоятельств ареста участников конференции и членов союза металлистов, а также всех обстоятельств, приведших к забастовке. Им же поручалось принять меры к освобождению арестованных руководителей Тульского союза металлистов, если они не причастны к контрреволюционному движению. Но губком партии отклонил это постановление, считая что освобождение отдельных меньшевиков и эсеров лишь затянет забастовку и принял решение, провести «чистку» заводов.

Курс на ликвидацию забастовки репрессивными мерами был одобрен на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 6 апреля 1919 г. М.Томский предложил, решить вопрос в духе примирения и некоторых уступок рабочим, но его позиция не получила поддержки. ЦК постановил, поддержать политику губкома партии, действия же Глебова, а тем самым и линия профсоюзов, были признаны неправильными⁷⁶.

Не смотря на постановление ЦК, в Туле продолжались споры о методах ликвидации забастовки. Губисполкомом была избрана чрезвычайная тройка (Арсентьев, Орлов, Прокудин), которой было поручено наметить репрессивные меры. В свою очередь, сторонники более мягкого подхода, в том числе присланные из

Москвы представители профсоюзов и ВЧК, считали необходимым, чтобы репрессии и урегулирование заводской жизни осуществляла особая чрезвычайная комиссия, назначенная Совнаркомом. По всей видимости, обстановка на заседании в губкоме была такова, что сторонники второй линии не сочли возможным открыто заявить о своем предложении, а довели его до Москвы вечером 8 апреля в разговоре по прямому проводу. «Но ответ на это должен быть дан быстро, так как уже завтра будут приниматься репрессивные меры, которые могут привести к тем или иным серьезным результатам»⁷⁷, — сообщил И. Антонов. На своей позиции продолжал оставаться и Глебов. Он заявил в этом же разговоре: «Если ЦК партии считает необходимым завод иметь пущенным теперь же, необходимы уступки, если эта необходимость может быть отсрочена, то допустимы репрессивные меры, но которые будут иметь реальные результаты только при проведении их чрезвычайной комиссией, назначенной Совнаркомом»⁷⁸. Однако, эти сепаратные переговоры были прерваны неожиданно появившимся председателем губкома Г.Н. Каминским. Он резко вмешался в разговор и заявил, что в губкоме нет разногласий и что высылка особой комиссии ничем пока решительно не вызывается.

Получив очередное одобрение от Москвы, губком перешел к решительным действиям. С 8 апреля начались массовые аресты на Патронном и Оружейном заводах. В течение двух дней было арестовано около 190 человек⁷⁹. Продолжалась фильтрация забастовщиков.

На заводах были расклеены приказы чрезвычайной тройки о расстреле тех, кто будет ломать станки, и мешать желающим работать, о вводе на заводы красноармейских частей. В городе были сосредоточены значительные вооруженные силы: Рязанский отряд чека, рота интернационалистов, школа красных офицеров, всего более тысячи надежных бойцов.

Под воздействием силы забастовщики начали отступать. 8 апреля под угрозой снятия брони почти целиком приступил к работе Патронный завод. В железнодорожных мастерских приступили к работе два цеха, остальные цеха (около тысячи человек) требовали созыва узлового собрания. На Оружейном заводе 9 апреля из 22 тысяч вышли на работу 4500 человек⁸⁰. В этот же день собрание представителей ВЦСПС, ЦК союза металлистов, Тульского союза металлистов, заводского комитета, цеховых комитетов Оружейного и Патронного заводов приняло резолюцию о прекращении забастовки.

За время забастовки было арестовано 290 человек, из них активных 32 человека⁸¹. Арестованные активисты были перевезены в Москву в ведение ВЧК.

События в Туле показали, что партийные и советские органы не имели влияния на рабочих, не отражали их интересов и рассматривали живых людей лишь как часть производственного механизма. Любое несогласие, а тем более неповиновение подавлялось силой. Революционные декларации о государстве диктатуры пролетариата оборачивались арестами и штыками. Руководство профсоюзов, центральный совет и центральные комитеты отраслевых союзов, превратившиеся в часть партийно-государственной машины, были вынуждены занимать половинчатую, соглашательскую позицию. Они не могли отстоять свою позицию, оставаясь в меньшинстве, не оказывали реального влияния на решения, принимавшиеся в ЦК партии по рабочим вопросам, в том числе и по забастовкам. Центральной части профсоюзов приходилось играть роль буфера между рабочими и государством, прикрывая именем рабочей организации насилие. Так, относительно мягкая позиция Глебова и Розенталя, поддержанная Томским, не вызвала одобрения ни в ЦК РКП(б), ни у тульских коммунистов. «Если бы Глебов был дольше, и все так работали, как он, за спиной, забастовки никогда не ликвидировать», — сообщил по прямому проводу председатель Тульской чека 10 апреля. «Если эта комиссия начнет канителиться, сообщайте нам, получите директивы»⁸², — ответили ему из ВЧК.

По мере роста забастовочного движения каждая из сторон приобретала опыт борьбы, учитывая ошибки предыдущих выступлений. Примером организованности можно назвать забастовку в Твери летом 1919 г. Начавшись в ткацком отделении Тверской мануфактуры, забастовка в течение двух дней превратилась в общегородскую. Прекратили работу текстильные фабрики, вагоностроительный завод, снаряжательные мастерские, электростанция, трамвай, водопровод, столовые, типографии, аптеки. Свое согласие присоединиться к забастовке дали служащие почты, телеграфа, городского снабжения и многих других советских учреждений. Отказались бастовать только железнодорожники и рабочие мельниц, считавшие невозможным остановить работу в столь тяжелое для республики время. Руководило забастовкой делегатское собрание, избранное бастующими. Для оперативной работы из его состава была выделена инициативная группа в составе 30–35 человек.

Непосредственными причинами забастовки было объявленное губпродкомом сокращение продовольственного пайка и проведение 10% мобилизации членов профсоюза. Выдвинутые делегатским собранием требования свидетельствовали о том, что рабочие были озабочены не только улучшением своего материального положения, но и недовольны сложившейся системой взаимоотношений между

партией и профсоюзами. Так, бастующие выступили против диктатуры партии, за переизбрание советов при всеобщем голосовании, за независимость профсоюзов от власти и каких-либо партий, за то, чтобы они выражали интересы своих членов. Также делегатское собрание выдвинуло требование, передать продовольственное дело из рук государства в ведение профсоюзов и кооперативов. На 19 июня было намечено созвать общее собрание всех бастующих совместно с представителями воинских частей и горожанами. Руководители забастовки понимали, что сила забастовщиков в их массовости и организованности.

Экстренные меры принимались и противоположной стороной. Еще 17 июня для ликвидации забастовки в город прибыл представитель ВЦИК В.Невский. На почту, телеграф, телефонную и электростанцию были выставлены вооруженные караулы. Вместе с представителем ЦК профсоюза текстильщиков В.Горшковым Невский сначала пытался договориться с инициативной группой о мирном прекращении забастовки. Затем они обратились к делегатскому собранию. Удалось договориться, что делегатское собрание примет все меры, чтобы не допустить общегородского собрания. В.Невским и В.Горшковым были также проведены собрания рабочих по фабрикам, на которых разъяснялось, что забастовка только на руку многочисленным врагам. И уже когда агитационно почва была подготовлена, состоялось совместное заседание делегатского собрания и представителей из Москвы. Собрание шло очень долго (с 11 часов утра 19 июня до 7 часов утра 20 июня), но, в конце концов, большинством голосов было решено, прекратить забастовку⁸³. Таким образом, забастовка была ликвидирована мирным путем, во многом благодаря усилиям Невского и Горшкова, без использования вооруженных сил, которые были направлены в город. Однако, это не означало, что после окончания забастовки не велось расследование и не были наказаны зачинщики. По данным, поступившим в ВЧК, по делу забастовки в Твери три человека были приговорены к расстрелу, и несколько к разным срокам тюремного заключения⁸⁴.

Начиная с 1918 г. на предприятиях легкой промышленности заработная плата помимо денежной части выплачивалась натурой, продукцией данного предприятия. И хотя с самого начала отраслевые профсоюзы в отличие от заводских комитетов высказывались против таких выдач, но подобная практика получала все большее распространение. Натурализация оплаты была выгодна как органам ВСНХ, так в еще большей степени рабочим, менявшим мыло, спички, сигареты и т.п. товары первой необходимости на продукты. Поэтому на прекращение таких выдач рабочие отвечали решитель-

ными действиями, вплоть до захвата продукции. Как, например, на московских государственных мыловаренных заводах № 4 и № 5 (бывшие Брокер и Ралле) в январе 1920 г. В ответ на отказ рабочих вернуть захваченную продукцию Центрожир с одобрения ВСНХ принял решение арестовать заводские комитеты и закрыть заводы. Мосгубсовет профсоюзов также одобрил это постановление при условии, что будет создана комиссия из старых рабочих для приема на работу вернувшихся похищенное⁸⁵.

Иную позицию занял Президиум Московского совета. Его протест против решения ВСНХ был рассмотрен на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 5 января. «Решение ВСНХ признать правильным»⁸⁶ — таков был вердикт Оргбюро.

16 января Президиум ВСНХ предоставил Центрожиру право пустить в ход эти заводы при условии соблюдения строжайшей дисциплины и переизбрания всех органов управления.

А со второй половины года ВЦСПС по соглашению с ВСНХ вновь вернулись к выдаче рабочим пайка из продуктов собственного производства, но по более низким нормам. Так, рабочим предприятий Главсахара полагалось ежемесячно 1,5 фунта сахара, Главтабака — 750 штук папирос или 2 фунта махорки, Центрожира — 1 фунт хозяйственного мыла или 4 куска туалетного.

В ответ на уменьшение норм выдачи прошла новая волна забастовок. Так, в течение трех дней (с 5 по 7 июня) бастовали 1-я, 2-я и 3-я табачные фабрики в Москве. Они протестовали против уменьшения выдачи папирос с 1800 до 750 штук, что существенно оказывалось на их и так полуголодном житье⁸⁷. 7 июня по приказу Главтабака фабрики были закрыты и объявлено о новом наборе рабочих. Одобрив эти меры, Президиум ВСНХ еще раз подтвердил необходимость и впредь придерживаться установленных норм⁸⁸. На проходивших собраниях рабочих в эти дни тяжелое материальное положение и в том числе уменьшение пайка связывалось с политикой большевиков. «...Рабочие получали бы паек гораздо больше, если бы у нас не существовало бы разных трибуналов, а также чрезвычай, которые поглощают все, — говорилось на собрании рабочих парфюмерных фабрик бывших Остроумова и Чепелевецкого, — большевики своей политикой создают контрреволюцию сами, посылают карательные отряды в деревню, отбирают хлеб у крестьян и тем создают враждебную оппозицию деревни»⁸⁹.

И в столицах, и в провинциях положение с продовольствием постоянно ухудшалось. В Москву Ленину шли полные драматизма телеграммы. «Продовольственное положение в Петрокоммуне небывало катастрофическое. Нет ни зерна. У армии взяли займы все, что

было можно. Несколько раз были уже перебои... Послезавтра всему городу нельзя будет выдать ничего»⁹⁰, — телеграфировал Г.Зиновьев Ленину 1 октября 1920 г. «Положение Донбасса крайне тяжелое. Рабочие голодают, одежды нет. Несмотря на революционно-советское настроение масс, стачки вспыхивают там и здесь. Приходится удивляться тому, что рабочие вообще работают», — говорилось в шифротелеграмме Л.Троцкого и Л.Серебрякова, посланной 19 ноября⁹¹. И в это же время на Пленуме ЦК РКП(б) признается политически необходимым направить в Италию «вторую партию хлеба» (значит, первая партия уже направлена), а в Индию партию оружия и золота, не говоря уже о постоянном направлении золота и бриллиантов на поддержку коммунистического движения. Идея мировой революции обходилась дорогой ценой.

21 июля из Казани пришла телеграмма Ленину и ЦК РКП(б) о сокращении хлебного пайка на заводах города «в связи с крайне тяжелым продовольственным положением и полной невозможностью получить хоть что-нибудь из опустошенных выкачкой хлеба и голодающих уездов»⁹². Такая ситуация во многом явилась следствием крупного крестьянского бунта, прокатившегося весной по трем уездам Казанской губернии (Чистопольскому, Мензелинскому и Бугульминскому). Восстание проходило под лозунгом «Долой коммунистов и выкачку хлеба» и носило ожесточенный характер. Так, части Запармии в течение пяти дней не могли разбить 3 тысячи повстанцев, из которых только 300 человек имели оружие. За время этих боев красноармейцы потеряли 300 человек убитыми. Были также факты зверских расправ над коммунистами.

Сокращение и без того мизерного пайка (с 1 фунта до 3/4 для первой категории и с 3/4 до полфунта для второй) вызвало цепь забастовок в Казани. 17 июля забастовал кожзавод Алафузова, 19 июля к забастовке присоединились пороховой завод и химический завод Ушкова, ряд других заводов. Избранный стачечный комитет помимо требования сохранять прежний паек выдвинул ряд других экономических требований: отмена 12-часового рабочего дня, уничтожение дисциплинарных судов, ликвидация охраны на пороховом заводе, состоявшей из мадьяр. И хотя губисполком с самого начала объявил, что с 28 июня в связи с подвозом хлеба прежний паек будет восстановлен, рабочие продолжали бастовать. Только после угрозы применения законов военного времени и ареста 50 человек бастующие стали выходить на работу. 22 июля работа на заводах была полностью восстановлена⁹³.

12-часовой рабочий день, введенный на многих милитаризованных предприятиях, в действительности, не был пределом.

Например, на Симбирском патронном заводе рабочие фактически работали по 16 часов в сутки. Так как около 3 тысяч рабочих из-за отсутствия жилья вблизи завода были вынуждены тратить на дорогу туда и обратно еще 4 часа. Неудивительно, что невыход на работу составлял здесь ежедневно от 30 до 50% у рабочих и административно-технического персонала. На настроении рабочих сказывалась и тарифная политика союза металлистов. Если раньше квалифицированные рабочие могли вырабатывать до 400% нормы, то теперь был установлен потолок в 200%, и зарплата, таким образом, понижалась. Причем, эти меры проводились неожиданно, без разъяснительной работы.

В течение мая 1920 г. на Симбирском патронном заводе была проведена двухнедельная «итальянская» забастовка, которую ликвидировали испытанным средством: было арестовано 12 рабочих. За явный и злостный саботаж, будучи военнообязанными и работая на военные нужды в районе, объявленном на военном положении, они были осуждены Симбирским губревтрибуналом. Один рабочий (Н.Ф. Филиппов) был приговорен к условному расстрелу с отправкой на железнодорожный транспорт, что, видимо, в то время было равносильно тюремному заключению. Еще один был осужден на 10 лет лишения свободы с заменой на отправку на фронт, трое отправлены на фронт, трое — на 3 года в концлагерь, остальные получили более легкое наказание. Причем, эти наказания были присуждены с учетом пролетарского происхождения подсудимых⁹⁴.

Но и такая расправа не остановила оставшихся на заводе от нового выступления. 2 октября началась новая забастовка, которую после ряда митингов удалось приостановить. На заседании губисполкома выяснилось, что в забастовке не только принимали участие, но и были застрельщиками, коммунисты. Они объясняли свое поведение конфликтом с председателями заводоуправления, установившим на заводе диктатуру. На территории завода им были запрещены партийные собрания, а его заместитель арестовал одну 16-летнюю работницу только за то, что она ему надерзила.

Работа губчека, не смотря на прекращение забастовки, была усилена. Выявили 20 рабочих из бывших меньшевиков и эсеров, которые вели агитацию за забастовку. По всей видимости, председатель заводоуправления, коммунист, назначенный ЦЕПАЗом, имел свою точку зрения на этот счет и запретил производить аресты. Однако их арест был санкционирован губкомом партии. Докладывая в ВЧК о проделанной работе, председатель Симбирской губчека Крумин сообщил и о главном методе ее ве-

дения: «На Патронном заводе работа ЧК ведется усиленно и в каждой группе рабочих имеется наш осведомитель, так что нам известно все, что делается на заводе»⁹⁵.

Летом 1920 г. нарком продовольствия Н.П.Брюханов заверил участников сессии ВЦИК, что из урожая текущего года будет наверняка заготовлено 350 млн. пудов хлеба. Притом, что «по нормам сытости», рассчитанным в Наркомпроде, было достаточно заготовить 400 млн. пуд. На практике эти уверения выполнены не были. С первых дней 1921 г. в Москве и Петрограде со всей остротой проявились продовольственный и топливный кризисы. В ответ на ухудшение и без того голодного существования на многих предприятиях прошли забастовки и демонстрации.

В начале февраля в Петрограде из-за топливного кризиса были закрыты несколько недавно пущенных предприятий. Мобилизованные в порядке трудовой повинности рабочие, специально направленные для их пуска, оказались за воротами. На работавших заводах был сокращен продовольственный паек. Все это послужило толчком к объявлению забастовок на Балтийском, Трубочном заводах, фабрике Лафери и др. Рабочие требовали увеличения пайка, снятия заградительных отрядов. Было и политическое требование созыва Учредительного собрания. Движение шло под лозунгом отмены диктатуры компартии и установления власти свободно избранных советов. Выступления были довольно быстро ликвидированы традиционным способом: арестами лидеров забастовок. Знаменитый чекист Я.С.Агранов, расследовавший по свежим следам дело Кронштадского восстания, совершенно справедливо считал его логическим развитием забастовок в Петрограде⁹⁶. Делегации из Кронштадта посылались на бастующие заводы и если бы забастовки не были так быстро подавлены, могло бы произойти объединенное выступление. Уроки третьей революции, как называли восстание в Кронштадте, в частности, показали, что недовольство трудящихся существовавшим положением дошло до такой крайней степени, что они в любой момент были готовы выступить против власти. Любая беспартийная конференция могла быть стихийно преобразована в стачечный или повстанческий комитет без влияния оппозиционных партий. Пожалуй, впервые в Кронштадте произошло осознание необходимости совместной борьбы рабочих, крестьян, моряков и красноармейцев за свои интересы. На фоне все расширяющегося повстанческого движения в деревне и брожений в армии Кронштадт мог стать последней чертой, за которой началась бы, действительно, третья революция.

Социальный взрыв. Выступления рабочих Москвы весной 1921 г.

В последние годы благодаря рассекречиванию многих источников и возможности их объективной интерпретации появились фундаментальные издания документов⁹⁷ и интересные работы, посвященные различным аспектам кризиса военно-коммунистической системы и смены экономического курса в начале 1920-х годов⁹⁸. В рамках этих исследований забастовки и митинги рабочих Петрограда и восстание в Кронштадте рассматриваются с разной степенью подробности: от констатации значения Кронштадта в смене экономического курса до скрупулезного рассмотрения причин и хода забастовок как важного этапа в истории рабочего активизма. В ряду этих событий стоят и выступления московских рабочих весной 1921 г. Являясь немаловажной частью критической ситуации, они пока не стали объектом специального изучения. Рассмотрим причины, ход и последствия московских событий под углом зрения общей проблемы взаимосвязи власти и общества.

* * *

Наращение кризиса во всех сферах деятельности большевиков, в том числе и внутрипартийный кризис, не прошло мимо внимания ряда партийных лидеров. Уже в начале 1920 г. предпринимались отдельные попытки смягчить военно-коммунистическую систему, прежде всего, в сфере отношений с деревней. Не прекращающиеся крестьянские волнения, с одной стороны, и постоянная нехватка продовольствия, с другой, заставляла то и дело возвращаться к проблеме деревни. Сначала Ю.Ларин провел на III Всероссийском съезде совнархозов (конец января 1920 г.) резолюцию о переходе от продразверстки к смешанной системе, сочетавшей прежний принцип принудительности с использованием рыночных отношений. Но из-за резкого неприятия этой идеи ЦК партии этот документ не только не был опубликован, но и усиленно замалчивался. Затем Л.Д.Троцкий в феврале 1920 г. в направленной в ЦК записке «Основные вопросы продовольственной и земельной политики» предложил ряд будущих «нэповских» мер. В том числе, ввести своего рода подоходный, прогрессивный натуральный налог взамен изъятия излишков, с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляли выгоду для крестьян. Предложения Троцкого также не получили одобрения ЦК. Спустя год, 13 февраля 1921 г. руководители военно-чекистских ведомств Н.И.Подвойский,

М.С.Кедров, К.А.Мехоношин, Н.И.Муралов, В.Р.Менжинский и Г.Г.Ягода обратились в ЦК партии с секретным письмом о критическом положении в стране⁹⁹. Именно эти ведомства обладали наиболее полной и оперативной информацией о жизни всех слоев общества «от Москвы до самых до окраин» и предупреждали партию об опасности. В письме говорилось, что крестьянские восстания, происходящие в целом ряде регионов, являются только началом широкого мелкобуржуазного движения против пролетариата и требуют исключительного внимания со стороны партии. В свою очередь, пролетариат Москвы, Петрограда и других крупных индустриальных центров, как отмечалось в письме, находится в таком состоянии, что при дальнейшем ухудшении экономического положения он неизбежно выйдет из под влияния РКП и даже может выступить против советской власти. В письме указывалось также на небывалое еще понижение влияния партии на пролетариат, особенно из-за систематического сокрытия информации о действительном состоянии страны. Что касается Красной армии, то ее боеспособность, как отмечалось в письме, находится на крайне низком уровне и она не может быть надежным оплотом власти. Необходимо изменение органов управления армией в связи с главной задачей ближайшего времени — борьбой с массовыми крестьянскими выступлениями. В письме предлагалось, немедленно образовать при ЦК временную военную комиссию из членов ЦК для приведения партии в положение, соответствующее создавшейся обстановке. В качестве первоочередной задачи этой комиссии выдвигалась задача поднятия боеспособности коммунистических частей и создания на каждом предприятии «стойкого пролетарского ядра». Предполагалось сделать акцент на верные власти военные части и реформировать армию в целом для подавления протестных выступлений как в деревне, так и в городе. Таким образом, в письме трезво оценивалась сложившаяся ситуация, грозившая перерасти в открытые выступления рабочих против большевистской власти.

Накануне. «Тяжелейшее поражение на фронте труда», — так была названа в «Правде» ситуация, сложившаяся к февралю 1921 г. в связи с парализацией транспорта и остановкой питерских заводов¹⁰⁰. Для проталкивания хлебных грузов в направлении Петрограда и Москвы были экстренно посланы специальные представители. На некоторых участках железных дорог было прекращено пассажирское движение, чтобы использовать сэкономленное топливо для перевозки продовольствия. В целях экономии продовольствия было запрещено снабжение сотрудников центральных и местных учреждений специальными пайками, которые получали рабочие подведомственных

предприятий и красноармейцы. Сокращено количество предприятий, снабжавшихся по усиленным нормам. Но даже этих мер было недостаточно: необходимых для «прокорма» столицы 25 тыс. пудов хлеба в день все равно не набиралось. Поэтому в февраля большинство рабочих в Москве получали 150, а на мелких и обслуживающих предприятиях — всего 133 грамма хлеба в день¹⁰¹. При этом норма выдачи других продуктов была также значительно уменьшена.

Наряду с продовольственным кризисом шло накопление критической массы и в социальной сфере. Ощутимые признаки повышения активности московских рабочих появились уже в начале февраля. На проходившей 2–4 февраля беспартийной конференции московских рабочих-металлистов, на которой присутствовало около тысячи человек, делегаты потребовали отмены запрета на свободную торговлю, в первую очередь, открытия Сухаревки¹⁰², и свободы передвижения. Прозвучали также политические требования: свободы печати, созыва Учредительного собрания. А в постановлении, принятом конференцией по докладу об отношении рабочего класса к крестьянству, говорилось, что разверстка вызывает развал сельского хозяйства и губительно отражается на положении рабочих масс, поэтому ее необходимо заменить натуральным налогом. Активность делегатов была очень высокой. По каждому вопросу выступало от 20 до 35 человек¹⁰³. «Раздражение конферентов доходило до потери самообладания...»¹⁰⁴, — писал А.Я.Вышинский, выступавший на конференции с докладом от Наркомпрода. О том, что эти настроения имели поддержку в рабочей среде, свидетельствует и опубликованное в «Правде» письмо председателя ячейки РКП Московского оборонного завода И.Л.Сидоренкова. Он с возмущением сообщал об общезаводском собрании 14 февраля 1921 г. На собрании при выборах делегатов на уездный съезд советов беспартийные рабочие «договорились до “наказа”, который нужно дать народным представителям: свобода торговли, свобода печати, свобода проезда и проч.»¹⁰⁵

Выдвижение эсеровских и меньшевистских требований на рабочих собраниях на практике совсем не означало, что рабочие находятся под влиянием оппозиционных партий, о чем постоянно писали большевистские газеты, а позже эта точка зрения прочно укоренилась и в советской историографии. Так случилось, что насущные потребности рабочих, лежавшие преимущественно в экономической области, совпали с платформами партий, критиковавших политику большевиков. Последующий ход событий подтвердил отсутствие прямой зависимости рабочих выступлений от их влияния. Например, требование «свободы труда», звучавшее весной 1921 г. во многих городах страны, не было требованием оппозиционных

партий свободного спроса и предложения рабочей силы. Рабочие добивались упрощения перехода с одного предприятия на другое, выступали против принудительного закрепления и перебросок на предприятия различных регионов, т.е. протестовали против военно-коммунистических принципов организации труда. Это требование было удовлетворено в рамках нового экономического курса: постановлением ВЦИК от 19 мая 1921 г. был введен облегченный порядок перехода с одного предприятия на другое.

Однако были и другие настроения. Определенная часть рабочих придерживалась точки зрения, что только дружная работа и поднятие производительности труда позволят выйти из кризиса. Так, на общем собрании рабочих Московского арматурного завода и завода «Манометр» 5 февраля 1921 г. резолюции конференции металлистов не получили одобрения и было принято обращение к московским рабочим, не останавливать работы¹⁰⁶. Вот как подобная позиция формулировалась самодельным поэтом в стихотворении с характерным названием «Стойте крепко»:

«Живется голодно и худо
И от работы ломит грудь,
Но для трудящегося люда
Один, один на свете путь...
Нелегко он на самом деле,
Но через черные года
Он нас ведет к великой цели –
К победе честного труда!»¹⁰⁷

Еще одним показателем остроты ситуации и стремления власти повлиять на настроения рабочих явилось собрание, прошедшее 21 февраля, на текстильной фабрике быв. Гивардовского. Здесь впервые в практике работы районных советов Москвы состоялось, выражаясь современным языком, выездное заседание исполкома совета депутатов Хамовнического района, на котором рабочие были информированы о распределении продуктов и предметов широкого потребления самой распределяющей организацией. Примечательно, что главный акцент в докладе был сделан на злободневном вопросе, будоражившем горожан, — злоупотреблениях в распределении. Докладчик подчеркнул, что власть принимает все меры против злоупотреблений, а если неполадки продолжаются, то в этом есть значительная доля вины и самих рабочих. В качестве примера была приведена 3-я Государственная пуговичная фабрика, на которой избранный рабочими контроль не сообщал выявленные факты

злоупотреблений ни в РКИ, ни в райбюро МПК. На собрании было также сообщено о новом порядке распределения, который должен был разрядить атмосферу недовольства. По решению Моссовета с 1 марта все предметы ширпотреба должны были выдаваться непосредственно на фабриках по спискам, которые будут составляться самими рабочими. «Вероятно с участием врачей, составлять списки наиболее нуждающихся, сообразуясь с недостаточным числом выпадающих на долю каждого учреждения предметов»¹⁰⁸, — пояснил докладчик. Было сообщено, что рабочим предстоит в ближайшее время распределить 3600 пар сапог, которые приходились на Хамовнический район из 40 тыс. пар заграничной обуви, полученных Москвой.

В докладе была также дана примечательная характеристика поведения рабочих при изложении ими критических замечаний: «Рабочие посылают анонимки, предпочитают замечания с места и галдения открытому выступлению по очереди, по существу разбираемого вопроса»¹⁰⁹. Здесь в отличие от авангарда рабочих, представленных, например, на конференции металлистов, просматривается другая модель поведения, характерная для большинства рабочих. Стремление не обнародовать своей персональной позиции, уйти в тень было во многом связано с боязнью попасть в поле зрения карательных органов и получить политический ярлык. Такая поведенческая установка основывалась на повседневном опыте, полученном в многочисленных конфликтах с властью. Как показывают информационные документы ВЧК, все выступавшие на собраниях персонально устанавливались и зачастую увольнялись с волчьим билетом. Такое же поведение рабочих было характерно и для собрания на фабрике быв. Гивардовского. Вопросы докладчику задавали только члены бюро комьячейки, а рабочие ограничивались замечаниями с места: «Совет все съел» или «совет сперва все гноит, а потом раздаст». В связи с этим автор газетного сообщения, сотрудник райлитколлегии Н.Басман замечает: «Еще и еще раз подтверждаются оторванность, стадность, темнота, предубежденность. Собрания, подобные описанному, имеют большое значение»¹¹⁰. События самых ближайших дней будут свидетельствовать об обратном. Московские рабочие, и в первую очередь присутствовавшие на этом докладе, не поверили уверениям власти, что злоупотребления с выдачами пайков и ширпотреба будут прекращены, не вдохновились призрачной перспективой самоличного распределения настолько мизерного количества товаров, что в лучшем случае могли что-то получить только больные. Стремление власти установить диалог с рабочими не увенчалось успехом.

Ход событий. В 20-х числах февраля, когда протесты петроградских рабочих приняли форму всеобщей забастовки, активные выступления рабочих в Москве только начинались¹¹¹. Линия «на уравнивание продпайков» на разных предприятиях привела к тому, что, в частности, на фабрике Госзнак в Хамовниках был сокращен «полуторофунтовый» паек. 19 февраля возмущенные рабочие созвали митинг, после которого прекратили работу. На следующий день, в воскресенье, работали только коммунисты и комсомольцы. Неизвестно, что происходило в последующие дни, но, по всей видимости, градус недовольства поднялся столь высоко, что произошел социальный взрыв. Впервые после победы советской власти недовольство рабочих выплеснулось на улицу. 23 февраля толпа бастовавших госзнаковцев, насильно снимая работавших, направилась в Хамовнический казармы. Рабочие рассчитывали на поддержку расквартированных там солдат 2-й Запасной бригады. Однако, когда толпа, насчитывавшая по сведениям МЧК до 3 тыс. человек, попыталась ворваться в ворота казарм, часовые несколько раз выстрелили в воздух. Случайными выстрелами были ранены два человека: «один коммунист — в живот и женщина — в руку»¹¹². Обращает на себя внимание тот факт, что о принадлежности раненого к РКП(б) МЧК было известно почти сразу. А то, что раненый служил на Госзнаке подростком-чернорабочим и что он — брат сотрудника ВЧК, выяснится позже. От полученного ранения он скончался. Вполне возможно, что этот коммунист не был забастовщиком и не случайно оказался в толпе. Во всяком случае, родственники убитого отказались от денег, собранных госзнаковцами, считая забастовщиков виновниками убийства. О личности женщины ничего неизвестно. В пользу этой версии свидетельствует и тон сообщения МЧК Дзержинскому, находившемуся в Харькове, о состоявшихся похоронах: «Сегодня, 26-го, состоялись похороны тов. Кузьменко — рабочего, умершего от раны, полученной у Хамовнических казарм 23 февраля. Похороны прошли спокойно»¹¹³.

После ухода демонстрантов в казармах были организованы митинги, выявившие лояльное отношение красноармейцев к власти, несмотря на то, что в них находилось около 700 «явно антисоветски настроенных» красноармейцев, подлежащих демобилизации. Отметим, что в октябре 1920 г. Комитет обороны Москвы оценивал красноармейские части, расквартированные именно в Хамовническом районе, как наименее надежные. В основе их ненадежности лежали, прежде всего, недостаточное снабжение продуктами и обмундированием¹¹⁴. Маловероятно, что снабжение красноармейцев за это время улучшилось, скорее всего, на них оказала

влияние искусная политическая риторика большевиков, фальсификация характера выступления рабочих, обвинения их в контрреволюционности. Кроме того, красноармейцы, нередко, отрицательно относились к забастовкам, считая их пособничеством врагам.

Одновременно с походом на казармы группы госзнаковцев правились в соседние предприятия, чтобы снять рабочих с работы. В результате этого к середине дня прекратили работу фабрика Земпалатка, упоминавшаяся выше фабрика Гивардовского, на которой, как мы уже знаем, 21 февраля царил атмосфера индифферентности, и фабрика Гюбнера. В сообщении МЧК отмечалось, что только незначительная часть рабочих присоединилась к демонстрантам, а большинство разошлось по домам. По всей видимости, среди этого большинства находились и рабочие фабрики Гивардовского. Остальные предприятия района, не смотря на все усилия, не поддержали госзнаковцев.

Около 18 часов 23 февраля состоялся общий митинг у здания Высших женских курсов, более многочисленный, чем у казарм. На нем присутствовало около 5 тыс. человек. Затем собравшиеся разошлись по трем аудиториям курсов. В скором времени, по всей видимости, благодаря умелой агитации, в двух аудиториях были вынесены резолюции, клеймящие забастовщиков позором. Наиболее упорно держались инициаторы выступлений, госзнаковцы, заседавшие до поздней ночи. Только выступление приехавшего на собрание председателя ВЦИК М.И.Калинина убедило их присоединиться к решению большинства о выходе на работу 24 февраля.

На следующий день на улицах района воцарилось спокойствие, но на большинстве предприятий положение оставалось неопределенным, продолжалось беспрерывные митинги. Рабочие Госзнака, как и было решено накануне, приступили к работе.

В Краснопресненском районе 24 февраля прошли митинги на 10 крупнейших заводах, на двух предприятиях была частично прекращена работа. В Рогожско-Симоновском районе состоялись оживленные митинги на двух крупных предприятиях. В Сокольническом районе наблюдалась спокойная обстановка. Особенно тревожное положение в этот день сложилось в Замоскворецком районе. На ряде фабрик чувствовалось ярко выраженное забастовочное настроение. Первыми забастовали на утилизационном складе ВСНХ. «Причины волнения однородны: ухудшение положения отдельных предприятий. Общий характер движения — экономический, пока [с] единичными политическими выступлениями», — было телеграфировано Дзержинскому в Харьков о положении в Москве 24 февраля¹¹⁵.

25 февраля положение на предприятиях Москвы оставалось неустойчивым, хотя и не внушало власти особых опасений. В Замоскворечьи отмечалось неустойчивое положение на кожевенных фабриках, из которых три (Демент, Щетинина и Волк) не работали¹¹⁶. Звучало требование созвать общее собрание кожевников. В Хамовниках забастовала ткацко-отделочная фабрика быв. Бутикова (1 тыс. человек), рабочие хлынули на улицу, но затем возвратились на собрание. В Краснопресненском районе остановилась Пуговичная фабрика, однако на собрании было принято решение, возобновить работу 26 февраля. В Сокольническом районе, хотя и не было забастовок, но на большинстве фабрик митинговали. По сведениям чекистов спокойная обстановка в этот день была отмечена в Бауманском, Рогожско-Симоновском и Городском районах.

С 25 февраля началась массированная агитработа большевиков на предприятиях. Под лозунгом «Коммунисты — на заводы» были отозваны коммунисты из учреждений, привлечены к агитации на заводах руководящие работники профсоюзов. Для выполнения партийной работы за районами были закреплены члены ЦК РКП(б). Например, к Краснопресненскому району были прикреплены члены ЦК Н.В.Крыленко, Д.Б.Рязанов, В.В.Шмидт, Е.О.Бумажный и Е.И.Вегер; к Рогожскому — Артем, В.Н.Яковлева, М.Я.Лацис, Н.И.Муралов, В.В.Куйбышев. Первоочередные меры принимались на предприятиях «неблагонадежных» отраслей: текстильной, кожевенной промышленности. Так, уже 25 февраля было созвано общее собрание на фабрике Прохоровской мануфактуры, на котором присутствовало 3 тыс. человек. Рабочие «с большим вниманием» выслушали полуторачасовое выступление А.И.Свидерского о довольствии, было подано много записок. С докладом об общем положении выступил Рязанов. Его призыв к рабочим, вступить в ряды РКП, был встречен громом аплодисментов. Было выступление и бывшего эсера, но он «успеха не имел»¹¹⁷. На общем собрании на 1-й Государственной табачной фабрике, быв. «Дукат» (присутствовало 975 человек) выступили представители профсоюза табачников. Было отмечено, что положение рабочих Донбасса и Урала во сто крат хуже, чем в Москве. В связи с этим по предложению директора фабрики Бергамова собранием было принято решение, отработать воскресник в пользу рабочих Урала и Донбасса¹¹⁸. В этот же день под лозунгом «Да здравствует усиленный труд!» состоялось собрание на обувной фабрике № 10 и на ряде других предприятий.

26 февраля была продолжена кампания заводских собраний, на которых представители парт-хоз-профсоюзного руководства призывали рабочих к ударному труду и не поддаваться «контрреволюци-

онным проискам эсеров, меньшевиков и «коммунистов» — волков в овечьей шкуре». Несмотря на эти постоянные предостережения, звучавшие публично, в сводке МЧК зафиксирован единственный факт «происка», да и то явно позитивного характера. 26 февраля было сообщено, что на химико-фармацевтической фабрике «Богатырь» в Сокольниках по предложению меньшевика Гольденберга была принята резолюция, призывавшая к объединению всех социалистических партий для борьбы с хозяйственной разрухой. А в Городском районе было отмечено выступление толстовцев, которые призывали интеллигенцию присоединиться к рабочему движению¹¹⁹.

Как не странно может показаться, но и в обстановке социального напряжения не все рабочие были поглощены исключительно злободневными проблемами. На некоторых предприятиях, используя большой спрос на выпускаемую продукцию, фабзавкомы и в эти дни находили способы для организации корпоративных праздников. Так, фабричный праздник, «семейный вечер», был устроен 26 февраля на мыловаренной фабрике быв. Брокер. По приглашению комьячейки на вечер выступали артисты гостеатров, исполнялись веселые песенки буржуазных кабаре¹²⁰.

К 28 февраля волна выступлений на московских предприятиях улеглась. Совершенно очевидно, что выступления были стихийными, без руководства и плана действий. Это был социальный взрыв, бунт рабочих, главным образом, текстильщиков, пытавшихся найти поддержку у армии. Об этом свидетельствует и та легкость, с которой забастовщики, откликаясь на обещания власти улучшить их материальное положение, возвращались к работе. В основе выступлений лежали сугубо экономические проблемы, необходимость решения которых признавали и сами большевики.

Ответ власти. 23 февраля сразу же после получения первой информации ВЧК и МЧК сосредоточили все силы для контроля за обстановкой в Хамовниках и на близлежащих предприятиях и учреждениях. Вечером этого дня на оперативном совещании в ВЧК и МЧК была создана чекистская оперативная тройка, в которую вошли начальник контрразведывательного отдела (КРО) ВЧК А.Х.Артузов, начальник особого отдела при МЧК Леонов и начальник секретно-оперативного отдела (СОО) ВЧК Т.П.Самсонов. В связи с этими событиями Политбюро ЦК «для руководства тактикой репрессий» назначил тройку в составе зам. председателя Моссовета И.А.Зеленского и людей с богатым чекистским опытом, в частности, опытом проведения «красного террора» в Петрограде и Москве: секретаря МК В.Н.Яковлеву и председателя МЧК С.А.Мессинга¹²¹. Были проведены многочисленные аресты меньшевиков и эсеров. В

то же время, чтобы не накалять обстановку, было решено, ни в коем случае не арестовывать лиц пролетарского происхождения, связанных с предприятиями. Город был объявлен на военном положении. Позже оценивая действия власти, М.И.Калинин говорил, что если бы в Москве не были арестованы лидеры меньшевиков и эсеров, то получился бы «московский Кронштадт»¹²².

Для организации массовой агитации, в том числе для переброски коммунистов на предприятия, была создана пятерка. В нее вошли члены тройки плюс А.Лозовский (член президиума ВЦСПС и председатель МГСПС) и Туляков из Бауманского района. К активной работе был также призван Комитет обороны города во главе с председателем Моссовета Л.Б.Каменевым¹²³.

Комфракциями ВЦСПС и центральных комитетов отраслевых союзов были также предприняты экстренные меры по предотвращению развития рабочих волнений. Так, 24 февраля на заседании бюро комячейки ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов было заслушано сообщение «о событиях вчерашнего дня» и принято решение о проведении активной агитработы. Была объявлена мобилизация всех членов ячейки, в помещении ЦК союза устанавливалось непрерывное дежурство для получения информации о положении дел от райкомов и отряда особого назначения¹²⁴. Аналогичные меры были предприняты и другими союзами.

26 февраля бюро комфракции ВЦСПС утвердило секретный циркуляр «о порядке использования ответственных работников-коммунистов или агентов и прочих работников в связи с создавшимся положением в Москве», адресованный бюро комфракций всех отраслевых профсоюзов и МГСПС¹²⁵. Примечательно, что в преамбуле этого документа отсутствовало политическое клише — обвинения в адрес меньшевиков и эсеров, а причиной московских событий названы продовольственный и топливный кризисы. В качестве задачи для московских профсоюзов выдвигалась мобилизация всех сил и средств для делового разъяснения рабочим причин кризиса и необходимых мер борьбы с ними. В связи с этим все ЦК союзов должны были немедленно провести в профсоюзах Москвы учет всех работников, пригодных для этой работы; установить обязательное дежурство членов правлений союзов; организовать получение ежедневной точной информации от подчиненных органов о настроениях рабочих. Общее руководство кампанией было возложено на А.Лозовского¹²⁶. На этом же заседании в ВЦСПС рассматривался еще один вопрос, связанный с текущим моментом: положение профессиональной прессы. Было принято решение, издать специальное секретное распоряжение для всех регионов о том, что на пост

редакторов профсоюзных газет рекомендуется назначать непременно коммунистов¹²⁷. Такова была реакция якобы общественной организации, позиционировавшей себя выразительницей профессиональных интересов рабочих, независимо от их партийной принадлежности, на звучавшие требования свободы прессы.

28 февраля сложившееся положение в Москве было рассмотрено на заседании Политбюро ЦК РКП(б). Реальные московские события во многом отличались от хода выступлений в Петрограде, в частности, не было информации о листовках, о связи с международной контрреволюцией. Однако Политбюро приняло решение, в основу оценки событий поставить сообщение Г.Е.Зиновьева о листовках, найденных в Петрограде и «обнаруживающих характер контрреволюционной агитации». В этом направлении были определены и ближайшие задачи перед ВЧК: «Меньшевиков не освобождать, поручить ЧК усилить аресты среди меньшевиков и эсеров, не исключая одиночек рабочих, особенно в тех случаях, когда они выделяются своей активностью»¹²⁸.

К этому времени относится переход от разъяснительной работы среди рабочих и усиленного сбора агентурной информации, осуществлявшегося чекистами, к карательным действиям. Приказом ВЧК от 28 февраля 1921 г. было предписано «всем губчека в самый кратчайший срок разбить аппарат антисоветских партий»¹²⁹. В связи с этим указывалось на необходимость особенно осторожно подходить к арестам лиц из рабочей среды, обязательно согласовывая всю работу с парткомами. Показательно, что особым пунктом приказа на губчека возлагалась далекая от прямых функций этого ведомства задача: «Воздействовать на парткомы, губисполкомы и пр. в целях развития максимальной деятельности в направлении удовлетворения неотложных нужд рабочих, ибо чекистские средства должны служить только подспорьем в создании желательного перелома в настроении рабочих масс». В тексте приказа также нашел отражение свежий опыт, полученный чекистами во время февральских выступлений рабочих. Так, в случае выступлений рабочих на улицу, как это было в Москве 23 февраля, предлагалось разлагать толпу, внедряя в нее коммунистов, и на виду у толпы арестов не производить.

Осмысление ситуации. Вечером 28 февраля в Большом театре состоялось заседание пленума Моссовета, созванное Московским комитетом РКП(б). Целью заседания являлось информирование партактива о мерах по улучшению снабжения Москвы. Только таким образом можно было добиться позитивных изменений в настроениях рабочих. После выступления наркома продовольствия Н.П.Брюханова с большим докладом выступил Ленин. Начав, как

всегда, с международного положения, он перешел к причинам критического положения в Петрограде и Москве. «Продовольственная работа, топливная, уголь, нефть, дрова — все это разнородные работы и во всех трех областях мы сделали одинаковые ошибки», — заявил Ленин¹³⁰. Суть ошибок, по его мнению, заключалась в том, что были преувеличены силы, неверно оценены ресурсы и в итоге не сделаны запасы на черный день, не проявили «скопидомства». Затем он обрушился на врагов советской власти за границей и внутри страны; привел содержание телеграммы Г.Е.Зиновьева из Петрограда, в которой говорилось, что у одного из задержанных обнаружен листок, доказывающий связь с иностранными капиталистами. Говоря о расклеенных в Петрограде листовках меньшевиков с призывом к забастовкам, Ленин мимоходом, вскользь сказал и о событиях в Москве: «...а здесь в Москве раздули слух о какой-то демонстрации. На самом деле, был провокационный выстрел, которым был убит один коммунист. Это единственная жертва этих несчастных дней»¹³¹. Конечно, Ленин был информирован об истинном масштабе выступлений в Москве и, как и другие руководители, был напуган стихией бунта¹³². Однако, выступая на официальном собрании, он явно лукавил, скрывая от широких масс в стране и за границей очевидный факт, что рабочие, по сути, выступили против партийного курса на продолжение военного коммунизма.

На пленуме Моссовета также состоялось выступление представителя РСДРП с декларацией протеста против ареста группы меньшевиков. Ответом собравшихся были дружные аплодисменты в адрес МЧК¹³³.

Определенные итоги действий власти были доведены до населения 1 марта. В «Правде» было опубликовано принятое накануне воззвание Московского совета «Ко всем рабочим г. Москвы и губернии, ко всем крестьянам и красноармейцам, всем честным гражданам». Не упоминая о недавних событиях, в возвании в самой общей форме говорилось о ликвидации наиболее острых моментов, возмущавших рабочих. Сообщалось, что приняты меры к уничтожению выдачи продовольственных привилегий и прекращению незаконной выдачи продуктов, о предании суду виновных в неправильном распределении. В свою очередь, рабочие призывались не допускать агитации за забастовки и демонстрации, не поддаваться на провокации. Замалчивая факты, авторы возвания то и дело «пробалтывались». Так, предлагалось «задерживать и передавать в руки органов общественной безопасности всякого, кто зовет вас на улицу, ведет к демонстрации перед казармами»¹³⁴, т.е. читатель вполне мог сообщить, что именно так и проходили выступления рабочих. Вместе

с воззванием было опубликовано постановление СТО об ассигновании 10 млн руб. золотом на покупку за границей продовольствия и предметов широкого потребления для рабочих. Сама сумма была не велика, но впервые предполагалось истратить золото не на покупку машин, а на нужды людей.

Еще один шаг навстречу рабочим требованиям был сделан 4 марта, когда в Москве вслед за Петроградом были отменены заградительные отряды¹³⁵. 17 марта при Моссовете была создана Комиссия по улучшению быта рабочих¹³⁶, которая на протяжении последующих лет пыталась изменить ужасающие условия труда, быта и питания рабочих.

Требование свободы печати, звучавшее на рабочих собраниях, также не осталось без внимания партийного руководства. Как и требование свободы труда, оно означало на практике не политическое требование свободы печати для разных партий, а информационный голод населения. В феврале–марте 1921 г. в связи с обострением ситуации в стране в ЦК посыпался поток телеграмм от губкомов партии об отсутствии какой бы то ни было информации, в том числе и секретной, о забастовках, «контрреволюционных выступлениях», «о замалчивании правды об «Антоновщине» и вообще о бандитизме»¹³⁷. Не имея сведений об этих событиях, партийные органы не могли вести агитационные кампании на местах. Большие претензии высказывались и в адрес советских газет. «Нашим газетам не верят, и мы сами не верим: они замалчивают слишком многое. Не было сообщений об Антоновщине, Грузии, волнениях в Сибири; но было хуже, чем сообщения: в статьях постоянно пробалтывались и этим подливали масла в огонь крайне раздутых слухов, — писал в начале марта членам ЦК М.С.Ольминский. — А поведение по поводу московских выступлений? Выступления были невелики, мы это знаем, а передовицы носили почти панический характер. И не единого фактического сообщения! В Петербурге поступили умнее: там напечатали доклад Лашевича, из петроградских газет мы узнали и о забастовке Госзнака в Москве и т.п.»¹³⁸ О том, что словам коммунистов и газетам не верят, что газеты не отражают интересов населения сообщалось и в секретном докладе П.Смидовича «Саратов и губерния в марте 1921 г.»: «... Чем интересовался гр[ажданин] гор. Саратова и губернии в марте месяце? Чем он волновался до глубины своих кишочек? Силами с делами банд*, их передвижениями, борьбой с ними красных сил, восстаниями крестьян, событиями в Питере и Москве. Ни о чем подобном в газетах не было ни звука. Ответ по-

* Так в тексте.

лучался только в устной нагло глушей информации. Настроение рабочих в наших газетах рисуется только благоприятными нам резолюциями, а неблагоприятные эсеры распространяют в копиях и только этим последним верят»¹³⁹. Чтобы восстановить доверие к советским газетам, Ольминский предложил публиковать в газетах больше критических писем, составлять сводки этих высказываний для принятия мер. Однако, считая, что «не все поводы к недовольству можно печатать», к тому же через газеты все равно будет трудно уловить истинные масштабы недовольства, он видел выход в усилении внимания парторганизаций, начиная с ячеек, к настроению масс, к причинам одобрения или недовольства советской властью. Таким образом, главным информационным документом для власти Ольминский предлагал сделать протоколы низовых организаций¹⁴⁰. А Смидович считал необходимым, хотя бы на время и хотя бы по форме, «изобрести» беспартийную печать. С более радикальным предложением в русле свободы печати выступил уполномоченный-референт ВЧК Илья Мгеладзе (Вардин). 11 апреля 1921 г. он направил в Исполнительную комиссию Московского комитета РКП(б) следующую записку: «Я не понимаю, какую опасность мог бы представлять для нас Мартовский [имеется в виду лидер партии меньшевиков в эмиграции Ю.Мартов. — Л.Б.] «Социалистический Вестник», если бы он выходил в Москве, а не в Берлине. Ярче, сильнее он от этого не стал бы. Серьезным организационным центром для меньшевиков он вряд ли мог явиться. Кооперация, например, в этом смысле для меньшевиков и эсеров играет куда более важную роль. А когда сейчас этот убогий «Социалистический Вестник» проникает к нам в качестве нелегальщины, он приобретает для всех особый интерес»¹⁴¹. Все эти предложения были рассмотрены, но в итоге политика большевиков в органах печати осталась, по существу, без изменений. А реорганизация информационной работы, необходимость которой со всей очевидностью продемонстрировали заставшие врасплох большевиков, выступления рабочих, крестьян и моряков Кронштадта, была проведена в рамках органов ВЧК. Для руководства страны была создана система секретной государственной информации, основой которой являлась ежедневная госинформсводка¹⁴².

Как известно, главный вывод, сделанный весной 1921 г., был обнародован на X съезде партии. Зримая опасность потери своей социальной опоры и самой власти, наконец-то, заставила большевистское руководство и, в первую очередь, Ленина объявить о переходе к новому экономическому курсу, в том числе о замене продразверстки натуральным налогом¹⁴³. В рамках нэпа была пересмотрена

и система трудовых отношений. Однако материальное положение рабочих — главный фактор социально-трудовых конфликтов — будет оставаться крайне тяжелым и в этот период. Помня уроки третьей революции, контролируя настроения рабочих и выпуская «пар недовольства», большевистская власть больше не допускала социальных взрывов, подобных выступлениям в Москве и Петрограде.

Профсоюзы и забастовки

Профессиональные союзы в послеоктябрьской России имели немалый политический вес. Это были единственные общественные организации, объединявшие в своих рядах представителей различных партий и большую часть беспартийного городского населения. Формирование профсоюзов в этот период шло по цеховому принципу. Отдельные союзы были у водопроводчиков, церковных служащих, банщиков, прачек, могильщиков и т.д. Известно, какое большое влияние на политическую обстановку и конкретные решения большевиков оказало требование однородного социалистического правительства, выдвинутое Викжемем и поддержанное многими профсоюзами.

В первые послеоктябрьские месяцы шел поиск места профсоюзов в складывающейся общественно политической системе. Его результаты во многом зависели от того, какой лозунг будет взят на вооружение профсоюзными лидерами в работе с массами: эсеро-меньшевистский лозунг независимости профсоюзов от власти или большевистский лозунг всемерного сотрудничества. Уже в январе 1918 г. наметилась тенденция победы второго. На I Всероссийском съезде профсоюзов (54% делегатов с решающим голосом — от большевиков) была принята большевистская резолюция «О задачах профессионального движения». В ней, в частности, говорилось о том, что профсоюзы должны стать органами социалистической власти и проводить в жизнь новые задачи организации хозяйственной жизни¹⁴⁴. Традиционная функция профсоюзов по защите интересов своих членов не была упомянута.

Руководство профсоюзов исходило из того, что в условиях, когда власть перешла в руки «рабоче-крестьянского» правительства, оно само защищает интересы рабочих. Профсоюзы же должны защищать интересы рабочей власти, превращаясь в часть государственного механизма: «Теперь профсоюзам делать нечего, ибо профинтересы защищаются пролетарской властью. Союзы должны заняться теперь регулированием промышленности...», — заявил в

феврале 1918 г. М.Н.Животов. Исходя из такой позиции, руководство профсоюзов не поддерживало развернувшуюся стачечную борьбу. Независимо от причин стачки рассматривались как подрыв Советской власти, ущерб народному хозяйству и нарушение союзной дисциплины. На профсоюзных конференциях неоднократно принимались резолюции, дающие право государственным органам закрывать предприятие в ответ на забастовки. Отраслевые профсоюзы, нередко, были инициаторами и более суровых мер. Как, например, в отношении ткацких подмастерьев в Твери. 3 августа, отколовшись от общего союза текстильщиков, они образовали стачечный комитет, и объявили забастовку с требованием повысить ставки, определенные профсоюзом. Собрание ткачей вынесло им порицание. А руководство профсоюза текстильщиков приняло решение: арестовать стачечный комитет, о чем сообщить чека; бастующим объявить расчет, прекратить выдачу продуктов из лавок и выселить из хозяйских квартир¹⁴⁵. Вопрос об этой забастовке обсуждался и на Московской областной конференции фабрично-заводских комитетов текстильной промышленности. Участники конференции также осудили забастовку.

Но даже в тех редких случаях, когда профсоюз, признавая обоснованность требований забастовщиков, брал переговоры с властями в свои руки, сценарий развития событий был неизменным: запугивание участников, огульные обвинения в контрреволюции и связях с меньшевиками и эсерами, массовые увольнения и аресты. Именно так развивались события в Челябинске в мае 1918 г. Челябинский профсоюз печатников огласил на заседании исполкома Челябинского совета депутатов требование печатников о повышении ставок. Причем, предварительно было достигнуто соглашение с рабочими 18 мельниц о выступлении в поддержку. Но исполком настолько запугал представителей мукомолов, что те сожгли свою резолюцию, а затем и вообще отказались от своих слов. В итоге, игнорируя существовавшее законодательство, исполком совета депутатов самовольно распустил союз печатников, возглавивший забастовку, и образовал новый, «стоящий на платформе Советской власти». Такие действия местной власти не могли не вызвать возмущения руководства отраслевым профсоюзом. «Если такая политика совдепов будет продолжаться и впредь, — говорилось в письме Центрального совета всероссийского союза печатников в ВЦСПС, — то перед нами станет совершенно определенная задача, оставить в стороне экономическую борьбу и ребром поставить вопрос перед рабочими о беспощадной борьбе за право коалиций»¹⁴⁶.

Сообщения о произволе местных партийных и военных органов по отношению к профсоюзам носили массовый характер. В случае разногласий партийные комитеты распускали территориальные организации профсоюзов «как не стоящие на платформе Советской власти» и по своему усмотрению назначали новые выборы¹⁴⁷. Военные ведомства разгоняли фабрично-заводские комитеты, запрещали рабочим военных заводов вступать в профсоюзы, без согласования с профсоюзами увеличивали рабочий день. На заводах военного ведомства существовали дома штрафной команды (т.е. тюрьмы), куда сажали рабочих за различные нарушения трудовой дисциплины.

Лозунг партийного руководства профсоюзами, нередко, понимался буквально, как прямое подчинение партийным директивам руководителей профсоюзов. Типичный в этом отношении инцидент произошел на Саратовском губернском съезде профсоюзов (июль 1920 г.). На заседании комфракции съезда секретарь губкома партии потребовал «в порядке партийной дисциплины» принять резолюцию и персональный состав нового президиума губсовета профсоюзов. И съезд был вынужден подчиниться. Свое магическое заклинание было и у военных организаций: «в порядке боевого приказа».

Но в критических ситуациях, когда над существованием большевистской власти нависала прямая угроза, Ленин обращался к руководству профсоюзов за помощью. Будучи трезвым политиком, он прекрасно отдавал отчет в том, что большевики не пользуются прежним авторитетом у рабочих и только агитация профсоюзов еще может поднять их на защиту Советской власти. Одно из таких обращений к авторитету профсоюзов состоялось в связи с наступлением А.В.Колчака на Восточном фронте. 10 апреля 1919 г. СНК принял декрет о призыве в Красную армию рабочих и крестьян, а на следующий день был созван пленум ВЦСПС. На его заседании выступил Ленин с докладом о задачах профсоюзов в связи с мобилизацией. Он сделал акцент на том, что профсоюзы должны подойти к мобилизации как к громаднейшей политической кампании рабочего класса, подойти к ней по-новому, не только как профессионалисты, но и как революционеры, которые решают теперь тот же вопрос, что и в октябре 1917 г.

Обстановка в момент пленума была такова, что каждый из выступавших не мог не говорить о забастовочном движении, об отношении к участию в нем меньшевиков и эсеров. В частности, в докладе Ленина была сформулирована непримиримая позиция по отношению к этим партиям. Он заявил, что даже если они готовы на

деле помогать Советской власти, но, сохраняя при этом свои убеждения и возможность выступать с критикой, то их место в тюрьме или в других странах. А на вопрос Штульмана, доказано ли, что ЦК меньшевиков организовывал забастовки в Туле, Ленин ответил, что доказывать это ему ни к чему. И хотя ЦК меньшевиков осудил агитацию правых меньшевиков за забастовку, по убеждению Ленина, это не снимает с них вины за то, что они оказались слабее правых меньшевиков¹⁴⁸. По сути, это был тот же принцип, что и с взятием заложников: невинные люди отвечают за действия, в которых они не принимали участия.

Выступивший после Ленина Штульман заявил о своем несогласии с ленинской оценкой меньшевиков. Он сказал также, что политика правящей партии идет вразрез с интересами пролетариата и она виновна в сложившемся положении. Не возражая против участия профсоюзов в проведении мобилизации, Лозовский отметил, что для ее проведения нужно изменение политики Советской власти в деревне. «Почему Урал, центр рабочего движения с такой легкостью брался Колчаком? Почему Ижевские рабочие перешли к белым? Почему мы имели в Сибирской губернии ряд восстаний?»¹⁴⁹ — спрашивал А.Лозовский. Отвечая на собственные вопросы, он сказал, что нужно сделать так, чтобы колчаковские банды продвигались во враждебной атмосфере, а не в атмосфере участия и сочувствия.

Критические замечания содержались и в ряде других выступлений. Так, Юзефович заявил, что арестовываются не только те, кто разрушает народное хозяйство путем забастовок, но и работники профессионального движения, стоящие вне политики. Он назвал члена профсоюза кожевников Грюнвальда, которого никак не удастся освободить из чека. По мнению Юзефовича, нужно создать единый фронт борьбы, изменив линию поведения по отношению к рабочим и смягчив отношение к меньшевикам и эсерам¹⁵⁰. А только что вернувшийся из Тулы Н.Глебов сказал, что в Туле он не увидел разницы между меньшевиками и проходимцами.

В выступлении на пленуме рабочего-печатника А.Б.Романова говорилось о необходимости отказаться от того способа избавления от политических врагов, который применяется большевиками. Он сообщил об аресте трех членов правления московского союза печатников только из-за их принадлежности к партии эсеров, без предъявления обвинений. В знак протеста в Москве забастовали рабочие ряда типографий. А.Б.Романов заявил также, что бороться с Колчаком нужно не для того, чтобы защитить комиссаров и Советскую власть, а во имя интересов рабочего класса, за которые шла борьба не один десяток лет.

Официальная линия действий ВЦСПС в связи с арестами, в частности, печатников прозвучала в выступлении М.П.Томского: «Я буду просить и хлопотать, но требовать я не могу». В качестве примера, куда может завести профсоюзных лидеров выдвижение требований к власти, он привел забастовку в Туле¹⁵¹. О беспощадном подавлении забастовок было сказано и в заключительном слове Ленина. Отвечая на выступление А.Б.Романова, он заявил: «...что лучше — посадить в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев и рабочих? — Первое лучше»¹⁵². По сути, это было провозглашение пресловутого лозунга «лес рубят, щепки летят». Он стал главным для всех действий большевиков, и с течением времени во имя социалистической идеи приносились все большие человеческие жертвы.

Тема арестов рабочих постоянно затрагивалась и на представительных заседаниях местных рабочих организаций, причем, независимо от объявленной повестки. Здесь выступали и беспартийные рабочие, отрицательно оценивавшие власть коммунистов. Так, в июле 1919 г. в связи с приближением военных действий к Саратову, профсоюзы были объявлены на военном положении. Для определения плана действий было создано объединенное заседание саратовских профсоюзов, членов правлений и заводских комитетов, на которое собрались около 280 представителей различных союзов. Участвовавшие в заседании рабочие указывали на привилегированное положение коммунистов, которые занимают тыловые должности, а на фронт отправляют беспартийных. Говорилось и о том, что рабочие запуганы арестами без предъявления обвинений, что выборы проходят под давлением коммунистов. «Нам говорят, что страшен Колчак, но страшны и те колчаки, которые имеются здесь. Нам говорят, тогда будет плохо, тогда будет худо, все это мы знаем, но не нужно быть николаями и коммунистам. Иной комиссар, может быть, по несознательности делает зло, но он его делает рабочему классу»¹⁵³, — отмечалось в одном из выступлений. Надо заметить, что подобные критические высказывания, несмотря на их позитивную направленность, уже в это время были небезопасны. Они квалифицировались органами чека как контрреволюционные и могли закончиться арестом. В соответствии с решением VIII съезда партии все коммунисты, независимо от места их работы, были обязаны сотрудничать с чека и сообщать о любых проявлениях недовольства Советской властью.

Озабоченность сложившейся ситуацией высказывалась и представителями высшего партийного руководства. «Кто из нас не за-

рекается от ареста, не застрахован от репрессии не только в тех случаях, когда дело идет о трудящихся», — обратился Г.Зиновьев к делегатам-коммунистам V профконференции осенью 1920 г. — «Надо 10 раз подумать, прежде чем арестовать, а у нас 10 раз арестовывают, вместо того, чтобы 10 раз подумать...»¹⁵⁴.

Центральное руководство профсоюзов являлось не только ходатаем за арестованных. Оно и само наказывало забастовщиков, выполняя партийные директивы. Одна из таких директив, в частности, была дана Пленумом ЦК РКП(б) 25 марта 1919 г. в связи с событиями в Гомеле и выступлением рабочих Александровских мастерских в Москве¹⁵⁵. В ЦК отраслевых союзов также расследовались все крупные забастовки в отрасли. Кроме того, представители ВЦСПС входили в состав всевозможных трибуналов (Верховного трибунала, Особого ревтрибунала по делам спекуляции при ВЧК, реввоенжелдортрибуналов и др.). Представители профсоюзов в центре и на местах привлекались также к розыскным и следственным мероприятиям органов чека.

Масштабы забастовочного движения и его организованный характер вынудили профсоюзы к принятию специальных мер. В феврале 1920 г. при губотделах отраслевых профсоюзов начали создаваться комиссии по ликвидации беспорядков, стачек и проч. Их состав формировался комфракциями. При обострении ситуации для усиления деятельности комиссий привлекались все члены ЦК союзов. Они выступали на заводских собраниях, разъясняя особенности текущего момента.

Большое значение в антизабастовочной работе придавалось сбору информации от местных профсоюзных организаций. В ежемесячных сводках, поступающих в ВЦСПС, сообщалось не только о профсоюзной работе (количество проведенных собраний, численность и количество комфракций по союзам, количество комячеек на предприятиях и т.п.), но, главным образом, о политических настроениях рабочих. В них содержались сведения об отношении рабочих к Советской власти, к РКП, о том, какие вопросы их волнуют, о чем спрашивают на собраниях, о поведении спецов и отношении к ним партийных и беспартийных, о проведении субботников. Специальный пункт сводки был озаглавлен «кто явно вредит и подрывает партийную работу из членов союза и в чем подрыв выражается». Отвечая на этот вопрос, коммунисты — члены профсоюзных комитетов сообщали списки подозрительных лиц, которые затем арестовывались. Тем самым уже в это время была создана благодатная почва для доноительства и арестов с помощью самой массовой организации в стране — профсоюзов. Кроме того, информация о

настроениях рабочих регулярно поступала в ВЦСПС и по линии ВЧК. Руководство профсоюзов было постоянным адресатом госинформсводок ВЧК. В них помимо сообщений о политнастроениях рабочих и забастовочном движении приводилась информация и о профсоюзной работе. Кроме того, сообщения о недостатках в деятельности различных профорганизаций страны направлялись руководству ВЦСПС в виде отдельных выписок из сводок и служили сигналом для реагирования по профсоюзной линии¹⁵⁶.

Несмотря на все принимавшиеся меры репрессивного и разъяснительного характера, волна забастовочного движения не шла на убыль: по-прежнему, материальное положение рабочих оставалось крайне тяжелым, а всевозможные мобилизации и повинности еще более его ухудшали. Помимо 10–12-часового рабочего дня на заводах проводились еженедельные субботники или воскресники по погрузке дров. Для заготовки дров в Петрограде и Москве организовывались особые рабочие отряды, подобно продотрядам. Нередко, за счет бытовых условий рабочих решались производственные задачи. Так, общее собрание ячейки коммунистов Ковровского пулеметного завода постановило, реквизировать электролампы в квартирах рабочих и служащих для использования на заводе. К тому же, проводились всевозможные реквизиции у населения для нужд армии: седла, котелки, шинели и проч. А их сокрытие каралось ревтрибуналом вплоть до расстрела. Известно немало случаев, когда военкомы явочным порядком реквизировали посуду, мебель и все, что находили полезным для себя лично из домашнего имущества населения¹⁵⁷.

Тяжелое положение с продовольствием и топливом, первоочередное снабжение армии не позволяли улучшить положение рабочих. В тоже время даже разговоры на эту тему могли подогреть атмосферу недовольства. В связи с этим Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев 24 января 1920 г. предложение ВСНХ повысить тарифные ставки для петроградских и московских рабочих, запретило ВСНХ и ответственным партработникам публично поднимать этот вопрос без предварительной санкции Томского.

Не менее остро, чем продовольственный, стоял вопрос об обеспечении рабочих одеждой. При этом вопрос о положении других категорий населения, находившихся не в лучшем положении, даже не поднимался. «Пойдите посмотрите по районам, на общих собраниях. Всякий одетый человек буквально вызывает ненависть... Порой становится стыдно, как посмотришь на какого-нибудь коммуниста, что ты одет и обут. Из губерний, особенно из южных, где был Врангель, получаем вопли и настойчивые требования — одежды»¹⁵⁸, — сообщал С.Косиор осенью 1920 г. о положении в Харькове.

А в ряде волостей Терской области местные власти по этой же причине были вынуждены издать постановление, запрещавшее мужчинам и женщинам выходить на улицу в одно и то же время. На этом фоне уже не приходилось удивляться отсутствию одежды у заключенных. При появлении различных проверяющих они прятались друг за друга, скрывая наготу. «Это все предел кризиса, это кризис невиданный, колоссальный», — говорил А.И.Рыков о создавшейся обстановке на VIII съезде советов в конце декабря 1920 г. — ...Когда у нас миллионы рабочих, то мы из них удовлетворить можем только 5%, поэтому между голодными и раздетыми идет самая ожесточенная борьба»¹⁵⁹. Положение было столь острым, что ВСНХ прорабатывался вопрос о закупке за золото ширпотреба за границей¹⁶⁰.

Как известно, недовольство условиями жизни граждане всегда увязывают с существующей властью. Многочисленные упреки в адрес советской власти фиксировались и в эти годы. При этом по мере приближения конца Гражданской войны они только нарастали. Причиной роста подобных настроений была не только усталость от тягот реальной жизни. К этому времени большинство рабочих уже успело благодаря настойчивости пропаганды усвоить свою социальную избранность. Отражением этой идеологической установки являлись их повышенная требовательность к действиям власти и острая реакция на несбывшиеся ожидания. Вот, что, например, сообщалось о настроениях рабочих в информсводке Омской губчека в сентябре 1920 г.: «Проникая в самую глубину рабочей жизни и всесторонне рассматривая все эти ненормальности, которые с каждым днем становятся все более заметными в области экономического положения страны, мы получим самую яркую картину политического настроения рабочих масс. Экономическое положение рабочего часто меняет и его отношение к власти и духовным интересам. Голодный, раздетый и обиженный человек мало интересуется положением всего общества. Первым и последним его стремлением бывает забота об улучшении только своего положения и потом уже начинает подумывать об интересах других — общества. Это и есть главная сторона психологии рабочего, что подтверждается всеми полученными сведениями из губернии. Всюду и везде слышны ропоты и негодования материальными условиями жизни. И это всегда ставится в вину Советской власти: «Почему того и того нам не выдают, почему жалованья нам не увеличивают, почему разные комиссары ходят одетые и ни в чем не нуждаются?» и т.д. И это частично оправдывается»¹⁶¹.

Весной 1921 г. среди забастовщиков стали настойчиво звучать новое требование — «свободы труда». Это не было меньшевистским

требованием свободного спроса и предложения рабочей силы. Рабочие добивались упрощения перехода с одного предприятия на другое, выступали против принудительного закрепления и перебросок по усмотрению государства. Требование рабочих было поддержано и рядом профсоюзных лидеров. Так, А.З.Гольцман обратился с письмом к Ленину, в котором просил поставить этот вопрос на обсуждение в СТО или ЦК, чтобы как можно скорее издать декрет о порядке перемены работы¹⁶².

Опыт предшествовавшей экономической борьбы позволил руководству профсоюзов изменить политическую оценку стачки при пролетарской власти. В документах 1921 г. она определялась уже не как орудие борьбы с существующим строем, а как «средство экономического нажима на предпринимателей и хозяйственные органы с целью исправления их деятельности, идущей по тем или иным вопросам вразрез с общей политикой Советской власти и интересами пролетариата». В резолюции 5 съезда Всероссийского союза металлистов допускалась даже ситуация, когда профсоюз с санкции своего ЦК мог сам инициировать стачку в госпредприятии¹⁶³. Правда, практически это было невыполнимо, так как стачка могла быть объявлена только в том случае, если руководство предприятием находится в руках представителей меньшевистской партии. В отношении же стихийно возникающих выступлений профсоюз соглашался возглавить стачку при условии ее сугубо экономического характера. Была разработана схема действий в таких случаях: рабочие возвращаются к работе, а профсоюз ведет переговоры по поводу, с его точки зрения, справедливых требований. Если же рабочие не шли на компромисс и настаивали на удовлетворении всех выдвинутых требований, то профсоюзная организация снимала с себя ответственность за последствия стачки. А на практике еще и активно способствовала ее ликвидации, участвуя в выявлении зачинщиков и работе карательных органов. В отношении стачек политического характера инструктивные материалы предписывали проводить резко отрицательную линию. Союз должен был любыми мерами, в том числе и репрессивными, «сломать» такую стачку. Была разработана четкая тактика действий профсоюзов и в отношении оплаты за время стихийно возникающих стачек. Независимо от позиции хозяйственных органов, профсоюзное руководство считало недопустимым поддерживать требование полной оплаты простоя. Самое большее, что мог поддержать профсоюз, это оплата, равная оплате за простой предприятия не по вине рабочих.

Позиция, занятая большевистскими профсоюзами в борьбе рабочих за свои права, свидетельствовала о победе курса на огосу-

дарствление профсоюзов. В немалой степени этому способствовала истребление и вытеснение из профсоюзных организаций меньшевиков и эсеров. Большую роль сыграли комфракции и комячейки, опутавшие партийной паутиной профсоюзы сверху донизу. Из многопартийной массовой организации профсоюзы превратились в часть однопартийно-государственного механизма, действовавшего по единым партийным директивам. Благодаря своему особому положению профсоюзы первыми почувствовали сопротивление и неприятие со стороны рабочего класса установившегося режима. Защищая позиции государства, поддерживая и участвуя в его репрессивной политике, профсоюзы не могли пользоваться доверием у рядовых членов. Расхождение интересов привело к массовому выходу из профсоюзов по всей стране.

Примечания

¹ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 31. Л. 25.

² См.: Урал и Прикамье (Ноябрь 1917 – январь 1918). Док. и мат. Париж, 1982. О том, что вектор политических настроений с течением времени мог значительно отклониться, свидетельствует, в частности, отношение рабочих Ижевского завода к процессу правых эсеров летом 1922 г.: рабочие приняли резолюцию, клеймящую позором правых эсеров. Однако следует учесть, что за прошедшие три года почти полностью сменился состав коллектива. С ноября 1918 г. взамен рабочих, ушедших с Колчаком, на Ижевский и Воткинский заводы направлялись безработные из разных регионов России. При этом их специальность не имела значения. Среди переброшенных было даже значительное число текстильщиков. Под руководством квалифицированных металлистов они начали работать на новом месте. (См.: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 14. Л. 26).

³ См.: Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб, 1999. С. 28–31. Борисова Л.В. Насилие и экономика периода военного коммунизма // История в XXI веке: Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. Материалы международной интернет-конференции. М., 2001. С. 186–208.

⁴ Будаков В.Л. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 98. Примером такой «сверхреволюционности», которая, как правило, выражалась с повышенной эмоциональностью, являлось, в частности, выступление одного из участников IV съезда делегатов фабрик, заводов и профессиональных союзов Тутаевского уезда Ярославской губ. 15 декабря 1919 г.: «Разве революцию делали социалисты? Революцию делали Иван, Петр и другие маленькие, незаметные

люди, а не такие профессионалы-специалисты, которым здесь не место и которые думают, что воевать с Деникиным не надо, лучше, давай забастуем, и которые в душе думают, когда Деникин под Москвой — это хорошо, а когда его гонят — это скверно. Неправда!!! Советская Россия возглавляется Лениным, с которым и под руководством которого мы будем бороться до последней степени. Кто за Вильсона — тот против нас! Да здравствует диктатор пролетариата тов. Ленин и власть всемирного пролетариата!» (ГАРФ. Ф. 7275. Оп. 1. Д. 770. Л. 3).

⁵ Листовки петроградских большевиков 1917–1920. Л., 1957. С. 229.

⁶ Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М., 2004. С. 71.

⁷ Народное сопротивление коммунизму в России. Независимое рабочее движение в 1918 году. Док. и мат. Париж, 1981. С. 119–133.

⁸ Существует и другая версия начала стрельбы. По показаниям рабочего Ижорского завода М. В. Костромитина, данным им в следственной комиссии ЧСУ ФЗП, стрельбу начал член следственной комиссии при ревтрибунале Г. Трофимов. После того как раздался гудок, его окружили женщины. Трофимов закричал: «Разойдитесь, буду стрелять!» Одна из женщин замахнулась на Трофимова сумкой и назвала его дармоедом. Последовал залп. После этого, по утверждению Костромитина, из толпы раздался крик: «Ты на место хлеба даешь пули, чего даже царское самодержавие не делало». Затем раздался второй залп. Стреляли и красноармейцы и Трофимов. В показаниях Костромитина Торопилов не упоминается. (Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сб. док. СПб, 2000. С. 91).

⁹ Петроградская правда. 1918. 15 мая.

¹⁰ Независимое рабочее движение в 1918 году. С. 130.

¹¹ Там же. С. 133.

¹² Примечательно, что в открытом письме заключенных в Московской губернской тюрьме по делу «рабочего съезда» из 26 человек, подписавших его, а среди них были и те, чье членство в РСДРП для ВЧК было převосходно известно, только один — рабочий-плотник А. А. Вецкалин указал свою принадлежность к ЦК Социал-демократической партии Латвии. См.: ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 85.

¹³ См.: Меньшевики в 1918 году. М., 1999. С. 567. Мартюв Ю. О. Избранное. М., 2000. С. 116–119, 192–193. О стремлении лидеров РСДРП с самого начала поставить под свой контроль независимое рабочее движение пишут также историки А. П. Ненароков, Д. Б. Павлов и У. Розенберг. См.: Меньшевики в 1918 году. М., 1999. С. 38.

¹⁴ Основываясь на анализе текста наказа и его упоминаниях в оппозиционной печати, историк Д. О. Чураков опроверг существовавшую датировку документа, относившей его составление к апрелю 1918 г. Он обоснованно считает, что наказ был написан в 20-х числах мая. См.: Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест. С. 239–240.

¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 61. Тем не менее, авторы наказа не побоялись указать адрес типографии, где он был напечатан: «Тип. «Рабочая печать» Кронверкский 27».

¹⁶ Там же. Л. 61 об.

¹⁷ *Меньшевики в 1918 г.* С. 672.

¹⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 69.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Независимое рабочее движение в 1918 году.* С. 230.

²¹ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 224. Л. 2–6.

²² ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 69.

²³ *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. Изд. 3-е доп. М., 1980. С. 151.

²⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 90.

²⁵ *Независимое рабочее движение в 1918 году.* С. 287.

²⁶ В архивных документах указывается различное число участников съезда: 33 и 35. В сводном списке гостей и делегатов съезда, составленном Д. Чураковым, приведены 42 фамилии. Также в источниках есть указание, что съезд собрался в доме 9 по Филипповскому переулку. См.: ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 18, 114. *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест. С. 216, 245–246.

²⁷ *Независимое рабочее движение в 1918 году.* С. 296.

²⁸ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 136. В докладе Оргкомитета, с которым выступил известный меньшевик А.Н.Смирнов, говорилось также о финансовой стороне подготовки съезда. В рукописном протоколе записано: «Денежный отчет 4000 через ЦК С-Р и С-Д которых принадлежат ком[итету]. 3000 руб. от Сормово. Расходы 900». (Л. 91).

²⁹ Там же. Л. 94.

³⁰ Там же. Л. 96.

³¹ Там же. Л. 97.

³² Там же. Л. 100.

³³ *Стеклов Ю.* Социал-предатели не унимаются // Известия ВЦИК. 1918. 24 июня. В связи с этим не случайно, что именно Стеклов весной 1922 г. был включен в «тройку» политбюро ЦК РКП(б) по подготовке процесса правых эсеров.

³⁴ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 31. Л. 55. Д.Б.Рязанов выступал по первому вопросу повестки пленума — о забастовке железнодорожников на Украине, поэтому он упомянул об организации железнодорожников. Примечательна характеристика, данная Рязанову в июне 1917 г. членом Центрального бюро профсоюзов Петрограда известным меньшевиком П.Гарви. Обращаясь в связи с подготовкой профсоюзной конференции к члену Московского бюро профсоюзов М.Г.Гриневицу, он писал: «Здесь теперь царит в Ц.Б. Рязанов. Настоящая язва египетская. Тянет сторону большевиков и даже хуже их». После победы октябрьской революции Рязанов возглавил Петроградский совет профсоюзов, однако, 27 марта 1918 г. заявил о сложении полномочий председателя. Одной из причин этого шага он назвал увольнение и аресты банковских служащих. Рязанов

выступал также против практики красного террора, института заложничества и объявления вне закона партий меньшевиков и эсеров. (Там же. Оп. 1. Д. 120. Л. 2 об. Оп. 2. Д. 31. Л. 16, 69).

³⁵ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 85. Примечательно, что некоторые из тех, чьи подписи значились под письмом, не только не подписывали, но даже не знали о его существовании. Об этом заявили делегаты И.И.Храмченков (Брянск) и Б.А.Тумилевич (Москва). А.А.Лотков (Воткинск) и М.А.Вороничев (Нижний Новгород), хотя и опротестовали свои подписи, но выразили согласие с его содержанием. (Там же. Л. 133 об., 152 об., 161 об.).

³⁶ Там же. Л. 85.

³⁷ В свою очередь ВЦСПС, рассматривая этот декрет Совнаркома на пленуме 15 августа 1918 г., установил организацию продотрядов и участие в них обязательным для всех членов профсоюзов. При этом все заготовленные продукты должны были поступать в продовольственный фонд данного отраслевого союза. Однако этот порядок соблюдался не всегда. Например, в феврале 1919 г. половина продовольствия, заготовленного продотрядами петроградских рабочих, оказалась в пайках москвичей. (ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 14. Л. 5–6. Оп. 3. Д. 58. Л. 7).

³⁸ *Канищев В.В.* Русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995. С. 10.

³⁹ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 56. Л. 4–7.

⁴⁰ Там же. Л. 5.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 66. Л. 44.

⁴² Очерки истории Астраханской парторганизации. Волгоград, 1971. С. 213.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 73. Л. 48.

⁴⁴ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 205. Л. 41.

⁴⁵ Экономическая жизнь. 1919. 30 апреля.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 42. Л. 64.

⁴⁷ Там же. Д. 73. Л. 48 об.

⁴⁸ Там же. Л. 51, 46.

⁴⁹ Там же. Д. 66. Л. 143.

⁵⁰ Там же. Л. 120 об.

⁵¹ Там же. Л. 83.

⁵² РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 21. Л. 46.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 73. Л. 52.

⁵⁴ Там же. Оп. 112. Д. 7. Л. 23.

⁵⁵ Там же. Л. 30 об.

⁵⁶ Там же. Л. 46.

⁵⁷ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 205. Л. 24–26, 29, 61.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 84. Л. 18.

⁵⁹ Там же. Л. 19.

⁶⁰ Там же. Оп. 84. Д. 17. Л. 34 об.

⁶¹ *Галинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР Кн. 1. Изд. 3-е доп. М., 1980. С. 322–324.

- ⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 17. Л. 18 об.
- ⁶³ Там же. Л. 50 об. Направляя 25 апреля 1919 г. документы расследования в ЦК, Е. Бош писала: «Правильное освещение, в общем, не подлежит сомнению и подтверждается всеми имеющимися материалами».
- ⁶⁴ *Галинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. Изд. 3-е доп. М., 1980. С. 324. Источник этих сведений не указан.
- ⁶⁵ Революционная борьба в Гомельской губ. Исторические материалы. Гомель, 1921. С. 161.
- ⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 17. Л. 18 об.
- ⁶⁷ Там же. Л. 33.
- ⁶⁸ Там же. Л. 45.
- ⁶⁹ Там же. Л. 35 об.
- ⁷⁰ Там же. Л. 31.
- ⁷¹ Там же. Л. 21.
- ⁷² Там же. Оп. 112. Д. 3. Л. 46. Как известно, по этой же причине Троцкий, несмотря на то, что по популярности в массах шел вторым после Ленина, отказался занять пост председателя Совнаркома.
- ⁷³ Там же. Д. 42. Л. 7.
- ⁷⁴ Там же. Л. 1.
- ⁷⁵ Там же. Оп. 66. Д. 59. Л. 171 об.
- ⁷⁶ Там же. Оп. 112. Д. 3. Л. 9.
- ⁷⁷ Там же. Оп. 66. Д. 59. Л. 168 об.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же. Л. 167.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. Оп. 112. Д. 3. Л. 17.
- ⁸² Там же. Оп. 66. Д. 59. Л. 167.
- ⁸³ Там же. Ф. 95. Оп. 1. Д. 2. Л. 61–62.
- ⁸⁴ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 191. Л. 7.
- ⁸⁵ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1302. Л. 35, 36.
- ⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 12. Л. 4.
- ⁸⁷ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 143. Л. 61.
- ⁸⁸ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1346. Л. 63.
- ⁸⁹ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 143. Л. 32.
- ⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 23. Л. 12.
- ⁹¹ Там же. Оп. 112. Д. 99. Л. 31.
- ⁹² Там же. Оп. 84. Д. 56. Л. 43.
- ⁹³ Там же. Л. 43–45.
- ⁹⁴ Там же. Оп. 112. Д. 88. Л. 2, 18.
- ⁹⁵ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 24. Л. 24 об.
- ⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 229. Л. 1.
- ⁹⁷ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. «Антоновщина». Тамбов, 1994; Кронштадт. 1921. М., 1997; Сибирская Вандея. Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 г. Новосибирск, 1997; Кронштадская трагедия 1921 года: Док. в 2-х кн. М., 1999; Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь

1917 – 1929. Экономические конфликты и политический протест. СПб, 2000; и др.

⁹⁸ *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест. М., 1996. *Он же.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997; *Шлишкин В.А.* Власть, политика, экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928); СПб, 1997. Трудовые конфликты в советской России 1918–1929. М., 1998; *Яров С.В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих. СПб, 1998. *Он же.* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб, 1999. *Борисова Л.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2001; и др.

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 265. Л. 1–2. На копии письма (см.: Л. 3) в верхнем левом углу резолюция: «т. Троцкому».

¹⁰⁰ Правда. 1921. 12 февр.

¹⁰¹ *Алещенко Н.М.* Московский совет в 1917–1941 гг. М., 1976. С. 297.

¹⁰² Сухаревский рынок был закрыт 13 декабря 1920 г. по постановление президиума Моссовета (См.: Известия ВЦИК. 1920. 14 дек.).

¹⁰³ *Матюгин А.А.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925). М., 1962. С. 91.

¹⁰⁴ *Вышинский А.Я.* Уроки одной конференции // Правда. 1921. 8 февр.

¹⁰⁵ *Сидоренков И.Л.* Беспартийные // Правда. 1921. 24 февр.

¹⁰⁶ Коммунистический труд. 1921. 19 февр.

¹⁰⁷ Маховик. 1921. 26 февр.

¹⁰⁸ *Басман Н.* Публичное заседание Исполкома Хамовнического района // Правда. 1921. 24 февр.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ См.: *Яров С.В.* Горожанин как политик. СПб, 1999. С. 72. Конечно, о событиях в Петрограде жители Москвы ничего не знали, газеты хранили гробовое молчание. Точно так же они не имели информации и о выступлениях рабочих в своем городе. Вот что записал в своем дневнике 25 февраля 1921 г. служащий Цектрана «из бывших», имевший привычку читать между строк советские газеты, в данном случае «Правду»: «...Дальше газетой намекается, что «белогвардейцы» тайно «нашептывают» рабочим «предъявление таких требований, удовлетворение которых не может быть выполнено». И эти требования, должно быть, уже всерьез предъявлены, потому что очень чувствуется, что в Москве что-то далеко не спокойно». (*Ожухев Н.П.* Дневник москвича. 1920–1924. Кн. 2. М., 1997. С. 115).

¹¹² РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 166. Л. 3.

¹¹³ Там же. Л. 6.

¹¹⁴ Там же. Д. 117. Л. 1.

¹¹⁵ Там же. Л. 3.

¹¹⁶ Там же. Л. 6.

¹¹⁷ Коммунистический труд. 1921. 27 февр.

¹¹⁸ Там же. 1 марта.

¹¹⁹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 166. Л. 6.

¹²⁰ Коммунистический труд. 1921. 8 марта.

¹²¹ РГАСПИ. Ф. 76. Он. 3. Д. 166. Л. 2 об.

¹²² Матюгин А.А. Указ. соч. С. 94.

¹²³ РГАСПИ. Ф. 76. Он. 3. Д. 166. Л. 2 об.

¹²⁴ Там же. Ф. 99. Он. 1. Д. 11. Л. 37.

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 42. Д. 22. Л. 40.

¹²⁶ Там же. Л. 42.

¹²⁷ Там же. Л. 40.

¹²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 136. Л. 1.

¹²⁹ Кронштадт 1921. М., 1997. С. 37.

¹³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 358.

¹³¹ Там же. С. 365. 2 марта текст речи Ленина был напечатан в «Правде». Прочитав ее, уже упоминавшийся Н.П.Окунев записал в дневнике: «Выдохся, что ли, знаменитый трибун, или его речь в печати вышла перевернутой, но только впечатления она не производит; сомнительно даже, что она была покрыта «оглушительным градом аплодисментов» (Дневник москвича. С. 118).

¹³² Сохранилось свидетельство Д.Б.Рязанова о панике, охватившей партийных руководителей Питера и Москвы в связи с этими событиями. (См.: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 42. Д. 21. Л. 138).

¹³³ Правда. 1921. 1 марта.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Известия отдела управления Моссовета. 1921. 19 марта.

¹³⁶ Там же. 11 апреля.

¹³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Он. 84. Д. 230. Л. 8, 15.

¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Он. 84. Д. 229. Л. 43.

¹³⁹ РГАЭ. Ф. 3429. Он. 6. Д. 1. Л. 49.

¹⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 229. Л. 44.

¹⁴¹ Там же. Д. 269. Л. 1.

¹⁴² Подробнее см.: Борисова Л., Виноградов В., Ивницкий Н., Кондрашин В. Информационные материалы ВЧК-ОГПУ за 1918–1922 гг. как исторический источник. — В кн.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Док. и мат. Т. 1. 1918–1922. М., 1998. С. 36–39.

¹⁴³ По поводу этого решения Н.П.Окунев записал в своем дневнике: «Правда» говорит, что партия доказала этим внимание к нуждам страны. Черта с два! Просто она доказала, что перетрухнула от Кронштадта, голода и холода, и сделала тем самым движение в сторону признания частной собственности и допущения свободной торговли». (Дневник москвича. С. 122).

¹⁴⁴ I Всероссийский съезд профсоюзов. Стеногр. отчет. М., 1919. С. 364.

¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. 5451. Он. 2. Д. 219. Л. 7 об.

¹⁴⁶ Там же. Л. 9.

¹⁴⁷ Там же. Он. 3. Д. 238. Л. 4.

¹⁴⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 290, 291.

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 5451. Он. 3. Д. 29. Л. 94–95 об.

¹⁵⁰ Там же. Л. 98.

¹⁵¹ Там же. Л. 100.

¹⁵² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 295. По данным, сообщенным Дзержинским на Пленуме ЦК РКП(б), 13 апреля в Москве было арестовано 55 правых эсеров и 16 меньшевиков ВЧК и 22 по районам. Условием освобождения для них было подписание обязательства, не выступать публично с критикой Советской власти, отказаться от всякой общественной деятельности, выйти из состава правления профсоюза и из членов РСДРП. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 16. Л. 2; Ф. 17. Оп. 84. Д. 42. Л. 2).

¹⁵³ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 3. Д. 62. Л. 10 об.

¹⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 17. Л. 52, 53.

¹⁵⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 15. Л. 3.

¹⁵⁶ Так, получив госинфсводку о массовом выходе из профсоюзов Кубани, В.В.Шмидт распорядился, срочно запросить губпрофсовет об этих фактах.

¹⁵⁷ РГВА. Ф. 55. Оп. 1. Д. 56. Л. 48.

¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 112. Д. 97. Л. 7.

¹⁵⁹ Там же. Ф. 94. Оп. 2. Д. 16. Л. 298.

¹⁶⁰ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1354. Л. 20.

¹⁶¹ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 215. Л. 1.

¹⁶² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 972.

¹⁶³ Там же. Ф. 99. Оп. 1. Д. 14. Л. 39.

Глава 3.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЭПА (1922–1924 гг.)

Изменения в системе трудовых отношений, вызванные переходом к рынку, были связаны, прежде всего, с появлением рынка труда и частного сектора в экономике. С 19 мая 1921 г. постановлением ЦИК вводился облегченный порядок перехода с одного предприятия на другое. Таким образом, реализовалось одно из главных требований забастовщиков, звучавших весной 1921 г. Кроме того, в промышленности изменилась форма реализации государственной собственности через разделение функций хозяйствования и собственности. В результате появились концессионные, арендные предприятия, государственные акционерные общества, кооперативные объединения (паевые товарищества), на которых условия труда, оплаты и другие составляющие трудовых отношений имели свои особенности. При этом количество занятых на них рабочих было невелико. Планы сдачи в аренду предприятий реализовывались очень слабо. К концу 1921 г. местными органами ВСНХ было сдано в аренду 4860 действующих мелких и средних предприятий, а в общем объеме промышленной продукции доля арендных предприятий составила всего 6,3%¹.

Еще в ноябре 1920 г. был принят декрет СНК «О концессиях». Его принятие было обусловлено необходимостью привлечения в страну квалифицированных специалистов и инвестиций Запада для развития производительных сил страны. С переходом к нэпу вопрос о концессиях стал рассматриваться в практической плоскости. На X съезде партии было принято специальное решение, подтвердившее этот декрет и распространившее его действие на возможные нефтяные концессии в Баку и Грозном. Ожесточенные споры по этому поводу сначала велись в Совнарком и ЦК партии, а затем продолжились на заседании комфракции ВЦСПС, ЦК отраслевых союзов и представителей рабочих организаций 11 апреля 1921 г. В центре дискуссии находились и вопросы регламентации труда, которые должны были закрепляться в концессионных договорах. М.П.Томский исходил из того, что ряд принципиальных положений, например,

об оплате труда, должен обязательно включаться в договоры. Он также высказался против того, что для квалифицированной работы будут привлекаться исключительно иностранцы, а весь черный труд достанется русским рабочим. Томского волновала и политическая сторона проблемы. «Если мы откажемся от некоторой части регламентации труда и накормим рабочего, то он все же будет недоволен, так как он все-таки возвращения капиталиста не хочет, хотя старый строй сопряжен для него с лучшими экономическими условиями, и вот то, чего он добивался на фабрике — режим уплат, условия найма и целый ряд мелких привилегий, которые мы не сумеем учесть, и все это очень горько»², — заявил он. При этом Ленин подчеркивал, что профсоюзы не должны требовать чрезмерного. Он считал, что лучше прокормить часть рабочих, чем заставить всех голодать. К тому же, по его мнению, можно было бы устроить так, чтобы рабочие работали у капиталистов поочередно: поработали бы месяцев шесть, получили бы прозодежду, а затем уступили место другим. Исходя из того, что концессия не означает мира между классами, Ленин не исключал и возможности забастовок для отстаивания рабочими своих интересов³. Однако концессионное дело продвигалось очень медленно и не принесло экономических дивидендов. В 1921 г. было заключено только 4 соглашения, в 1922 г. — 14. Из заключенных в 1923 г. договоров 17 были вскоре прекращены, по большей части, из-за невыполнения концессионерами своих обязательств⁴.

Принципы перестройки работы промышленности в новых условиях впервые были зафиксированы в «Наказе СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики» от 9 августа 1921 г.: децентрализация управления отраслями, перевод предприятий на хозрасчет, введение материального стимулирования рабочих. В это же время начался плановый процесс организации крупной промышленности в виде трестов. Вначале предполагалось трестировать только крупные и наиболее важные для государства предприятия, но в итоге процесс трестирования охватил всю государственную промышленность, в которой была занято подавляющее большинство рабочих. Однако одновременно с провозглашением перехода к рыночным элементам в трудовой сфере сохранялся и такой пережиток военно-коммунистической системы как принудительный труд.

Нэп и принудительный труд

В первое время после объявленного перехода к новой экономической политике не предполагалось отказываться от принудитель-

ного труда, в том числе и от такой его формы как трудовые армии. В конце июня 1921 г. Президиум ВЦИК утвердил Наказ СНК и СТО местным советским учреждениям, в котором были сформулированы основные вопросы обязательной отчетности местных органов. В том числе, они должны были регулярно сообщать данные об использовании таких организационных форм принудительного труда как трудовые повинности, трудовые мобилизации, трудовые армии. Помимо количественных характеристик в отчетах должны были содержаться примеры наиболее удачного и, наоборот, неудачного их применения, сообщаться об отношении местного населения.

С передачей в конце марта 1921 г. трудовых армий и трудчастей из Военного ведомства в Наркомтруд, прежде всего, была изменена система управления ими. С этой целью было сформировано Главное окружное управление трудовыми частями, а для снабжения всеми видами вещевого довольствия – Главное управление по снабжению трудчастей. Последнее просуществовало очень недолго и уже в августе вошло в состав Главного управления трудчастями республики (ГУТР), ставшего единым органом управления. В ведение Наркомтруда были также переданы комиссии по борьбе с трудовым дезертирством вместе с соответствующими военными частями. Они должны были поддерживать дисциплину среди трудармейцев не только привычными карательными методами, но и через товарищеское воздействие с помощью профсоюзов, в том числе и через дисциплинарные суды. Несмотря на переход в подчинение гражданскому ведомству, определенная часть трудармейцев продолжала выполнять задания Наркомвоена. Так, Кавказская трудармия помимо главного направления, работы на нефтяных промыслах, еще и боролась с «бандитизмом». Наиболее значительное отвлечение на военные задачи было в Украинской трудармии: 13,3% трудармейцев ее состава вели борьбу с многочисленными бандами.

К 1 июня 1921 г. была завершена организация органов управления трудчастями на местах. В итоге вся территория страны была разделена на 8 трудовых районов: Центральный, Петроградский, Уральский, трудрайон Поволжья, а также районы действий Украинской, Кавказской, Сибирской и Туркестанской трудармий. Главной организационной единицей для трудармейцев являлись батальоны. Всего в этот период насчитывалось 140 батальонов, 26 полков и 34 бригады⁵. В это же время началось реформирование трудчастей в соответствии со штатами рабочих артелей и существенное сокращение (на 90%) их управленческого состава. В результате реорганизации к 1 октября численность трудчастей предполагалось сократить до 140 тыс. и использовать их преимущественно на транспорте и в то-

пливной отрасли⁶. При этом рассчитывали «лишних» трудармейцев старшего возраста немедленно уволить, младшего – вернуть на службу в Красную армию, а квалифицированные кадры передать на заводы. Предполагалось также, что часть высвободившихся трудармейцев возьмут на свое содержание хозорганы. В июле 1921 г. СТО принял постановление о выводе трудчастей из голодающих районов и расформировании трудовых районов Поволжья и Туркестана.

Данные о реальной численности трудчастей весьма противоречивы. Так по списочным данным на 1 сентября 1921 г. в них все еще насчитывалось 173988 трудармейцев и 12814 человек командного состава, что в сумме составляет около 187 тыс. человек. Позже к ним прибавилось еще около 50 тыс. трудармейцев, переведенных из лесозаготовительных дружин и сельскохозяйственных батальонов Военного ведомства⁷. А по данным ГУТР до реорганизации трудчасти насчитывали 146159 трудармейцев и 42493 командного и административно-хозяйственного состава, т.е. около 189 тыс. человек⁸. Неизвестно, удалось ли менее чем за месяц сократить численность трудчастей до 140 тыс., однако уже в конце сентября СТО утвердил их новую численность в количестве 75 тыс. человек и принял постановление об отпуске 75 тыс. пайков для их продовольственного обеспечения. Было также в очередной раз констатировано, что в ближайшее время существование некоторых отраслей промышленности невозможно без использования трудармейцев. В связи с этим на совместном совещании ВЦСПС, Госплана НКТруда, Главтопа, НКПС и других заинтересованных ведомств 60 тыс. трудармейцев были закреплены за топливными органами и 15 тыс. – за транспортом⁹. Кроме установленного количества, в каждой трудовой части имелись «излишки», которые предоставлялись по договоренности с работодателем, и хозяйственные органы активно использовали возможность получения дополнительной рабочей силы. Так, по данным на 1 ноября 1921 г. на договорных началах работали 25,3 тыс. трудармейцев, преимущественно в Центре, в Сибири и в Донецкой трудармии¹⁰.

Второй по численности после Центрального трудового района являлась Украинская трудармия. До реорганизации она насчитывала более 35 тыс. человек (по другим данным – 45 тыс.), из которых около 15,7 тыс. составлял командно-хозяйственный аппарат¹¹. В ее состав входила также Донтрудармия, специально выделенная для работы в Донецком угольном бассейне. События, произошедшие здесь летом 1921 г., показали еще одну немаловажную причину приверженности власти к этой милитаризованной форме труда: возможность использовать трудчасти как полицейскую силу

в борьбе против рабочих выступлений. Совершенно очевидно, что продовольственное положение трудармейцев, работавших на шахтах Донбасса, не могло быть лучше, чем у остальных рабочих. Однако, когда в мае 1921 г. началась продовольственная забастовка на Чулковском кусте Центрального правления каменноугольной промышленности Донбасса, трудармейцы не только не поддержали рабочих, но и проявили себя штрейхбрехерами. В течение шести дней, пока длилась забастовка на большинстве рудников, они работали вместо забастовщиков и, если верить официальному рапорту, спасли шахты от затопления. О масштабах забастовки свидетельствует и тот факт, что рабочие места шахтеров заняли 124 трудармейца. Кроме того, чтобы не допустить разрастания забастовочного движения, на каждом кусте, кроме Новороссийского и Макеевского, ежедневно, в полной боевой готовности находилось по 20 вооруженных трудармейцев, освобожденных от работ. Они должны были в любую минуту, если будет приказ, выступить против забастовщиков. Это штрейхбрехерство по-советски получило высокую оценку у руководства шахтами. Так, председатель Центрального правления каменноугольной промышленности Г.Л.Пятаков назвал трудармейцев героями труда, имевшими моральную смелость ломать продстачку в интересах трудовой республики, и предложил их наградить¹². Предложение Пятакова было поддержано и в ЦК партии. Тем не менее, не все руководители разделяли эту оценку, продолжая придерживаться антимилитаристской позиции. В частности, противоположную точку зрения на происшедшее высказал зам. начальника Главугля Гецов. В связи с этими событиями он писал в Главтоп о позиции своего ведомства: «Необходимо сделать крайнее напряжение сил для снабжения Донбасса, ибо и политически и хозяйственно выгоднее кормить рабочих, чем воинскую силу. Вероятно ЦП КП было вынуждено прибегнуть к ломке стачек воинской силой и не имело других средств в своем распоряжении, но все же мы высказываемся против общегосударственного (через Центр) награждения лиц, ломавших стачку, вызванную объективными условиями. Это может вызвать только деморализацию. Выходя из положения, необходимо снабжать Донбасс деньгами и продовольствием в особом порядке. Кормить в первую очередь рабочих. Выдачу установить на единицу произведенной работы, а не на едока и тем свести до минимума опасность непроизводительного распыления скудных продовольственных и денежных ценностей»¹³.

О степени эффективности использования этой формы принудительного труда в мирное время дают представление следующие данные¹⁴:

Таблица 1

Использование рабочей силы трудармейцев в 1921 г.
(в процентах к их численности)

К какому сроку	Наличие (чел.)	На труд. занятиях	Самообслуживание	Не использовано				Всего не работали
				Больные	Обмундиров.	Отдых	Прочие причины	
1 марта	221026	32,54	29,73	8,02	14,55	10,34	4,82	67,46
1 августа	173988	47,24	24,27	4,51	7,08	10,61	6,29	55,76
1 октября	188662	51,12	22,52	6,23	7,54	9,85	2,74	48,88
1 ноября	75000	55,00	15,00	6,00	12,00	10,00	2,00	45,00

Как показывают данные таблицы, параллельно значительному уменьшению численности трудчастей происходило и существенное увеличение процента занятости трудармейцев. Тем не менее процент трудового использования к 1 ноября 1921 г. составил чуть более половины общего бюджета рабочего времени. При этом с мест поступали сообщения о низкой производительности и не заинтересованности трудармейцев в результатах своего труда. В информсводках сообщалось также о «широких размерах» недовольства крестьян гужевой повинностью. «Гужева повинность проходит очень упорно и весьма слабо, трудовая тоже»¹⁵, — доносили в центр чекисты. Большое влияние на настроения и производительность трудармейцев оказывали ужасающие бытовые условия. А повсеместное плохое снабжение обмундированием являлось одной из главных причин невыхода трудармейцев на работу. Вот, например, какая картина предстала перед глазами особоуполномоченного Наркомздрава по санчасти, осмотревшего в декабре 1921 г. роту 10-го трудового батальона на Таганке в Москве: «В пяти комнатах находятся 300 человек. Спят на нарах. Нет никаких постельных принадлежностей. Шинелей почти ни у кого нет. Многие полураздеты, в кальсонах, без шаровар, не имеют зимних гимнастерок. На работы не ходят. Прибывшие на пополнение красноармейцы контингента 1899 г. заявляют, что перед отправлением из войсковых частей с них сняли шинели, ботинки и отправили полураздетыми в трудовые части. Помещение отапливается время от времени, по мере получения дров... Наблюдается вшивость. Белье на

людях грязное. Умывальников и полотенец нет. Кухня помещается в подвальном этаже, оконных рам нет. Кипяток не готовился около двух недель за неимением дров. Паек выдается на руки...»¹⁶.

Учитывая бедственное положение с обмундированием, в сентябре 1921 г. СТО даже принял постановление, рассматривать с этой точки зрения вопрос увольнения в бессрочный отпуск. Предлагалось отпускать только тех, кто успел износить обмундирование. Предпринимались также попытки улучшить материальное положение трудармейцев и повысить их заинтересованность в труде. С этой целью в июле 1921 г. трудармейцы впервые были включены в члены профсоюзов, а их труд стал оплачиваться по тарифным ставкам отраслевых союзов, на производствах которых они были заняты. На трудармейцев было распространено и натуральное премирование. Таким образом, в область принудительного труда вносился элемент экономической заинтересованности в повышении его производительности. Тем не менее при появлении любых трений и трудностей, прежде всего в области продовольственного снабжения, власть немедленно возвращалась к привычным инструментам военного коммунизма, забывая о своих недавних декларациях. Так, например, для того, чтобы увеличить добычу угля на коях Урала и Сибири в сентябре 1921 г. было принято решение о принудительном закреплении не менее чем на полгода всех рабочих и служащих, причем не только уже работающих, но и тех, которые будут поступать в будущем.

С 1922 г. экономические принципы организации труда стали более активно вноситься в деятельность трудовых частей. Не собираясь в ближайшее время отказываться от этой формы организации труда, НКТруд пытался приспособить ее к новым условиям. В связи с этим трудчасти рассматривались как некая переходная и страховочная форма на начальном этапе нэпа. «Вопрос о полном упразднении трудчастей сможет быть поставлен, когда удастся хозорганы, в которых они заняты, полностью перевести на новый путь ведения хозяйства на основах хозяйственной организованности и расчета»¹⁷, — такова была позиция Наркомтруда, в ведении которого находилась организация использования принудительного труда.

С начала 1922 г. трудчасти были сняты со всех видов государственного снабжения, кроме продовольственного, а их использование НКТруд пытался построить на началах хозрасчета. Для этого предполагалось реорганизовать трудчасти в трудовые артели, каждый член которых имел бы свой пай и был связан трудовой порукой. Кроме того, рассчитывали, что каждая артель будет иметь не менее 95–97% фактически работающих и только 3–5% отойдет на самообслуживание. Предполагалось также, что в будущем пополнение трудчастей

будет осуществляться добровольным путем за счет вербовки граждан. Однако все эти планы не получили широкого воплощения на практике, а трудовые части не оправдали возлагавшихся на них надежд. О реальном положении в этой области свидетельствует, в частности, сообщение информсводки МГО ГПУ за 7 февраля 1922 г. о частных случаях дезертирства трудармейцев в декабре – январе 1922 г. В ней также сообщалось о результатах нововведений в одном из трудовых батальонов в Москве: «С 1 февраля батальон не получает продовольствия ввиду перехода трудчастей в трудартели. 6 февраля в кабинет командира трудбатальона пришли человек 50–60 трудармейцев с требованием удовлетворения продовольствием. Для выяснения положения с продовольствием выехал комиссар трудбатальона ГУТР. Численность трудбатальона – 300 чел., из которых в данное время в части находятся 200, остальные – на работах в разных местах»¹⁸.

Как и в предшествующие годы, принудительный труд не был рентабелен и, не смотря на все пропагандистские усилия, вызывал неприятие населения. К тому же его существование тормозило все попытки стимулирования труда. Последнюю точку в применении принудительного труда поставил новый Кодекс законов о труде, принятый осенью 1922 г. Он отменил трудовые повинности, сохранив их только для исключительных случаев, таких, как борьба со стихийными бедствиями и недостаток в рабочей силе для выполнения важнейших государственных заданий.

Однако главная задача, которую решал Кодекс законов о труде, это – юридическое оформление прав и обязанностей участников трудового процесса в условиях нэпа. Его действие распространялось на предприятия всех форм собственности и все соглашения, ухудшающие условия труда по сравнению с нормами Кодекса, объявлялись недействительными (ст. 4 КЗоТ). В Кодексе было зафиксировано, что законным представителем работающих по найму во всех случаях трудовых споров являются профсоюзы (ст. 151). На каждом предприятии, как государственном, так и частном, с численностью персонала от 500 человек организовывался фабзавком (местком). Он должен был защищать интересы рабочих и служащих, заботиться об улучшении их материальных и бытовых условий. В функции фабзавкома входили также вопросы охраны труда, профтехобразования, культуры. При этом они не имели права вмешиваться в распоряжения администрации по производственным вопросам. Кодекс также установил, что основным документом, регулирующим взаимоотношения участников трудового процесса, является коллективный договор. В нем в правовой форме закреплялись все аспекты трудовых отношений на предприятиях различных форм собственности.

Колдоговором устанавливались правила найма и увольнения, размер тарифа, продолжительность рабочего дня и отпуска, нормы выработки и оплата сверх урочных, порядок оплаты сокращаемых рабочих, снабжение прозодеждой. Последнее выполнялось трестами весьма слабо. Обеспечение прозодеждой лишь части рабочих на предприятии, зачистую ее плохое качество; выдача, например, вместо халатов фартуков, произвольное увеличение сроков носки — все это вызывало справедливое недовольство рабочих. Рабочие также стремились к тому, чтобы в договоре фиксировались предельная дата выплаты зарплаты и курс ее выдачи. Это имело большое значение при хронических задержках зарплаты. В договорах фиксировались также штрафные санкции за нарушение срока выплаты жалования. За каждый просроченный день должна была выплачиваться пеня. Правда, на государственных предприятиях этот пункт выполнялся очень редко. Даже спустя несколько лет после объявленного отказа от военного коммунизма в договор вносились пункты о выдаче бесплатных трамвайных талонов, льготных талонов на оплату электричества и водопровода, талонов на обувь и одежду.

Вопросы трудовой дисциплины также регламентировались колдоговором. Нарушение закрепленных в нем положений должно было разрешаться в соответствующих паритетных органах, занимавшихся рассмотрением конфликтов. Тем самым отпадала необходимость в дисциплинарных судах как постоянно действующих органах. В связи с новой ситуацией ВЦСПС признал целесообразным упразднить дисциплинарные суды¹⁹.

Разработкой типовых колдоговоров для предприятий своих профессий занимались отраслевые профсоюзы²⁰. Обсуждая представленный профсоюзом проект договора, рабочие высказывались, прежде всего, за повышение тарифов и сокращение норм выработки, за сокращение сверхурочных работ, за улучшение условий труда и жилищных условий. Вопросы же укрепления дисциплины, повышения производительности труда, как правило, не находили у них положительного отклика. На основе Кодекса в последующие годы был разработан ряд нормативных документов, развивавших и разъяснявших его статьи. К весне 1924 г. систематизация норм трудового права была в основном закончена²¹.

Зарплата и стимулирование труда

Начало использования рыночных элементов в государственном секторе экономики и, в частности, в промышленности оказало свое влияние и на изменения в области оплаты труда. Предпринимались

попытки стимулировать материальную заинтересованность рабочих в результатах своего труда, увязав количество произведенной продукции с величиной вознаграждения за труд. Первоначально акцент был сделан на продовольственной составляющей заработка, выдававшейся по карточкам. В 1921 г. денежная доля в заработной плате составляла всего 13,8%. Учитывая крайнюю ограниченность имевшихся ресурсов, партийное руководство исходило из принципа: «обеспечить реальное снабжение минимумом продовольствия минимумом рабочих»²². Необходимо было в короткие сроки провести концентрацию промышленных предприятий, сократив и число предприятий и рабочих. Так, если весной 1921 г. по заводам ВСНХ на государственном снабжении находилось около 1 млн 800 тыс. человек, то в феврале 1922 г. их число сократилось на 700 тыс.²³ На госснабжении оставались лишь наиболее крупные и жизнеспособные предприятия металлургии, машиностроения, топливной, военной промышленности и транспорт. Значительная часть госпредприятий, главным образом, легкой и пищевой отраслей, в результате трестирования промышленности были сняты с госснабжения и переведены на хозрасчет. Декларируя переход на рыночные принципы работы, государство, тем не менее, контролировало зарплату рабочих в трестированной промышленности и за счет увеличения отчислений с прибыльных предприятий стремилось обеспечивать примерно одинаковый уровень зарплаты для всех групп промышленности. Особое внимание уделялось оплате труда на частных и арендных предприятиях. Профсоюзные органы зорко следили за тем, чтобы заработки рабочих на этих предприятиях соответствовали средней норме зарплаты в государственном секторе. Было провозглашено, что частная промышленность является арендой классовой борьбы. И если частник не обеспечивает уровня оплаты, равного среднему заработку в госпромышленности, то он обнаруживает тем самым усиленную эксплуатацию труда, на борьбу с которой должны были выступить профсоюзы. Таким образом, борьба за повышение зарплаты на частных предприятиях была провозглашена классовой борьбой с капиталом. При этом утверждалось, что в государственном секторе не может быть классовой борьбы, так как размер отчислений в пользу государства и средняя норма заработной платы устанавливаются самим рабочим государством. И если при капитализме высота заработной платы определяется стоимостью рабочей силы и только в упорной классовой борьбе рабочий может поднять свой жизненный уровень, то при переходе к нэпу высота заработной платы будет заранее и сознательно регулироваться, исходя из количества продукции, сданной государству в целом. В этих условиях

профсоюзы должны были следить за тем, чтобы отдельные хозяйственники в погоне за прибылью не уменьшали заработок рабочих и не увеличивали продолжительность рабочего дня. На профсоюзы возлагалась также обязанность исправлять эти ошибки, противоречащие общей линии рабочего государства. Отсюда следовало и признание профсоюзами права рабочих на экономические забастовки. «...В каждой отдельной фабрике рабочая масса должна быть начеку, должна уметь защитить свои интересы и притом не только в том случае, когда предприятие принадлежит частному капиталу, но также и именно тогда, когда оно является государственным предприятием. Значит, провозглашается принцип борьбы отдельных групп рабочих. Помимо борьбы рабочего класса в целом провозглашается возможность и необходимость экономической борьбы отдельных его частей»²⁴, — писал лидер профсоюзного движения А.З.Гольцман.

Изменения в мотивации труда в период нэпа начались с введения натурального премирования. В соответствии с декретом СНК от 7 апреля 1921 г. более производительный труд должен был вознаграждаться натуральными премиями в повышенном размере. С июня 1921 г. на некоторых предприятиях в виде опыта была введена система коллективного снабжения рабочих и служащих²⁵. Она также ставила размер заработка рабочих в зависимость от производительности труда. Предприятию выделялся фонд продовольственных и денежных ресурсов, величина которого была связана не с количеством рабочих и служащих, а со степенью выполнения производственной программы. При полном выполнении планового задания в распоряжении работающих оставался фонд полностью. Если этого достичь не удавалось, то пропорционально уменьшалось и количество распределяемых ресурсов. При сокращении штата величина фонда оставалась прежней. Он распределялся в зависимости от нормы выработки и квалификации рабочего. По официальным данным применение этой системы позволило на предприятиях ряда отраслей промышленности повысить производительность труда в 1,5–2 раза²⁶. Однако, в силу многих причин государство далеко не всегда выполняло взятые на себя обязательства. Не случайно в это время огромной популярностью пользовалось выступление знаменитых клоунов Бима и Бома на злобу дня. Бом, изображая коллективное снабжение, показывал нарисованную фигу. Бим спрашивал Бома: «Что самое тяжелое?» «Рубль, — отвечал Бом. — Он упал так низко, что никто не может его поднять». «Поедьте в Геную, там мало дураков», — говорил Бом, намекая на Генуэзскую конференцию, на которой европейские государства отказались инвестировать свои деньги в советскую экономику²⁷.

Впервые направления перестройки управления промышленностью в рамках нэпа были сформулированы в «Наказе СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики» от 9 августа 1921 г. Он зафиксировал задачу перевода предприятий на хозяйственный расчет и введения материального стимулирования рабочих. На реализацию наказа было нацелено постановление от 12 августа, положившее начало процессу снятия предприятий с госснабжения и образования трестов, которые переводились на хозрасчет. Как правило, чем дальше регион находился от столицы, тем хуже обстояли дела с реализацией правительственных директив. Вот что, например, сообщала в Москву Челябинская губчека о положении рабочих в октябре–ноябре 1921 г.: «Настроение рабочих в связи с переходом на хозяйственный расчет до некоторой степени подавленное, что объясняется отсутствием денежных знаков, благодаря чему система коллективного снабжения пока проводиться не может, за исключением кооперативных органов. Недовольство рабочих и служащих на почве материального положения возрождается и некоторые стремятся перейти в кооперацию, где сотрудники находятся в сравнительно хороших условиях»²⁸. Не лучше было положение и в другом окраинном регионе – Акмолинской губ., из которого в конце 1921 г. сообщалось: «Выдача жалованья и в полной мере авансирование, а также продпаек отсутствует. Говорить об охране труда, соблюдении Кодекса законов о труде и комиссиях по улучшению быта рабочих не приходится ввиду несовместимости проведения этого в жизнь [с] текущим моментом»²⁹.

С сентября 1921 г. начался переход на новую 17-разрядную тарифную сетку, увеличившую дифференциацию оплаты труда рабочих. В соответствии с ней ставка самого квалифицированного рабочего, тарифицированного по 9-му разряду, более чем в 2 с половиной раза превышала ставку чернорабочего. А ставка наиболее квалифицированного специалиста (инженера, директора) была в 5 раз выше ставки чернорабочего³⁰. Причем, новая тарифная сетка, установленная ВЦСПС, зафиксировала только обязательный минимум зарплаты. Профсоюзные органы в зависимости от конкретных условий имели право ее повышать. Таким образом, в ведение профсоюзов была передана функция регулирования зарплаты.

Исходным моментом для определения уровня заработной платы в соответствии с трудовым законодательством являлся прожиточный минимум. По мере его роста должна была увеличиваться и нижняя граница тарифов. Так, Всероссийская тарифная конференция, прошедшая в октябре 1921 г., установила прожиточный минимум – 1323400 руб. в месяц или 55161 в день. Пищевая часть прожиточного минимума составляла 38% общей суммы. В соответствии с этой нор-

мой уже с 1 ноября стали выдавать «миллионные жалования». При этом, по-прежнему, более важное значение для населения имели натуральные выдачи. Вот как, в частности, выглядела структура дохода в это время одного из московских служащих: «Так, например, мне по новому тарифу причиталось за ноябрь получить жалования 2 млн 50 тыс. руб., но получил я пока что 1 млн 4,5 тыс., ибо вычли 20,5 тыс. в союз и не додали 1 млн 25 тыс. руб., которые оставлены в обеспечение уплаты за те платежи, которые причтутся с меня за разные выдачи натурой. И выдали даже, неожиданно для меня, очень щедро, а именно: шевитоковую английскую пару, американские штиблеты, каракулеву шапку, теплые рукавицы и две пары белья. На старые деньги такая штука обошлась бы самое дешевое в 85 руб., а посчитавшись на нынешние — пожалуй, перевалит за два миллиончика. Если сосчитать еще, что были уже выдачи мукой, маслом, сахаром и др. продуктами (по мелочам), то выйдет, что получать деньгами совсем невыгодно»³¹. Конечно, доходы рабочих были значительно меньше и они не получали таких роскошных вещей, но соотношение денежной и натуральной частей зарплаты было примерно таким же.

За полтора года, в течение 1921-первой половине 1922 г., заработная плата выросла в 26 тысяч раз, хотя реальный рост составил лишь 14-кратное увеличение. Однако, по сравнению с 1913 г. средняя зарплата в середине 1922 г. достигла всего лишь около 15%³². При этом быстро увеличивалась денежная часть заработной платы. К концу 1922 г. она в среднем составляла уже 77%, а еще через год — 93%. Наиболее быстро денежные выплаты росли в центре. Так, московские рабочие, занятые на госпредприятиях, уже в декабре 1922 г. получали деньгами 86,4% зарплаты³³. Анализируя величину заработной платы в первые годы нэпа, следует также учитывать, что на практике в начале 1922 г. только 25–30% причитающегося заработка выплачивалось деньгами. Остальная ее часть выдавалась продукцией предприятия. Продажа ее всегда приводила к фактическому уменьшению доходов рабочих. Постоянные задержки зарплаты, достигавшие нескольких месяцев, также вели к ее обесцениванию. По подсчетам ЦК профсоюза металлистов, регулярная задержка зарплаты в этой отрасли на месяц, происходившая в течение осени 1922 г. и начале 1923 г., понижала ее покупательную способность на 15–20%³⁴.

Тарифы регулярно пересматривались, но галопирующая инфляция 1921–1922 гг. «съедала» прибавки еще до момента их получения рабочими³⁵. При этом у трестов не было достаточных оборотных средств, что приводило к постоянным задержкам выплаты зарплаты, которые порой доходили до нескольких месяцев. Так, к началу 1922 г. государственный долг по заработной плате

составлял 200 млрд руб., а в середине года он вырос уже до 82 трлн руб.³⁶ Получение заработной платы в этот период носило характер постоянной борьбы, в которой участвовали две главные и далеко не всегда противодействующие стороны: рабочие и руководители предприятий. Последним в ходе отстаивания законного права рабочих приходилось не только «нажимать» на вышестоящие органы, но и в мирных условиях, в конечном итоге, рисковать своей свободой и жизнью. Так, в подобном положении оказался руководитель Орехово-зуюевского текстильного треста. В экономической ситуации осени 1921 г. у треста не было иного выхода, как во что бы то ни стало реализовать часть продукции для расплаты с рабочими. Для организации собственного торгового аппарата не было ни времени, ни денег, поэтому правлению треста пришлось воспользоваться услугами контрагентов. В результате действий посредников тресту был нанесен большой материальный ущерб, оцененный в сумму около 30 млрд. В итоге на скамье подсудимых оказались 24 человека, в том числе председатель и члены правления треста, зав. отделом снабжения, контрагенты. 31 октября 1922 г., началось судебное слушание дела Орехово-зуюевского текстильного треста³⁷. Это был один из первых показательных процессов в рамках кампании по борьбе со взяточничеством и хозяйственными преступлениями, начавшейся осенью 1922 г.³⁸ Действия подсудимых еще до решения суда квалифицировались как экономическая контрреволюция, что уже предопределяло расстрел. Им было предъявлено обвинение в том, что своей деятельностью они разрушили в лице Орехово-зуюевского треста завоевания пролетарской революции. Процесс проходил в зале местного театра, рассчитанном на 2,5 тысячи мест, и был битком набит рабочими. 5 ноября в три часа ночи состоялось оглашение приговора. К высшей мере социальной защиты были приговорены 13 человек; в том числе председатель и два члена правления треста, но в виду отсутствия корысти в действиях последних, расстрел им был заменен на 10 лет лишения свободы со строгой изоляцией³⁹.

Еще одним незаконным, но широко распространенным способом получения трестами денег на зарплату, которая могла выплачиваться только совзнаками, являлся обмен имевшихся у них банкнот. Обмен производился исключительно на черном рынке, так как по распоряжению Госбанка обмен банкнот на совзнаки на некоторое время был запрещен. В итоге к концу 1922 г. на рынок было выброшено такое большое количество банкнот, что курс обмена значительно упал. Однако и в этом положении тресты пытались найти способ решить проблему зарплаты. Например, в Камвольном тресте в счет зарплаты делегатам рабочих выдали золото и банкноты. Сделано

это было потому, что реализация банкнот на рынке в этот момент означала бы значительную потерю (до 14 млн на каждой банкноте). Зав. коммерческим отделом Камвольного треста решил выждать, пока курс обмена стабилизируется и можно будет более выгодно совершить обмен. Правда, уже на следующий день председателю треста позвонили из губотдела текстильщиков. Туда явились рабочие Даниловской фабрики с жалобой на трест, так как на полученное золото они ничего не могли купить. В конце концов, этот вопрос был урегулирован, а председателя треста обвинили в превышении полномочий. Объясняя свое стремление, во что бы то ни стало выдать зарплату, председатель Камвольного треста писал председателю ЦКК-РКИ В.В.Куйбышеву: «...Рабочие треста вообще жалование получали нерегулярно, и обычно каждой получке предшествовало ежедневное в течение не менее двух недель появление делегации от рабочих. В результате этого с течением времени выработалось определенное недоверие к тому, что жалование может быть выдано вовремя. Такая неаккуратность правления в выдаче жалования особенно беспокоила рабочих в связи с наступающими праздниками, ввиду чего требования о выдаче жалования со стороны их делегатов отличались особой настойчивостью. Обещания администрации, что жалование будет уплачено, они не верили... Для того, чтобы получить необходимую для выплаты жалования сумму пришлось принять самые решительные меры»⁴⁰.

Работу предприятий лихорадило также из-за перебоев с топливом и сырьем, из-за отключений электроэнергии у трестов-неплательщиков. Остановка производства негативно влияла на настроение рабочих, так как, работая сдельно, они лишались части заработка. Неотрегулированность и изъяны в функционировании экономического механизма оказывали не только прямое влияние на величину и ритмичность выплаты заработной платы, но и косвенное через всплеск хозяйственной преступности. Так, средства, предназначенные на зарплату, использовались фиктивными кооперативами на закупки товаров и продовольствия якобы для рабочих. На самом деле эти товары продавались на вольном рынке. Подобная схема использования государственных средств была вскрыта в судебном процессе сотрудников НКПС и Мосмета, состоявшемся в июле 1924 г. На скамье подсудимых оказался и крупный чиновник — начальник Финансового управления НКПС. Как выяснилось, в 1921 г. под вывеской государственного учреждения Мосмет частный подрядчик организовал фиктивный кооператив якобы для рабочих Западной железной дороги. На покупку товаров кооперативу были выданы 1,5 млрд руб., авансированные НКПС на зарплату рабочим.

Естественно, ни товаров, ни денег рабочие не получили. И в январе 1922 г. начались волнения из-за задержек зарплаты⁴¹.

Не целевое использование средств было связано не только с жадной наживы, но и с личностным фактором: человеческими слабостями, неспособностью противостоять появившимся соблазнам. «Угаром нэпа» было порождено и стало массовым новое преступление, невозможное в годы военного коммунизма, — проигрыши казенных денег в казино. «Случаи растрат крупнейших сумм казенных денег в связи с проигрышем становятся с каждым месяцем все чаще и чаще, — докладывал в январе 1923 г. Дзержинскому начальник ЭКУ З.Б.Кацнельсон. — При этом надо заметить, что 90% растрат не раскрываются, ибо проигравший путем взяток или комбинаций по своей должности возмещает проигранное и продолжает игру до тех пор, пока уже так не проиграется, что уже никакими тайными комбинациями эту растрату не покроешь. Тогда производится настоящая панама и с деньгами виновный скрывается»⁴². Причем, основную массу игроков, по агентурным данным, составляли шулеры и «соврастратчики». Нэпманы к началу 1923 г. почти не посещали казино, пресытившись, с одной стороны, острыми ощущениями, а с другой, боясь откровенно продемонстрировать свое богатство.

Государственные средства, в том числе предназначенные на зарплату, тратились и на всевозможные банкеты, попойки, покупку появившихся предметов роскоши. Многие из этих фактов выявлялись путем агентурной работы, а затем по ним составлялись специальные сводки⁴³. Нередко инициаторами начала расследований являлись сами рабочие — рабкоры. Публикуя свои заметки о злоупотреблениях и отступлениях от норм «коммунистической морали» ответственных работников предприятий, они привлекали к ним внимание контрольных и следственных органов. Это была одна из форм общественного контроля за деятельностью управленческого аппарата. Однако обнародование критического материала в ряде случаев приводило не к торжеству справедливости, а к гонениям на корреспондентов⁴⁴. Резкие эмоциональные обвинения в адрес администрации раздавались и на общих собраниях. При этом выступавших с критикой брали на заметку как неблагонадежный элемент. Рабочие не доверяли ни заводууправлению, ни руководству треста, ни профсоюзным активистам, поэтому собрания, на которых обсуждались их претензии к руководству, принимали озлобленный и враждебный характер. Вот как, например, проходило собрание в 20-й типографии быв. Кушнерева в Москве 6 июля 1921 г. Оно было созвано в связи с ликвидацией забастовки, вызванной невыплатой жалования за вторую половину июня и премиальных денег.

«На собрании выступали двое рабочих (персонально выявлены), которые при поддержке части собрания внесли в аудиторию возбужденное настроение», — сообщалось в сводке Московского губотдела ВЧК. Звучали «выкрики явно контрреволюционного характера: «Коммунисты пропивают наше жалование в «Яру», бей их в морду!». Председателю треста Моспечать тов. Борщевскому не давали говорить, обвиняя его в расхищении денег и неумении управлять делами»⁴⁵. В итоге было обещано выдать зарплату на следующий день, а премию — 20 июля. В ответ рабочие пригрозили возобновить забастовку, если деньги не выплатят в установленный срок.

Помимо хронических задержек заработной платы тяжелое материальное положение рабочих предопределялось и множеством других факторов: выдачей мизерных авансов, низким уровнем тарифных ставок, задержкой выдачи пайка, высокими ценами в кооперативах и на рынке. Кроме того, приходилось оплачивать большинство социально-бытовых услуг, в том числе жилье, транспорт, обучение в школах и медицинскую помощь, за которые в период военного коммунизма платило государство. Переход к денежной оплате услуг проходил постепенно. Часть расходов возмещали предприятия, выдавая талоны. Кроме того, только в Москве продолжалось обеспечение рабочих хлебом по значительно сниженным ценам. Государство терпело убытки, доплачивая разницу. На рыночные же цены такая ограниченная определенным кругом потребителей продажа не влияла. Поэтому в конце 1922 г. было принято решение, отказаться от всяких доплат⁴⁶. Специалистами в области регулирования заработной платы ставилась конечная задача: включить в зарплату по рыночной стоимости все натуральные выплаты, услуги и льготы, предоставлявшиеся до этого рабочим бесплатно или на льготных условиях. В частности, С.Г.Струмилин, выступая на пленуме Госплана в июле 1923 г. с докладом по этой проблеме, заявил: «Нельзя экономить на зарплате»⁴⁷. Однако эта задача решалась очень медленно и трудно.

О том, насколько обременительным для большинства населения был переход к платности услуг, свидетельствует, в частности, следующая ситуация. В начале 1922 г. в Москве была введена плата за погребение умерших: за «богатые» похороны — 10 млн руб., за «средние» — 2,5 млн, а за «бедные» — 845 тыс. Таким образом, за самые дешевые похороны рабочему нужно было отдать свой месячный заработок. В связи с этим и другими платежами, введенными московскими коммунальщиками, Ларин разразился полной сарказма статьей «Не пора ли погодить?»⁴⁸ Он заявил, что в случае своей смерти завещает, не платить и ждать: «Догадается ли тогда коммунотдел о санитарной необходимости для общества хоронить покойников или

будет тверд в своих принципах? При общеизвестном моем упорстве скорее сгну, чем похоронюсь за свой счет, даже по третьему разряду, ибо при установлении тарифа заработной платы расход на могилки не учитывался». Ларина также возмутило введение дополнительной оплаты за превышение нормы жилой площади того времени, которая равнялась 16 квадратных аршин пола на человека. Оплата за «лишние» аршины, по его мнению, означала обратное выселение рабочих в подвалы, ибо большие квартиры им теперь будут не по карману. В духе современных проблем населения звучит и концовка статьи, с которой трудно не согласиться: «Коммунальный вопрос может быть решен только общегосударственным подъемом хозяйства, а не сепаратными попытками возложить уже сегодня его тяжесть на плечи рабочего класса без равного увеличения заработной платы».

Необходимость повышения уровня заработной платы увязывалась руководством страны и с обострившимися социальными проблемами, в частности, в связи с начатой осенью 1922 г. кампанией по борьбе со взяточничеством. Дзержинский как глава НКПС неоднократно ставил на обсуждение в Политбюро ЦК партии вопрос о низкой зарплате как главном факторе развития экономической преступности на железнодорожном транспорте. В конце 1922 г. зарплата железнодорожников и водников была в 2,5 раза ниже, чем металлистов и почти в 4 раза ниже, чем зарплата текстильчиков. Не случайно бюджетное обследование, проведенное в конце года, зафиксировало пятикратное превышение расходов над получаемой зарплатой во всех группах транспортников, начиная с чернорабочего и, кончая начальником станции⁴⁹. Совершенно очевидно, что этот дефицит покрывался за счет взяток и хищений⁵⁰. Еще одно негативное последствие низкой оплаты труда для работы транспорта заключалось в массовом уходе квалифицированных рабочих на предприятия других отраслей. Проблема нехватки квалифицированных рабочих была характерна и для промышленности. Отчасти она была связана с уходом рабочих на частные и кооперативные предприятия, на которых заработок был выше. Для того чтобы устранить перекося в уровне оплаты труда рабочих, на XII съезде партии была признана необходимость задержать рост зарплаты в легкой промышленности и постепенно подтянуть вверх отставшую зарплату в тяжелой промышленности и на транспорте. В итоге следования курсу на восстановление довоенного уровня жизни рабочих заработная плата росла значительно быстрее, чем производительность труда. В середине 1924 г. прошла дискуссия в профсоюзных и хозяйственных органах о соотношении зарплаты с производительностью труда. Активное участие в обсуждении этой проблемы принимал Дзержинский. Так, выступая с докладом на 5-м

пленуме ВЦСПС, он заявил, что повышение зарплаты нужно всегда рассматривать под углом зрения производительности труда. А для этого необходимо привлечь профсоюзы и широкие рабочие массы к улучшению организации производства и организации труда⁵¹.

НОТ

Перспективы повышения производительности труда в первой половине 1920-х гг. связывались не только с усилением материальной заинтересованности, но и с использованием научной организации труда⁵². В этот период появилась новая прикладная наука — психофизиология труда. Она занималась выяснением таких условий работы, при которых производительность труда была бы максимальной, а усталость и вредное воздействие труда на организм работающего минимальной. Впервые началось изучение влияния различных факторов на интенсивность труда: вопросы профессиональной пригодности, состав и качество питания, влияние организация трудового процесса и условий труда на профессиональную утомляемость. Психотехникой, профотбором, изучением человеческого фактора занимались крупные психологи и психиатры: В.Бехтерев, А.Кларк, А.Лурия. Большое значение придавалось и изучению физических особенностей рабочих (рост, мышечная сила, состояние здоровья, настроение, национальность, образ жизни и т.п.), их позам и жестам во время труда⁵³.

1920-е годы являлись также наиболее ярким и плодотворным периодом в отечественной науке управления. В это время были разработаны теоретические концепции и прикладные методики, сопоставимые с лучшими зарубежными образцами, в том числе и по подбору управленческого персонала. По проблемам НОТ и управления работали около десяти научно-исследовательских институтов, тысячи бюро, секций и лабораторий, издавалось около 20 журналов. К сожалению, в последующие годы эти достижения не только не развивались, но оказались фактически забыты.

Центром разработки и внедрения в производство рекомендаций по НОТ являлся созданный в Москве Центральный институт труда (ЦИТ), директором которого на протяжении 1921–1938 гг. был А.К.Гастев. Он разрабатывал теоретические и экспериментальные основы новой науки — социальной инженерии («социального инженеризма»), получившие мировое признание. В качестве главной задачи НОТ Гастев видел прививку трудовой культуры населению или иными словами передачу трудовой выдержки. «Россия тем и отличается от Запада, что она или ленива, или элементарно импуль-

сивна, ее население в общем дает мало упорства, трудового упрямства»⁵⁴, — писал он. В качестве первого шага в тренировке «трудоу-го упрямства» им была разработана агитационная памятка «Как надо работать». Сформулированные в ней элементарные правила подготовки и проведения любой работы в сочетании с психологическими установками не потеряли своей актуальности и сейчас⁵⁵.

В начале 1920-х гг., как и в годы военного коммунизма, в качестве образца для формирования трудовой культуры в условиях страшной материальной бедности, отсутствия механизмов, машин и европейского уровня быта предлагалось избрать армию. Гастев проводил параллель между тейлоризмом в технике и жесткой регламентацией и подразделением на приемы в действиях военнослужащих. А воинский устав, вобравший в себя регламентацию движений армии, он рассматривал как прецедент научной организации труда. Идеализируя армию как государственный институт, он считал, что в существовавших условиях армия, учитывая и ее дореволюционный опыт, может стать настоящим культур-трегером. Если же идти традиционным путем просвещения через образование, то дело культуры будет проиграно. Гастев призывал также обратить самое пристальное внимание на явление, родственное армии, — бойскаутизм. По его мнению, с помощью бойскаутизма можно было воспитать у молодежи творческое отношение к жизни, научить ориентироваться в самых невероятных условиях. Он предлагал также изучить особенности труда людей, оказавшихся в исключительном положении: во время войны, в монастырях, тюрьмах, на каторге⁵⁶.

Практическим внедрением разработок в области научной организации труда занимались орга-станции ЦИТа. Их деятельность строилась на основе договоров с заводоуправлениями. Исследуя на месте организацию работы, они составляли производственный баланс, в котором содержался оптимальный расчет объема работы и необходимых для ее выполнения оборудования и рабочих. Станции работали над увеличением коэффициента полезного действия оборудования, уплотнением рабочего времени персонала, согласованием работы машины и человека, рассматривая рабочего как живой придаток и составную часть машины, рационализацией внутрипроизводственных отношений между заводскими цехами и отделениями.

Одна из первых орга-станций ЦИТа была создана в январе 1924 г. на московском заводе «Металлампы»⁵⁷. Это был единственный завод в России, производивший крайне необходимые керосиновые лампы, горелки и керосиновые кухни. Надо отметить, что деятельность станций не была нацелена исключительно на повышение норм выработки, чего всегда опасались рабочие. В ходе их работы выяснялась дей-

ствительное положение на производстве. Так, детальные наблюдения над производством путем фотографий рабочего дня и хронометража отдельных операций показали, что нормы по наиболее опасным штамповочным операциям на «Металлампе» слишком завышены и их следует понизить. Кроме того, станция предложила снять с рабочих ответственность за брак, полученный на предыдущей операции, так как на отбор брака они тратили больше времени, чем на саму операцию. Выяснилось также, что большой процент простоя станков (до 40%) зависит от отсутствия материала. Попутно были выработаны нормы снабжения рабочих прозодеждой, при этом, что очень важно, с указанием типа прозодежды и сроком ее службы. Орга-станция предложила также навести элементарный порядок в механическом цехе завода: убрать все лишние предметы, валяющиеся на полу и столах, приобрести измерительные инструменты. Большие недостатки были выявлены и в использовании рабочей силы. В связи с этим предлагалось перевести рабочих на сдельную систему оплаты. В итоге своей работы станция сделала вывод, что в результате рационализации «Металлампы» мог бы на десятки процентов увеличить выпуск продукции при уменьшении ее себестоимости.

Большое внимание уделялось рационализации текстильной промышленности. Так, целый ряд изменений в организации производства и складирования был предложен орга-станцией, работавшей на 1-й Ситценабивной фабрике Трехгорной мануфактуры⁵⁸. В результате их внедрения можно было вдвое сократить штат швейно-клеймильной части, а оставшимся рабочим повысить зарплату вдвое. При переходе к новой системе станция рекомендовала ввести урочно-премиальную систему оплаты. Были предложены меры и по улучшению условий труда: усилить освещение и вентиляцию, включить расправляющие ткань бруски в пылеуловители, сделать автоматическое устройство для закрывания входных дверей, чтобы предотвратить сквозняки.

Однако самой трудной и сложной частью работы, по признанию сотрудников станций, являлось обучение рабочих разработанным рациональным приемам работы. Оно начиналось с того, что рабочим объясняли необходимость перехода к новой системе, мотивируя это общегосударственным значением будущих результатов. Рабочим говорили, что их работа была нерациональной и неэкономной и приносила убытки фабрике, а в конечном итоге, всему народному хозяйству. Немаловажное значение для рабочих при введении новых форм имело и то, что переход сопровождался увеличением заработной платы. В текстильной промышленности, например, на 20%. Нотовцы также объясняли, что для полного использования преимуществ новой системы рабочие должны строго следовать их

указаниям; предупреждали, что первое время из-за непривычки будет ощущение большей трудности и утомления, которые не означают, что предлагаемые приемы работы плохие. И только после всех этих объяснений начиналось инструктирование о конкретных приемах выполнения трудовых операций и чередовании их с отдыхом. Некоторые инструкции заставляли рабочих менять давно устоявшиеся правила. Например, очень трудно было внушить текстильщикам необходимость отдыха в сидячем положении. Рабочие говорили, что на протяжении 10–15 лет их работы с них всегда взыскивали за сидение. Некоторое время после введения отдыха рабочие по привычке вскакивали при появлении администрации⁵⁹.

При ЦИТ были организованы курсы инструкторов производства. Эффективность их работы определялась не только тем, насколько успешно курсанты усваивали трудовые навыки. Второй, не менее важной, задачей, решавшейся в ходе обучения, являлся учет изменений в психофизиологическом состоянии курсантов. С этой целью проводилось тщательное исследование личности курсанта, поставленное по образцу клиники, главным образом, экспериментально-лабораторными методами. При поступлении заполнялся амбулаторный лист, в котором указывались антропологические и антропометрические данные, результаты исследования физических и умственных способностей, психической и психомоторной сферы. На основании полученных результатов решался вопрос о приеме на учебу. Принятые на учебу проходили повторные обследования в середине и конце обучения. Кроме этого, за время обучения проводилось еще множество исследований. Например, на основе антропометрических данных, общего физического состояния по особой методике рассчитывались высота тисков, высота стула, размер и вес инструментов индивидуально для каждого курсанта. За время обучения все данные фиксировались в «истории личности» — разработанном ЦИТом комплексе документов, собранном под одной обложкой⁶⁰.

В ходе обследования были получены, в частности, интересные данные о состоянии здоровья курсантов январского набора 1924 г. Они дают представление о здоровье активной части рабочего населения после семи лет лишений и тяжелого труда. Так, вполне здоровыми были признаны только 46,1%. У остальных обнаружили следующие заболевания: неактивная форма туберкулеза — 21,6%; пониженное зрение — 11,3%; сердечно-сосудистые заболевания — 7,6%; понижение слуха — 7,6%; функциональные заболевания нервной системы — 5,8%. Кроме того, 68,1% принятых имели наследственное отягощение по прямой линии: из них 75% относились к заболеваниям туберкулезом и алкоголизмом, 16,7% — к душевным и нервным заболеваниям⁶¹.

Следствием двух войн и революции было не только падение промышленного производства и убыль рабочих, но и приостановка воспроизводства рабочей силы, т.е. регулярного пополнения рабочих за счет обученной молодежи. При существовавших в городах продовольственных и жилищных затруднениях крестьянская молодежь, из которой и формировались, главным образом, рабочие кадры, предпочитала оставаться в деревне. В то же время наблюдался усиленный отток городских рабочих в деревню. Благодаря действиям властей совершенно исчез и тот рынок рабочей силы, который создавался до революции кустарями и их учениками. Из-за налогового обложения уцелевшим кустарям-ремесленникам было не выгодно, а иногда и просто непосильно использовать труд учеников-подростков. Не могли решить этой проблемы и тысячи безработных, зарегистрированных на биржах труда. В большинстве это были чернорабочие и бывшие совслужащие, а требовались, в первую очередь, рабочие высокой квалификации среди металлистов, текстильщиков, печатников, строителей⁶². Даже в Москве, в которую, в первую очередь, стекались безработные, не удовлетворялись требования предприятий на металлистов и текстильщиков.

С весны 1923 г. началось активное обсуждение в печати и на различных ведомственных совещаниях критического положения с рабочей силой. Звучали даже мрачные прогнозы, что, начиная с 1934 г., образуется 10 лет «провала» в притоке новых рабочих⁶³. В сложившейся ситуации главная ставка была сделана на развитие профессионального обучения. Были открыты фабзавучи и другие школы по обучению или переобучению рабочих. К разработке методов подготовки рабочей силы был привлечен и ЦИТ. Обучение рабочим профессиям велось и непосредственно на производстве. Предприятия были обязаны принимать подростков в качестве учеников в порядке установленной для этого брони. Однако хозяйственники были убеждены, что есть только один способ избежать кризиса: допустить бесплатное и добровольное ученичество в цехах родственников рабочих. Но этот необременительный для государства способ пополнения рабочих кадров не получил одобрения. Формирование рабочих династий, которое спустя десятилетия станет частью идеологической работы в области подготовки кадров, в этот период было отвергнуто. Было заявлено, что таким образом на производстве будет утверждаться «царство секретов», передаваемых по наследству от родственника к родственнику, и тем самым наноситься ущерб общему уровню квалификации рабочей массы. Утверждалось также, что эта мера опасна и с социальной точки зрения. Она якобы приведет к антагонизму между учениками, обучающимися бесплатно, и за плату. К тому же, зарабо-

ток рабочего, окруженного родственниками, будет выше, чем рабочего-одиночки, что также приведет к социальной напряженности⁶⁴. При этом критики «забывали» о том, что таким образом бесплатно готовилась новая рабочая смена, а в ходе их обучения выпускалась дополнительная продукция.

Источники дохода, условия труда и быта

Главным источником существования рабочих и их семей являлась зарплата главы семьи. Не смотря на ее постоянное номинальное увеличение, она не покрывала жизненно важных потребностей. Недостаточность пайка и зарплаты вынуждали рабочих освобождаться от «лишних» вещей домашнего обихода, обстановки и даже одежды, обменивая их на продукты. В самый тяжелый год нэпа, 1922-й, в среднем по стране за счет этой операции формировалось 8% дохода рабочих⁶⁵.

Существенное значение для пополнения бюджета рабочих имело использование продуктов собственного хозяйства. Даже в столицах в середине 1920-х гг. некоторые семьи продолжали содержать скот и птицу и обрабатывали огороды, не говоря уже о провинциальных городах. В Москве, например, семьи рабочих завода «Серп и молот» содержали коров, пользуясь тем, что завод находился на окраине, за Рогожской заставой. Наиболее благоприятные условия для занятия сельским хозяйством для личных нужд исторически сложилось на Урале. Здесь более половины семей промышленных рабочих обрабатывали землю и почти $\frac{2}{3}$ имели скот. Несмотря на существовавшую жилищную тесноту в городах, рабочие умудрялись сдавать в наем углы и койки. Характерно, что в этот период появляется термин «жилплощадь», отражавший советскую систему обеспечения жильем, при которой горожанину предоставлялась не комната, а определенное количество квадратных метров. Несомненно, главной побудительной причиной к этому являлась бедность, стремление за счет самоуплотнения получить дополнительный доход. Причем, как показывали бюджетные обследования, на протяжении 1922–1926 гг. одновременно с ростом заработной платы происходил неуклонный рост и этой статьи дохода. Увеличивалось и количества семей, вынужденных сдавать жилье: в 1923 г. — 3,1% семей, в 1924 г. — 4,1%, в 1925 г. — 4,8%, в 1926 г. — 5,6%⁶⁶. Тем не менее, несмотря на изыскание дополнительных к зарплате источников пополнения бюджета, чтобы как-то свести концы с концами, приходилось еще и брать в

долг. Оплата долгов являлась покрытием расходов, сделанных за предыдущий год. На долги приходилось в среднем 10% расходов.

Усредненные условия проживания рабочей семьи в Москве в 1924 г. выглядели следующим образом: одна-две комнаты на семью, 9 кв. аршин на душу, одна кровать на трех человек, отсутствие самой необходимой мебели, ящики с продовольствием в углах и под кроватью, насекомые в щелях и мыши под половицами, одна-две иконы, почти всегда портрет Ленина и непременно пачка газет⁶⁷. Эта картина могла значительно отличаться как в лучшую, так и в худшую сторону.

В целом жилищная теснота постоянно увеличивалась. В Москву стекалось огромное количество безработных, считавших, что здесь легче найти работу. Отражением острого жилищного кризиса, в частности, в Москве являлось и то, что приезжавшая на учебу молодежь, зачастую, не обеспечивалась общежитиями и ночевала на вокзалах. Для снятия остроты вопроса в 1922 г. были организованы жилищные кооперативы, но они не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на улучшение жилищного вопроса. У рабочих просто не было денег на взносы в кооператив.

В декабре 1923 г. в Москве, Петрограде и ряде других крупных городов по официальному сообщению ГПУ было арестовано около тысячи человек биржевых дельцов, игроков в карты, рулетку, лото, тотализатор, рестораторов, аферистов, содержателей притонов. Все они были подвергнуты административной ссылке в отдаленные края с конфискацией имущества, а их квартиры со всей обстановкой отданы в пользование рабочим. В феврале 1924 г. была проведена еще одна массовая высылка «нэпманов». Летом этого же года, когда были обворованы делегаты 5-го конгресса Коминтерна, ГПУ по указанию свыше провело массовую высылку воров-карманников. В результате этих двух кампаний было выслано еще около четырех с половиной тысяч человек. Возможно, в связи с подобным способом освобождения квартир, а также, следуя своему «классовому самосознанию», рабочие во второй половине 1924 г. стали настойчиво высказываться за то, чтобы выселить «нетрудовой элемент» из Москвы и за счет их квартир улучшить жилищные условия рабочих⁶⁸.

Теснота, антисанитарное состояние старых фабричных казарм, плохое отопление и сырость в подвалах приводили к высокой заболеваемости и неявкам на производство по болезни. Так, обследование состояния здоровья текстильщиков в 1923 г. показало, что на каждые 100 человек приходилось 28 больных, причем большинство из них были больны туберкулезом. А на московском заводе «Серп и молот» пропуск работы по болезни в 1924 г. увеличился в 3,5 раза по сравнению с довоенным временем⁶⁹.

О том, как расходовались имевшиеся средства рабочими в первой половине 1920-х годов, свидетельствуют следующие статистические данные, полученные в результате бюджетных обследований (см. табл. 2).

Как видно из данных таблицы, расходы на удовлетворение наиболее насущных потребностей поглощали огромную долю бюджета рабочей семьи. Расходы на питание, жилище, одежду и обувь все эти годы составляли около 90%, достигнув максимума в 1923 г. Рассмотрим подробнее, какие тенденции и бытовые особенности стояли за этими цифрами:

Таблица 2

Структура расходов рабочей семьи в 1922–1925 гг.⁷⁰
(в процентах к общей сумме расхода)

<i>Вид расхода</i>	<i>1922 г.</i>	<i>1923 г.</i>	<i>1924 г.</i>	<i>1925 г.</i>
Питание	47,7	43,9	49,4	47,1
Жилище (оплата, ремонт, топливо, освещение)	14,5	15,7	14,4	12,8
Одежда и обувь	25,9	29	22,4	25,9
Хозтовары (посуда, мебель, швейные машинки, инструменты и др.)	1,1	1,9	2,7	3,1
Гигиена (баня, стрижка, бритье, покупка мыла и бритвенных принадлежностей)	0,8	0,5	0,5	0,6
Культурные потребности	1,2	1,6	2,2	1,8
Членские взносы	3,0	3,0	3,3	2,0
Курительные принадлежности	1,3	1,6	1,5	1,3
Спиртные напитки (в т.ч. пиво, самогон)	0,3	0,4	1,0	2,2

На протяжении рассматриваемого периода постоянно повышалась калорийность питания рабочих. В 1922 и 1923 гг. калорийность достигалась за счет потребления большого объема грубой растительной пищи, в первую очередь, картофеля. Начиная с конца 1924 г. питание стало приближаться к норме по соотношению в нем компонентов растительного и животного происхождения. В рационе питания увеличилось, хотя и незначительно, присутствие высококалорийных продуктов. Например, годовое потребление сахара увеличилось с 310 г в 1922 г. до 1 кг 350 г; коровьего масла — с 139 г до 254. А потребление картофеля снизилось на 28%. Стремительно возросло потребление вермишели и макарон, более чем в 16 раз⁷¹. Возможность улучшить питание была связано с ростом заработной платы рабочих и улучшением продовольственного рынка. При этом потребность в потреблении, прежде всего, продуктов животного происхождения, была все еще далека от насыщения даже у высокооплачиваемой части рабочих.

К 1925 г. произошли заметные изменения в обеспечении рабочего населения одеждой и обувью. При этом количество и качество приобретаемых предметов существенно различалось у низкооплачиваемых и высокооплачиваемых групп рабочих⁷². Так, если душевое приобретение обуви в среднем за 1925 г. было равно 1,05 пары (кроме галош и валенок); то для наиболее бедной группы рабочих этот показатель равнялся 0,6 пары, а для наиболее высокооплачиваемой — 1,54 пары, т.е. последние покупали в 2,5 раза больше обуви. Особо следует сказать о галошах, являвшихся в эти годы предметом зависти и показателем благосостояния. Их приобретение становится заметным с 1924 г., а через год оно уже выросло на 72%. При этом высокооплачиваемые рабочие покупали в 4 раза больше галош, чем рабочие с самыми низкими доходами⁷³.

Однако для начала 1920-х гг. была характерна совсем иная картина: рабочие находились в таком же бедственном положении с одеждой и обувью, как и все послереволюционные годы. Особенно тяжело было терпеть эту нищету на фоне роскошно разодетой публики, заполнившей центральные улицы, кафе и рестораны. В приближении пятой годовщины революции эта ситуация воспринималась рабочими с особой остротой. Вот как, например, описывал свое материальное положение рабочий завода Бромлей в записке, переданной Троцкому после его выступления на заводе: «Настает день торжества нашего всемирного пролетарского праздника, а нам, рабочим-металлистам, вообще не в чем идти на Красную площадь, мы разуты и раздеты. Вот время, когда все государственные тресты загружены одеждой и обувью, теперь же мы серьезно спрашиваем,

тов. Троцкий, долго ли мы, рабочие, будем ходить разутые и раздетые и смотреть на своих детей, которые тоже ходят в лохмотьях и босиком. Скажите нам откровенно, когда мы, рабочие, будем жить по-человечески, т.е. одеты и обуты и когда мы увидим своих детей не голыми, а одетыми?»⁷⁴

Примечательно, что в этот период наличие в бюджете рабочего расходов на культурные нужды, расценивалось, скорее, как отрицательный факт, свидетельствующий о бедности государства и о том, что рабочие недостаточно обеспечены бесплатными изданиями, билетами на культурно-зрелищные мероприятия. В эту же графу вошли траты на образование детей и взрослых. Так, на образование детей и покупку детских книг в ноябре 1925 г. было истрачено в среднем 17,5% расходов по этой статье. В то время на эти же цели взрослые члены семьи истратили всего 5,3%. Всего же на образование в семье, включая покупку газет, журналов, тетрадей, бумаги и оплату библиотеки, было истрачено 66,8%. В денежном исчислении эти расходы были крайне невелики: за весь 1925 г. было истрачено на культурные нужды всего 88 коп., из них на образование в ноябре — 4,8 коп.⁷⁵

Более значительные средства, чем на культурные нужды, уходили на уплату различных взносов. Огромное количество обследованных глав семей являлись членами профсоюза, поэтому 66,5% расходов, учтенных в ноябре 1925 г. по этой статье, приходится на профсоюзные взносы и только 9,5% — на партвзносы⁷⁶.

Говоря о расходах на курение, следует заметить, что эта пагубная привычка имела широкое распространение. «Трудно найти семью, где бы кто-либо из взрослых членов не курил», — писал В. Ильинский, объясняя причины включения этого сюжета в бюджетное обследование. Естественно, что спрос рождал предложение. И к середине 1920-х годов в продаже имелся большой выбор табачных изделий, различавшихся по качеству и соответственно по цене. В начале нэпа впервые за годы советской власти были разрешены производство и продажа крепких алкогольных напитков. Поступившись принципами, государство получило постоянно растущую статью дохода. В то же время употребление спиртного официально порицалось, поэтому в отличие от курильщиков, которые не скрывали своих расходов, расходы на спиртные напитки по бюджетным обследованиям явно преуменьшены. Тем не менее, даже приведенные выше результаты обследований свидетельствуют о значительном росте их употребления. Основываясь на бюджетных обследованиях московских рабочих, известная исследовательница рабочего быта Е.О.Кабо отмечала, что для многих пивная была единственным развлечением, где в кампании товарищей «вспрыскивали» каждую получку⁷⁷.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что, несмотря на все сложности, связанные с преодолением экономического кризиса и переходом к нэпу, в системе трудовых отношений появились позитивные перемены. Отказ от принципа принуждения и стимулирование материальной заинтересованности привели к изменению отношения рабочих к своему труду и, как следствие, к сокращению числа прогулов. Изменение тарифной системы в сторону большей дифференцированности и курс на монетизацию оплаты труда в начале 1920-х годов не оказали существенного влияния на материальное положение рабочих, так как нивелировались высокой инфляцией и постоянными задержками зарплаты. Заметное Улучшение материального положения рабочих становится ощутимым к середине десятилетия.

Примечания

¹ Россия нэповская. М., 2001. С. 126. Одной из причин медленности этого процесса являлась бюрократизация аппарата управления. Так, например, циркуляр о сдаче предприятий в аренду был разослан ЦК профсоюза металлистов на места только в ноябре 1921 г. (РГАСПИ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 2. Л. 16).

² ГАРФ. Ф. 5459. Оп. 42. Д. 21. Л. 47.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 194–195.

⁴ Кушин В. Концессионная политика в Советской России (1923–1929 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 1993. № 5. С. 25, 27.

⁵ Аникст А. Обзор деятельности Наркомтруда за 1921 год. М., 1921. С. 32.

⁶ Там же. С. 28.

⁷ Там же. С. 26, 27, 30.

⁸ ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 8. Л. 12 об.

⁹ Там же. Д. 10. Л. 49.

¹⁰ Там же. Д. 8. Л. 12 об.

¹¹ Там же.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Он. 65. Д. 508. Л. 20.

¹³ Там же. Л. 18.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 486. Он. 1. Д. 8. Л. 14 об.

¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Он. 5. Д. 426. Л. 12.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 26. Л. 206.

¹⁷ Аникст А. Указ. соч. С. 32.

¹⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Он. 6. Д. 592. Л. 29 об.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Он. 84. Д. 376. Л. 24–25.

²⁰ Первые колдоговоры были утверждены еще в конце 1921 г. для предприятий профсоюза химиков и Всеработземлеса, а также для концессион-

ных предприятий. См.: *Матюгин А.А.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925). М., 1962. С. 147.

²¹ См.: Сборник задач по трудовому праву. Практическое руководство для Расценочно-конфликтных комиссий, труд-профработников и учебных заведений. М., 1924.

²² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 293.

²³ *Гуревич А.* Заработная плата прежде и теперь. М., 1922. С. 126.

²⁴ *Гольцман А.З.* Организация труда. М., 1925. С. 50.

²⁵ В своем выступлении на заседании комфракции ВЦСПС 12 апреля 1921 г. Рязанов назвал принятие этого декрета результатом паники в связи с Кронштадскими и Петроградскими событиями, а выразителями паники председателей Петроградского и Московского советов Зиновьева и Каменева. А о самом декрете высказался весьма скептически: «Если вы посмотрите, вы увидите, до чего довели петроградские профессиональные организации петроградскую жизнь. У нас [в Москве] еще до этого дело не дошло, тут постарались скорее бросить какую-нибудь кость, рабочим бросают кость, хотя знают наверно, что из этого ничего, кроме драки среди рабочих, кроме ослабления солидарности, кроме драки не только между разными категориями, но и драки среди отдельных категорий рабочих ничего не выйдет. Это делается «в виде опыта». И вот, тов. Каменев, когда запутался сам в своих благоглупостях, сказал: «Товарищи, обратите внимание, там сказано: «в виде опыта». Они вам произведут опыт, 3–4 месяца будет невероятная путаница, а вы будете расхлебывать кашу и после с такой быстротой, на которую мы всегда способны, мы отменим этот декрет, так как «практика показала его невыгодность». (ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 42. Д. 21. Л. 138).

²⁶ Народное хозяйство. 1921. № 11–12. С. 15.

²⁷ Петроградская правда. 1922. 27 мая.

²⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 448. Л. 6.

²⁹ Там же. Д. 388. Л. 25 об.

³⁰ *Гуревич А.* Указ. соч. С. 128.

³¹ *Окунев Н.П.* Дневник москвича 1917–1924. Кн. 2. 1920–1924. М., 1997. С. 186.

³² *Струмиллин С.Г.* Заработная плата в русской промышленности за 1913–1922 г. // На новых путях. Итоги новой экономической политики. М.; Л., 1925. С. 98. Уровень 1913 г. по заработной плате в промышленности был достигнут в 1926 г.

³³ *Ильинский В.* Бюджет рабочих СССР в 1922–1926 годах // Антология социально-экономической мысли в России 20–30-е годы XX века. М., 2001. С. 484, 480.

³⁴ Вестник труда. 1922. № 11–12. С. 30.

³⁵ Подробнее о материальном положении рабочих в период нэпа см.: *Матюгин А.А.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства. М., 1962. С. 117–134. *Ильюхов А.А.* Система оплаты труда рабочих в первые годы нэпа (1921 – 1924 гг.). В кн.: Рабочий класс в процессе модернизации России: исторический опыт. М., 2001.

³⁶ Красная газета. 1922. 25 июня.

³⁷ Правда. 1922. 1–3, 5 ноября.

³⁸ Подробнее см.: *Борисова Л.В.* «Третий враг революции». Борьба со взяточничеством и хозяйственными преступлениями в начале нэпа // *The Soviet and Post-Soviet Review*. California, USA, 2003. Vol. 30, No. 3.

³⁹ Свидетельством тому, что данный процесс отражал типичную картину работы трестов и власть осознавала это, являлись статьи руководителей-хозяйственников. Они публиковались в «Правде» параллельно освещению хода процесса. Так, в передовице Л.Сокольниковой «Тресты и советское государство» на примере Орехово-зубовского треста говорилось о необходимости пересмотра деятельности и функций трестов, а Е.Преображенский призвал к поголовному обследованию трестов силами коммунистов.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 290. Л. 1 об., 2.

⁴¹ *Кондурушкин И.С.* Хозяйственно-экономические судебные процессы периода нэпа. Обвинительные речи. М.; Л., 1930. С. 18.

⁴² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 58. Л. 1. Типичным примером «соврастратчика» можно назвать управляющего трестом Оренбурглес Вонарг-Гранова, члена РКП(б) с 1916 г. Он был командирован в Москву для получения денег на зарплату рабочим треста. Получив 10 млрд руб. наличными и 75 млрд чеком, Вонарг-Гранов проиграл все до копейки.

⁴³ Несмотря на объявленный режим экономии бюджетных средств, каждое более или менее крупное совещание, а уж тем более съезд, проводившиеся различными ведомствами, завершались банкетом. Сведения об этих мероприятиях в Москве регулярно поступали в оперчасть Мосгуботдела ГПУ. В одном из них сообщалось о попойке руководящих работников, устроенной в знаменитом ресторане «У Мартьяныча» в Верхних торговых рядах. На основе донесения информатора в нем говорилось: «В связи с закрытием съезда продработников и его 5-летней годовщины по примеру прошлых лет был устроен банкет-ужин. А так как кроме этого подходил момент проводов из Наркомпрода в Наркомзем члена коллегии Наркомпрода тов. Смирнова, то было решено приурочить провода Смирнова к 5-летней годовщине съезда. Для устройства этого вечера-банкета было собрано по 20 руб. с каждого присутствующего на банкете и было устроено, чтобы более 300 чел. не присутствовало. Вечер открылся в 8 часов вечера исполнением концерта, после которого было устроено подношение тов. Смирнову серебряного письменного прибора, после чего состоялся великолепный ужин. На столе кроме приличной закуски находились также красные вина, пиво и проч., кроме спиртных напитков. Публика была навеселе, говорились тосты, происходили проздравления, а также качали некоторых товарищей, как, например, тов. Смирнова и др. Присутствовали в большей части делегаты съезда – губпродкомиссары около 250 чел. и сотрудники НКПрода за малым исключением беспартийных. Сильно пьяных на этом банкете не было, вечер прошел тихо (как передано находившимся до 3 часов утра). Окончился вечер около 6 часов утра. Инициатором являлась администрация НКПрода

и делегаты съезда. Конечно, почти все средства на устройство вечера пошли от НКПрода, т.к. на собранные деньги по 20 руб. с человека для такого вечера сильно не разгуляешься. Вечер происходил в ресторане Мартяныча». (Там же. Д. 835. Л. 8).

⁴⁴ Так, зимой 1924 г. в «Рабочей газете» была опубликована заметка рабкора Сундя о беспорядках на московском заводе «Мотор», в том числе критиковалось аморальное поведение управляющего заводом, коммуниста. Началось расследование приведенных в заметке фактов. В итоге автор был сокращен с завода и привлечен к суду. Хотя районный суд и вынес оправдательный приговор, но в своем решении записал, что рабкор неправильно понял свои задачи и неверно изобразил порядки на заводе. В то же время особый отдел Московского военного округа обнаружил на заводе такое разложение администрации, такую картину хищений, взяточничества и разврата, о которых ни Сундя, ни другие рабочие завода не подозревали. Как оказалось, началось все еще в 1922 г. с такой мелочи, как фиктивный счет на партию кулей, которые на самом деле не покупали (РГАСПИ. Ф. 76. Он. 3. Д. 336. Л. 1).

⁴⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 426. Л. 168.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 386. Л. 73.

⁴⁷ Бюллетень Госплана. 1923. № 5/6. С. 71.

⁴⁸ Известия. 1923. 23 янв.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 431. Л. 55–57.

⁵⁰ По неполным данным ТО ВЧК только за время с 10 декабря 1921 г. по 10 января 1922 г. по 16 железным дорогам было совершено 9130 краж, похищено 239712 пудов продовольственных и промышленных грузов. В том числе – 18227 пудов хлеба, 3402 пуда соли, 57048 пудов дров и другого топлива и даже один пулемет. По количеству краж в тройку лидеров входили Рязано-Уральская ж. д. (1787 краж), Москва (1126) и Петроград (447). За это же время было арестовано 1491 чел. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 393. Л. 99).

⁵¹ Экономическая жизнь. 1924. 4 июня.

⁵² К научной организации труда можно отнести и введение сезонного времени. В целях экономии электроэнергии с 1 сентября 1921 г. впервые стрелки часов были переведены на час назад, а с 1 октября их перевели еще на один час назад.

⁵³ См.: *Кекчеев К.Х.* Психофизиология труда и ее значение для научной постановки производства // Организация труда. 1921. Кн. 2. *Беспфозванный И.* Утомляемость в производстве // Организация труда. 1924. № 2–3.

⁵⁴ *Гастев А.* Наши задачи. Наша практическая методология // Организация труда. 1921. № 1. С. 18.

⁵⁵ Например, пункт 10 гласил: «Во время самой работы не надо кушать, не пить чай, пить в крайнем случае только для утоления жажды; не надо и курить, лучше курить в рабочие перерывы, чем во время самой работы». (Там же. С. 19).

⁵⁶ См.: *Гастев А.К.* Научная организация производства и армия // Организация труда. 1921. Кн. 2. С. 151–154.

⁵⁷ Орга-станция ЦИТа на заводе «Металлам» // Организация труда 1924 № 4. С. 64–65.

⁵⁸ Орга-станция при Трехгорной мануфактуре // Там же. С. 68–69; № 5. С. 63–65.

⁵⁹ *Кутейщиков Ф.* Рационализация производства и текстильные предприятия. (Обследование, реорганизация и инструктирование персонала) // Там же. 1924. № 2–3. С. 22.

⁶⁰ *Озерецкий Н.* История личности курсанта // Там же. 1924. № 4. С. 50–54.

⁶¹ Там же. С. 53.

⁶² Из 800 тыс. безработных, числившихся на биржах труда на 1 января 1925 г., около 70% составляли чернорабочие и работники «интеллигентного труда». На Московской бирже труда было зарегистрировано 150 тыс. человек. (*Аристов Н. К* вопросу о кризисе в квалифицированной рабочей силе в СССР // Вопросы труда. 1925. № 7–8. С. 43.

⁶³ См., например: Известия ВЦИК. 1923. 29 марта.

⁶⁴ *Брагинский Л.* Подготовка рабочей силы // Организация труда. 1925. № 3. С. 85.

⁶⁵ *Ильинский В.* Указ. соч. С. 41.

⁶⁶ *Ильинский В.* Указ. соч. // Антология социально-экономической мысли в России 20–30-е годы XX века. М., 2001. С. 485, 488.

⁶⁷ *Кабо Е. О.* Очерки рабочего быта. М., 1928. С. 176.

⁶⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Он. 3. Д. 623. Л. 29 об.

⁶⁹ *Люттов Л. Н.* Государственная промышленность в годы нэпа (1921–1929). Саратов, 1996. С. 286.

⁷⁰ Составлено по: *Ильинский В.* Указ. соч. С. 63, 49, 80, 90, 95, 98, 101, 102, 106.

⁷¹ Там же. С. 63, 64.

⁷² При изучении расходов в бюджете рабочей семьи сравнение проводилось по шести группам. Основным признаком деления являлась величина всех расходов на взрослого едока. В I группу были отнесены семьи с наиболее низким расходом — до 10 руб. Последующие группы отличались на 5 руб. К VI группе относились семьи с наиболее высоким расходом — свыше 30 руб.

⁷³ *Ильинский В.* Указ. соч. С. 88.

⁷⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Он. 84. Д. 378. Л. 18.

⁷⁵ *Ильинский В.* Указ. соч. С. 100.

⁷⁶ Там же. С. 101.

⁷⁷ *Кабо Е. О.* Указ. соч. С. 181.

Глава 4.

ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В РОССИИ (1922–1924 гг.)

Завершение Гражданской войны и переход к мирной жизни проходили в очень тяжелой экономической ситуации. Предприятия останавливались из-за отсутствия топлива, сырья, рынка сбыта. Десятки тысяч рабочих оказались без работы. Вслед за неурожаем 1920 г. последовал новый неурожай и как следствие страшный голод 1921 г. С мест поступали тревожные сообщения о вымирании населения из-за крайне скудного продовольственного снабжения. Среди рабочих, переживших тяготы военного времени, воевавших или работавших на заводах по 12–14 часов на полуголодном пайке, стала проявляться физическая и моральная усталость.

Одновременно нарастала социальная напряженность в обществе. Период относительного равенства в бедности сменился резкой имущественной поляризацией. У обнищавшего населения и, прежде всего у рабочих, уже привыкших к своему главенствующему положению, не могли не вызывать раздражения и злобы появление богатых витрин, множества ресторанов и казино, хорошо одетой публики, разъезжающей «на моторах». «В окнах магазинов видятся с тротуаров такие вкусные вещи, которыми мы, бывало, пленялись у Елисеева или у Белова. И черт знает, откуда берутся покупатели! Где они достают те миллионы, которые необходимо иметь, чтобы лакомиться теперь арбузом, балыком, орехами, «чарджуйской» дыней и прочей гастрономией! Теперь стакан подсолнышков стоит 1 тыс. руб., а не токмо что-нибудь такое или прочее!»¹ — описывал современник нэповскую Москву. Ощущение того, что жизнь пошла вспять, дополнялось и тем, что снова вошло в обиход, казалось бы навсегда похороненное обращение «господин»².

Среди рекламы, вновь заполонившей страницы периодических изданий, появились даже предложения, пока не доступные москвичам XXI века: летать аэропланами на дачу. Для популяризации воздушных перевозок рекомендовалось также вручать билеты на «прогулочные полеты» при проведении рекламных кампаний в столичных магазинах. О ярких проявлениях нэпа в повседневной

жизни советской России сообщалось и корреспондентами зарубежных изданий. Так, восторженный рассказ о Петрограде как «городе контрастов» был опубликован в эмигрантской газете «Последние новости»: «Гостеприимно открылись двери игорных домов. На Невском есть «Монте-Карло», где в пользу правительства поступает 25% «проходящих» сумм. Для взимания этого «налога» введены особые комиссары. Выигрыш достигает 100 млрд. Они сразу же обмениваются на иностранную валюту, для чего всегда имеются под рукой услужливые спекулянты». В корреспонденции «Веселящийся Петербург» описывалась и «другая сторона медали»: «На лиц, прибывших в Петроград после долгого отсутствия, производит впечатление уничтожение многих домов, на месте которых разведены огороды. Масса громадных домов в руинах... Цены поражают своей высотой: первое место в театре стоит 100 млн, штраф на жильцов за не вывоз мусора из дома — 600 млн, проезд на извозчике — несколько десятков миллионов»³.

Социальные катаклизмы предшествующих лет в сочетании с новыми экономическими условиями привели и к заметному изменению социального поведения населения. В результате распада социальных норм поведения и социального контроля получили существенное распространение проявления девиантного поведения: алкоголизм, проституция, наркомания, азартные игры и сопутствующее им шулерство, рост уголовной преступности⁴.

Процесс нравственной деформации активно развивался и в рядах РКП(б). Он был предопределен прежде всего монопольным положением партии в обществе и присвоенным ею правом управлять всей жизнью страны и ее граждан. По мере укрепления позиций партии в ее ряды потянулись практичные люди, далекие от революционной романтики. Они видели в партийном членстве освобождение от тяжелого труда и хорошие возможности для карьеры партийного чиновника с привилегиями и особым статусом, поднимавшими их над простыми массами. Чтобы остановить развитие этих пагубных тенденций внутри партии любой коммунист мог обратиться с негативной информацией в Контрольную комиссию, «ни на одну минуту не стесняясь постом и ролью обвиняемых лиц», как отмечалось в обращении комиссии⁵. А с 1921 г. стали проводиться периодические партийные чистки. О серьезности намерений «выпрямления линии» свидетельствовал тот факт, что Контрольная комиссия, с 1921 г. называвшаяся центральной (ЦКК), получила в области своих действий такой же статус, как ЦК партии, а вопросы партэтики постоянно обсуждались на партийных съездах. ЦКК боролась как с обострившимися хроническими социальными «болезнями» членов

партии, такими как, пьянство, комчванство, карьеризм, бюрократизм, взяточничество, так и с новыми, появившимися в связи с нэпом. Члены партии, занимавшие ответственные должности, покупали и арендовали дома, участвовали через своих родственников и подставных лиц в торгово-промышленных предприятиях, приобретали конные экипажи, предметы роскоши, посещали рестораны и казино. Партийное руководство видело в подобном образе жизни, называвшемся в партийных документах «онэпиванием» и «хозобрастанием», проявление мелкособственнической идеологии и не без оснований опасалось разложения парторганизаций и подрыва авторитета партии.

Переход к новой экономической системе сопровождался также резким обострением «болезней» государственного аппарата: бюрократизма, волокиты, взяточничества. Нельзя сказать, что они были чем-то новым для советского строя⁶. Прекрасной почвой для их существования являлась сама централизованная система управления хозяйством в период военного коммунизма — главкизм. Во многом благодаря взятке в этот период функционировал теневой товарообмен, снабжение населения продуктами и товарами через черный рынок. Как показывают судебные материалы, в период Гражданской войны в военных штабах систематически изготавливались фиктивные документы, которые сбывались частным лицам — «спекулянтам» для приобретения и провоза продовольствия. Если эти преступления раскрывались, то виновных ждал расстрел⁷. Взятничество процветало в комдезах, судах, органах дознания. Платили и за прекращение дела и за освобождение, причем не только по собственной инициативе, а нередко под давлением вымогателей. В обстановке классового террора, когда для расстрела было достаточно принадлежности к бывшим эксплуататорским классам, взятка подчас была единственным средством спасти свою жизнь и свободу. Так, один из руководителей кадетской партии И.В. Гессен рассказывал, что ему за крупную взятку «новому» чиновнику удалось достать для друга пропуск в Финляндию и тем самым спасти его от ареста. Да и сам он сумел эмигрировать таким же образом.

Однако в переходный период в условиях появления элементов рыночной экономики, с возрождением товарно-денежных отношений, свободной торговли и частной собственности коррумпированность чиновников и масштаб экономического и политического ущерба, наносимого ими, стали представлять серьезную угрозу для существования государства. За определенное вознаграждение, комиссионные, сотрудники советских учреждений выступали посредниками между государственными и частными организациями, способствуя

заключению экономически невыгодных сделок, а зачастую и хищениям. Это «волшебное средство» открывало широкие возможности, с одной стороны, для быстрого сколачивания немалых капиталов советской буржуазии – совбуров, а с другой, – для обогащения чиновничества. Кроме того, нужно было спасти авторитет партии, так как в этих злоупотреблениях активно участвовали и партноменклатура и рядовые коммунисты. Только в результате чисток 1921 года из партии за взяточничество, вымогательство и другие злоупотребления было исключено около 17 тыс. человек. Информация, поступавшая в ГПУ, свидетельствовала также об укоренении взятки во внутрипартийной жизни, т.е. в соответствии с пропагандистскими клише, среди наиболее сознательной часть населения. Например, в Смоленской губ. члены партии откупались от участия в различных партийных кампаниях⁸. Партийные оппоненты большевиков называли эти негативные явления ядовитыми цветами нэпа.

Помимо государственного взяточничество процветало и на бытовом уровне, став неотъемлемой частью повседневной жизни советских людей. Например, за 25 «лимонов» можно было, минуя очередь, получить на бирже труда направление на работу⁹. А на Московской телефонной станции за определенное вознаграждение незаконно устанавливались телефоны в личное пользование граждан. За взятку можно было также получить ордер на жилье, продвинуться на более высокий разряд оплаты труда или повыситься в должности. Мастера брали с рабочих взятки за предоставление возможности работать сдельно, в том числе, на тех участках, где это не предусматривалось колдоговором, и за «хорошо» закрытые наряды. За «вознаграждение» у частных покупателей для производства низкокачественные материалы и сырье, которые негативно влияли на качество продукции и на сам производственный процесс¹⁰. Не случайно в 1922 г. большим успехом у публики пользовалась сатирическая комедия В.Ардова и Л.Никулина «Статья 114 Уголовного кодекса»¹¹. В ее название была вынесена статья УК РСФСР, предусматривавшая суровые меры наказания, вплоть до расстрела, за дачу взятки, посредничество в ее получении и укрывательство взяточничества. Это была первая советская пьеса, в которой обличалось взяточничество в повседневной жизни.

Но и сюжеты реальной жизни по своей парадоксальности ничуть не уступали литературным произведениям. Жажда наживы облекалась порой в самые невероятные формы, создавая ситуации из серии «нарочно не придумаешь». Так, в ноябре 1922 г. в ГПУ пришло письмо от управляющего домом № 22 по Цветному бульвару в Москве. Он сообщил, что портреты Дзержинского «украшают» разные лавки, пивные, чайные, палатки Центрального трубного рынка и развешены почти во

всех домах бульвара. Трагикомизм ситуации заключался еще и в том, что Цветной бульвар имел в те годы славу центра разврата и притонов. О том, какое ужасное впечатление производил этот район на современников, свидетельствует также стихотворение В.В.Маяковского «На помощь», начинающееся следующими строками:

«Рабочий!
 Проснись,
                     вставай
                                     и пройди
 вверх
                     и вниз по Цветному.
 В тебе
                     омерзенье
                                     и страх родит
 этот
                     немытый
                                     омут»¹².

Проведенное ГПУ расследование причин «популярности» Дзержинского показало, что портреты были «вымогательски за 2 руб. штука золотом навязаны» лавочникам и управляющим домами участковыми милиционерами¹³. Аналогичные случаи «популярности» представителей руководства были выявлены и в других районах города. «Это доказывает, насколько неблагоприятно в Московской милиции, которая занимается непристойным навязыванием портретов советских работников, как источником своего питания»¹⁴, — говорилось в письме Дзержинского председателю ЦКК В.В.Куйбышеву. И на самом деле материальное положение милиционеров было тяжелым: низкая заработная плата, которая к тому же постоянно задерживалась, крайне плохое обеспечение пайком и обмундированием. Не хватало даже оружия. Все эти причины не могли не приводить к поборам с населения. Не в лучшем положении находились и другие слои населения, в том числе и объявленная большевиками опора власти — рабочие.

Общая характеристика трудовых конфликтов

В условиях кризиса экономики борьба за улучшение материального положения стала частью повседневной жизни рабочих во всех

регионах страны. Наибольшее количество забастовок пришлось на 1922-й год. По данным профсоюзов в них принимали участие 197 тыс. человек, в том числе 65,6 тыс. в Москве и Петрограде¹⁵. Только в Москве за 1922 г. ГПУ зарегистрировало 906 трудовых конфликтов, в том числе 114 забастовок. В 1923 г. забастовочное движение охватило 165 тыс. рабочих. А в следующие два года число бастующих резко сократилось. В 1924 г. — около 41 тыс. и в 1925 г. — около 38 тыс.¹⁶ При этом положение на предприятиях влияло и на настроения других слоев населения. Как отмечалось в госсинформсводках ГПУ, оно было барометром устойчивости советской власти в глазах жителей близлежащих деревень. «Бастуют, значит, плохи у коммунистов дела», — говорили крестьяне.

Сведения о забастовочном движении поступали руководству страны по нескольким информационным каналам. Непосредственно в ЦК о забастовках телеграфировали местные партийные органы. Сбором и анализом информации о трудовых конфликтах занимались также отраслевые профсоюзы и ВЦСПС. При этом профсоюзы являлись одной из действующих сторон в разрешении конфликтных ситуаций на производстве. Они несли ответственность за соблюдение трудового законодательства и бесперебойную работу предприятий. Кроме того, это была единственная организация, которая публично анализировала причины, масштабы и последствия забастовок. Эти данные публиковались на страницах журналов и газет и оглашались на профсоюзных съездах. Исключительно в ведение статистических органов профсоюзов были отданы подготовка и публикация статистических справочников и сборников по труду, в которых находило некоторое отражение и протестное движение рабочих¹⁷. При этом по замечаниям самих профработников они располагали неполными и неточными сведениями. Претензии по поводу плохого учета конфликтов на предприятиях выдвигали профсоюзному руководству и местные профработники¹⁸. Кроме того, в обстановке сверхсекретности, когда, например, госсинформсводки ВЧК хранились наравне с шифром, и придаваемого идеологического значения рабочим протестам, все перечисленные обстоятельства не могли не влиять на полноту и достоверность информации, поступавшей в печать по профсоюзному каналу. Так, значительные расхождения между опубликованными и архивными данными профсоюзов обнаруживается при изучении данных о масштабе забастовочного движения, развернувшегося в промышленности в первую половину 1920-х гг. Наглядное представление об этом дает таблица 3.

Сопоставление архивных и опубликованных данных, приведенных в таблице, показывает их совпадение только за 1925 г. Это был

год значительного падения забастовочного движения по стране и видимо поэтому в официальную публикацию впервые включили суммарные данные о забастовках не только в промышленности, но и на транспорте, в предприятиях связи и торговли. Этой статистической уловкой, скорее всего, и объясняется несовпадение данных за 1922–1924 гг. Отметим, что в информационных документах ВЧК/ГПУ информация о конфликтах в этих отраслях приводилась вместе с данными промышленности. Кроме того, архивные документы Истпрофа свидетельствуют о том, что общий учет забастовочного движения велся и в предыдущие годы. Так, имеются данные о количестве забастовок и их участников за 1919–1920 гг. Однако были обнаружены данные, только начиная с 1922 г., т.е. с момента официального признания профсоюзами возможности забастовок.

Таблица 3

Забастовочная борьба в 1921–1925 гг.

Год	Количество забастовок	Количество участников (в тыс. чел.)
1921	170* (—)**	86,2* (—)**
1922	538 (431)	197,0 (197,215)
1923	516 (444)	170,4 (164,846)
1924	267 (223)	49,5 (41,023)
1925	196 (196)	37,6 (37,6)

Таблица результативности проведения забастовок, составленная по тем же источникам, что и таблица о количестве забастовок, содержит также расхождения в данных (см. табл. 4).

* Архивные данные фонда Истпрофа. В документах используется исключительно термин «стачка». Составлено по: *Иглицкий А.А., Райхцаум А.Л.* Из истории забастовочного движения (1919–1925) // Новые движения трудящихся: опыт России и других стран СНГ. Ч. 1. М., 1992. С. 128–130.

** Опубликованные данные. Приводятся по: *Наемный труд в России и на Западе. 1913–1925 гг.* Ч. 1. Наемный труд в России. М., 1927. С. 160.

Результативность забастовок
(в процентах)

Год	1921	1922	1923	1924	1925
Выигранные полностью	59,6* (—)**	79,9 (44,1)	75,4 (31,7)	46,9 (43,4)	54,7 (58,4)
Выигранные частично	Нет данных	— (34,7)	— (31,4)	— (27,4)	— (24,7)
Проигранные	40,4	20,1	24,5	53,1	45,3

При анализе данных таблицы 4 становится совершенно очевидно, что сведения Истпрофа о соотношении выигранных и проигранных забастовок весьма приблизительны, так как не учитывают забастовки с компромиссными результатами. Тем не менее, они дают представление о тенденции в забастовочном движении, о том, что рабочие проявляли упорство в отстаивании своих требований и не менее, чем в половине забастовок, добивались их полного или частичного выполнения.

Еще одним каналом получения информация о настроениях рабочих, в том числе и о конфликтах на предприятиях, являлись органы ВЧК/ГПУ. К середине 1921 г. ВЧК была создана система государственной информации, охватывавшая всю территорию страны. При этом информации о настроениях на транспорте, от которого зависела работа всех ведомств и жизнь населения, придавалось особое значение, поэтому она выделялась в специальный пункт госинформсводок. Выписки из госинформсводок о работе местной сети направлялись для сведения и принятия мер в партийные органы, отраслевые наркоматы, органы кооперации и профсоюзов, которые начинали свою работу с проверки поступивших данных. А профсоюзная статистика конфликты железнодорожников и водников в начале 1920-х годов не учитывала. Причиной этому были милитаризация и последовавшая фактическая автономии их профсоюзов от ВЦСПС.

Приоритетным потребителем информации, судя по имеющимся рассекреченным документам, являлся ЦК партии. На основе пожеланий высшего руководства определялись задачи и тематика сбора информации. Так, осенью 1921 г. в период становления и апроба-

* Архивные данные фонда Истпрофа.

** Опубликованные данные. См.: Наемный труд в России и на Западе. 1913 – 1925 гг. Ч. 1. Наемный труд в России. М., 1927. С. 162

ции информационной системы, ВЧК обратилось к секретарю ЦК В.М.Михайлову с просьбой «сообщить, какие вопросы из области партийной работы требуют для Вас более детального освещения и насколько существующая форма госинфсводок удовлетворяет требованиям Вашего ведомства»¹⁹.

В сообщениях ГПУ в отличие от информации профсоюзных органов трудовые конфликты учитывались более объемно, не ограничиваясь только фактами прекращения работы. При этом они подразделялись на несколько форм: недовольство, брожение, «итальянка», забастовка. Слово «стачка» в документах ГПУ не употреблялось. В сообщениях использовались также дополнительные градации настроений: «сильное недовольство», «сильное брожение». Из этих форм протеста наименее опасной для власти являлось недовольство. На практике оно означало, что рабочие, не останавливая работы, собираются небольшими группами и обсуждают свои злободневные проблемы. Под брожением понимался более высокий накал конфликта. Во многих случаях брожение представляло собой предзабастовочную ситуацию, поэтому в количественном исчислении брожения сопоставимы с забастовками и значительно уступают недовольствам, о чем свидетельствует таблица. В состоянии «брожения» рабочие отдельных цехов или всего завода созывали собрание, на котором высказывали претензии администрации предприятия, руководству треста или профсоюза. При этом звучали угрозы: в случае невыполнения требований объявить забастовку. В такой ситуации в сообщениях ГПУ употреблялся термин «сильное брожение». Однако до забастовки дело могло и не дойти, если руководство шло на уступки. Как показывают данные ГПУ, реже всего использовалась такая форма трудового конфликта как замедление работы или «итальянка». Из 906 конфликтов в 1922 г. в Москве было только 9 «итальянок». Что касается забастовок, то их возникновение не было неожиданным ни для администрации предприятий, ни для ГПУ, так как градус социального напряжения повышался постепенно, проходя все стадии, начинаясь с негативных настроений, недовольства, и заканчиваясь активными действиями, забастовкой. В ряде случаев сначала возникало недовольство, в следующем месяце при ухудшении ситуации — брожение, а затем уж, если меры не принимались, то и забастовка.

Задержки заработной платы

Основные причины конфликтных ситуаций на предприятиях были типичными для всей страны. Наиболее острую реакцию ра-

бочих вызывала повсеместная хроническая задержка зарплаты. Эта причина доминировала на протяжении 1922–1924 гг. и составляла до 50% всех конфликтов. Зарплата на предприятиях не выплачивалась месяцами, а крестьяне отказывались без оплаты подвозить топливо в города. В результате не отапливались не только цеха заводов, но даже больницы²⁰. Печатный станок не справлялся с выпуском необходимого количества денежной массы. По этим же причинам многие предприятия останавливали на летние месяцы, а рабочие уходили на сельхозработы в деревню. В хлебных губерниях рынки опустошались приезжавшими московскими рабочими.

Профсоюзы регулярно повышали тарифы, но зарплата рассчитывалась еще по старым тарифным ставкам, и только в следующем месяце проводилась доплата. Например, разница между январскими и февральскими ставками у печатников в 1922 г. равнялась 1:3. А так как выдача зарплаты и добавочных денег постоянно запаздывали, нередко на несколько месяцев, а инфляция росла, то фактические доходы рабочих были постоянно ниже прожиточного минимума. Из-за нерегулярной выплаты зарплаты падала производительность труда, доходя до крайне низких показателей. Например, на кожевенных предприятиях в Витебске в июне 1922 г. производительность упала на 70%, так как рабочие массово не выходили на работу²¹.

Материальная необеспеченность порой приводила к тому, что останавливались предприятия целых городов. Так, например, в июне 1922 г. бастовали рабочие всего г. Кольчугина Томской губ. В это же время в соседней Пермской губ. на Мотовилихинском металлургическом заводе благодаря улучшению продовольственного снабжения был достигнут довоенный уровень производительности труда. По этой же причине на 5% выросла производительность труда на стекольных заводах Лукояновского у. Нижегородской губ. В целом же по губернии производительность труда за июнь, наоборот, уменьшилась на 10%²². Таким образом, несмотря на объявленный курс на монетизацию оплаты труда, решающее влияние на уровень производительности продолжало оказывать продовольственное снабжение. Оно было неравномерным не только в различных губерниях и отраслях промышленности, но даже на соседних предприятиях.

Действия властей в этой ситуации представляли собой судорожное латание тришкиного кафтана. Экстренное выделение денег, как правило, мотивировалось особым политическим значением региона или предприятия. Именно под таким обоснованием, например, были отпущены в июле 1922 г. дополнительные средства на борьбу с безработицей в Петрограде как колыбели революции. Зам.

председателя СТО А.И.Рыков назвал это ассигнование благотворительным нажимом. Являясь противником такого подхода, он писал в Оргбюро ЦК РКП(б): «Но ведь армия безработных везде имеет политическое значение и необходимо **вовремя** показывать пустой кошелек — платить нам нечем»²³. С позиции пустого кошелька Рыков предлагал подходить и к страховой кампании, фактически начавшейся во второй половине 1922 г. По его мнению, наиболее целесообразным было бы отложить ее на более позднее время. Но так как в ЦК не хотели ждать, то Рыков считал необходимым теснейшим образом увязать организацию страховых касс с низкой зарплатой, убыточностью промышленности, невиданным дефицитом бюджета и ни в коем случае не сулить рабочим золотых гор. При этом он прогнозировал возможность появления широкого недовольства среди рабочих.

Социальное страхование являлось одним из средств охраны труда и здоровья рабочих. В годы Гражданской войны оно было заменено уравнительным социальным обеспечением исключительно за счет государства. А охрана труда как обязанность государства в качестве работодателя по признанию руководства Наркомтруда вообще не существовала. В связи с нэпом и появлением частного сектора в экономике потребовался переход к страховому принципу охраны трудоспособности. Несмотря на то, что все расходы по соцстраху возлагались на предприятия, независимо от формы собственности, а не на работающих, в условиях финансового кризиса в наихудшем положении оказался госсектор. У госпредприятий зачастую не было средств на страховые выплаты при утрате трудоспособности и безработице, а пенсионное обеспечение вообще в этот период не существовало. Пособия по безработице были не только мизерными, но чаще всего их просто не выплачивали. К тому же они полагались только зарегистрированным на биржах труда. Поэтому, как сообщалось в информсводках ГПУ, чтобы прокормиться безработные просили милостыню. С точки зрения властей безработные и инвалиды имели достаточные основания для недовольства и как «группа риска» находились под особым контролем ГПУ.

Независимо от производственных успехов и прибыльности, государство оказывало постоянную финансовую поддержку тем отраслям и объединениям предприятий, которые являлись основой социалистической промышленности. К тому же система хозрасчета на государственных предприятиях не получила заметного развития. Даже ударные предприятия постоянно испытывали трудности с выплатой зарплаты и находились на грани забастовок. В частности, в положении хронического конфликта находился Сормовский завод,

насчитывавший 12 тыс. рабочих. Так, в начале мая 1922 г. на заводе была остановлена работа, и рабочие потребовали выплатить 300 млрд руб. задолжности. Затем благодаря обещанию председателя ГОМЗы, погасить долг к 13 мая, забастовка была прекращена. Однако 20 мая, так и не дождавшись денег, рабочие вновь забастовали. В свою очередь, профсоюз металлистов объявил предприятие «на положении конфликта» и предложил забастовщикам полностью восстановить работу. Затем конфликт в порядке третейского разбирательства был передан в Президиум Госплана. Свидетельством тому, насколько большое значение придавалось бесперебойной работе завода, являлось вмешательство в эту ситуацию Политбюро ЦК партии. По его запросу выяснилось, что деньги для зарплаты были выделены своевременно и полностью, но не дошли до завода, так как были перераспределены в одном из вышестоящих органов, ВСНХ, ГОМЗой или губфондом. Таким образом, даже ЦК не удалось точно установить, где и на что были истрачены предназначенные на зарплату деньги. Наконец, 17 июня директор завода отчитался перед руководством, что зарплата за май выплачена полностью. Но уже через два дня поступили сообщения о новом конфликте на заводе из-за того, что за первую половину июня рабочим выплатили только 280 млрд руб. вместо необходимых на зарплату 501 млрд.

Одновременно для сокращения бюджетных расходов и оптимизации производства периодически проводились сокращения штатной численности рабочих и еще в большей степени служащих. Проведенное на протяжении 1922–1923 гг. трестирование промышленности не привело к наделению входивших в тресты предприятий хотя бы минимальной экономической самостоятельностью. Принятые весной и летом 1923 г. декреты о центральных и местных трестах не изменили их бесправного положения. Предприятия не имели прав юридических лиц и возможности самостоятельно выступать на рынке. Они полностью зависели от трестов, которые, не считаясь с интересами производителей, бесконтрольно распоряжались доходами от реализации продукции. Не случайно ответственные работники трестов фигурировали на многих судебных процессах, массово проходивших в первой половине десятилетия²⁴. А по аналогии с злоупотреблениями руководителей и специалистов, проходивших по громкому показательному процессу Орехово-зувского треста, появился термин «Ореховозувщина». В связи с таким положением рабочие предприятий легкой промышленности совершенно справедливо полагали, что, если они сами займутся сбытом произведенных товаров, минуя тресты как промежуточное звено, то скорее получат деньги на зарплату. С подобным требованием, в частности, выступи-

ли в январе 1922 г. рабочие Речицких фарфоровых заводов треста Мосселикат, не получившие жалования за декабрь и первую половину января. В случае отказа они пригрозили забастовкой²⁵. Не только рабочие, но и руководители трестированных предприятий тщетно пытались освободиться от удушающего диктата трестов²⁶.

К началу 1922 г. образовалась крупная задолженность по зарплате рабочим строительной отрасли за 1921 г. Сумма задолженности равнялась приблизительно 416 млрд руб.²⁷ Такая ситуация была связана с ликвидацией Главного комитета по сооружениям ВСНХ и его органов. В январе 1922 г. постановлением ВЦИК объекты строительства были распределены между различными ведомствами, а для оплаты задолженности образована Центральная ликвидационная комиссия ГКС. Она занималась распределением кредитов, выдававшихся для выплаты задолженности. Однако быстро выяснилось, что выделенных кредитов крайне мало и на местах в установленный срок не успеют получить дензнаки. Тем временем в ЦК профсоюза строительных рабочих поступали тревожные данные о случаях массовых заболеваний рабочих из-за голода и даже голодной смерти и людоедства²⁸. Доведенные до отчаяния рабочие выступали с угрозами распродажи государственного имущества для ликвидации задолженности. Такое положение сложилось на строительстве Троицк-Орской ж.д. (Челябинская губ.), в Петроградской, Самарской губерниях и ряде других мест. Недовольства переходили в забастовки. Рабочие угрожали физической расправой руководству, толпами осаждая управления работ. В ряде случаев, чтобы получить заработанное, они переходили от слов к действиям. Так, например, дорожникам в Ябургском у. Петроградской губ. жалование не выплачивалось 6 месяцев. Когда терпение закончилось, они приняли решение: «сделать забастовку на всем участке, распродать весь материал и имущество, как совхоза, так и строительства, а вырученные деньги разделить среди рабочих»²⁹.

К концу марта 1922 г. положение на местах стало еще тяжелее. ЦК профсоюза строителей и ЦЛК были засыпаны требованиями о предоставлении дензнаков, о разрешении пустить в продажу часть материалов, продовольствия и инвентаря для покрытия задолженности. В свою очередь все попытки ЦЛК получить кредиты и разрешение на продажу не нашли поддержки в СНК и хозяйственных органах. В течение четырех месяцев велась переписка, проводились безрезультатные совещания с представителями НКФ и ВСНХ, итогом которых были лишь бюрократические разъяснения со ссылками на законы. Добиться выделения кредитов для удовлетворения минимальных требований рабочих так и не удалось. По признанию руководства профсоюза, оплата рабочих по ставкам ноября–декабря 1921 г. летом

1922 г. была более чем скромной компенсацией за их труд и удивительную выдержку и терпение. Не видя другого выхода из сложившейся ситуации, ЦК профсоюза обратился в суд с иском о взыскании с хозяйственных органов причитающегося рабочим вознаграждения.

Попыткой снять остроту дефицита денежных знаков, ощущавшуюся на протяжении 1921–1923 гг., являлась натурализация оплаты. Как в годы военного коммунизма, в счет зарплаты на некоторых предприятиях выдавалась собственная продукция или ордера в заводские лавки ЕПО, а также денежные суррогаты — бонусы. Иногда продукты просто отпускались в долг. При этом, товары в рабочих кооперативах, как правило, были дороже и худшего качества, чем на рынке, что вызывало справедливое негодование рабочих. Выдавались даже испорченные продукты, которые нельзя было употреблять в пищу. На некоторых предприятиях возмущение работой кооперации доходило до такой степени, что рабочие подавали заявления о выходе из членов рабочего кооператива. Однако наибольшее недовольство вызывала выдача зарплаты продукцией предприятий, которую приходилось продавать ниже себестоимости. Такие замены практиковались, главным образом, в легкой промышленности и были наиболее распространены на текстильных предприятиях. Например, на московской фабрике тонких сукон быв. Носова, на которой работало около 1 тыс. рабочих, в основном женщин, вместо денег за май и июнь 1922 г. выдали собственную продукцию. Однако сукно получили только работницы до 6-го тарифного разряда, а остальным его не хватило. Кроме этого, недовольство работниц усугублялось еще и выдачей в пайке недоброкачественных продуктов и тем, что совсем не выдавали сахара и соли³⁰. А на Волоцких лесопильных заводах Тверской губ. зарплата выдавалась дровами и досками³¹. Натурализация заработной платы продолжалась и в последующие годы. Даже в 1924 г. на текстильных фабриках Ульяновской обл. зарплата на 70–80% выдавалась сукном, и в результате его реализации рабочие теряли около половины жалования. Естественно, рабочие протестовали против натурализации зарплаты вплоть до объявления забастовок.

В счет зарплаты выдавались также облигации золотого займа. Кампания по организации якобы добровольной подписки на золотой заем среди всех слоев населения была начата в январе 1923 г. По установившейся практике она сопровождалась проведением общих собраний на предприятиях, ход которых и настроения участников отражались в информсводках ГПУ. Помимо учета настроений агенты ГПУ также фиксировали количество денежных поступлений от подписки на заем. Эти сведения регулярно направлялись в финансовые органы. Специально для покупки установленного количества облигаций рабо-

чим выдавались авансы, а сумма платежа распределялась на несколько взносов. Получив на руки облигацию, рабочие спешили продать ее на черном рынке. Массовое появление облигаций на рынке не прошло незамеченным для агентуры ГПУ. Так, в одном из докладов агент сообщал о продаже рабочим биржевикам четырех 5-рублевых облигаций: «После получения денег он сразу направился к остановке трамвая, где я с ним завел разговор, и в разговоре задал вопрос: «Почему вы продали по 80 руб., когда сами платили дороже?» А он ответил, «что деньги нужны, и вот мы получили на руки по уплате последнего взноса, а деньги позарез нужны, так сегодня прогуливаю полдня для того, чтобы продать свою, да, кстати, и еще трех товарищей»³². По данным ВЦСПС размещение золотого займа снижало зарплату в среднем на 10%. «Рассчитывать на то, что рабочий не поймет, что это будет не снижение — смешно», — говорили лидеры профсоюзов. К тому же они опасались, что снижение зарплаты будет использовано политическими врагами для агитации среди рабочих³³.

Недовольство выплатой облигаций в счет зарплаты высказывалось на многих московских предприятиях. При этом в Замоскворецком трамвайном парке собрание, на котором присутствовало 700 человек, приняло настолько бурный характер, что предложение о выплате части зарплаты облигациями не удалось даже поставить на голосование. В Уваровском трамвайном парке резолюцию об обязательной подписке на облигации собрание отклонило, приняв решение о добровольной подписке. Еще один вариант сопротивления продемонстрировали рабочие 3-й типографии Гознак. Они подали коллективное заявление в завком с требованием, выплатить зарплату полностью дензнаками³⁴. Выступления против займа раздавались и на рабочих конференциях. А на Паровозо-ремонтном заводе (Подольский уезд) выдача облигаций вызвала кратковременную остановку работы. Сначала рабочие отказывались брать заем, но им сказали, что, если они не возьмут облигации, то при следующей уплате займом он будет записан на личный счет и каждый получит квитанцию. Такая перспектива заставила рабочих взять заем. Некоторые тут же продавали частным лицам по 300–400 руб., хотя сами получали по курсу 500 руб.³⁵

Однако, зачастую, недовольство рабочих вызывалось не одной, а сразу несколькими причинами. На многих предприятиях не только задерживалась зарплата, но и не выдавался паек. К тому же величина денежных и продовольственных выплат также не устраивала рабочих. Наложение всех этих причин приводило к резкому и повсеместному повышению недовольств. Один из таких пиков рабочего протеста на территории советской России наблюдался в апреле 1922 г. По характеристике ГПУ «это был месяц массовых недовольств всех

групп населения, месяц, отмеченный почти наибольшим развитием голода, месяц, ознаменовавшийся резким падением производительности промышленности»³⁶.

Среди московских рабочих наибольшая активность проявилась в первый весенний месяц. За март 1922 г. Мосгуботдел ГПУ зафиксировал на предприятиях госсектора 99 конфликтов различных форм: недовольства, брожения, забастовки. Забастовки прошли на 11 предприятиях. Лидерами по количеству забастовок в марте–июне являлись металлисты, вторыми с большим отрывом шли печатники. Причем, для забастовок печатников было характерно проявление рабочей солидарности. Так, 8 марта началось брожение в 1-й Образцовой типографии быв. Сытина, насчитывавшей 1300 человек, «на почве предполагающейся разгрузки, которая распространяется на некоторых меньшевиков»³⁷. Хотя рабочие находились в типографии, но к работе не приступали, а вели возбужденные разговоры и информатор даже слышал угрозы провести демонстрацию. В этот же день состоялось общее собрание, на котором «клеямили» профсоюз и компартию и звучали призывы к забастовке, если будет проводиться сокращение штатов. В принятом собранием резолюция завкому поручалось от имени рабочих типографии обратиться в профсоюз и трест печатников с требованием прекратить сокращение штатов. А избранной комиссии было поручено выяснить положение типографии в МГСПС и ВЦСПС. О миролюбивом настроении печатников свидетельствовало также их решение отработать время простоя сверхурочно. Однако вскоре настроения в типографии резко ухудшились и печатники вновь прекратили работу. Забастовка продолжалась 4 дня и была вызвана проводившимся сокращением штатов и задержкой жалования. По официальной версии она проводилась под влиянием меньшевиков. Причем это утверждение появлялось на протяжении всего года, всякий раз, когда возникали конфликтные ситуации. Возможно, в этом была определенная доля правды, так как в профсоюзе печатников действительно наблюдалось влияние меньшевиков, а во многих типографиях меньшевики входили в завкомы и даже по данным ГПУ действовали ячейки РСДРП. Следует отметить, что в феврале в 1-й Образцовой типографии также бастовали из-за задержки зарплаты, но тогда переговоры с центром вело заводоуправление и двухдневная забастовка закончилась выплатой денег. В пользу рабочих закончилась и февральская забастовка в 16-й типографии, длившаяся 5 дней. Из-за нее не выходили «Торговая газета» и «Еврейская правда», печатавшиеся в этой типографии»³⁸. Однако на этот раз власти, видимо, посчитали, что причина забастовки в 1-й Образцовой типографии политическая и объявили «перерегистрацию». Затем в их поддержку провели «итальянку»

в 11-й и 13-й типографиях, также требуя уплаты жалования. Причем сначала администрация совместно с ячейкой РКП обращалась в трест с требованием, немедленно выдать деньги, но в тресте им отказали, сказав, что денег нет. И только тогда рабочие при поддержке завкома, как отмечалось в сводке МГО ГПУ, в большинстве меньшевистского, постановили: не начинать работу до выдачи денег.

Ситуация на предприятиях связи в марте 1922 г., хотя и не вылилась в крупные забастовки, но оставалась очень напряженной. Прежде всего брожения происходили на Центральном телеграфе, Главпочтамте и Центральной телефонной станции. Положение на этих стратегических объектах всегда находилось под особым контролем органов ГПУ и с обстановки на них обычно начинался анализ политического и экономического положения в Москве в обзорах Мосгуботдела ГПУ. Остановимся на этих забастовках подробнее, так как развитие событий и поведение участников забастовки отражали один из типичных вариантов нарастания конфликтной ситуации. Еще в начале марта на Центральном телеграфе наблюдалось «сильное брожение» из-за низкой оплаты труда и плохого снабжения продовольствием. Однако ситуация, грозившая перерасти в забастовку, несколько разрядилась 9 марта, так как выдали аванс. Но уже 13 марта рабочие механических и столярных мастерских и техники аппаратной службы предъявили администрации целый ряд требований: уплатить жалование за февраль и первую половину марта по более высоким мартовским тарифным ставкам; выдать полностью натуроплату и впредь выдавать жалование не позднее 5-го и 20-го числа каждого месяца. Для выяснения этих вопросов администрации были поставлены жесткие временные сроки, а жалование за февраль потребовали выдать к 12 часам 14 марта. Не получив зарплату в установленный срок, техники уже в 12 часов 40 мин. начали забастовку. Естественно, такая организованность и решительность в действиях персонала не оставляла сомнений в том, что забастовщики будут упорно отстаивать свои требования. В результате переговоров выборной делегация с администрацией конфликт был быстро улажен и уже в 3 часа того же дня работники телеграфа приступили к работе. Такое же разрешение получила аналогичная ситуация и на Центральной телефонной станции и Главпочтамте. Причем, общее собрание почтовиков, на котором присутствовало около 1 тыс. человек, имело ярко выраженный политический характер. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что председателем собрания был меньшевик. По его предложению собрание началось с того, что присутствующие почтили вставанием память умершего эсера Акимова и спели похоронный марш. Затем с докладом о задачах

профдвижения выступил представитель МГСПС. Зал был настроен недружелюбно, и его речь сопровождалась «антисоветскими выкриками». Напротив, председателя собрания Соколова, критиковавшего компартию, советскую власть и деятельность Моссовета, охотно слушали и щедро наградили аплодисментами. Также положительно было встречено и выступление эсера Измайлова. В итоге, хотя брожение имело экономические причины, собрание приняло резолюцию с политическими требованиями: независимость профсоюзов, свобода слова, печати и собраний. Отдельно была принята резолюция о неудовлетворительной деятельности Моссовета³⁹. К тому же, по сообщению дотошного информатора, собрание закончилось вопреки установившемуся ритуалу без пения Интернационала. Таким образом, все эти факты свидетельствовали об «антисоветском» характере собрания. Однако эта внешняя сторона события не означала, что собравшиеся были идейными сторонниками оппозиционных партий. Примечательно, что требования свободы слова, печати и собраний, столь характерные для весны 1921 г. (к ним тогда еще добавляли требование свободы торговли), в марте 1922 г. потеряли свою актуальность и уже являлись большой редкостью. Скорее всего, они были приняты под влиянием критических выступлений на собрании. Разделяя эмоциональную и фактическую сторону выступлений, которые звучали в унисон их собственным недовольствам, рабочие перенесли свое общее одобрение и на резолютивную часть. О том, что принятие резолюции не было сознательным действием, свидетельствует и сообщение информсводки МГО ГПУ от 17 марта: «В связи с происходившим вчера собранием настроение на Почтамте сегодня неудовлетворительное»⁴⁰. По всей видимости, на следующий день произошло «отрезвление» и рабочие опасались негативных последствий, прежде всего увольнений. О том, что руководство ОГПУ понимало эту психологическую особенность поведения рабочих, свидетельствует также обзор политэкономического состояния СССР на 1 ноября 1923 г. Объясняя рост влияния оппозиции на отдельных предприятиях, в нем указывалось, что «их слушают не как меньшевиков или членов рабочей группы, а как своих рабочих того же предприятия, говорящих об их нуждах»⁴¹.

Необходимо отметить, что в сообщениях ГПУ о различных конфликтах почти всегда в качестве причины их возникновения указывалось на влияние меньшевиков и эсеров. Одновременно признавалась обоснованность и справедливость многих недовольств рабочих. Даже ГПУ констатировало, что забастовки являлись единственным способом борьбы рабочих с администрацией, не предпринимающей, как указывалось, «местами» энергичных мер по обеспе-

чению рабочих. Таким образом, протестное движение, охватившее в эти годы все регионы и имевшее общие причины, коренившиеся в кризисном состоянии экономики, рассматривалось как отдельные конфликты с отдельными нерадивыми руководителями. Именно в таких ситуациях забастовки поддерживали и профсоюзные органы. Так, июльские забастовки 1922 г. в Мальцевском фабрично-заводском районе были санкционированы подрайкомом союза металлистов⁴². Примечательно, что такой угол зрения на возникавшие неудобные проблемы использовался и все последующие годы существования советского государства. Более того, задержки зарплаты, пайка, плохие жилищные условия и другие мотивы недовольства рабочих объявлялись не причинами забастовок, а лишь поводами к ним. А причиной объявлялись происки меньшевиков и эсеров, которые используют имеющиеся затруднения и восстанавливают рабочих против советской власти. Таким образом происходила подмена причин следствиями. Искусно обыгрывалось и другое противоречие в официальной мотивировке рабочего протеста первой половины 1920-х гг., которая преподносилась ОГПУ ЦК РКП(б). И те и другие прекрасно знали, что объявленные виновниками забастовочного движения партии доживали свои последние дни и не представляли никакой угрозы для большевиков. Поэтому утверждалось, что в большинстве случаев агитация ведется не партиями, а отдельными меньшевиками и эсерами по собственной инициативе. Скорее всего, эта подмена понятий понадобилась для самообмана власти, которой очень не хотелось смотреть правде в глаза. А правда заключалась в том, что подавляющее большинство рабочих, объявленных официальной пропагандой опорой большевиков и во имя которых якобы проводилась их политика, на самом деле были аполитичны и боролись за свое выживание. Тем не менее, политический выход из этого неловкого для партии положения был найден. В официальных партийных документах стали употреблять вместо выражения «опора на рабочий класс» — «опора на авангард рабочего класса».

Еще один неудобный вопрос, на который пытались найти ответ в этот период официальные лица, главным образом, профсоюзные деятели: чем отличаются советские забастовки от борьбы рабочего класса в странах капитализма, о солидарности с которой не уставали писать советские газеты. Вот как ответил на него, исходя из анализа «наших» забастовок в 1922/23 г., А.Стопани: «Следует признать большинство забастовок по своему существу глубоко отличными от обычного типа забастовок капиталистического мира, они далеки от обычной пролетарской «всеобщности», даже внутри одного и того же предприятия. Они своей кратковременной молниеносностью напоминают недораз-

умение типа простого конфликта семейного характера, чем орудие какой-либо формы классовой борьбы и даже при данном затруднительном состоянии промышленности, — не имея сколько-нибудь серьезного характера, — вполне устранимы. Судя по данным об исходе забастовок, они глубоко отличны от забастовок как нашего прошлого, так и настоящего даже таких капиталистических стран-победительниц, где у государственного кормила стоят так называемые «социалисты»⁴³.

Если говорить о стабильности, то она проявлялась только в том, что из месяца в месяц задерживалась выплата зарплаты и конфликты на этой почве возникали, как правило, на одних и тех же предприятиях. Так, в апреле 1922 г. вновь вспыхнуло недовольство на московской телефонной станции, которое на этот раз закончилось забастовкой. Она была вызвана невыдачей жалования и продовольствия к Пасхе. При этом не только на телефонной станции, но и на многих других предприятиях, наблюдалась парадоксальная ситуация. Большинство рабочих, как в старые времена, продолжали отмечать религиозные праздники. Однако к кампании по изъятию церковных ценностей, проводившейся как раз в это время, за редким исключением, отнеслись безразлично. А в мае снова наблюдалось «сильное брожение» среди монтеров Центрального телеграфа по тем же причинам, что и в марте. Оно было ликвидировано выдачей жалования и пайка.

Протекционистская политика, проводившаяся государством в отношении промышленности, позволила к середине 1922 г. несколько улучшить ситуацию с выплатой задолженности по зарплате и снабжением продовольствием. В связи с этим осенью 1922 г. намечилось общее улучшение настроений в рабочей среде, несмотря на имевшиеся очаги напряженности в ряде регионов (Сибирь, Туркестан, Украина, Тверская губ. и ряд других). Важным для власти показателем того, что высшая точка кризиса осталась позади, являлись также итоги кампаний по перевыборам завкомов и выборов в страховые кассы. В них избрали в подавляющем большинстве коммунистов. Однако, вроде бы достигнутое равновесие оказалось кратковременным. Уже в августе в Московском промышленном районе начался быстрый рост цен на предметы первой необходимости.

С сентября, несмотря на изобилие продуктов на рынке, началось стремительное повышение цен и в Петрограде. И без того невысокий уровень зарплаты на большинстве предприятий фактически значительно понизился. Реакцией явились забастовки с требованием увеличения тарифов. В сентябре бастовали на Подольском литейном заводе, заводе быв. Бромлей, на текстильных фабриках Орехово-зубовского треста и на многих других. А в забастовке на фабрике Госзнак и в ее типографии участвовало более 1 тыс. чел.⁴⁴ Переживаемый

финансовый кризис привел к тому, что задержки в выплате зарплаты на предприятиях стали продолжительнее, чем в предыдущие месяцы. Некоторые тресты, не имея средств, отказывались платить рабочим по новым ставкам, выработанным профсоюзами. К тому же, увеличение ставок происходило без учета ресурсов их выплаты.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в октябре в связи с падением курса рубля, руководство ГПУ докладывало об окончательно обозначившемся переломе в сторону ухудшения в настроениях всех групп населения и наличии широко развитого недовольства на всей территории страны. Было констатировано, что в основе этого перелома лежат два кризиса. Первый, кризис настроений в деревне, носит временный характер и с окончанием сбора продналога быстро сойдет на нет. Второй кризис, кризис в городе, по мнению ГПУ, хотя и носит менее острый характер и медленнее нарастает, но в его основе лежат более сложные и труднопреодолимые причины и в течение ближайших месяцев он будет неизбежно усиливаться. Особо отмечалась общая особенность двух кризисов, резко отличающая их от критических периодов предыдущих лет: недовольства носят сугубо экономический характер⁴⁵. Эти выводы, в первую очередь, были основаны на информации о ситуации в Москве.

Таблица 5

Конфликты на государственных предприятиях
г. Москвы в 1922 г.⁴⁶

<i>Месяцы</i>	<i>Забастовки</i>	<i>Итальянки</i>	<i>Брожения</i>	<i>Недовольства</i>	<i>Всего</i>
Январь	8	—	11	47	66
Февраль	6	—	8	39	53
Март	11	5	27	56	99
Апрель	11	2	7	26	46
Май	8	2	18	42	70
Июнь	5	—	18	45	68
Июль	12	—	21	81	114
Август	13	—	17	51	81
Сентябрь	17	—	18	76	111
Октябрь	11	—	7	56	74
Ноябрь	8	—	6	44	58
Декабрь	4	—	9	53	66
Итого	114	9	167	616	906

Несмотря на то, что Москва в обеспечении зарплатой была более благополучной, чем провинция, ситуация на предприятиях ухудшалась из месяца в месяц. Представление о количестве и формах трудовых конфликтов московских рабочих в течение 1922 г. дают данные МГПО ВЧК (см. табл. 5).

В октябре крупные забастовки на почве низких тарифных ставок были проведены на фабриках Жиро, «Искромет», на Голутвинской мануфактуре, на Алексеевской камвольной фабрике. На последней бастовали в течение 9 дней. Наиболее упорными были выступления московских трамвайщиков. Большинство из них получали зарплату по 6-му и 7-му разрядам, соответственно 14 и 18 млн руб., из которых 6 млн вычиталось за продукты. Забастовки трамвайщиков с требованием повышения тарифов, начавшись в конце сентября, продолжались весь октябрь, перекидываясь с одного парка на другой, а иногда охватывали и все парки одновременно. В октябре среди бастующих были проведены аресты, которые еще больше подогрели недовольство⁴⁷. В конце концов, власти с трудом удалось предотвратить единую забастовку трамвайщиков, чуть было не начавшуюся 23 октября. В этот день в Замоскворецком и Уваровском парках были проведены аресты. В последнем в этот же день было созвано собрание, на котором рабочие потребовали, объяснить причины ареста. При этом трамвайщики говорили, что арестованные пострадали за правду. Волнения трамвайщиков вызвали сочувствие и среди бастовавших в это время рабочих вагонных мастерских станций «Москва» Николаевской, Курской и Казанской ж.д. Несмотря на то, что арестованные трамвайщики к празднику 5-й годовщины Октябрьской революции, как ожидали, освобождены не были, рабочие всех парков приняли активное участие в праздновании⁴⁸.

В течение октября продолжалось забастовочное движение и среди московских печатников и почтово-телеграфных служащих. В качестве побудительной причины столь массовых и длительных протестов указывалось на влияние антисоветских элементов. Аргументом в пользу такой точки зрения властей, в частности, служил тот факт, что на общем собрании почтово-телеграфных служащих за резолюцию коммунистов голосовало лишь несколько человек из тысячи⁴⁹. Невиданных за последние годы размеров достигло забастовочное движение в Донбассе. Работа останавливалась на кустовых объединениях предприятий в целом. В донбасских забастовках принимали участие и коммунисты.

Весь октябрь волнения и забастовки проходили также на железных дорогах Украины, в том числе несколько крупных забастовок прошли на Киевском железнодорожном узле. Обстановка на Украине усугублялась еще и высоким уровнем безработицы.

Следующий подъем протестных выступлений был связан с последствиями курса на достижение максимальной прибыли промышленности. Еще весной 1923 г. авторитетные экономисты Н.Д.Кондратьев и П.И.Попов обращали внимание Госплана на опасность растущего расхождения цен промышленных и сельскохозяйственных товаров, но встретили резкий отпор со стороны защитников индустрии. К середине 1923 г. расхождение цен, получившее название «ножницы цен», оказалось наиболее значительным, вызвав тяжелый кризис сбыта промышленной продукции, а вместе с ним финансовый и сырьевой кризисы. Крестьяне ничего не покупали, а хлеб отдавали за двухгривенный и все равно не находили покупателей. Промышленность оказалась перед огромной опасностью потери платежеспособности деревенского рынка. Но даже в этой ситуации основные отрасли промышленности требовали повышения цен и без того в полтора и два раза превысивших довоенные. Создалась парадоксальная ситуация. Увеличение нагрузки на оставшиеся после концентрации предприятия должно было привести к понижению себестоимости их продукции, а между тем по нефти и углю, этим наиболее загруженным отраслям наблюдалось падение производительности труда⁵⁰. Специалисты считали необходимым взять твердый курс на отклонение подобных домогательств руководителей промышленности и направить все усилия на сокращение издержек производства, исключив направление средств на восстановление основного капитала за счет текущей продукции.

В связи с кризисом в трудном положении оказались, прежде всего, крупные предприятия: ГОМЗА, металлургические и судостроительные заводы Петрограда, металлокомбинат в Татарстане. Недостаток сырья, в свою очередь, повлек за собой закрытие многих предприятий, в первую очередь, текстильных и пищевых. Оставшиеся работали с перебоями. Часть хозрасчетных предприятий были закрыты из-за убыточности. Так, в июне 1923 г. были закрыты в Московской губ. Подгорная фабрика Орехово-Зуевского треста (1 тыс. рабочих) и Ликинская мануфактура (4 тыс. рабочих). Закрытие фабрик сопровождалось волнением рабочих. В Москву были направлены делегации с ходатайством, не останавливать производства⁵¹. Все указанные причины, а также проводившийся пересмотр трестов вызвали дальнейший рост безработицы.

Как и в дореволюционное время, рабочим стали выдаваться расчетные книжки, в которых записывался заработок, отмечалось, сколько денег получено на руки, а также различные вычеты. Расчетные книжки выполняли еще одну важную функцию: по действовавшему законодательству администрация предприятия была обязана заранее записывать в них о предстоящем увольнении ра-

бочего. Устное сообщение не имело юридической силы. Невыдача книжек также вызывала недовольства, т.к. при постоянных задержках зарплаты и пересмотрах тарифов трудно было запомнить, сколько денег осталось получить, за что сделаны вычеты и т.д.

Рабочие внимательно относились к записям в книжках и бывали случаи, что обнаруживали неточности. «Рабочим кажется, что вместе с нэпом возникает и старая, столь ненавистная система хозяйского обсчета»⁵², — писала о таких настроениях газета «Правда». О том, что опасения рабочих не были беспочвенны, свидетельствовали, например, события на прядильной фабрике «Пролетарская диктатура» Орехово-зுவевского треста. Обнаружив «малый подсчет заработка» в расчетных книжках, в результате которого некоторые рабочие могли получить за полмесяца всего 6–14 руб., рабочие цех за цехом останавливали работу. В итоге 7 апреля 1924 г. бастовал весь 5-тысячный персонал фабрики⁵³.

Прямое воздействие на уровень доходов населения оказывало нестабильное состояние финансового рынка. В конце 1922 г. и в 1923 г. в финансовой системе СССР параллельно обращались две валюты: сравнительно устойчивый червонец и постоянно обесценивающийся совзнак, служивший наличным платежным средством. В октябре 1923 г. между червонцем и совзнаком было установлено официальное соотношение, определявшееся курсом фондового отдела Московской товарной биржи, который ежедневно менялся. Наряду с официальным существовал также курс черной биржи, влиявший на рыночные цены, в частности, на продовольствие. Кризис финансовой системы являлся объективной причиной массовых недовольств в 1923 г. Получая зарплату совзнаками, рабочие постоянно терпели убытки на курсовой разнице, которые достигали 20–30%⁵⁴. В Москве, например, зарплата выдавалась 5-го и 20-го числа, но по индексу товарного рубля на 1-е и 15-е число, поэтому рабочие требовали производить расплату по курсу дня выдачи или перейти на золотое исчисление. Колебания курса рубля были настолько ощутимы, что даже выдача зарплаты поздно вечером, когда рабочие уже не успевали что-либо купить, приводила к существенным потерям дохода и вызывала недовольства. К фактическому уменьшению заработка приводили и многочисленные вычеты, «съедавшие» зарплату.

Благодаря целому ряду экстренных мер, направленных на рост покупательной способности деревни, в начале 1924 г. удалось во многом нормализовать экономическую ситуацию. Так, положение с выплатой заработной платы в Москве и губернии удалось стабилизировать к концу 1923 г., хотя во многих регионах эта проблема продолжала оставаться весьма острой. И как следствие — резкое

падение количества недовольств на почве задержки зарплаты. В декабре 1923 г. ГПУ было зафиксировано по Москве в 4 раза меньше недовольств по этой причине, чем в октябре (октябрь — на 95 предприятиях, ноябрь — на 23-х, декабрь — на 24-х⁵⁵).

В январе 1924 г. наблюдалось значительное снижение общего количества недовольств. Случаи несвоевременной выплаты зарплаты по Москве и губернии стали редки и, как правило, по вине руководства заводов. Но даже единичные конфликты могли закончиться забастовкой. Так, единственная январская забастовка состоялась именно из-за долгов по зарплате: рабочие Лыткаренского карьера (Московский уезд) остановили работу из-за неполной выплаты жалования за вторую половину ноября и весь декабрь. Забастовка продолжалась три дня и закончилась победой рабочих⁵⁶.

Однако, уже в феврале 1924 г. началось ухудшение ситуации, достигшей своего пика в марте. Очередной виток задержек зарплаты, снижение уровня жизни из-за роста дороговизны были связаны с перестройкой финансовой системы⁵⁷. Для того, чтобы смягчить денежные потери населения предполагалось заранее выплатить специальные прибавки к зарплате, однако, как часто бывало, такие выплаты были сделаны с опозданием. Все эти причины привели к значительному росту рабочих протестов по всей стране. О размахе протестного движения в Москве дает представление следующая таблица:

Таблица 6

Количество трудовых конфликтов на предприятиях
г. Москвы в феврале — мае 1924 г.⁵⁸

Месяц	Забастовки	Итальянки	Всего конфликтов
Февраль	1	—	307
Март	1	1	203
Апрель	2	—	239
Май	1	2	291

Как показывают данные таблицы, наибольшее количество конфликтов произошло в феврале 1924 г. Однако, исходя из количества рабочих, принимавших в них участие, пик рабочей активности в первой половине года пришелся на март. В марте недовольства рабочих наблюдались, прежде всего, на крупных предприятиях. По данным ГПУ недовольством были охвачены 50287 московских рабочих (в фев-

рале — 17828 чел.). Из наиболее крупных предприятий зарплата была задержана на предприятиях ГОМЗы (9150 чел.), треста Обновленное волокно (3790), Фарфоротреста (2,5 тыс.), Орехово-Зуевского треста (7990), Электротреста (3,5 тыс.), Мосздравотдела (1,5 тыс.). Около 60 тыс. рабочих были охвачены недовольством установленным паритетом. Зарплата должна была выдаваться из расчета: за 1 товарный рубль — 1,5 рубля золотом. Из-за несвоевременной выдачи прибавки на дороговизну наблюдалось недовольство около 44 тыс. рабочих: на предприятиях Машинотреста (заводы быв. Гужон и Бромлей), Краснопресненского хлопчатобумажного треста (Трехгорная мануфактура), Москвошвей и Шелкотреста⁵⁹. Остроту ситуации удалось снять, во многом, благодаря разъяснению на собраниях значения реформы и линии советской власти по зарплате.

Несвоевременная выплата зарплат продолжала оставаться главной среди причин недовольства рабочих на протяжении 1921 — 1924 гг. В Москве она уступила первое место недовольству низкими ставками только в мае 1924 г. В этом месяце недовольство задержкой зарплат наблюдалось на 34 предприятиях (14 тыс. рабочих), а низкими ставками — на 69 предприятиях (27,5 тыс. рабочих). Недовольства на почве низких тарифов в мае 1924 г. составили четверть всех недовольств⁶⁰. В провинции вопрос с выдачей зарплат был почти урегулирован к ноябрю 1924 г., исключая горную, лесную и сахарную отрасли⁶¹. Однако, это не означало, что он был решен полностью.

Недовольства низкими ставками и высокими нормами выработки

В течение 1921 г. был принят ряд законодательных актов, направленных на переход от уравнительного распределения к новой тарифной политике. В ее основе были провозглашена зависимость зарплат от производственной квалификации и производительности труда работника. Профсоюзы высказывались также за то, чтобы минимальная зарплата соответствовала прожиточному уровню. В декабре 1921 г. ВЦСПС вместо 35-разрядной тарифной сетки, действовавшей в годы гражданской войны, утвердил 17-разрядную сетку. По мере роста инфляции размеры тарифов должны были пересматриваться. На практике рабочие одной профессии и квалификации, но занятые в разных трестах, получали разные зарплаты в соответствии со своими ведомственными сетками. Например, рабо-

чие Арматурного треста получали в 1924 г. от 16,41 руб. до 31,92 руб. и имели приработок до 50%. В Главвоенпроме квалифицированные рабочие (также союза металлистов) получали от 19,8 руб. до 39,6, но приработок был не всегда. Большинство коммунальщиков имели зарплату всего лишь 7–8 руб., но зато 100% приработка⁶². Поэтому не случайно из 300 забастовок, происшедших в 1924 г. в СССР, 100 было объявлено из-за низких тарифов и высоких норм выработки. По Москве недовольством низкими ставками наблюдалось в марте 1924 г. среди 21,8 тыс. рабочих, в апреле среди 13,8 тыс. рабочих, в мае количество недовольных на этой почве удвоилось⁶³.

На многих предприятиях прекращение работ то в одном, то в другом цехе, было явлением постоянным. Состояние хронического конфликта, например, было характерно для московского завода «Серп и молот», ГОМЗы, Дулевского фарфорового завода и многих других. Из-за низких зарплат наблюдалось такое явление как уход с госзаводов высококвалифицированных рабочих, что отрицательного сказывалось на выполнении производственных заданий. Так, 19 мая 1924 г. состоялась забастовка в котельном цехе Подольского паро-ремонтного завода. Причиной послужило снижение расценок от 15 до 30%. После разъяснений директора и завкома рабочие приступили к работе, так что остановка работы длилась всего 1 час. Однако 25 котельщиков (из 96-ти работавших в цехе) подали коллективное заявление об увольнении⁶⁴.

Недовольство низкими ставками носило затяжной и довольно острый характер, в первую очередь, среди текстильщиков, находившихся на одном из последних мест по уровню оплаты. Так, по московским трестам даже в начале 1924 г. они получали от 12 до 20 руб. плюс 15% приработка. Недовольства на этой почве периодически возникали на всех крупных предприятиях отрасли: на фабрике быв. Циндель, на фабрике имени 5-й годовщины Красной армии, на фабриках Орехово-зубовского треста, Кардолентного треста, Мострикоба и др. Причем, текстильщики всегда выражали поддержку своим бастующим товарищам. Особо тесные связи существовали между Прохоровской мануфактурой и фабрикой быв. Циндель, которые были среди лидеров по забастовкам. Так, крупные забастовки из-за низких тарифов прошли на этих фабриках в августе – сентябре 1923 г. Сначала бастовали на фабрике быв. Циндель. Началось все на общем собрании 27 августа, в котором участвовало 1400 человек. Оно прошло очень бурно. Сначала представитель профсоюза зачитал резолюцию ЦК текстильщиков. В ней указывалось, что из-за критического финансового положения фабрики и низкой покупательной способности крестьян, увеличить ставки невозможно. Затем начались бурные прения, в которых вы-

стушили 10 человек. В результате решили, начать забастовку. 28 августа рабочие собрались около фабрики и потребовали от завкома собрать собрание. Хотя разрешение на собрание было дано, но ни завком, ни комьячейка, ни заводоуправление на него не явились, поэтому рабочие избрали группу из 6 человек для ведения переговоров с советскими и хозяйственными органами. Тут же заводоуправление вывесило объявление о локауте. В итоге, ничего не добившись, рабочие после полутрехдневного простоя возобновили работу.

По этой же причине 11 сентября началась забастовка на Прохоровской мануфактуре. А 14 сентября на собрание к рабочим прибыли Калинин и Богуславский. После вступительного слова Калинина от имени рабочих выступил Лазарев. Он выставил следующие требования: 1) приравнять тарифную сетку текстильщиков к тарифам других союзов, 2) выдавать жалование в товарных рублях по курсу дня выдачи, 3) освободить арестованных рабочих, 4) уволить члена расчетно-кассового центра Алексеева за нетактичное обращение с рабочими, 5) никого не увольнять и не арестовывать после забастовки, 6) выдать деньги за время забастовки. В своем ответном выступлении Калинин остановился на каждом пункте требований. Первый пункт он предложил выкинуть, так как иначе в худшем положении окажутся другие рабочие, например, железнодорожники. Вместо этого он предложил рабочим, добиваться через профсоюз и Моссовет повышения зарплаты. Формально со вторым пунктом Калинин согласился, поставив условием укрепление рубля. По поводу арестованных он обещал принять меры к освобождению, если те не замешаны в антисоветских организациях, а также не преследовать забастовщиков. Убыток же от забастовки было предложено разделить между рабочими и фабрикой. В итоге рабочие остались довольны, и после собрания обступили коммунистов, спрашивая, будет ли в ближайшее время повышена зарплата. Забастовка на Прохоровской мануфактуре продолжалась 4 дня, в ней участвовало 7 тыс. человек⁶⁵. В это время на фабрике Циндель не только сочувствовали бастующим, но даже хотели присоединиться к забастовке, как только получат жалование. На фабрике также говорили, что если прохоровцы добьются увеличения жалования, то и они будут добиваться повышения, вплоть до забастовки⁶⁶.

Зачастую, вспышка недовольств инициировалась принятием нового колдоговора, закреплявшего величину оплаты на весь срок своего действия. О росте недовольства рабочих на этой почве свидетельствовали следующие цифры: за 4-й квартал 1924 г. из-за задержки зарплаты на предприятиях СССР прошло 7 забастовок, из-за повышения норм и расценок — 16, за два с половиной месяца 1925 г. соответственно 4 и 26⁶⁷.

С осени 1924 г. в промышленности была начата кампания по повышению производительности труда и внедрению передовых методов работы, вызвавшая повышение норм выработки и снижение расценок. Наиболее негативная реакция на эти нововведения была отмечена у текстильщиков, которые выступали против введения трех- и четырехсторонки (работы на 3–4 станках). Недовольство было связано с тем, что новые повышенные нормы не позволяли им выработать даже прожиточный минимум. К тому же рационализация работы приводила к сокращению «лишних» рабочих. Протест выражался в разных формах. Например, на текстильной фабрике «Рольма» (Ярославль) рабочие пускали станки вхолостую и когда их спрашивали, зачем они это делают, отвечали: «Поднимаем производительность». А на Ликинской фабрике Орехово-Зуевского треста было сорвано собрание, посвященное годовщине смерти Ленина, раздавались призывы к избиению докладчиков и фабкома⁶⁸. Отказываясь от работы по новой системе, рабочие заявляли, что фабричный режим в настоящее время хуже капиталистического, что на шею рабочих надет хомут. Таким образом, недовольство на экономической почве приобретало политическую окраску. Нарастание производства поставило для предприятий, работавших с наибольшей нагрузкой, и техническую проблему настоятельной необходимости обновления оборудования и паросиловых установок. К концу 1924 г. действие восстановительного эффекта закончилось. Промышленность уже не могла значительно расширять производство, используя дореволюционный основной капитал; а кампания по повышению производительности труда натолкнулась не только на сопротивление рабочих, но и на затруднения, связанные с устарелостью и изношенностью оборудования.

Конфликты с руководящим составом предприятий

Массовое недовольство рабочих было связано с поведением администрации и специалистов на предприятиях. Обобщая причины конфликтов между подчиненными и руководителями, их можно разделить на три группы: этические, материальные и профессиональные. Это деление очень условно, так как конфликтов, возникавших только по одному из этих направлений, почти не было. Первая группа – конфликты этического характера. Они возникали, главным образом, из-за грубого и заносчивого или, как говорили рабочие, гордого, отношения руководителей, по большей части директоров предприятий, к рабочим. Зачастую малограмотный и не сведущий в

производстве, но с партийным билетом в кармане, такой руководитель свысока смотрел на серую массу. Рабочие, нередко, называли их барами, а в печати и партийных документах такое поведение коммунистов получило определение — комчванство⁶⁹.

Партийное руководство прекрасно осознавало опасность отрыва руководящего слоя от трудящихся масс. Не случайно, именно комчванство Ленин назвал на II Всероссийском съезде политпросветов в октябре 1921 г. первым врагом партии⁷⁰. В подобных случаях ответственность за конфликт возлагалась на администрацию и профсоюз. При этом роль арбитра выполнял не хозяйственный орган, в чьем подчинении находилось предприятие и директор как административное лицо и не профсоюз, а партийные органы. Так, разбирая конфликт на 5-й парусиновой фабрике в Петрограде, райком РКП(б) Петроградского района пришел к выводу, что волынка произошла «благодаря нетактичному подходу к новым тарифным ставкам и не осведомления рабочих заведующего фабрикой». Было принято постановление, привлечь завфабрикой к партийному суду и просить губком обратить внимание на деятельность фракции союза швейников, дискредитирующую деятельность райкома⁷¹.

Рабочие выражали недовольство и грубостью милиции, которую администрация привлекала для проведения обысков на проходной. Причем, в ряде случаев эти инциденты доходили до суда. Так, в марте 1922 г. дело о грубости милиционеров разбиралось в нарсуде Наро-Фоминского уезда. Решение суда, оштрафовать обвиняемых на 500 руб., в свою очередь, вызвало недовольство в городской милиции, которая выполняла приказ начальства⁷².

Еще одним проявлением бюрократизации партии в начале 1920-х гг. явилась малочисленность коммунистов в производстве. По данным партийной переписи 1922 г. только 21% членов партии был занят физическим трудом в промышленности или в сельском хозяйстве, остальные 79% занимали чиновничьи должности. Примерно такое же соотношение приходилось на партийных и непартийных директоров предприятий. По данным, приведенным И.В.Сталиным на XII съезде РКП(б) весной 1923 г., только 29% директоров были коммунистами. На 1 января 1924 г. их насчитывалось 48%, а на 1 сентября 1929 г. уже 93% директоров были членами партии⁷³. Тем не менее, их поведение всегда находилось под особо пристальным вниманием рабочих, а в документах ГПУ, независимо от направленности информации, обязательно отмечалась партийность руководителей.

Резкая нехватка партийных кадров среди руководителей и специалистов возмещалась за счет привлечения в производство и управление старых спецов. Таким образом, в заводууправлениях оказались

бывшие владельцы предприятий, члены правлений и управляющие крупными предприятиями. Особенно много их было в легкой промышленности. Например, быв. директор Богородско-Глуховской мануфактуры стал председателем Серпуховского текстильного треста. А директором Богородского управления кожзаводов был назначен бывший владелец товарищества «Равкинд и К^о» и таких примеров можно привести немало. В ряде случаев занятие руководящих должностей было связано с заслугами перед новой властью в годы Гражданской войны⁷⁴. Возвращение на предприятия бывших владельцев рабочие воспринимали по-разному. Отношение к ним, во многом, зависело от того, как шли дела на предприятии. При этом было немало случаев, когда рабочие защищали бывших владельцев от увольнения. Так, например, на заводе «Металлотехник» в Москве рабочие протестовали против решения ревизионной комиссии треста о снятии с должности директора, бывшего владельца завода Иванова. «Рабочие находят в Иванове хорошего специалиста и с уходом его с завода опасаются, как бы не закрылся завод»⁷⁵, — сообщал в декабре 1924 г. уполномоченный ОГПУ Бауманского района. Однако, как только Иванов приобрел автомобиль за заводские деньги, стал раздаваться ропот недовольства.

На негативное восприятие бывших капиталистов рабочих нацеливала, прежде всего, активная пропагандистская кампания, проводившаяся агитаторами и печатью. Определенную роль играли также старые обиды. К тому же в связи с переходом к нэпу рабочие стали опасаться, что капиталисты снова возьмут власть в свои руки. Поэтому на ряде предприятий отмечалось недовольство тем, что капиталисты «заправляют» в правлениях трестов.

К группе конфликтов материального характера можно отнести проявления недовольств из-за значительного разрыва в материальном обеспечении администрации и рабочих. Негативный настрой особенно обострялся во время задержек зарплаты. Формировавшийся разрыв между руководителями и подчиненными был отражением в новых условиях того явления, которое в эпоху военного коммунизма называлось конфликтом между «верхами» и «низами». В период нэпа он только усилился. Привилегированное положение руководства выражалось в получении таньем, обеспечении их улучшенными пайками через спецраспределители, в предоставлении дополнительных отпусков.

Большое раздражение вызывал жилищный вопрос, остро стоявший на протяжении 1920-х гг. Не имея никакого жилья, рабочие ночевали на вокзалах, кочевали по знакомым. Число бездомных, нередко, превышало половину рабочих кадров предприятия. Даже

в докладах районных уполномоченных МПО ОГПУ за 1924 г. отмечалось, что в связи с плохими жилищными условиями рабочие приходят на работу измученными и по этой причине не участвуют в общественной работе. В то же время руководящие работники жили совершенно в других условиях, имея право даже на дополнительную площадь. Хорошо усвоив пропагандистские клише о приоритете рабочих в советском государстве и идеологию равенства, которая на низовом уровне воспринималась исключительно как имущественное равенство, рабочие относились к этим различиям, как к вопиющей несправедливости и ущемлению своих прав. Укоренение эгалитаризма в их сознании приводило, в том числе, и к недовольству лучшим положением техников, инженеров и других специалистов. Это недовольство проявлялось по самым разным поводам. Например, сильное недовольство среди рабочих наблюдалось в связи с кампанией 1924 г. по реализации жилищно-строительного займа. Таким путем предполагалось снизить остроту жилищного кризиса. По поводу займа велись такие разговоры: «что советское правительство втягивает рабочих, чтобы они из своего скудного заработка строили себе жилища, а спецам, которые были даже против Октябрьской революции предоставляется возможность, жить широко (с добавочной площадью) в готовых домах, не затрачивая на жилстроительство ни одной копейки из своего более высокого заработка; и что когда РКП бывает трудно, то прибегают за помощью к рабочим, а как улучшить материальное положение, то в первую очередь улучшается спецам»⁷⁶.

Однако эти представления не соответствовали действительному положению большинства спецов, уровень жизни которых существенно понизился после революции. Как раз в первой половине 1920-х годов в ходе развернувшейся кампании по борьбе со взяточничеством в судебные органы поступали многочисленные дела по фактам взяточничества среди специалистов. Они свидетельствовали о назревшей необходимости реального повышения оплаты их труда и отхода от принципа уравнительности. Приведем лишь два примера, характеризующих материальную сторону жизни высококвалифицированных инженеров до революции и в советское время. Так, Н.М.Путинцев, арестованный по делу Ленинградского военного порта, до революции получал в должности старшего инженера-строителя в Кронштадте около 500 рублей. Плюс к этому заработку он имел еще частную практику по составлению проектов, экспертиз и т.п. После революции его материальное положение катастрофически ухудшилось. До 1 ноября 1924 г. он, занимая должность начальника строительной части, получал всего лишь 70 руб. 50 коп. в

то время как ставка рабочего-строителя равнялась 2,73 в день или 56 руб. в месяц. При этом рабочий довольно часто получал дополнительно за сверхсрочную и сдельную работу. А инженеры стройчасти были вынуждены выполнять всю главную работу, составление смет, инженерные расчеты, дома, в основном по ночам и без дополнительной оплаты. При этом еще необходимо учитывать и разницу в расходах на одежду и культурные запросы.

Корабельный инженер С.В.Животов, арестованный также по делу ЛВП, указал в анкете, что до революции его доход составлял около 300 руб. «Хватало на жизнь с избытком. Жил с семьей в Гельсингфорсе, имел возможность держать квартиру из четырех комнат с полной обстановкой. Никаких посторонних доходов не имел⁷⁷». В 1917–1920 гг. он находился на Волжско-Камском фронте, кочевал вместе с семьей, жил за счет своего пайка и за счет того, что удавалось обменять в деревне. В 1921–1922 гг. получал мизерное жалование, работая в порту. Но главным средством существования в эти годы был паек, который Животов получал в качестве консультанта в Стройсвири и Судоподъеме. Когда же началась кампания по борьбе со взяточничеством и было запрещено совместительство, у него остался единственный источник дохода – работа в порту. В 1924 г. его жалование увеличилось до 110 руб., причем, «в начале 1924 г. получал жалование совзнаками и не по курсу дня». При этом семья Животова насчитывала 5 человек, да еще в Одессе жили старые родители. Его отец, не смотря на возраст, работал на железной дороге, получая всего 40 руб., а к 70 годам его уволили, назначив пенсию в 12 руб. 50 коп. «Как будет жить дальше, не знаю», – завершал свой ответ о материальном положении на момент ареста Животов. Примечательно, что С.А.Мессинг, комментируя в личном письме Дзержинскому эти данные и, в частности, о повышении зарплаты в 1924 г., привел известный ему факт, когда повышение зарплаты, наоборот, могло ухудшить материальное положение: «В Севзаплесе есть крупный спец, наш осведомитель, который отказался от оклада в 200 руб., а получает 189 руб., так как это ему выгоднее. Оклад в 200 руб. требует большого отчисления налогов, квартплаты и т.п.»⁷⁸

Причиной недовольств могли послужить и нарушения администрацией законодательства: прием на работу без направления биржи труда, прием ближайших родственников. Рабочие остро реагировали и на проявления протекционизма по национальному признаку, когда директор, еврей, армянин или латыш, отбирал на руководящие должности людей той же национальности. В то же время, если руководитель предприятия пользовался авторитетом у

рабочих, для них не имело значения беспартийный он или коммунист, а его замена вызывала недовольство, которое могло вылиться в остановку работы.

Угрожая прекращением работы, рабочие категорически возражали против перевода на их предприятия работников с плохой репутацией. Так, в Пресненский трамвайный парк должны были перевести мастера, уволенного за халатность и не пользовавшегося авторитетом среди рабочих. К тому же в газете «Рабочая Москва» о нем была напечатана критическая заметка. Поэтому, когда о готовящемся переводе стало известно в Пресненском парке, рабочие пригрозили забастовкой, если к их мнению не прислушаются⁷⁹. А на заводе им. Ильича (быв. Михельсон) недовольство было вызвано тем, что директор принял на работу «спеца по коммерческой части», которого на прежней работе за грубость вывезли на тачке⁸⁰. Также активно рабочие отстаивали своих товарищей, если считали их увольнение несправедливым. К авторитету рабочей общественности прибегали и заводские служащие. Например, технический персонал Кабельно-прокатного завода быв. Алексеева-Шамшина выступил против увольнения одного из механиков. Свой конфликт с заводоуправлением техники вынесли на делегатское собрание рабочих, на котором заводоуправление разъяснило свои действия, и конфликт был улажен⁸¹. А на заводе минеральных вод быв. Калинкина к рабочим за помощью обратилась кассир. Ее должны были уволить как родственницу директора в соответствии с декретом, запрещавшим совместную службу родственников. Рассчитывая на особый социальный статус рабочих, она составила к ним обращение с просьбой, оставить на заводе, и собрала 50 подписей под ним. Затем рабочие, поддержавшие просьбу, потребовали созыва общего собрания, но профсоюз им отказал. Тогда они обратились в завком. И даже после разъяснений завкома о незаконности оставления кассира на заводе, рабочие остались недовольны⁸².

Протесты против принятия на работу новых людей имели и политический аспект. Немалое количество рабочих в 1918–1920-е гг. были уволены за «политику», в том числе и в результате локаутов. Часть из них через определенное время возвращались на свои заводы, многие устраивались и на другие предприятия. Большое значение при приеме имела позиция партячеек. Однако и беспартийные рабочие далеко не всегда приветствовали такое пополнение своих рядов. На некоторых предприятиях высказывались недовольства, если заводоуправление принимало на работу тех, кто ранее увольнялся за антисоветские выступления на собраниях. Однако подобные настроения могли противоречить политической направленности последующих

действий на предприятии. Например, на кондитерской фабрике быв. Абрикосова в начале марта 1922 г. было зафиксировано недовольство по этой причине⁸³. Однако вскоре на фабрике состоялась забастовка из-за снятия иконы, которая там находилась еще с дореволюционных времен. Дело в том, что иконы различных святых висели в производственных помещениях всех фабрик и заводов, в зависимости от того, покровителями каких ремесел они считались. А во время проведения кампании по изъятию церковных ценностей произошло массовое изъятие, в том числе, и заводских икон. Причем, оно проходило в большинстве случаев без серьезных конфликтов с рабочими. И только на фабрике быв. Абрикосова, как отмечалось ГПУ, прошла единственная забастовка, связанная с проведением кампании⁸⁴. Она расценивалась как политическая, а значит, антисоветская. В итоге рабочие добились, что икона осталась на фабрике.

Таким образом, в первом случае рабочие выступили как сторонники политики советской власти, а во втором – как противники. В действительности, истину следует искать где-то посередине. Прежде всего, ни первый, ни второй факты не являются безусловным свидетельством наличия выраженной политической позиции рабочих. Вполне возможно, что в данном случае негативное отношение к принимаемому на фабрику быв. Абрикосова сложилось под влиянием нескольких причин. Среди них могли быть и личная неприязнь, и опасение конкуренции с более квалифицированным работником, и стремление застраховаться от грядущих сокращений, продемонстрировав «просоветскую» позицию, и другие причины. При этом истинные мотивы маскировались под принятые в те годы политические клише. Как показывают исследования последних лет, население очень быстро усвоило и пользовалось в своих целях политической риторикой власти⁸⁵. В пользу этой версии говорит также существовавшая практика приема рабочих, при которой нежелательные элементы сразу же отсекались комьячейкой, и рабочему коллективу уже не о чем было спорить. Что же касается прорелигиозной забастовки, то здесь вполне вероятно недоработка фабричной администрации, которая, скорее всего, не учла настроения рабочих. Возможно, забастовок на этой почве могло быть больше, если бы не осторожное поведение конкретных руководителей. Так, в информсводке о политическом и хозяйственном состоянии г. Москвы и губернии за 13 января 1923 г. сообщалось о таком случае: «В Сокольническом районе. На фабрике тонких сукон быв. Гинзбурга во всех отделениях до сих пор имеются иконы. Директором фабрики (коммунист) попыток к снятию икон не делалось. Рабочие фабрики настроены религиозно. Рабочих 147 человек»⁸⁶.

К третьей группе можно отнести конфликты на почве непрофессионализма руководителей и их действий по производственным вопросам. Сюда относятся недовольства, связанные с некомпетентностью руководства, проявлением бесхозяйственности. Рабочие также ставили им в вину неэффективную организацию производства, приводившую к убыточности, а, нередко, и к закрытию предприятия. Так, например, только один завод «Красный луч» Селикаттреста (Псковская губ.) за весенние месяцы 1922 г. понес убыток в 60 млрд руб.⁸⁷

Немало конфликтов возникало из-за усиления трудовой дисциплины, введения без согласования с профсоюзом повышенных норм выработки, предпринимавшихся рядом директоров. Так, на мельнице № 1 в Сокольниках рабочие выражали недовольство слишком суровым режимом, введенным директором. По его распоряжению малейшие проступки карались штрафами и выговорами. При этом особое недовольство рабочих вызывалось тем, что информация о наказаниях вывешивалась не только на территории мельницы, но и снаружи. И каждый прохожий мог читать фамилии нарушителей⁸⁸. В подобных случаях рабочие, как правило, выражали свой гнев старым способом, применявшимся еще в дореволюционное время, – вывозили директора на тачке за пределы завода. Однако, чаще всего они ограничивались угрозами. Например, на Государственном красильном заводе Фарбверке из-за строгостей, введенных директором Муриным (быв. членом РКП), рабочие пригрозили вывезти его на тачке. Такое же настроение весной 1923 г. отмечалось и на ткацко-отделочной фабрике быв. Бутикова из-за грубого обращения красного директора с рабочими⁸⁹. Применялся и другой способ укрощения начальников-грубиянов, с помощью общественности. Рабочие обращались в завком с требованием, сместить директора, созывали общезаводские собрания.

В случаях самовольного повышения заводоуправлением норм на стороне протестующих, как правило, выступали местные органы профсоюзов, так как установка норм выработки находилась исключительно в их компетенции. В такой ситуации расценочно-конфликтная комиссия отменяла распоряжение директора⁹⁰. Однако, довольно часто профорганы не поддерживали требований рабочих. В связи с этим рабочие высказывали недовольства и говорили, что профсоюзы не защищают их интересы. В свою очередь и профработников низового звена зачастую неодобрительно отзывались о деятельности ВЦСПС. Нередко, их разногласия выплескивались на съездах профсоюзов. Вот что, например, сообщало ГПУ о съезде профсоюзов Череповецкой губ. (июнь 1922 г.): «Состоялся губер-

ский съезд профсоюзов, который прошел при ненормальных условиях, замечено болезненное течение среди коммунистов-профессионалистов. В прениях последние нападали на президиум губпрофсовета за проведение последним постановления ВЦИКа и ВЦСПС, что было очень на руку беспартийным. Под давлением губкома в порядке партийной дисциплины указанная группа голосовала за резолюцию бюро фракции, но огласила декларацию, что подчиняется насилию⁹¹. В Белозерске по этой же причине чуть не сорвалась конференция профсоюза работников водного транспорта, но фракция РКП не допустила этого.

Отношение к коммунистам

Недовольство властью рабочие зачастую переносили на рядовых коммунистов, а администрация в отношениях с рабочими проводила тактику обмана и обещаний, тянувшихся из месяца в месяц. О том, как в реальной жизни происходила выдача долгожданной зарплаты, правдиво показано в одном из газетных очерков: «Кое-где зашумели машины. Остальные молчат. Сидят работницы и не начинают работу. Не хотят работать — нет полочки. «В чем дело, товарищи? Будет полочка». «Врете вы все, врете». Коммунистов удалось убедить. Начали работать. Но не надолго. Снова шум, гам. «Кончай работу!» — несется по мастерской. Все больше и больше волнуются работницы. «Кончай работу!» — несется сзади и докатывается до дверей. «Если денег не будет — мы вас растерзаем!» — кричат коммунисткам. — «Кончай работу!» Работа всюду прекращается. Приходит управляющий и спокойно говорит, что деньги сегодня будут. «Врешь, вы всегда и все врете, — кричат ему со всех сторон. — Подавай завещующего». Коммунистки говорят, что он за деньгами поехал. «Врете, он по двору пошел. Растерзаем, в Москву-реку бросим!» — кричат работницы. Только после нескольких часов скандала и когда половина работающих покинула мастерские, была выдана часть денег за давние времена, потому что не платят уже давно»⁹².

Однако настроение рабочих быстро менялось. Достаточно было выплатить хотя бы часть многомесячной задолженности по зарплате или выдать подарки к юбилею Октября, чтобы восстановить положительное отношение к власти. «Отношение рабочих зависит всецело от материального и продовольственного положения и пока рабочие снабжаются удовлетворительно, отношение их более или менее хорошее... Отношение рабочих недружелюбное благодаря тому, что многие рабочие видят, что партийные более или менее

ответственные работники живут в более или менее лучших условиях, чем они. Рабочие винят в своем положении коммунистов, чем и создают атмосферу невозможности работать среди таких для рядовых членов РКП ... Рабочие в новой экономической политике видят провал и отход от коммунистической линии и говорят, что мы идем к старому», — сообщалось руководству ГПУ⁹³.

Еще весной 1921 г. во многом под влиянием психологического удара, нанесенного Кронштадскими событиями, было принято постановление ЦК РКП(б) о регистрации всех коммунистов, совершивших преступление или арестовывавшихся. О том, в каком направлении предполагалось вести эту работу в ВЧК, свидетельствует записка Дзержинского начальнику юридического отдела Филлеру от 24 марта 1921 г. В ней, в частности, говорилось: «Необходимо у нас не только централизовать эти сведения, но и изучать и делать выводы и вносить в ЦК предложения. Подумайте об этом — выработайте проект для внесения в ЦК на утверждение. Кронштадские события показали, какая измена гнездится у нас же в партии. Это дело серьезное и надо над этим подумать и принять меры»⁹⁴. Вскоре негласное наблюдение было установлено и над коммунистами, исключенными по разным причинам, в том числе и во время партийных чисток, и выбывшими из членов партии. Информация об их поведении периодически докладывалась по запросам партийных органов. Так, один из таких запросов поступил в МГО ГПУ 28 июля 1922 г. из Московского комитета партии (№ 8016). В ответ на него был составлен список на 21 бывшего коммуниста, в котором содержались биографические данные, место жительства и работы и компрометирующие факты. Рассмотрим информацию списка с точки зрения характера тех поступков, которые ставились в вину объектам наблюдения. Прежде всего, отмечалось отрицательное отношение к кампаниям по изъятию церковных ценностей и помощи голодающим, к процессу над правыми эсерами, отрицательное отношение к нэпу и связи с меньшевиками и эсерами. Например, в списке приведена подробная характеристика на рабочего Мастерской противозавозов — секретаря завкома Е.Н.Алексеева, который вступил в РКП(б) в 1921 г., а через два месяца вышел. В беседе с одним из товарищей, по всей видимости с информатором ГПУ, о процессе над правыми эсерами он говорил, что партию эсеров в целом не считает виновной, а если что-то и сделано, то ее отдельными членами, которые и должны ответить за себя. Со слов Алексеева также сообщалось, что большинство членов эсеровского ЦК он знал лично, в том числе А.Р.Гюца с 1903 г. Однако, несмотря на личные связи с видными эсерами, в списке было указано, что Алексеев — меньшевистских взгля-

дов, ведет себя очень тонко, на собраниях осторожен, ведет беседы с сотрудниками и пользуется у них популярностью.

Примечательно, что в список попали сразу трое рабочих завода «Мотор». Один из них – рабочий Г.Ф.Эрист работал на заводе с 1914 г. Вступив в партию в 1917 г., он выбыл затем из-за неуплаты членских взносов и невыполнения партийных поручений. В вину ему ставилась поддержка председателя завкома завода, как сообщалось, меньшевика. Последний якобы использовал Эриста для проведения агитации среди рабочих; также сообщалось, что «при всякой ошибке, допущенной членами РКП(б), старается раздуть и доказать, что вся партия ни к черту не годится»⁹⁵. Слесарь Ф.С.Котов работал на «Моторе» с 1920 г. Будучи коммунистом он воевал военкомом на Южном фронте, а затем по неизвестным причинам вышел из партии. На заводском собрании, на котором была отклонена резолюция комъячейки по процессу правых эсеров, Котов выступал против ее принятия. Третий представитель завода «Мотор», работавший на нем с 1915 г., попал в «черный» список совсем по другим причинам. Он был «выброшен из партии» за пьянство и кражу лампочек. А затем в мае 1922 г. был уволен за кражу и отдан под суд. При этом, как отмечалось, – хороший оратор на собраниях и горлопан.

Однако характеристика прегрешений большинства лиц, включенных в данный список, содержала не конкретные факты, а оценки, за которыми, скорее всего, скрывались пристрастность или случайно оброненное слово: «старается подорвать линию РКП», «ведет антисоветскую агитацию среди рабочей массы», «во время выступления коммунистов старался будировать массу криками: «Долой!» и т.п.»⁹⁶ Единственным в списке, кто получил положительную характеристику, являлся председатель Химосновы Н.Ф.Карцев. О нем было написано, что он всюду проводит коммунистическую линию, несмотря на то, что не является членом партии по неизвестной причине. Таким образом, собрания рабочих, являвшиеся важной частью трудового процесса, поведение рабочих, их разговоры и публичные выступления любого характера, прежде всего критического, находились под постоянным наблюдением. В своем подавляющем большинстве рабочие, по различным причинам оказавшиеся вне партии, не были ее идейными врагами, но, попав однажды по формальным признакам в поле зрения ГПУ, они уже не могли отделаться от его контроля.

Активность рабочих на общих собраниях, в том числе и в связи с колдоговорами, оценивалась весьма негативно не только органами ГПУ, но и администрацией предприятия и партячейкой, т.к. могла привести к принятию нежелательных поправок в проекте колдоговора или к конфликту вплоть до забастовки. От таких рабочих избав-

лялись в первую очередь в ходе кампаний по сокращению штатов. Отстаивание своих требований в колдоговорах также приводили к конфликтам с администрацией и профсоюзами. Не редкостью были протесты рабочих и в связи с затягиванием заключения новых договоров. Только за 1923/24 г. при их заключении было зафиксировано 1973 конфликта, 83,2% которых были связаны с зарплатой. В последующие годы рост конфликтов на почве колдоговоров только возрастал, увеличившись к 1926 г. в 3 раза⁹⁷.

Дальнейшее развитие забастовочной борьбы, в том числе и под влиянием новых партийных группировок не могли не беспокоить большевистское руководство. К тому же ряды бывших коммунистов продолжали увеличиваться. Реагируя на эти угрозы, 8 мая 1923 г. ЦК был утвержден секретный циркуляр губкомам и обкомам партии «Об отношении к исключенным и добровольно вышедшим из партии» за подписью секретаря ЦК В.М.Молотова. В его преамбуле говорилось, что в ЦК имеются материалы о группах из бывших членов партии, проявляющих враждебность к партии и советской власти. «Нередко сохраняют старые связи, выдвигают «левые» лозунги и т.п., прямо или косвенно борются против политики РКП, блокируются с меньшевиками и эсерами и являются в большинстве случаев зачинщиками и организаторами разных вольночек на фабриках и заводах»⁹⁸, — констатировалось в циркуляре. Местным парторганам предписывалось внимательно следить за их выступлениями, разоблачать и дискредитировать их в глазах рабочих масс.

Одновременно были предприняты новые гонения против единственной существовавшей антибольшевистской партии, которая еще имела нелегальные региональные организации и сохранила кое-где связи с рабочими. В отличие от эсеров, которые после процесса над правыми эсерами стали публично открещиваться от своей партии и вступать в РКП(б), меньшевики в это время еще входили в завкомы и на некоторых предприятиях, преимущественно полиграфической промышленности, существовали их партийные ячейки. Еще в 1919 г. было принято решение об удалении членов меньшевистской партии из аппарата управления. В ответ в ЦК РКП(б) было направлено коллективное письмо ответственных работников-членов РСДРП с протестом против недоверия к ним. Письмо было подписано, в том числе, и видным экономистом С.Г.Струмилиным. Массовые аресты среди членов обеих партий были санкционированы и в связи с Кронштадскими событиями. Они проводились в соответствии с «совершенно секретным приказом» ВЧК № 52 от 28 февраля 1921 г. Приказом предлагалось «изъять активных эсеров, меньшевиков и анархистов, работающих на заводах и призывающих к забастовкам,

выступлениям и демонстрациям»⁹⁹. При этом в отношении рабочих предписывалось принимать репрессивные меры только при наличии конкретных данных. Массовые аресты проводились и в январе 1922 г. В результате 44 меньшевика оказались в Бутырской тюрьме, а по московским предприятиям были разбросаны воззвания ЦК и МК РСДРП с призывом требовать их освобождения.

Новое наступление на партию меньшевиков, предпринятое в середине 1923 г., было связано также с поддержкой последними оппозиционных группировок внутри большевистской партии, группы Г.И.Мясникова и «Рабочей Правды». В специальных материалах для агитаторов предписывалось характеризовать меньшевиков в устной и печатной пропаганде как «ничтожную группу интеллигентствующих политиканов», совершенно оторванных от рабочего класса» и как «партию прямой капиталистической реставрации». Секретным циркуляром ЦК «о мерах борьбы с меньшевиками» от 4 июня 1923 г. указывалось на необходимость срочного удаления меньшевиков не только из всех органов управления, но, в первую очередь, из трестов, охватывавших крупные предприятия, профсоюзов, страховых органов и потребительской кооперации. В качестве характерных моментов внутренней политики РСДРП отмечалось стремление превратить профсоюзы в организацию борьбы рабочих с советской властью и госпромышленностью, провоцирование рабочих на предъявление неисполнимых требований, натравливание их на администрацию и комъячейки. В связи с этим парткомам предписывалось обратить особое внимание на состав комъячеек фабрик, заводов и на транспорте. Специальным пунктом инструкции в очередной раз обращалось внимание на обязанность членов партии под угрозой строжайшей партийной ответственности сотрудничать с органами ГПУ¹⁰⁰.

Таким образом, именно в этот период начала формироваться практика, ставшая нормой в последующие десятилетия: когда одновременно с увольнением с работы коммуниста исключали из партии и наоборот¹⁰¹. Это было средством борьбы за единство партийных рядов и авторитет в массах. В тоже время страх расстаться с партбилетом и тем самым потерять свой особый социальный статус, а вместе с ним и различные привилегии, являлся мощным трудовым стимулом для многих коммунистов в различных эшелонах власти и управления. Героизированное воплощение этой дилеммы — сдать объект, построить плотину, засеять и убрать урожай и т.п. в немыслимые сроки, без техники, без необходимого количества людей или «положить партбилет на стол» — неоднократно и убедительно показано в советском кинематографе, служившем эффективным орудием идеологической обработки населения. При этом «за кадром» под грифом «совершенно

секретно» оставался другой вариант поведения коммунистов, как правило, исполнителей, занимавших скромные должности, которые в борьбе между партийным долгом и собственной совестью не видели для себя иного выхода из подобных ситуаций, кроме смерти. Так, самоубийствами местных партработников сопровождалось проведение хлебозаготовок и коллективизации¹⁰².

Некоторая часть конфликтов была связана с изменением традиционного для рабочих уклада жизни. Как и в дореволюционное время, они отмечали религиозные праздники Пасху, Рождество и др. и не работали в эти дни целыми цехами. В большинстве случаев невыход в эти дни подлежал отработке. Однако, на некоторых предприятиях администрация не соглашалась останавливать производство, что приводило к конфликтам с рабочими. Как правило, накануне религиозных праздников на заводах, несмотря на проведение официальной антицерковной кампании, как и в предшествующие годы, выдавались авансы и праздничные продукты. Нарушение такого порядка также влекло за собой негативную реакцию рабочих. В ряде случаев в основе конфликта с администрацией могло быть и нежелание отмечать новый год по новому стилю.

Недовольство части рабочих, носившее политический характер, было связано с проводившейся в 1922 г. кампанией по изъятию церковных ценностей. Хотя по сообщениям ГПУ рабочие в целом относились к этой кампании безразлично, но на ряде предприятий были протесты вплоть до объявления забастовок в связи с изъятием икон, находившихся в цехах.

Механизмы ликвидации трудовых конфликтов

Главная роль в разрешении конфликтных ситуаций, роль посредника между рабочими и государством была возложена на профсоюзы. Они должны были в условиях нэпа заслонить собой большевистскую власть от критики и взрывов отчаяния трудящихся. Нарастание забастовочной борьбы, в первую очередь, в госсекторе промышленности, заставляло профсоюзы задумываться о стратегии поведения в этих условиях. Не отрицая значения убеждения и воспитания, они как участники госмеханизма, не могли отказаться от методов нажима и принуждения.

Впервые задачи профсоюзов в связи с забастовочной борьбой были обсуждены на 5 Всероссийском съезде металлистов в марте 1922 г. Выступая на съезде, председатель ЦК союза Лепсе заявил,

что надо вести работу так, «чтобы стачек на госпредприятиях не было... Это можно достигнуть только, если поближе подойдем к массам, будем учитывать их повседневные нужды и сумеем принять все меры, чтобы этого не было»¹⁰³. Он также говорил о принципиальной разнице между стачкой на частном предприятии и на государственном. Если первая является проявлением классовой борьбы, то на госпредприятии профсоюз ведет борьбу против ставленника госвласти, который своими действиями вызвал конфликт с рабочими. Таким образом наряду с борьбой рабочего класса в целом была провозглашена возможность и необходимость экономической борьбы отдельных групп рабочих. В этом же направлении отношение профсоюзов к стачечной борьбе было зафиксировано чуть позже в резолюции XI съезда партии «Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики».

В реальной жизни, как показывают данные ГПУ, подавляющее большинство забастовок проходили, во-первых, на госпредприятиях и, во-вторых, без согласия профсоюзов. Так, например, все забастовки, объявленные в госсекторе СССР в январе 1924 г., прошли без поддержки профсоюзов. Среди них 22 были объявлены из-за задержки зарплаты и 6 — из-за низких ставок. В то же время под руководством профсоюза прошли двухнедельные забастовки на концессионном лесозаводе в Архангельской губ. и на сданном в аренду Чудновском цементном заводе. В первом случае причиной забастовки было недовольство низкими ставками, а во втором — задержка зарплаты¹⁰⁴.

В ходе забастовок параллельно с переговорным процессом всегда шло выявление зачинщиков, инициаторов, которые, как правило, арестовывались органами ГПУ. На них навешивались политические ярлыки антисоветских, находящихся под влиянием меньшевиков или эсеров элементов. Тем самым конфликтам исключительно социально-трудового характера придавалась политическая окраска. Так, в течение октября 1922 г. продолжались забастовки среди московских печатников и почтово-телеграфных служащих. В качестве побудительной причины столь массовых и длительных протестов указывалось на влияние антисоветских элементов¹⁰⁵. При этом аргументом в пользу такой точки зрения ГПУ служил всего лишь тот факт, что на общем собрании почтово-телеграфных служащих за резолюцию коммунистов голосовало только несколько человек из тысячи.

Проявляя солидарность, рабочие в ряде случаев пытались освободить своих арестованных товарищей. Одним из многочисленных примеров подобной ситуации явилась забастовка в октябре 1923 г. горнорабочих Парамоновского рудника в Донбассе. Объединившись с рабочими других рудников, по которым также

прокатилась волна забастовок экономического характера (из-за несвоевременной выдачи зарплаты, выдачи облигаций золотого займа, высоких цен в кооперативах и по ряду других причин), они двинулись 2 ноября 1923 г. в г. Шахты. Там пятитысячная толпа рабочих потребовала освобождения арестованного зачинщика забастовки, как указано в сообщении ГПУ, быв. члена РКП. Напуганные власти привлекли для дополнительной охраны места заключения ЧОН и милицию¹⁰⁶. В ряде случаев местные власти пытались остановить забастовки, угрожая применить оружие. Так, осенью 1923 г. в связи с забастовкой трех тысяч рабочих рудника «Мировая коммуна» Донской обл., требовавших всего на всего полностью выплатить жалование, предрайкома выступил с угрозой выставить против бастующих пулемет. Такое заявление еще больше озлобило рабочих¹⁰⁷.

Развитие конфликтных ситуаций проходило далеко не всегда только путем переговоров. Распространенным способом ликвидации забастовок в начале 1920-х гг. являлось объявление локаута, хотя это слово по идеологическим причинам, чтобы не давать повода к аналогиям с действиями капиталистов, не употреблялось ни в документах этого периода, ни в советской историографии. Однако в дореволюционных работах Ленина и других деятелей социал-демократии тема локаутов звучала неоднократно, прежде всего, в связи с тактикой партии в стачечном движении в периоды революционного подъема. Впервые значение локаутов как катализаторов рабочего движения было признано на Краковском совещании ЦК РСДРП с партийными работниками в конце 1912 – начале 1913 г. Большевики рассматривали их как неизбежное явление капиталистического общества, которое порождается стачечной борьбой рабочих и, в свою очередь, обостряет ее. И только благодаря отпору рабочих нажиму капиталистов им удастся отстоять сколько-нибудь сносный уровень жизни. Анализируя марксистскую тактику рабочего движения, Ленин писал о необходимости умелого соединения наступательных и оборонительных действий масс, которые вместе приведут к обострению классового конфликта. Обращаясь к российской специфике стачечной борьбы, он отмечал, что в отличие от Европы в России отсутствует такой важное условие забастовочной борьбы как политическая свобода. При этом в статье «О формах рабочего движения (Локаут и марксистская тактика)», опубликованной в апреле 1914 г. в легальной печати, он особо акцентировал роль профсоюзов, которые, привлекая все большие массы к организованной борьбе, делают отпор рабочих более планомерным и систематическим¹⁰⁸. Деятели профсоюз-

ного движения также анализировали тактику ответных действий на локауты¹⁰⁹.

Словесной маскировкой локаута в период нэпа стал эвфемизм перерегистрация. Однако изменения коснулись не только самого названия. Став во главе нового государства, большевики перестали признавать за рабочими право на отстаивание своих экономических интересов путем забастовок. Резко изменилась и позиция профсоюзов, которые из многопартийной общественной организации превратились в часть государственной машины. В их лице рабочие потеряли организующее начало и возможность консолидировано отстаивать свои интересы. А оппозиционные политические партии уже не имели организационных возможностей, доживая свои последние дни. Видимо, поэтому забастовки стали носить локальный характер, так как, несмотря на общность целей, не стало механизма организации рабочей солидарности. В связи с этим изменились и масштабы локаутов. Например, в марте 1914 г., в Петербурге под руководством РКП(б) прошли многочисленные стачки протеста в связи с массовым отравлением работниц фабрики «Треугольник». В ответ владельцы фабрик и заводов объявили локаут и за один день были уволены 70 тыс. человек. Считая, что в условиях локаута объявлять массовую политическую стачку нецелесообразно, «Правда» призвала рабочих к другим формам борьбы – к массовым митингам и демонстрациям. В результате 4 апреля 1914 г. прошла массовая демонстрация, приуроченная ко второй годовщине Ленского расстрела.

Локауты по-советски не достигали и не могли достичь столь крупных масштабов, так как забастовки проходили на отдельных предприятиях. У рабочих не было объединяющих организаций, таких как дореволюционные профсоюзы или противостоящие режиму партии, которые бы возглавили и скоординировали акции протеста. А механизм локаута-перерегистрации остался прежним. Во время перерегистрации все рабочие объявлялись уволенными, а специальная комиссия с участием сотрудников ГПУ производила набор заново, отсеивая «неблагонадежных». При этом увольнялись не только организаторы и активные участники забастовок, но и те из рабочих, кто выступал на собраниях с критикой организации производства или высказывал претензии к работе заводоуправления. Любое высказывание рассматривалось исключительно в политическом аспекте. А голосование против резолюций комъячейки на общих собраниях воспринималось властью как наиболее очевидный показатель антисоветской настроенности рабочих в целом. Хотя в действительности за подобными фактами зачастую стояли не по-

литические взгляды, а протест против тяжелого материального положения.

В 1921–1923 гг. локауты применялись довольно часто. Решения об увольнении забастовщиков в первое время принимали комьячейки, а затем, все чаще, низовые органы отраслевого профсоюза — фабзавкомы, а тресты и губотделы соответствующего профсоюза его утверждали. Иногда было достаточно пригрозить локаутом, чтобы рабочие возобновили работу. Таким образом, например, была прекращена забастовка на суконной фабрике быв. Каштанова Серпуховского района. Она началась 8 февраля 1922 г. и рабочие упорно отстаивали свои требования. Однако, когда было принято постановление об увольнениях, то рабочие, не дожидаясь его исполнения, возобновили 13 февраля работу¹¹⁰. Такое поведение было вполне закономерно. Рабочие боялись потерять работу в условиях безработицы, быть высланными, оказаться под контролем ГПУ и в «черных списках». В качестве наказания за участие в забастовке мог последовать также перевод на нижеоплачиваемую должность и потеря в зарплате. К тому же немалая их часть вовлекалась в трудовые конфликты помимо своей воли, не имея возможности идти против течения. И оказавшись перед угрозой наказания, они не только охотно возвращались к работе, но и выражали недовольство забастовщиками. Такие настроения рабочих не только фиксировались информаторами ГПУ, но и находили отражение в печати. В частности, довольно точное представление о разговорах на эту тему дает одна из зарисовок заводской жизни, опубликованная в «Петроградской правде»: «Наделали мы себе канители; вот идет перерегистрация; работал несколько лет, а теперь изволь идти, куда тебя назначат. Но это все еще ничего, а вдруг в шахты отправят, в такую даль очень бы не хотелось. Работали бы без вольнок, так этого и не случилось, не слушали провокаторов, то и работали бы на месте. А то они накричали, а мы должны за них страдать из-за своей неосторожности»¹¹¹. Конечно, эта публикация появилась не случайно и служила одним из средств антизабастовочной пропаганды.

При этом определенная часть рабочих, как показывают источники, все же не испытывала деморализации после увольнений на своем предприятии и даже пыталась повлиять на судьбу уволенных. Формой их действий являлось обращение в вышестоящие профсоюзные органы за разъяснением причин увольнения. Маловероятно, чтобы рабочие не понимали, за что увольняют их товарищей, но таким образом соблюдался определенный ритуал демонстрации законности. Распространенным способом самозащиты рабочих,

в том числе, и в связи с увольнениями, было также их обращение к председателю ВЦИК М.И.Калинину. Это был единственный член правительства, к которому неизменно апеллировали в конфликтных ситуациях и соглашались с его решениями. В качестве примера приведем действия рабочих мастерских депо станции Москва Киево-Воронежской железной дороги. В депо наблюдались «повышенные настроения» из-за увольнения 10 рабочих, как отмечалось в сводке МГО ГПУ, «будурующего элемента». В этой связи 16 ноября 1922 г. состоялось общее собрание в депо, на котором был пущен подписной лист, адресованный учкпрофсожу. В листе, под которым подписались 40 чел., рабочие требовали разъяснить причины увольнения своих товарищей. Затем, по всей видимости, последовал ответ, не удовлетворивший рабочих. Поэтому 18 ноября они решили, направить делегацию к Калинину с жалобой на свою администрацию, дор- и учкпрофсож, допустивших незаконные, по мнению рабочих, увольнения¹¹².

Очень большое значение придавалось также участию рабочих в санкционированных сверху митингах и демонстрациях протеста, которые проводились по самым разным поводам. Особенно подробно ГПУ сообщало об участии рабочих в демонстрациях 1 мая и 7 ноября и на этой основе делались выводы об отношении к компартии и советской власти.

Осенью 1922 г. в рамках кампании по борьбе со взяточничеством активизировалась работа по пересмотру кадрового состава учреждений и чистке госаппарата. Механизм этой работы был определен в секретной инструкции, утвержденной 24 ноября СТО¹¹³. В ней впервые было узаконено составление «черных списков». Попавший в такой секретный список, уже не мог быть принят на работу в госсекторе. Таким образом, был создан удобный инструмент для чистки аппарата не только от тех лиц, против которых не было достаточных оснований для возбуждения гласного расследования, но и нежелательных элементов с точки зрения социальной или политической принадлежности.

Освобождение от неугодных элементов происходило и в ходе проведения сокращения штатов. Процедура сокращения являлась своеобразной лотереей для всех рабочих и служащих, создавая нервную обстановку, не способствовавшую производительному труду. При этом сокращали не только по политическим причинам, но и лиц, подозреваемых во взяточничестве и хозяйственных преступлениях. Зачастую оно приводило не к официально декларируемому результату — уменьшению численности рабочих и служащих, а служило удобным инструментом для сведения личных счетов,

протекционизма и кумовства. Реальная атмосфера проведения сокращения штатов хорошо передана в одной из информсводок «о политическом и хозяйственном положении г. Москвы»:

«В Сокольническом районе. На телефонной станции наблюдается недовольство работников администрацией на почве производимой переброски работников из одного отдела в другой, а также приеме взамен сокращенных новых работников. Причем, темой для разговоров антисоветского содержания служит следующий факт: за последнее время в Управление делами на должность старшего делопроизводителя была принята хорошо знакомая политкомиссара сети. Эта личность (персонально известная) является членом РКП, но ведет себя весьма подозрительно. На службу является в бриллиантах, золоте, шикарной одежде, причем, ежедневно рассказывает сотрудникам о том, как она проводила и проводит время с ответственными работниками-коммунистами. По ее словам, у нее огромное знакомство, вплоть до Совнаркома. Администрация, пользуясь этим фактом, своей тактикой усиливает недоброжелательное отношение к коммунистам.

Среди работников Округа связи настроение подавленное в связи с работой Чрезвычайной комиссии по борьбе со взяточничеством, в результате коей происходит сокращение по службе...»¹¹⁴

В 1922 г. стачечное движение уже стало частью повседневной жизни предприятий, и было необходимо внедрить в сознание его участников «правила игры»: решение всех конфликтов — только через профорганы. Основной задачей последних являлось предотвращение остановки работы. Только при этом условии профсоюзы брали на себя ведение переговоров. Как правило, конфликтная ситуация проходила несколько ступеней развития. Сначала среди рабочих отмечалось «брожение», которое могло продолжаться несколько недель, затем при неразрешенности ситуации наступало «недовольство» или «сильное недовольство». Если же требования рабочих и на этой стадии не получали удовлетворения либо убедительного объяснения со стороны администрации или профоргана, то наступала кульминация в виде забастовки. Только угроза объявления забастовки в большинстве случаев заставляла администрацию принимать меры к выплате постоянных задолженностей по зарплате. При этом партийный директор, комьячейки и профорганы несли ответственность за то, что не предотвратили объявление забастовки.

Пропаганда «правильного» поведения рабочих велась и со страниц партийной печати. Так, в «Правде» под броским заголовком «Сами себя высекли» было рассказано о забастовке на машиностро-

ительном заводе быв. Г.Лист в Москве. Причиной недовольства стали новые тарифные расценки и расценки на паек, почти в два раза превышавшие жалование рабочего по 1-му разряду. Завком провел собрание заводских организаций и послал протесты в союз металлистов и в Моссовет. Оставалось дожидаться ответа, но вместо этого рабочие объявили забастовку. Дальше события развивались по типовой схеме: трест Мосмет объявил о закрытии завода и новом наборе рабочих. Рабочие же, сначала требовавшие расчета, одумались и постановили выйти на работу, чтобы не быть уволенными. Но их предложение было отклонено и в тот же день был объявлен список уволенных. Только тогда рабочие вспомнили о профсоюзе и пришли с жалобой, да поздно. «Завод работает, громадное большинство рабочих принято обратно. Зачинщики поплатились. Мораль: не нужно идти мимо союза»¹¹⁵, — так назидательно заканчивалась заметка. Следует отметить, что в заметке было показано не только типичное поведение рабочих, но и распространенные действия власти по ликвидации забастовок — объявление локаута.

Однако данные о масштабе увольнений в заметке, по понятным причинам, не указывались, но их можно почерпнуть из сводок МГО ГПУ. В сводке за 19 мая 1922 г., в частности, сообщалось: «На 4-м государственном машиностроительном заводе быв. Г.Лист сегодня с утра объявлен набор рабочих, желающих приступить к работе. К увольнению намечено профсоюзом 50 чел. из общего числа около 400 чел.» В сводке за 20 мая эти данные были уточнены: «Набор рабочих закончен. Приняты прежние рабочие за исключением 30 чел., будировавших массу. Работа возобновится в понедельник 22 мая»¹¹⁶. Примечательно, что именно профсоюз взял на себя карательную функцию за забастовку, вызванную его же непродуманной тарифной политикой. Причем, аналогичная реакция на объявленные новые ставки наблюдалась и на других предприятиях Москвы. Так, на Кожуховской электроподстанции в Рогожско-Симоновском районе максимальный оклад по этим ставкам равнялся 25 млн руб., тогда как вычет за получаемый паек составлял 17 млн. Неудивительно, что в связи с этим среди рабочих электростанции, насчитывавших около тысячи человек, наблюдалось недовольство, грозившее перерасти в забастовку¹¹⁷.

На базе профсоюзов была создана система органов, занимавшихся урегулированием трудовых конфликтов на производстве. В них, прежде всего, большая роль отводилась местным профорганам: завкомам, месткомам, застройщикам и т.д. Они, как правило, служили посредниками между администрацией и рабочими в конфликтных ситуациях. Если вопрос сразу не разрешался, то завком мог вынести его на заседание расценочно-контрольной

комиссии¹¹⁸, а по более крупным вопросам — в правление своего отраслевого союза. В РКК входили на паритетных началах представители завкома и администрации, а срок ее полномочий совпадал со сроком полномочий завкома. К компетенции РКК относились вопросы внутризаводской жизни: утверждение разбивок работ и должностей по тарифным разрядам, норм производительности и расценок на сдельные работы, установление испытательных сроков для отдельных профессий, установление порядка очередных отпусков, рассмотрение заявлений о неправильных расчетах зарплаты. Ее решения принимались вне непосредственного наблюдения не только органов НКТруда, но даже вышестоящих над завкомом профорганов, и не подлежали обжалованию. На практике рабочие далеко не всегда доверяли этим органам. Приведем лишь один пример подобного отношения. Так, на московском заводе «Серп и молот» 3 апреля 1924 г. была объявлена забастовка в гвоздильном цехе. Рабочие требовали понижения норм выработки и повышения расценок. В связи с этим забастовщики создали цеховое собрание, но представителей администрации, завкома и комъячейки на него не допустили. Однако забастовочный пыл начал быстро остывать. Уже на второй день забастовки к работе приступили 14 комсомольцев, а еще через день — и все остальные, решив все-таки ожидать пересмотра норм профсоюзом. Тем не менее, по заводу продолжали ходить толки о необходимости общезаводской забастовки. В таком случае в забастовку были бы вовлечены 2300 человек, работавших в это время на заводе. В результате напряженной обстановки 9 апреля прошло бурное собрание рабочих уже другого, тянущего цеха, созданного также без ведома завкома. В итоге на собрании была избрана комиссия для составления новых расценок. Судя по дальнейшим событиям, рабочим так и не удалось добиться их пересмотра, так как 6 мая в гвоздильном цехе опять вспыхнуло «сильное недовольство». На этот раз рабочие потребовали, предоставить им возможность работать без установления нормы выработки и создать экспертную комиссию для пересмотра норм и расценок. Однако комиссия при райкоме профсоюза металлистов, куда обратились рабочие, отклонила эти требования. В ответ 12 мая началась общезаводская «итальянка»¹¹⁹.

Конфликты более крупного характера, между профсоюзом в целом и нанимателем, при добровольном согласии сторон решались в Примирительных камерах, состоявших при отделах труда под председательством его представителя. Председатель Примирительной камеры являлся только посредником между конфликтующими сторонами и не имел права голоса. Принятое решение проводилось

в жизнь самими сторонами. На принципе согласия действовали и Третейские суды¹²⁰. Разница состояла в том, что председатель (суперарбитр) выбирался самими участниками и имел решающий голос. А решения Третейского суда передавались из органов Наркомтруда в суд и проводились как беспорное решение суда. В любом случае активной стороной в конфликте выступал завком. По требованию органа профсоюза в спорах с местными госорганами мог быть назначен и принудительный третейский суд.

Организацией всех этих органов помимо множества других функций занимались местные отделы труда НКТруда. В их компетенцию входила также проверка на соответствие законодательству и регистрация колдоговоров, без которых договор не вступал в законную силу. Особое значение придавалось заключению колдоговоров на частных предприятиях, где им отводилась роль главного инструмента защиты рабочих от капитала. Не в пример госпредприятиям, профсоюзы внимательно следили за их соблюдением в частном секторе. За отказ от заключения или выполнения коллективного договора хозяина предприятия привлекали к суду. В такой ситуации профсоюз мог также снять рабочих с предприятия.

Еще одним органом, принимавшим участие в разрешении конфликтов в производственной сфере, являлись инспекции труда. Они контролировали исполнение законодательства в области организации и охраны труда. В частности, в их компетенцию входило ведение дознания по делам о нарушении КЗоТ и выступление в судах в качестве обвинителей. Подобные дела рассматривались специальным судом – Особой сессией по трудовым делам. В Особую сессию мог, например, обратиться завком с просьбой привести решение РКК в принудительном порядке, если наниматель отказывался исполнить решение комиссии.

Доминирование примирительного принципа в работе органов разрешения трудовых конфликтов объяснялось особенностями текущего момента, когда все только еще учились строить хозяйство на новых началах. «Когда хозяйственник у нас рабочий, он, стремясь к улучшению положения рабочих, зачастую дает согласие на удовлетворение таких требований, которые потом вскоре оказывается невозможным выполнить», – писал о сложившейся ситуации судья Московской трудовой сессии Э.Андерсон¹²¹. Еще одним доводом в пользу действия примирительного принципа, по его мнению, являлось то, что в этих органах рассматривались конфликты на почве столкновения интересов. Их отличительным признаком являлось то обстоятельство, что они не регламентировались законом или коллективным договором, а поэтому могли решаться

только путем соглашения. Однако такое объяснение было односторонним. При доминировании классового принципа власть стремилась не допустить дискредитации новых управленцев и вывести их за рамки судебной ответственности. В то же время по отношению к «старым» специалистам применялась политика двойных стандартов. Их промахи, мнимые и настоящие, рассматривались в рамках нового понятия, применявшегося в годы нэпа, — экономической контрреволюции. После окончания Гражданской войны было провозглашено, что враг, разгромленный на фронтах, в мирной жизни стал еще опаснее. Считалось, что наводнив государственные органы, благодаря своей массе, своей верности хищническим навыкам, даже действуя без всякого сговора или плана, «буржуазные элементы» просто силой инерции могут погубить все попытки коммунистов восстановить производство. В связи с этим в Уголовном кодексе 1922 г. специальной статьей предусматривалось суровое наказание не только за шпионаж, но и за экономическую контрреволюцию. С присущим ему чувством юмора Л.Б.Красин следующим образом описал затруднительность практического применения этой статьи: «Несчастливые следователи совершенно не знают, что это такое и как одно от другого отделить. «Совещались инженеры.» «По поводу турбогенераторов.» «На частной квартире?» — Вот такая картина»¹²².

В отношении трудовых конфликтов на негосударственных предприятиях (частных, арендных и концессионных) власть в лице профсоюзов всегда занимала очень жесткую позицию по отношению к владельцам, расценивая любое отклонение от КЗоТ как преднамеренное усиление эксплуатации. Профсоюзы, которые в отличие от забастовок на государственных предприятиях, всегда поддерживали и возглавляли забастовочное движение в негосударственном секторе, старались даже правонарушения на мелких предприятиях передавать в суд. Так, в начале июля 1921 г. в нарсуд было передано дело арендатора фабрики искусственного волокна в Москве, который не выплатил зарплату за вторую половину июня, а зарплату за первую половину месяца выплатил по более низким майским ставкам. При этом на фабрике работало всего 28 человек¹²³. О пристрастном отношении к негосударственным предприятиям свидетельствуют также данные о привлечении к судебной ответственности предприятий различных форм собственности. В 1922 г. частные предприятия составляли 61% привлеченных к суду, государственные — 28,4%, кооперативные — 10,6%¹²⁴. Если на государственных предприятиях зарплата могла без санкций со стороны профсоюза задерживаться по несколько месяцев, то судебное преследование частника, неред-

ко, инициировалось за опоздание с выдачей зарплаты всего лишь в несколько дней.

Изучение конфликтных ситуаций первой половины 1920-х гг. показывает, что подавляющее большинство рабочих были озабочены исключительно поисками средств существования. Возникавшие недовольства и забастовки в этот период носили, как правило, сугубо экономический характер. Однако, грань между экономикой и политикой была настолько зыбкой, что критика конкретной ситуации в ряде случаев сопровождалась политическими высказываниями. В свою очередь партийное руководство страной любое выступление рабочих расценивало с идеологической и политической точек зрения, видя в них «политическую подкладку» и обвиняя в подстрекательстве оппозиционные партии. Оно стремилось перевести конфликтные ситуации из области общих недостатков системы в плоскость ошибок отдельных руководителей, переключить недовольство рабочих на конкретных хозяйственников, директоров, секретарей завкомов, инженеров и специалистов, выведя тем самым из зоны критики компартию и ее политику.

Различные формы трудовых конфликтов носили массовый, но краткосрочный характер. Их массовость объяснялась еще и тем, что только угроза объявления забастовки заставляла администрацию принимать меры к урегулированию давно назревших проблем, многие из которых выходили за пределы их компетенции и коренились в экономической системе. Поэтому меры по их устранению носили экстренный и паллиативный характер и не могли кардинально изменить ситуацию. Круг проблем, порождавших конфликты, был очень широк и отражал весь спектр особенностей жизни страны в условиях нэпа, в том числе сохранение военно-коммунистических рудиментов. Однако наибольшее напряжение было связано с задержками зарплаты и недовольством рабочих низкими тарифами. Из тяжелого материального положения рабочих вытекали и все другие мотивы конфликтов. При этом рабочие жили сиюминутными проблемами, не заглядывая на шаг вперед. Не случайно, враждебное отношение к мерам администрации по повышению производительности труда сочеталось с критикой руководства за бесхозяйственность и неумение наладить прибыльное производство.

Забастовки возникали стихийно, без явных лидеров и участия рабочих организаций. В случаях остановки производства в госсекторе профсоюзы неизменно занимали сторону государства и не защищали интересы рабочих. При этом свою главную задачу они видели в том, чтобы, не останавливая работу предприятия, ввести неорганизованные проявления недовольства в рамки установленной про-

цедуры разрешения конфликта. И, наоборот, на негосударственных предприятиях профсоюзы вели наступательную и непримиримую борьбу, защищая интересы рабочих. Признание в 1922 г. забастовок как средства борьбы рабочих за свои экономические права также было вызвано появлением частного сектора и необходимостью борьбы против эксплуатации на негосударственных предприятиях. Такая же политическая направленность была характерна и для деятельности системы примирительных органов, созданных под эгидой профсоюзов. На практике главными методами власти по урегулированию острых трудовых конфликтов — забастовок являлись карательные меры: локауты и аресты зачинщиков.

Рабочим был присущ конформизм, стремление договориться с властью на производственном уровне. Они легко шли навстречу обещаниям и, будучи в очередной раз обмануты, снова и снова возвращались к своим требованиям.

Примечания

¹ Окунев Н.П. Дневник москвича 1917–1924. Кн. 2. 1920–1924. М., 1997. С. 171.

² Последнее обстоятельство особо раздражало рабочих. Свидетельством тому является письмо рабочего Юлина, опубликованное под «говорящим» заголовком «Нэнь, да неперенэпивай!»

³ Веселящийся Петроград // Последние новости. Париж. 1922. 7 июля. № 681.

⁴ Наиболее активно и продуктивно этой проблематикой занимаются Санкт-Петербургские исследователи. См.: Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-е–1930-е гг. СПб, 1999. Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб, 2001 и др.

⁵ Известия ЦК РКП(б). 1920. 11 ноября. № 25.

⁶ Уже 8 мая 1918 г. советским правительством был принят первый законодательный акт, направленный на борьбу с взяточничеством. Декрет СНК РСФСР «О взяточничестве» определил широкий круг лиц, несущих ответственность за получение взятки. Это были лица, состоящие на государственной или общественной службе: должностные лица советского правительства, члены фабрично-заводских комитетов, домовых комитетов, правлений кооперативов и профсоюзов и т.п. Наказанию подлежали также лица, виновные в даче взятки, подстрекатели, пособники и все причастные к даче взятки служащие. При этом декретировалось одинаковое наказание: лишение свободы на срок не ниже пяти лет, соединенное с принудительными работами на тот же срок. Декрет имел выраженный

классовый характер: если преступление совершало лицо, принадлежащее к имущему классу, то оно приговаривалось «к наиболее тяжелым, неприятным и принудительным работам», а его имущество подлежало конфискации, т.е. наказание усиливалось за счет унижения.

⁷ Например, в сентябре 1920 г. за такие действия к расстрелу был приговорен ряд должностных лиц штаба 17-й дивизии. (РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 110. Л. 5).

⁸ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 439. Л. 298.

⁹ *Тимошков*. Власть взятки // Красная газета. 1922. 26 июля.

¹⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 607. Л. 26.

¹¹ *Утесов Л.* Спасибо, сердце! М., 1999. С. 159.

¹² *Маяковский В.В.* Собр. соч. в 8-ми томах. Т. 4. М., 1968. С. 96.

¹³ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 263. Л. 19.

¹⁴ Там же. Л. 17.

¹⁵ *Иглицкий А.А., Райхцаум А.Л.* Из истории забастовочного движения (1919–1925) // Новые движения трудящихся: опыт России и других стран СНГ. Ч. 1. М., 1992. С. 128. А. Стопани, изучавший забастовочное движение «по горячим следам», группировал данные по хозяйственным годам. (Как известно, хозяйственный год длился с октября по сентябрь). Он приводил следующие данные о динамике забастовок: в 1921/22 г. в забастовках участвовало 183680 рабочих, было потеряно 624704 рабочих дней. В 1922/23 г. — 506 забастовок, 154278 участников, 322036 потерянных дней. В 1921/22 г. в среднем ежемесячно было 37,3 забастовок, и бастовали 15306 рабочих. В 1922/23 г. соответственно — 42,1 забастовок и 12856 забастовщиков. (*Стопани А.* Еще об особенностях наших забастовок // Вопросы труда. 1924. № 7–8. С. 38).

¹⁶ Наемный труд в России и на Западе. 1913 — 1925 гг. Ч. 1. Наемный труд в России. М., 1927. С. 160.

¹⁷ Обзор профсоюзной периодики и изданий, в том числе и статистических сборников, о трудовых конфликтах см.: *Кириянов Ю.И.* Литература о трудовых конфликтах // Трудовые конфликты в советской России 1918–1929. М., 1998. С. 18–34.

¹⁸ Так, представитель завода «Феникс» выступая на V съезде профсоюза металлистов с критикой ЦК металлистов, заметил: «Дальше — по поводу конфликта с заводоуправлением. У нас в Рыбинске был крупный конфликт — почему он не зафиксирован? Опять-таки здесь с местами не считаются». (ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 6. Д. 3. Л. 40).

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 227. Л. 69.

²⁰ Например, в январе 1922 г. в течение 6 дней не отапливались помещения Басманной больницы в Москве, и существовала угроза заморозить систему парового отопления. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 15).

²¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 481. Л. 178.

²² Там же. Д. 481. Л. 205, 215, 64. Конкретные данные об уровне производительности труда, указывавшиеся в информсводках ГПУ в 1922 г. в отличие от сводок 1921 г., свидетельствовали, в том числе и о совершении информационных работ в целом. В данном случае, очевидно,

что местных органы извлекли уроки из критических замечаний руководителей ГПУ, которые неоднократно звучали в их адрес по поводу методики отбора сообщаемых фактов и их некритичной оценки. Как правило, основные требования по сбору и анализу информации на местах содержались в секретных циркулярных письмах, посылавшихся из Центра и из региональных полномочных представительств. Так, например, только за первую половину 1921 г. полномочным представителем ВЧК/ГПУ по Сибири И.П.Павлуновским было направлено четыре циркулярных письма о роли и значении информационной работы в условиях нэпа. В циркулярном письме № 4 «О характере информации» от 21 июня 1921 г. сводки критиковались в том числе и за то, что в них «преобладают общие туманные, качественные характеристики событий, явлений, а фактов и цифр крайне мало». В качестве примера неправильного освещения в циркуляре была приведена как раз типичная характеристика производительности труда в сводках этого периода: «понижение производительности труда катастрофическое». Такая характеристика, как отмечалось в циркуляре, по существу не содержит информации, а в худшем случае приводит к «вредным преувеличениям». В качестве альтернативы предлагалось приводить сравнительные данные о норме и фактическом уровне производительности труда или тщательно проверенный процент ее падения. Таким образом перед исполнителями ставилась задача отражать объективную картину событий, приводя проверенные и конкретные факты. «При этом следует избегать вредных обобщений, единичных фактов и случаев, обнаруживающих лишь известную тенденцию в том или ином направлении, чтобы таким путем не сгустить красок и не создать совершенно ложное представление о действительном положении вещей», — говорилось в циркуляре. (Там же. Д. 626. Л. 261). В свете этого и других подобных документов ГПУ, в том числе и обнародованных в фундаментальных научных публикациях, не представляется репрезентативной и обоснованной оценка рядом отечественных и зарубежных историков документального комплекса ГПУ в целом как «сгущенного негатива».

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 386. Л. 45. Выделено Рыковым.

²⁴ Подробнее см.: *Борисова Л.В.* «Третий враг революции». Борьба со взяточничеством и хозяйственными преступлениями в начале нэпа // *The Soviet and Post-Soviet Review*. California, USA, 2003. Vol. 30, No. 3. Она же. Нэп в зеркале показательных судебных процессов // *Отечественная история*. 2006. № 1.

²⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 18.

²⁶ Подробнее см.: *Россия нэповская*. М., 2003. С. 135.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 376. Л. 36.

²⁸ Там же.

²⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 607. Л. 6 об. В итоге 5 чел. были арестованы.

³⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 172.

³¹ Там же. Д. 489. Л. 95.

³² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 835. Л. 32.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 468. Л. 152.

³⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 840. Л. 104.

³⁵ Там же. Д. 835. Л. 262.

³⁶ Там же. Д. 794. Л. 28.

³⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 57 об.

³⁸ Перебои в издании газет случались не только из-за забастовок полиграфистов, но и в связи с неплатежами их редакций. Так, в мае 1922 г. дирекция 7-й московской типографии была вынуждена запретить печатание 4 номеров газеты «Беднота», являвшейся к тому же органом ЦК РКП(б). Причиной такого решения руководства являлась задолженность газеты в 11 млрд руб., которая послужила причиной задержки зарплаты рабочим типографии. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 136 об.).

³⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 447.

⁴⁰ Там же. Л. 65.

⁴¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 2. М., 2001. С. 936.

⁴² Там же. Т. 1. Ч. 1. М., 2001. С. 205.

⁴³ Вопросы труда. 1924. № 7–8. С. 38.

⁴⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 447.

⁴⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 54.

⁴⁶ Составлено по: ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 446, 450, 473. Ф. 2. Оп. 1. Д. 838. Л. 1.

⁴⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 593. Л. 298.

⁴⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 839. Л. 35. Через несколько месяцев в ночь с 9 на 10 февраля 1923 г. в Замоскворецком районе будут обнаружены 20 листовок, подписанные московской группой меньшевиков. В них сообщалось о голодовке трамвайщиков, арестованных в конце октября 1922 г.

⁴⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 59.

⁵⁰ По данным Госплана производительность труда в нефтяной промышленности упала с 14,72 руб. в день в I квартале 1922 г. до 10,88 во II квартале 1923 г.; в угольной — с 1,67 руб. до 1,53 руб., тогда как по всем другим отраслям наблюдалось повышение с 3,83 руб. до 5,08 руб. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 470. Л. 42).

⁵¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 116.

⁵² Правда. 1922. 14 июня.

⁵³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 801. Л. 53.

⁵⁴ В связи с этим в информсводках Мосгуботдела ГПУ ежедневно сообщались оба курса рубля, а также курсы иностранных валют и дореволюционных дензнаков на черной бирже.

⁵⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 213.

⁵⁶ Там же. Оп. 2. Д. 801. Л. 3.

⁵⁷ В ходе денежной реформы, проведенной в феврале-июне 1924 г., был осуществлен переход к единому средству платежа — червонцам (казначейскими билетами, имевшими золотое обеспечение) Была также выпущена в оборот серебряная и медная монеты.

⁵⁸ Составлено по: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 799. Л. 20.

- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. Д. 751. Л. 55–55 об.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 922. Л. 57.
- ⁶² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 799. Л. 2, 3, 4.
- ⁶³ Там же. Л. 20, 29.
- ⁶⁴ Там же. Л. 28.
- ⁶⁵ Там же. Оп. 1. Д. 839. Л. 216.
- ⁶⁶ Там же. Л. 215.
- ⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 922. Л. 57.
- ⁶⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1047. Л. 1.
- ⁶⁹ Как в царское время, от рабочих требовали вставать и снимать шапки при появлении членов заводской дирекции. За неисполнение этого требования рабочего охраны завода «Красный богатырь» понизили в должности. А за дерзкий ответ директору могло последовать увольнение.
- ⁷⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 173–174.
- ⁷¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 607. Л. 4 об., 8.
- ⁷² Там же. Д. 592. Л. 60.
- ⁷³ Эти данные были приведены Л.М.Кагановичем на XVI съезде ВКП(б). См.: XVI съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М.; Л., 1931. С. 79.
- ⁷⁴ Многие из бывших владельцев предприятий, перешедших на службу новой власти, фигурировали в хозяйственных процессах первой половины 1920-х гг. Подробнее см.: *Борисова Л.В.* Нэп в зеркале показательных процессов по хозяйственным делам // Отечественная история. 2006. № 1.
- ⁷⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 623. Л. 112 об.
- ⁷⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 623. Л. 117 об.
- ⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 290. Л. 33.
- ⁷⁸ Там же. Л. 27.
- ⁷⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 607. Л. 11 об.
- ⁸⁰ Там же. Л. 7 об.
- ⁸¹ Там же. Д. 592. Л. 46.
- ⁸² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 839. Л. 46.
- ⁸³ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 53 об.
- ⁸⁴ Уже после завершения кампании в ноябре 1922 г. забастовка, вызванная снятием икон, состоялась на одном из заводов Киева. Это была единственная забастовка на советской территории за этот месяц по политическим мотивам. (См.: Там же. Д. 21. Л. 168).
- ⁸⁵ *Яров С.В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб, 1999. *Лившин А.Я.* Гражданское конституционное сознание: обладало ли им советское общество в годы Гражданской войны и нэпа? // Отечеств. история. 2001. № 4.
- ⁸⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 839. Л. 9.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 607. Л. 22. Ф. 2. Оп. 2. Д. 801. Л. 70.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 172.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 801. Л. 23. Оп. 1. Д. 839. Л. 35.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 167.
- ⁹¹ Там же. Д. 607. Л. 21.

⁹² Заметка была напечатана в «Рабочей Москве», а затем перепечатана 7 мая 1922 г. эмигрантской газетой «Последние новости» под рубрикой «В советской России».

⁹³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 607. Л. 5.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 182. Л. 1.

⁹⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 835. Л. 230 об.

⁹⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 835. Л. 230–231.

⁹⁷ *Авдеев П.Н.* Трудовые конфликты в СССР. М., 1928. С. 44.

⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 467. Л. 18.

⁹⁹ Цит. по: *Яров С.В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб, 1999. С. 156.

¹⁰⁰ «6. Самым решительным образом подтвердить обязанность всех партийных товарищей, сталкивающихся с работой меньшевиков, в порядке партийной дисциплины немедленно давать все сведения об этой работе органам ГПУ. За всякое содействие или ручательство за меньшевиков, а также прямое или косвенное укрывательство их коммунисты должны привлекаться к строжайшей партийной ответственности. Партийные комитеты на местах должны обязать органы ГПУ давать им сведения о всех таких случаях», — говорилось в инструкции. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 467. Л. 44).

¹⁰¹ Свидетельством тому, что подобные меры в явочном порядке использовались в 1923 г. является, в частности, записка зам. председателя ГПУ В.М.Менжинского: «Тов. Дзержинский[!] Прошу ответить, подлежат ли увольнению все рабочие и служащие, исключенные из партии по тем или другим причинам. Некоторые ячейки уже начинают их увольнять. Полагаю, что это поголовно делать не нужно. Нужно за ними следить». (РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 296. Л. 114).

¹⁰² Одно из таких трагических событий произошло в январе 1932 г. в Славгородском районе Западно-Сибирского края. Секретарю парткома МТС А.П.Овчинникову, как и другим руководителям, поступило указание, сократить до минимума паек колхозников, чтобы засыпать семенной хлеб в установленном объеме. Так как колхозники уже и так голодали, Овчинников обошел местных руководителей с предложением, перераспределить имеющийся в районе хлеб, но не нашел поддержки ни у агронома, ни у директора Табунской МТС, ни у председателя РИКа, ни в райкоме ВКП(б). Не видя для себя другого выхода, 15 января бывший батрак, член партии с 1920 г., бывший красный партизан 35-летний Овчинников выстрелил в себя из нагана, но рана оказалась не смертельной. В этот же день к нему в больницу явились прокурор и уполномоченный ОГПУ. По их записи, сделанной в казенной форме, на вопрос о причинах самоубийства Овчинников ответил: «Самоубийством решил покончить благодаря тому, что много ошибок, в частности, в вопросе хлебозаготовок, колхозы имеют по 30 кг на едока в среднем. Я нашел, что если никто ничего не дает в качестве установак, то что же мне делать?» А в его портфеле была найдена предсмертная записка, в которой он пофамильно винил в своей смерти всех тех, у кого не нашел поддержки. И красным карандашом по-

верх текста — последняя фраза — крик души: «Выполнял все честно». По всей видимости этот визит не добавил раненому оптимизма и в ночь на 16 января Овчинников довел свое решение до конца, повесившись в больнице. «Совсекретное» спецсообщение о самоубийстве было направлено в Москву высшему руководству, в том числе Сталину, Молотову, Кагановичу, Постышеву, Рудзугаку. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 513. Л. 152–154).

¹⁰³ ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 6. Д. 3. Л. 140.

¹⁰⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 751. Л. 55 об.

¹⁰⁵ Там же. Оп. 1. Д. 794. Л. 59.

¹⁰⁶ Там же. Л. 162.

¹⁰⁷ Там же. Л. 189.

¹⁰⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 56–57.

¹⁰⁹ Например, несколько изданий до революции выдержала брошюра одного из руководителей профсоюзного движения печатников, члена Центрального Бюро профсоюзов Петрограда меньшевика Н.Гарви (П.Бронштейна), эмигрировавшего в начале 1920-х гг. за границу. См.: *Гарви Н.* Капитал против труда. (Что такое локауты?) Пг., 1917.

¹¹⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 34.

¹¹¹ *Ломаченкова.* На Обуховском заводе. Картинки с натуры // Петроградская правда. 1921. 27 марта.

¹¹² Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 330.

¹¹³ Подробнее см.: *Борисова Л.В.* «Третий враг революции». Борьба со взяточничеством и хозяйственными преступлениями в начале нэпа // *The Soviet and Post-Soviet Review.* California, USA, 2003. Vol. 30, No. 3.

¹¹⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 839. Л. 5.

¹¹⁵ Правда. 1922. 2 июня.

¹¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 128, 129.

¹¹⁷ Там же. Л. 135.

¹¹⁸ В соответствии с Положением о Расценочно-конфликтной комиссии от 3 ноября 1922 г. в ее состав входили представители завкома и нанимателя на паритетных началах (имеется в виду паритет решающих голосов, а не равное число участников). Подробнее см.: Сборник задач по трудовому праву. С. 87.

¹¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 801. Л. 65, 67.

¹²⁰ Положение о примирительных камерах и третейских судах было утверждено СНК 23 марта 1923 г. инструкцией НКТруда СССР № 38 от 14 августа 1923 г. «По применению положения о примирительных камерах и третейских судах» было установлено, что постановление третейского суда без надлежащей третейской записи не имеет силы. См.: Сборник задач по трудовому праву. С. 81.

¹²¹ *Андерсон Э.* Трудовые конфликты. М., 1925. С. 53.

¹²² РГАСПИ Ф. 76. Оп. 3. Д. 283. Л. 36.

¹²³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 426. Л. 164.

¹²⁴ *Люттов Л.Н.* Промышленность России в эпоху нэпа. Ульяновск, 2002. С. 172. Интересные данные об итогах деятельности судебных учреждений Москвы и губерний в январе — августе 1922 г. приведены в докладе пред-

седателя Совнарсуда Смирнова. Так, среди гражданских дел наибольшее количество составили иски частных лиц, в основном контрагентов, к госучреждениям (47%) и госучреждений к частным лицам (36%). Хотя неизвестна статистика принятых решений, обращает на себя внимание тот факт, что предприниматели считали возможным отстаивать свои интересы в суде. (Еженедельник советской юстиции. 1922. № 36. С. 22).

Глава 5.

РЕАКЦИЯ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ НА ПРОЦЕСС ПРАВЫХ ЭСЕРОВ

(Механизм формирования общественного мнения)

1922-й год был не только годом наивысшего подъема забастовочной борьбы рабочих, но к тому же, был насыщен крупными политическими событиями. Все они сопровождались бурными акциями (общезаводскими собраниями, митингами, демонстрациями рабочих), которые по замыслу властей должны были демонстрировать общественную поддержку. Первой, если следовать хронологии, началась кампания по изъятию церковных ценностей. Она была проведена в Москве и в Петрограде в течение апреля и завершилась в целом по стране в конце августа. «Внешне жизнь в Москве кипит, но большинство населения нищенствует, голодает. Злоба дня — конфискация церковных ценностей, которая невероятно озлобляет население. Однако крупных беспорядков на этой почве не было»¹, — рассказывал финский промышленник, вернувшийся в мае из России. Впечатления иностранца подтверждаются и данными ГПУ. Так, например, хроника только одного дня в Москве, 5 апреля 1922 г., зафиксировала 3 случая, когда члены Комиссии по изъятию церковных ценностей могли «работать» только под прикрытием красноармейцев. Наиболее ожесточенное сопротивление в этот день было оказано у одной из церквей в Дорогомилово. Здесь собралась толпа около 5 тысяч человек. «Толпа все время увеличивается, настроение возбужденное, — сообщалось в информсводке Мосгуботдела ГПУ. — Из толпы бросают камнями в красноармейцев, задерживают проезжающих в автомобилях, проверяют документы, был избит один коммунист и несколько красноармейцев, убит один курсант. Толпа вогнала комиссию вместе с красноармейцами в церковь. Из собравшейся толпы слышатся выкрики, что они винтовок и револьверов не боятся, и что лишь при помощи пулеметов с ними можно справиться. Приняты меры к срочной высылке на место кавалерии»². При этом по утверждению МГПО ГПУ «в немногочисленных эксцессах рабочая масса как таковая отсутствовала»³.

Если же говорить о настроениях в рабочей среде, то по данным ГПУ антицерковная кампания была встречена, в основном, спокой-

но. Барометром настроений являлись общие собрания, которые специально созывались комъячейками для принятия официальных резолюций. К тому же для оказания психологического воздействия на них обязательно выступали представители голодающих губерний. В большинстве случаев, не высказываясь против изъятия в принципе, рабочие предлагали: «в первую очередь изъять золото у коммунистов, их жен, торговцев, а затем уже из церквей»⁴. Важная роль в формировании заданного отношения к кампании отводилась также пропагандистской работе в самых разных формах. При этом активно использовалась наглядная агитация. Так, по всей Москве были густо расклеены плакаты художника В.Н.Дени. В них в художественной форме проводилась главная пропагандистская идея кампании: церковь не хочет поступиться своими богатствами для спасения голодающих, поэтому их нужно отобрать. Красочный плакат был разделен на две половины. На левой была изображена часть церковного иконостаса и священные сосуды, богато украшенные драгоценными камнями. Среди этого церковного богатства стоял Патриарх. Его облачение и все атрибуты сана также были унижены всевозможными драгоценностями. Даже на всех пальцах обеих рук в провокационных целях были изображены перстни. А в руках Патриарха – свиток с той частью его воззвания, в которой говорилось о том, что по канонам церкви сдавать священные сосуды дело святотатственное и караемое отлучением мирян и лишением сана духовных. На правой же половине плаката была изображена семья голодных, простирающих костлявые руки к драгоценностям. Кроме того, московские стены были испещрены различными воззваниями на эту же тему.

Вслед за кампанией по изъятию церковных ценностей в мае 1922 г. началась обработка общественного мнения в связи с Генуэзской конференцией. Она также сопровождалась активной агиткампанией среди населения со всеми ее атрибутами: статьи в газетах, митинги и собрания с вынесением соответствующих резолюций. Однако в связи с приближавшимся судом над правыми эсерами эту кампанию пришлось свернуть.

Кульминационной точкой политической жизни года не только внутри страны, но и во всем мире стал процесс правых эсеров. Официально он назывался процессом по делу «Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и изменнических сношениях с иностранными государствами». Он проходил в Москве с 8 июня по 7 августа. Это был первый публичный

политический процесс столь крупного масштаба, организованный в большевистской России и по многим обстоятельствам имевший уникальный характер. Западная социал-демократия сравнивала его по значению с делом Дрейфуса. Уже одно это обстоятельство придает особое значение всему, что связано с его организацией, течением, итогами и последствиями. В советской историографии его изучение проходило в рамках тех же идеологических установок, что и проведение самого судебного процесса, главным образом, для подтверждения неминуемого краха всех политических оппонентов большевиков. При этом полная и безоговорочная поддержка действий власти рабочими считалась очевидной и не подвергалась сомнению, как современниками событий, так и советскими историками. Такое обманчивое впечатление создавалось огромным потоком гневных резолюций из разных уголков страны, заполонивших с весны 1922 г. страницы центральной и местной печати. И не предпринималось ни малейших попыток объективно проанализировать даже те факты, которые просочились в советскую печать. В тоже время зарубежные издания и, в первую очередь, эмигрантская печать с публикациями критического характера были доступны лишь узкому кругу партийно-чекистского руководства, а позже как «антисоветские» осели в спецхранах. И только сравнительно недавно благодаря деидеологизации общественной жизни и происшедшей «архивной революции» в нашей стране эта монохромная картина событий начала разрушаться⁵. Благодаря рассекреченным документам ЦК РКП(б) и ВЧК/ГПУ впервые появилась возможность рассмотреть механизм целенаправленного воздействия большевистского руководства на общественное мнение как внутри страны, так и на международное рабочее движение⁶. Каким образом была организована эта агитационная кампания, как она влияла на отношение рабочих к судебному процессу и действительно ли это «общественное мнение» единодушно поддерживало организованный политический спектакль? Что сообщало ГПУ о ходе кампании ее заказчику? Благодаря информационным документам ГПУ и, прежде всего, ежедневным информационным сводкам Московского губполитотдела ГПУ и его ежемесячным обзорам у нас есть уникальная возможность оказаться в гуще реальных событий.

Подготовка общественного мнения

Подготовка процесса осуществлялась по нескольким направлениям, главными из которых являлись: 1) выявление, нейтрализация

и изоляция политических противников внутри страны; 2) массированная идеологическая обработка населения, прежде всего, рабочих столиц и 3) контрпропаганда в зарубежной печати.

Еще в 1921 г. было принято решение о взятии на учет меньшевиков и эсеров в связи с ликвидацией Кронштадского мятежа. В марте 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) принял постановление о механизме чистки органов Наркомата труда, хозяйственных, профсоюзных и кооперативных органов от меньшевиков и эсеров⁷. Эта задача была возложена на специальные органы – Бюро содействия ГПУ, создаваемые в центре и на местах при всех названных учреждениях. В соответствии с постановлением, утвержденном Политбюро 22 марта, они должны были организовываться исключительно из коммунистов – руководителей и членов партбюро данного учреждения в составе трех человек. При этом их партийный стаж должен был быть не менее двух лет и еще одно условие: членами Бюро не могли быть коммунисты, состоявшие после 1917 г. в партии эсеров или меньшевиков. В задачи Бюро входило изучение политической благонадежности и профессиональных качеств всех категорий сотрудников данного учреждения, выявление антисоветских элементов, наблюдение за притоком и распределением внутри учреждения эсеровских и меньшевистских элементов, а также информирование органов ГПУ по всем интересующим их вопросам, в том числе предоставление систематической информации «об эсеро-меньшевистских проявлениях» в данном учреждении, составление к определенным срокам списков эсеров и меньшевиков с точным указанием структурного подразделения, где они «засели». Кроме информирования органов ГПУ, Бюро содействия были обязаны помогать поступлению на службу в данное учреждение или предприятие секретных сотрудников ГПУ, организовывать по указаниям и под контролем органов ГПУ наблюдение за подозрительными «эсерствующими и меньшевистствующими элементами». А чтобы не пострадала работа учреждений и предприятий, Бюро должны были заблаговременно подготовить из коммунистов и благонадежных лиц заместителей на должности, занимаемые меньшевиками и эсерами. Отстраненные же по политическим мотивам лица переходили в распоряжение отделов учета и распределения Наркомтруда для дальнейшего использования. Наркомтруду, Центросоюзу и центральным хозяйственным органам предписывалось в недельный срок разработать совместно с ГПУ инструкции по проведению в жизнь постановления о Бюро содействия, а ЦК РКП(б) должен был издать специальный секретный циркуляр по существу постановления⁸. Такой циркуляр за подписью секретаря ЦК В.М.Молотова был направлен по телеграфу всем губ-

комам и обкомам РКП(б) уже в день утверждения постановления 22 марта 1922 г.⁹

Вся информация о проведении мероприятий, связанных с процессом эсеров, сосредотачивалась в центре, персонально у Ф.Э.Дзержинского. По постановлению пленума ЦК РКП(б) от 16 мая 1922 г. местные власти были обязаны представлять ему все свои предложения и списки на предварительное утверждение¹⁰. Для информирования губкомов РКП(б) было принято решение об их снабжении эмигрантскими изданиями: эсеровской газетой «Голос России» и меньшевистским журналом «Социалистический вестник»¹¹.

Представители меньшевистской партии, пожалуй, не в меньшей степени, чем эсеры, находились в зоне внимания ГПУ. В июне шла подготовка к массовым арестам в меньшевистской среде, составлялись и проверялись списки арестуемых, которые затем представлялись на утверждение Политбюро ЦК. По его заданию, в частности, в конце июня в ГПУ велась работа по составлению списка наиболее активных меньшевиков, действовавших в рабочих районах (Сормово, Брянск и др.)¹². На заседании Политбюро 20 июля было вновь подтверждено ранее принятое постановление о необходимости энергичной чистки всех меньшевистских элементов, в том числе и рабочих. «Что касается последних, — указывалось в протоколе заседания, — то применить удвоенную осторожность»¹³. Видимо, об одном из практических результатов этого решения было сообщено в газете «Последние новости», издававшейся в Париже под редакцией П.Н.Милюкова. Из Риги 22 июля поступила информация об аресте в Москве около 100 меньшевиков. «Репрессии вызваны растущим влиянием меньшевиков среди рабочих в России», — говорилось в заметке¹⁴.

Политбюро неоднократно возвращалось к вопросу о сроке окончания процесса. Последний раз этот вопрос был поднят на заседании 22 июня. Было принято решение о необходимости по политическим соображениям закончить процесс правых эсеров с максимальной быстротой. А Верховному трибуналу было предложено «проводить гораздо большую жесткость и строгость в ведении самого процесса, чем это было до сих пор»¹⁵. Главной причиной такой торопливости являлись приближавшиеся сроки перевыборов областных советов. В Сибири и на севере России, пока там не испортились дороги, они должны были пройти в течение августа, а в остальных районах — в октябре, ноябре и декабре. Выборная кампания в советы всегда являлась политическим барометром отношения к большевистской власти и легальной возможностью, хотя далеко небезопасной, для оппозиционных партий побороться за власть¹⁶. Учитывая сложную

политическую обстановку, большевики стремились разгромить своих оппонентов и их сторонников до начала избирательной кампании. Была и другая причина, по которой надо было как можно скорее закончить процесс: его очевидный провал. Вот что писал по этому поводу замнаркома финансов Сокольников советскому послу в Берлине Н.Н.Крестинскому: «Процесс эсеров провалился. Обвинение настолько скомпрометировано, что теперь Крыленко сам стремится уже хоть как-нибудь создать компромисс, чтобы найти выход из того тупика, куда он загнал партию и правительство своими легкомысленными обвинениями, шитыми, притом, белыми нитками»¹⁷. Сокольников явно преувеличивает роль Крыленко на процессе. Как показывают рассекреченные документы ЦК РКП(б), в том числе и использованные в данной главе, сценарий процесса и его воплощение утверждались ЦК партии и Крыленко не принадлежала столь решающая роль.

Задолго до окончания процесса был разработан механизм рассмотрения ходатайств по приговору. На заседании Политбюро 13 июля была принята следующая последовательность их рассмотрения. Сначала ходатайство обсуждается в ЦК РКП(б). Его решение немедленно сообщается в коммунистическую фракцию Президиума ВЦИК и доводится до сведения Исполкома Коминтерна, где русская делегация должна поддержать его своим авторитетом перед общественным мнением мирового пролетариата¹⁸. Таким образом, начиная с подготовительного периода и кончая утверждением будущего приговора на процессе, единственным органом, принимавшим все решения, попирая не только международные правовые нормы, но и советское законодательство, являлся ЦК РКП(б).

Очередная пропагандистская акция была организована и в связи с протестами М.Горького и А.Франса против процесса. На заседании Политбюро 20 июля по предложению Л.Д.Троцкого было принято следующее постановление: «а) Поручить тройке по делу эсеров заказать и проследить за напечатанием ряда статей в том смысле, что ходатайства Горького и А.Франса никакого значения для Советской России иметь не будут»¹⁹. Специальная тройка об эсерах решала также вопрос о высылке семей обвиняемых на процессе²⁰.

Особо важное место в подготовительной работе, предшествовавшей процессу над правыми эсерами, отводилось мощной агитационно-пропагандистской обработке населения. Тон ей был задан в тезисах ЦК РКП(б) «К процессу правых эсеров», написанных обвинителями на процессе А.В.Луначарским, Н.В.Крыленко и Н.И.Бухариным. Вместе с объяснительной запиской агитпропотдела ЦК они были разосланы всем губкомам партии, а также изданы в

виде брошюры. В записке было указано, что предстоящий процесс надо использовать для окончательной дискредитации партии, претендующей на представительство широких рабоче-крестьянских масс. Было рекомендовано особо подчеркивать прошлую связь эсеров с империалистами Антанты и их нынешнюю политику, также идущую в русле империалистов. Ключевые моменты пропагандистской работы по разоблачению эсеровской контрреволюции содержались и в циркулярном письме ЦК РКП(б), разосланном губкомам партии вскоре после тезисов²¹.

В помощь агитаторам в соответствии с постановлениями Оргбюро ЦК, принятыми еще в декабре 1921 г., было издано большое количество разоблачительной литературы об эсерах, причем значительными тиражами — 10–25 тыс.²² Печатались листовки, агитплакаты и другие агитматериалы. Для распространения всей этой продукции агитпропом было создано специальное бюро. Центральная и местная печать изо дня в день публиковала всевозможные материалы, статьи видных деятелей партии, письма рабочих, резолюции общих собраний и митингов, клеймившие позором контрреволюционную деятельность эсеров и демонстрировавшие всенародное возмущение.

Периодически проводились лекции-инструктажи для агитаторов. На одном из таких собраний, состоявшемся 11 мая в МК РКП(б), выступал Н.В.Крыленко. В течение двух часов он громил партию эсеров и инструктировал агитаторов, как нужно готовить столичные рабочие массы к предстоящему процессу. Крыленко подчеркивал необходимость выставить эсеров изменниками пролетариата, союзниками белогвардейских генералов и наемниками иностранного капитала. Он заявил, что необходимо вызвать озлобление рабочих к вождям эсеров, чтобы не возбудить у них сочувствия к подсудимым. Таким образом, формировалась особая агрессивная атмосфера, в которой не должно было быть места сомнениям: «Кто не с нами, тот против нас».

Использовался любой повод для давления на общественное мнение. Причем, по прямым указаниям партии в пропагандистских акциях участвовали, в первую очередь, официальные лица, от которых зависел исход процесса. Так, в связи с приближавшейся годовщиной июльских событий 1917 г. ЦК партии поручил участникам процесса со стороны обвинения Н.В.Крыленко, А.В.Луначарскому и М.Н.Покровскому особо выделить и подготовить материал «о преступлениях эсеров» в эти дни. Редакциям всех газет было предложено выпустить к 3 июля специальные тематические номера, особо осветив роль эсеров и меньшевиков. Причем, интересная деталь,

предлагалось использовать для этого среди прочих и материалы, опубликованные П.Н.Милюковым во второй книге «Истории русской революции». Редакция газет также были предоставлены выдержки из показаний эсеров и меньшевиков в связи с обвинением большевиков в германском шпионаже²³.

Публикация еще одной серии статей явилась результатом партийного заказа, обелить в общественном мнении предательскую роль Г.И.Семенова и Л.В.Коноплевой в процессе правых эсеров. По отношению же к меньшевикам и эсерам Политбюро требовало **«самой беспощадной борьбы с ними и самого максимального недоверия к ним** (как к опаснейшим фактическим пособникам белогвардейщины)»²⁴. Противоположную позицию большевистское руководство занимало по отношению к тем членам этих партий, которые не только вышли из членства в них и примкнули к большевикам, но и компрометировали своих недавних товарищей и охотно сотрудничали в формировании обвинения на процессе. Отношение рядовых членов РКП(б) и членов оппозиционных партий к этим предателям было одинаково отрицательным.

Обнародование брошюры Семенова еще более усугубило напряженную обстановку вокруг него и тех, кто имел с ним общее прошлое и настоящее. Закономерно, что именно ГПУ выступило на их защиту. «Для мещанской психологии они являются авантюристами, убийцами, взломщиками, «темными личностями». Для психологии связанных с эсеровской работой людей и для самих эсеров они к тому же ренегаты, предатели и провокаторы. Для ГПУ **моральная чистота побуждений** этих товарищей вне сомнения»²⁵, — отмечалось в письме И.С.Уншлихта в ЦК РКП(б). ГПУ обратилось в ЦК с просьбой, принять решительные меры по пресечению враждебности членов партии к бывшим эсерам и издать специальный циркуляр, разъясняющий обязанности членов партии-выходцев из других партий в борьбе с контрреволюцией и дающий общие указания об отношении партии к роли Семенова, Коноплевой и др. На заседании Политбюро 23 марта это предложение было поддержано. А для того, чтобы «моральная чистота побуждений» Семенова была видна не только ГПУ, Е.Преображенскому и Е.Ярославскому было поручено написать о нем статьи, причем, «о характере и тоне статей переговорить с тов. Троцким»²⁶. Сам Троцкий активно выступал в защиту Семенова и Коноплевой, в том числе и в зарубежной печати. Так, одна из его статей была опубликована в газете немецких коммунистов «Rote Fane» под заглавием «Кто предатель?» и была названа эмигрантской печатью открытой апологией предательства и предателей²⁷.

Подготовка процесса эсеров получила большой международный резонанс. Печать самых разных политических направлений, прежде всего социал-демократическая, активно публиковала вести из России. Большевистское руководство стремилось развернуть контрпропаганду и повлиять на негативную оценку своих действий западной общественностью. С этой целью в Берлине находился Л.С.Сосновский, задержавшийся там по решению Политбюро на три месяца после Генуэзской конференции. Аналогичное поручение было возложено и на Ю.Ларина, совмещавшего в Германии лечение с выступлениями в печати²⁸.

Своя «соляная партия» была у члена ЦК РКП(б) К.Б.Радека. Постановлением Политбюро от 12 июня 1922 г. ему было поручено вести кампанию по поводу фактического срыва Берлинского соглашения и о том, что при вынесении приговора Верховный трибунал не будет связывать себя никакими соглашениями. Используя обращение меньшевистского ЦК в Верховный трибунал, он должен был также, обнародовать политический вывод о блоке меньшевиков и эсеров, чтобы, таким образом, возложить на меньшевиков ответственность за деяния эсеров²⁹. О большом значении, придававшемся контрпропаганде, свидетельствовал и тот факт, что о своих действиях по дискредитации эсеров Радек в соответствии с постановлением Политбюро от 27 июля должен был ежедневно информировать Секретариат ЦК телефонограммами³⁰.

Помимо традиционных форм агитации (газеты, брошюры, собрания, митинги) в Москве устраивались яркие и зрелищные агитпредставления, собиравшие толпы зевак. По улицам в разукрашенных автомобилях разъезжали размалеванные клоуны с балаганями Петрушек и в куплетах выкладывали зрителям факты злодеяний эсеров и их защитников. По свидетельству очевидца, на Тверском бульваре возле памятника Пушкину Петрушка сообщал «самые достоверные факты» о преступлениях эсеров, причем заодно, не делая различий, поминались меньшевики, кадеты, черносотенцы и все прочие враги, в том числе и иностранные защитники на процессе. В конце представления под одобрительные крики толпы Петрушка убивал всех преступников здоровенной дубиной³¹.

Еще одной особенностью агиткампании являлось то, что на процессе велась кино съемка, а затем киновыпуски показывались в кинотеатрах Москвы на завершающей стадии процесса. Вот как описывал очевидец технологию съемки Луначарского после его 5-часовой речи на процессе: «Анатолий Васильевич уходит в кулуары, но сейчас же вновь появляется и начинает кривляться перед аппаратом: размахивает руками, усиленно смеется и т.д. Киносъемщик

запечатлевает «речь». Производит это отвратительное впечатление»³². Как эта агитационная кампания влияла на отношение рабочих к процессу правых эсеров и действительно ли «общественное мнение» поддерживало организованный политический спектакль? Ответы на эти вопросы интересовали и партийное руководство.

Во второй половине мая партийными органами была организована агиткампания по фабрикам и заводам для выявления отношения к суду над правыми эсерами. Она проводилась по всей стране, но наиболее интенсивный характер это мероприятие получило, по понятным причинам, в столице. По данным Московского губотдела ГПУ в течение последних полутора недель мая общие собрания были проведены на 31 предприятии. На них присутствовали 10–11 тысяч человек. Данные о распределении их мнений относительно процесса показывает следующая таблица³³:

Таблица 7

Отношение рабочих Москвы к процессу правых эсеров

<i>Отношение к процессу</i>	<i>Число предприятий</i>	<i>Число рабочих</i>	<i>% из общего числа высказавшихся предприятий</i>	<i>% из общего числа высказавшихся рабочих</i>
Положительное активное	20	ок. 6400	64,5	ок. 60,3
Определенное отрицательное	5	ок. 1400	16	ок. 13
Сомнительное	4	ок. 2300	13	ок. 21,7
Пассивное	2	ок. 500	6,5	ок. 5

Итак, на большинстве предприятий (20 из 31) рабочие положительно отнеслись к процессу над эсерами. Сюда вошли крупные предприятия: Газовый завод, Центральная электрическая трамвайная станция, заводы быв. Гужон, быв. Бромлей, «Мостострой», «Фосген № 4», быв. Алексеева-Шамшина, Фарма-завод № 12, паровозные мастерские Казанской ж.д., Бухаринский трамвайный парк и др. Рабочие, высказавшиеся положительно по поводу процесса, по профессиональному принципу распределились следующим образом: металлисты — 66,5%, химики — 11,7%, рабочие коммунального

хозяйства — 9,5%, печатники — 4%. На долю текстильщиков, кожевников, пищевиков и др. пришлось 8,3%³⁴. Последующие пояснения в отчете показывают, какое значение вкладывалось в эту характеристику. Так, «положительное отношение» означало единогласное принятие резолюции, требующей суровой кары, и отсутствие выступлений, либо прямо защищающих эсеров, либо «сеющих сомнение и смущение по этому вопросу». А на некоторых предприятиях были не только приняты резолюции с требованием высшей меры наказания для эсеров, но и избраны делегации, как правило, из одних беспартийных, для заявления Трибуналу мнения рабочих. Например, по такому сценарию было проведено собрание на заводе быв. Гужон. Докладчиком на этом собрании (присутствовало около 1800 человек) выступал Л.Троцкий. Ему были заданы вопросы: «Арестован ли Савинков? Почему так долго не возвращается делегация с Генуэзской конференции?»³⁵ От каждого цеха завода было выбрано по 2 человека в особую делегацию для внесения в Московский совет заявления от имени рабочих. Заявление содержало требование: применить к обвиняемым высшую меру наказания.

На собраниях и митингах в качестве докладчиков выступали лидеры большевистской партии, Л.Д.Троцкий, Л.Б.Каменев, М.И.Калинин, И.В.Сталин. Среди выступавших были и те, кому предстояло принимать участие в процессе в качестве обвинителей (А.В.Луначарский, М.Н.Покровский, К.Цеткин) и в качестве «защитников» (Н.И.Бухарин, А.А.Биценко, Ж.Садуль). В действительности это разделение не имело места, так как и те и другие выступали с резкими обвинениями против подсудимых-членов ЦК эсеровской партии (так называемой первой группы обвиняемых)³⁶.

Парадоксальная ситуация сложилась на общем собрании рабочих Курских главных вагоноремонтных мастерских, которые по информации ГПУ находились под влиянием эсеров. Основанием для такого утверждения являлся тот факт, что в состав завкома, недавно здесь избранного, входил один эсер (наряду с одним коммунистом и тремя беспартийными) Кроме того, по данным ГПУ в мастерских имелась эсеровская ячейка. Тем не менее, выступление здесь 26 апреля левоэсеровского лидера Штейнберга о Генуэзской конференции не встретило поддержки общего собрания³⁷. А вот доклад о процессе редактора «Известий ВЦИК» Ю.М.Стеклова вызвал совершенно другую реакцию рабочих мастерских. «Местные эсеры выступить не осмелились, кроме одного, который задал два вопроса: «Как будут судить эсеров, как уголовных преступников или политических и будут ли их судить в целом как партию или как ее отдельных членов?» — сообщалось в сводке Мосгуботдела ГПУ. В итоге эсеры проголосовали

за резолюцию Стеклова. При голосовании из 700 присутствовавших было только 2 воздержавшихся. Как ни странно, это были не эсеры, а «просто бессознательные рабочие (что установлено)»³⁸.

В ходе обсуждения резолюций о процессе высказывались интересные доводы, отражавшие отношение определенной части населения к недавнему прошлому. Например, на фабрике быв. Михайлова единственный человек, высказавшийся против резолюции комьячейки, аргументировал свое мнение тем, что иначе большевикам опять придется вести гражданскую войну и что коммунистам нужно прийти к соглашению с эсерами, и не нужно их судить и клеймить позором³⁹. А на заводе Бертц — Мак Гиль один из рабочих, объясняя, почему он воздержался при голосовании, сказал: «Почему мы судим эсеров, а не тех, кто стрелял, бил и грабил нас, когда мы ехали за картошкой и хлебом? Вынося резолюцию, мы одновременно этим самым выносим смертный приговор людям, которые не так виновны, как о них говорят»⁴⁰.

Отрицательное отношение рабочих к процессу было ясно высказано на 5 московских предприятиях. В их числе были 20-я типография быв. Кушнерева, завод быв. Калинкина, Русаковский трамвайный парк, Сокольнические вагоноремонтные мастерские. Отрицательное отношение выражалось в выступлениях меньшевиков или эсеров и сочувствующих им против процесса, в отклонении резолюции, предлагавшейся комьячейкой. И только в единственном случае, в Русаковском трамвайном парке 30 мая была принята меньшевистская резолюция с протестом против процесса, как особо подчеркивалось, незначительным большинством. Ее инициатором был меньшевик Малкин, которого активно поддерживали еще 11 человек. В итоге за резолюцию, внесенную Малкиным, проголосовало 89 человек, против — 16 и воздержалось 303 человека. За резолюцию комьячейки было подано 59 голосов, против — 48 и 300 воздержались⁴¹. Как видно из этих результатов, подавляющее большинство рабочих не решилось определенно высказать свое мнение, потому что оно не совпадало с официальной линией. На этом собрании обсуждался также доклад члена ЦК РКП(б) Я.Э.Рудзутака о Генуэзской конференции, оппонентом которого также выступил Малкин. Однако, по этому вопросу абсолютным большинством голосов была принята резолюция комьячейки. Собрание в Русаковском трамвайном парке свидетельствовало о том, что формирование мнений в рабочей среде, в большинстве аполитичной, очевидно, не имело прямой зависимости от политических симпатий. По всей видимости, здесь действовал более сложный механизм. Возможно, играла роль и не равноценность этих проблем в восприятии рядового че-

ловека. Можно было поддержать власть в далеких от повседневной жизни вопросах, но совесть не позволяла так запросто губить живых людей.

На заводе быв. Калинкина, наоборот, незначительным большинством была принята резолюция комьячейки: из 80 присутствовавших 25 человек проголосовали за, 1 — против и остальные воздержались. Единственным проголосовавшим против, очевидно, был выступивший после доклада «меньшевик (фамилия установлена), который указал, что партия меньшевиков к этому делу не причастна»⁴². Хотя формально резолюция была принята, но обстоятельства ее принятия свидетельствовали об отрицательном мнении собравшихся и только опасения последствий, скорее всего, не позволили воздержавшимся проголосовать против.

На собрании рабочих 20-й типографии тон нежелательному настроению также был задан выступлением меньшевика. В итоге резолюция, предложенная докладчиком, была отклонена, «мотивируя тем, что сделается после суда, когда станет ясен весь процесс»⁴³.

Как правило, против резолюций комьячеек в сводках зафиксированы единичные выступления, 1–2 человека. Исключение — уже упоминавшийся Русаковский трамвайный парк. При этом, несогласные всегда причисляются к одной из двух партий: к меньшевикам или к эсерам. В этой связи заслуживает внимания информация сводки МГПО ГПУ о собрании на фабрике Вознесенской мануфактуры быв. Константинова, в которой обрисована нетипичная ситуация: «Настроение собравшихся (большинство — женщины) — антисоветское. Резолюция, предложенная комьячейкой была отвергнута. Многие выступали против суда над эсерами и разошлись без вынесения какой-либо резолюции. На фабрике большинство рабочих и рабочих пожилого возраста, приверженцы старого порядка (монархисты по темноте и мало сознательности, а прочие до революции, определенно, состояли в черносотенных монархических организациях — союзе Михаила Архангела и Зубатовской)»⁴⁴. Вместо дежурной ссылки на влияние меньшевиков или эсеров информатор объясняет отклонение резолюции пожилым возрастом и прошлым участием в черносотенных организациях.

Ярким примером неопределенного («сомнительного») отношения к процессу являлось общее собрание на фабрике Прохоровской Трехгорной мануфактуры, состоявшееся 25 мая. На нем присутствовало 2 тыс. человек. После доклада А.В.Луначарского на собрании в защиту эсеров выступили двое рабочих. Как сообщается в сводке, это были бывшие эсеры Шамбуров и Иванов. Причем, первый из них примыкал к партии эсеров еще в 1905 г., в последние годы именовал

себя беспартийным и ни разу не был замечен в чем-либо предосудительном. Второй же во время последних выборов в Моссовет голосовал за коммунистов⁴⁵. Стоило же этим рабочим высказать собственное мнение, отличающееся от политической директивы, как они сразу получили клеймо бывших эсеров и оказались на заметке ГПУ.

Собрание на Трехгорке интересно еще и тем, что большинство присутствовавших на нем, по всей видимости, не придавало серьезного значения происходящему. Так, против предложенной резолюции по докладу Луначарского (причем, инициаторами якобы опять были беспартийные) никто не голосовал. Однако во время выдвижения резолюции в зале был шум. Аплодировали как ораторам, защищавшим эсеров, так и Луначарскому, а его заключительное слово было встречено «шумными аплодисментами».

Неизвестно, что происходило на Трехгорке в последующие дни. Возможно, кто-то из рабочих критически высказывался о предстоящем процессе. Однако, утром 4 июня были арестованы 6 рабочих ткацкого отделения по подозрению в эсеровской агитации по поводу процесса. 6 июня была объявлена забастовка в ткацком отделении, насчитывавшем 600 человек, как сообщалось в сводке МПО ГПУ, в знак протеста. Однако забастовщики выдвинули два требования: освободить арестованных и повысить тариф. Последнее было расценено как попытка маскировки политического требования, так как новый тариф был якобы уже вывешен для сведения рабочих. Тем не менее, для ликвидации забастовки потребовалось пригрозить локаутом и уже в 6 час. вечера этого же дня ночная смена приступила к работе. Несомненно, влияние на решение рабочих вернуться к работе сыграло и объявление о повышении тарифа. А на следующий день среди рабочих даже раздавался ропот против инициаторов забастовки⁴⁶. Это была единственная политическая забастовка в Москве на протяжении июня, одного из самых спокойных месяцев года в отношении забастовочного движения.

Таким образом, агитационной кампанией было спровоцировано возрождение забастовок политического характера, что уже было редкостью среди перманентных «недовольств», «брожений», «итальянок» и забастовок, в подавляющем большинстве случаев, вызывавшихся экономическими факторами. В качестве причины органы ГПУ отмечали влияние на настроение рабочих возросшей активности антисоветских партий. Тем не менее, когда начались собрания и митинги по поводу демонстрации, идти или не идти, на Трехгорке этот вопрос был единогласно решен положительно. Причем, на фабричном митинге выступали петроградские рабочие, которых собравшиеся приветствовали аплодисментами. Здесь же подобно

Ниловне из книги Горького присутствовала мать арестованного эсера Иванова. Она призывала рабочих, которые совсем недавно бастовали в поддержку своих товарищей, выступить за освобождение своего сына, но поддержки ей никто не оказал⁴⁷.

В ряде случаев коммунисты, зная настроения рабочих на своих предприятиях и не надеясь на благополучный исход собрания, старались оттянуть его проведение и вели индивидуальную агитработу. Так, комьячейка 39-й типографии так и не решилась созвать собрание, учитывая сильное меньшевистское влияние. В свою очередь, по нелепой причине трижды откладывалось собрание на фабрике быв. Бостонжогло: из-за неявки докладчиков⁴⁸.

Как показывают информационные документы ГПУ, настроение подавляющего большинства рабочих, во многом, зависело от их материального обеспечения: своевременной выплаты жалования и получения продовольствия. Так, информируя об отношении к процессу эсеров среди рабочих-полиграфистов, МГПО ГПУ сообщал, что во 2-й Образцовой типографии злободневным вопросом является выдача жалования и исход собрания будет зависеть от того, будет оно выдано или нет⁴⁹. Такая же ситуация сложилась и в 7-й типографии, рабочие которой не получили 11 млрд руб. от газеты «Беднота». Заводуправление типографии было даже вынуждено приостановить печатание газеты. Объясняя, почему до конца мая здесь не было проведено собрание, в сводке сообщалось: «К политической жизни масса относится пассивно и ни один вопрос рабочими не затрагивался»⁵⁰.

Нередко, одновременно с обсуждением вопроса об эсерах на собраниях поднимались вопросы экономического характера, куда больше волновавшие рабочих. Так, собрание на Газовом заводе приобрело бурный характер из-за обсуждения весьма болезненных вопросов: недоброкачественность получаемого пайка, невыдача обмундирования, волокита с заключением коллективного договора. В связи с этим рабочие выказывали недовольство бездеятельностью завкома. По главному вопросу повестки, тем не менее, была принята резолюция, предложенная коммунистами⁵¹.

Характерной особенностью голосования резолюций, выносившихся комьячейками, являлось то, что они принимались, зачастую, при огромном количестве воздержавшихся. Счет проголосовавших «за» шел на десятки, а воздержавшихся — на сотни⁵². Рабочие, не без оснований, опасались голосовать «против», боясь репрессий: ареста или увольнения с завода. Последнее в условиях нараставшей безработицы являлось не менее устрашающей мерой воздействия⁵³. Еще одна деталь, свидетельствующая о том, что факт принятия

резюлюции не всегда адекватно отражал мнение рабочих, также зафиксирована в сводках МГПО ГПУ. По существовавшим правилам, участники собрания должны были расписываться под резолюцией. И секретари собраний сетовали, что делалось это очень неохотно. А на фабрике «Октябрь», быв. Хишина, на которой резолюция была принята единогласно, при сборе подписей 6 чел. подписать отказались, заявив, «что они расстреливать не желают»⁵⁴.

«Кухня, фабрикующая в России «волеизъявления революционного пролетариата» всем известна, — отмечал Л.Мартов в статье «Кровавый фарс», — а о подлинных настроениях московских и петербургских рабочих масс большевики осведомлены ничуть не менее нас, хорошо зная, что без вооруженного эскорта и без безмолвно висящей угрозы расчета ни один большевистский оратор не мог бы выступить на заводе, не рискуя быть освистанным»⁵⁵.

Встреча иностранных защитников

Ярким показателем накала политических страстей перед приближающимся началом процесса правых эсеров явилась организованная в Москве встреча иностранных защитников. Договоренность об участии в процессе защитников — представителей социалистических партий была достигнута в апреле 1922 г. в Берлине на конференции трех Интернационалов⁵⁶. В ней участвовали представители II Интернационала, возрожденного после Первой мировой войны, III или Коминтерна и представители Международного объединения рабочих и социалистических партий («Венское объединение»). Последних коминтерновцы насмешливо именовали «Интернационал Второй с половиной». В него, в частности, входила партия меньшевиков. А II Интернационал открыто поддерживал партию эсеров.

Опасаясь расправы над эсерами, представители II и Венского Интернационалов добились от представителей Коминтерна Н.И.Бухарина и К.Радека письменного обязательства в том, что в отношении обвиняемых не будет применена смертная казнь⁵⁷. Однако уже через несколько дней после этого соглашения в «Правде» была опубликована статья Ленина «Мы заплатили слишком дорого»⁵⁸. В ней Ленин подверг резкой критике данное обещание. А вскоре оно было, по сути, дезавуировано заявлением, что Бухарин и Радек превысили свои полномочия.

Еще до прибытия иностранных защитников в советской прессе началась их разнузданная травля как «защитников убийц». В связи с

этим ими был вручен протест советскому представителю в Берлине Н.Н.Крестинскому. Однако, следуя в Россию, защитники столкнулись с еще более враждебным отношением «разагитированных» масс. На первой же станции после пересечения границы, а затем и на всех последующих, совершенно пустой поезд, предоставленный трем адвокатам, встречали группы демонстрантов. По поезду даже стреляли: в результате револьверного выстрела, раздавшегося из толпы, было пробито окно в купе Теодора Либкнехта.

25 мая иностранные защитники Эмиль Вандервельде, Теодор Либкнехт (брат Карла Либкнехта) и Курт Розенфельд прибыли в Москву. Здесь им была организована встреча с подношением крапивы, калош и т.п. Из толпы, организованной чекистами, бросали соленые огурцы, свистели, гоготали. По утверждению Вандервельде он даже заметил в толпе лицо Бухарина. На вокзале, по данным ГПУ, собралось до 2 тыс. человек. «Настроение массы в большинстве было очень враждебное по отношению к приехавшим. Свердловцы по-немецки кричали по адресу приехавших и правых эсеров нелестные [слова]. В автомобиль, в котором ехали защитники эсеров, сыпались камни, рабочие грозили кулаками. Группа в несколько человек сочувственно приветствовала иностранных защитников, махали шапками, аплодировали и т.п. Один из этих лиц был задержан. На пути дальнейшего следования скопления публики не ожидалось»⁵⁹. По понятным причинам задержаны были не хулиганы, а сторонники подсудимых. Позже Вандервельде даже выразил благодарность сопровождавшим их чекистам за защиту от толпы, поведение которой ими же и было срежиссировано.

Яркими красками, с оскорбительными подробностями и очевидным удовольствием от происходящего сцена встречи была описана в «Правде». «Организованные группы народа» стекались к вокзалу со знаменами, оркестрами и пением. Держали плакаты. На огромном полотне нарисован бельгийский король и рядом с ним Вандервельде. Под портретом «аршинными буквами» — надпись: «Господин королевский министр Вандервельде. Когда вы предстанете перед судом революционного трибунала?». На другом плакате, посвященном Т.Либкнехту, красовался вопрос: «Каин, Каин, где брат твой Карл?». В толпе виднелись и другие плакаты с оскорбительными лозунгами: «Долой защиту тех, чьи руки обагрены кровью!», «Позор Теодору Либкнехту, защитнику убийц своего брата!» и т.п. «Когда защитники появились на крыльце вокзала, вся площадь мгновенно превратилась в сплошное море свиста, угрожающих жестов и гневных выкриков! На лицах Вандервельде и его друзей можно прочесть не только смущение, но и тревогу. Из тысяч грудей вырвался единодушный

крик: «Предатели, каналы». Милиции с трудом удалось сохранить порядок»⁶⁰, — сообщила газета.

Оскорбления в адрес иностранных защитников не переставали раздаваться со страниц газет и в последующие дни. К тому же вопиющий случай произошел на заседании Моссовета 6 июня в Колонном зале Дома союзов. В качестве гостей на него были приглашены Вандервельде и другие иностранные защитники. Существуют две версии дальнейшего развития событий. По версии Каменева адвокаты испугались большого количества присутствовавших рабочих и удалились до начала доклада К. Радека о процессе эсеров. По сообщению же «Голоса России», это был демонстративный уход после начала доклада и прозвучавших в нем оскорблений. Радек, в частности, сказал: «Защитник эсеров г. Вандервельде не имел мужества приехать на суд в качестве обвиняемого и будет играть роль защитника. Но приговор ревтрибунала по делу эсеров будет также приговором и над их защитниками»⁶¹. Но все же, вероятнее всего, третий вариант развития событий. Адвокаты, приняв приглашение, могли не знать о повестке заседания. Узнав же о докладе, они как профессионалы-юристы не могли присутствовать на обсуждении процесса.

После приезда иностранных защитников в постоянной рубрике инфсводок МГПО ГПУ «настроение рабочих и прочего населения к вопросу о процессе эсеров» стали приводиться и высказывания об иностранных защитниках. Так, рабочие Алексеевской водоканалки не одобрили встречу, устроенную защитникам. При этом они отметили, что такое поведение недостойно коммунистов. А в связи с процессом эсеров на водоканалке говорили: «Если эсеры заслуживают, то должны нести ответственность за свои деяния»⁶². Рабочие 11-й типографии МСНХ также осудили встречу иностранных защитников⁶³. А в Уваровском трамвайном парке подавляющим большинством голосов была принята резолюция нейтрального характера. В ней, в частности, говорилось, что Верховный Трибунал должен разобраться в обвинительном материале и наказать виновных по заслугам, зачтя заслуги тем, кто искренне и честно боролся за революцию⁶⁴.

Наряду с заводскими собраниями во всех районах Москвы были организованы беспартийные конференции, на которых принимались резолюции об отношении к процессу в нужном власти ключе. Такое единодушие не было случайным и объяснялось тем, что делегаты этих конференций отбирались завкоммами и комъячейками⁶⁵. В это же время вопрос о суде над правыми эсерами был вынесен и на пленумы районных советов депутатов. Наличие в их составе немногочисленных депутатов от меньшевиков и левых эсеров, хотя и не препятствовало принятию официальной резолюции, но вызывало, нередко, бурные

прения. В качестве примера приведем пленум Краснопресненского райсовета, состоявшийся 1 июня. Здесь возмутителем спокойствия явился левый эсер Прокопович. Выступив в защиту эсеров, он сказал, «что тов. Ленин разрывной пулей не ранен и порицал тов. Бухарина, говоря, что он потворствовал рабочим в выявлении злонамеренного отношения к приехавшим защитникам и проч.»⁶⁶. За это выступление Прокопович был немедленно исключен из состава райсовета.

В течение лета, когда дважды в день шли заседания Верховного трибунала, по республике все еще перекатывались волны собраний и митингов, на которых продолжали приниматься резолюции с требованием смертной казни подсудимым. Не было ни одного учреждения, вуза, фабрики, завода, больницы, тюрьмы, хладобойни, кооперативного или профсоюзного органа, где бы ни обсуждались резолюции о процессе эсеров. На фоне требований «сурового наказания предателям революции», продолжавших приниматься на собраниях московских рабочих, были отдельные случаи, когда официальная резолюция отклонялась. Таким итогом завершились собрания на государственной табачной фабрике (быв. Майкапар), на фабрике Цустран (быв. Продпуть) и на Мытищенском вагоностроительном заводе⁶⁷. А на фабрике быв. Гантер против предложенной резолюции на собрании 10 июня выступил член Моссовета и председатель завкома Тягунов. Он заявил, «что требование для подсудимых высшей меры наказания это есть требование расстрела, тогда как де и среди коммунистов есть люди, заслуживающие подобной оценки»⁶⁸. В результате резолюция была отклонена.

Сочувственное отношение к подсудимым высказывалось и в других городах. Так, в «Петроградской правде» было сообщено о противодействии кампании против правых эсеров на Металлическом и Обуховском заводах. На общем собрании Металлического завода 19 мая один из рабочих («бывший меньшевик») сказал о суде: «Это борются партии меж собою. Не нам их судить». Такое же мнение было высказано рабочим Капустиным на общем собрании Обуховского завода 26 мая. В итоге собрание отклонило «незначительным большинством голосов при огромном большинстве воздержавшихся» официальную резолюцию. Капустин же, как и следовало ожидать, был арестован⁶⁹. О том, что подобные настроения имели определенное распространение в городе, подтверждает и сообщение «Голоса России». В нем говорилось, что Зиновьеву пришлось защищаться в Петросовете от нападок рабочих, которые называли процесс актом запоздалой мести⁷⁰.

Если советские газеты захлебывались от публикации бесчисленных резолюций в поддержку смертной казни, звучавших не только

от имени крупных заводов, но и всевозможных артелей, боен и т.п. заведений, то эмигрантская печать информировала и о существовании других настроений на заводских собраниях. Так, например, корреспондент «Голоса России» сообщал из Петербурга: «Настроение запуганных рабочих выражается в записках с вопросами к ораторам, в которых фигурирует один кардинальный вопрос: «Неужели вы их расстреляете?» На что ораторы-коммунисты отвечают: «Не знаем, ведь их будет судить народ»⁷¹. По всей видимости, корреспондент, укравшийся за псевдонимом «политработник», был хорошо информирован о «кухне» подготовки процесса. Он также сообщил, что во всех городах формируются делегации из коммунистов или их агентов под видом беспартийных, которые получают билеты на суд. Для них составлена инструкция, как вести себя на суде. Эти делегации и будут тем народом, который будет судить эсеров.

Не смотря на все усилия власти, отсутствие всеобщего единства в осуждении эсеров наблюдалось не только в столицах. Так, по данным ГПУ не допустить вынесения высшей меры наказания правым эсерам требовали также рабочие писчебумажной фабрики Добруш Гомельской губ. На общем собрании рабочих Глуховской мануфактуры (Гомельская губ.) также была вынесена резолюция о смягчении приговора. В защиту эсеров высказались и рабочие депо Гомель. Примечательно, что на полях госинформсводки против этого сообщения сотрудник ГПУ приписал: «возможна работа Савинковцев». Отказались принять резолюцию с требованием высшей меры наказания и рабочие Харьковского паровозостроительного завода. Судя по косвенным данным, не поддерживали официальную линию некоторые профобъединения и рабочие организации Калужской губ.⁷²

Реакция власти на подобное неповиновение была довольно прямолинейной. Вслед за собраниями взятые на заметку рабочие увольнялись под видом сокращения штатов. Так, в Литографии картографического отдела в Москве увольнения были проведены даже, не смотря на принятие официальной резолюции. Поводом для них послужило выступление на собрании «группы меньшевиков». Хотя против резолюции голосовали всего лишь 7 человек, но сократить было решено 56⁷³. А на Харьковском паровозостроительном заводе, как сообщал «Голос России», по спискам, составленным комъячейкой, бригадиры цехов были назначены к увольнению по предельному возрасту, а молодые — по сокращению штатов⁷⁴.

После завершения процесса, когда информация о вынесенном приговоре достигла самых отдаленных регионов, из ряда губерний

даже поступали сведения о неудовлетворенности рабочих «столь слабым приговором над эсерами», т.е. тем, что смертная казнь не была приведена в исполнение⁷⁵.

Демонстрация 20 июня

В качестве главного политического мероприятия, призванного продемонстрировать всему миру всенародную поддержку действий большевиков, были запланированы общегородские демонстрации. Они должны были пройти по всей стране в годовщину убийства В.Володарского, 20 июня, и показать противникам процесса твердую волю пролетариата заклеить позором «подлых убийц, шпионов и диверсантов».

Главная роль отводилась демонстрации в Москве. О том, какое значение ей придавалось, определенно высказался Бухарин в речи на процессе: «И когда я с такой уверенностью защищаю дело, которое мне поручили, то я здесь это с особенной уверенностью делаю потому, что я, хотя и не формальный, но имею мандат от имени рабочих организованных масс, потому что та самая демонстрация, которая была 20-го числа и перед которой я лично выступал от имени нашей группы защитников, она этот мандат подтвердила»⁷⁶.

Для подготовки демонстрации, как показывает информация сводок МГПО ГПУ, с середины июня по предприятиям были проведены собрания. На них в качестве единственного вопроса или вместе с выявлением отношения к процессу эсеров принимались резолюции об участии в демонстрации. Обсуждение вновь и вновь порождало споры о роли различных партий. Так, на собрании рабочих Алексеевской водокачки была предложена резолюция следующего содержания: «Выйдя на улицу 20 июня, в день убийства тов. Володарского, мы требуем сурового наказания пособникам и единомышленникам Колчака, Деникина и проч.». Против резолюции выступили 4 человека. Объясняя свою позицию, они заявили, что эсеры не заслуживают такого наказания; что эсеры боролись с монархистами за социализм и убивали министров и сановников, а не большевики, что большевики отбирали у крестьян хлеб. В результате голосования резолюция была отклонена⁷⁷.

Как показывают проведенные собрания, отношение к демонстрации на многих предприятиях было прохладным. Часть рабочих надеялась увильнуть от демонстрации, воспользовавшись свободным днем, другая часть считала, что, пусть партии дерутся между собой, а их это не касается. На фабрике Цустрин, на лентоткацкой фабрике

Груздкова, на Алексеевской водокачке было принято решение: на демонстрацию не выходить. В 31-й типографии участвовать в демонстрации собирались 50–60% рабочих. В Миусском трамвайном парке за участие в демонстрации из 600 человек выступило не более 80. Бурные споры шли на Алексеевской камвольно-прядельной фабрике: собрание закончилось только в 2 часа ночи. В итоге единогласно проголосовали против резолюции комьячейки, а присутствовало около 700 человек (70% — женщины). На заводе «Геофизика», быв. Швабе вопрос об отношении к процессу и к демонстрации «из-за слабости комьячейки» был вынесен на обсуждение лишь в день демонстрации. В обеденный перерыв здесь прошел летучий митинг, на котором за демонстрацию проголосовало только 15 человек из 100, остальные воздержались. Наоборот, на фабрике Бутикова и в 27-й типографии рабочие приняли единогласное решение: участвовать. А в Бухаринском трамвайном парке водители трамваев были недовольны тем, что не смогут принять участие в демонстрации из-за работы на линии⁷⁸.

Задолго до дня демонстрации началась массированная агиткампания. 15 июня на первой странице «Правды» было опубликовано обращение МК РКП и МГСПС «Все на демонстрацию 20 июня!» «Все на улицу, все на демонстрацию!» 17 июня под «аршинным» заголовком «Все на демонстрацию 20 июня» были опубликованы обращения к рабочим различных отраслей: печатникам, строительным рабочим, транспортникам. 18 июня — обращение к рабочим частновладельческих предприятий с призывом выйти на демонстрацию. С призывом выйти на улицу обратилась «к красным москвичам» группа петроградских рабочих, присутствовавших на процессе. Были опубликованы маршруты движения и объявлено, что на Красную площадь будут пропускаться рабочие только в составе районных колонн, а члены ЦИК, Совнаркома и других органов — по служебным удостоверениям. Рекомендованы были лозунги на злобу дня: «Смерть предателям!», «Беспощадный приговор Гоцу и К^о!» и т.п.

Свою агитацию, несмотря на большую опасность, пытались вести и антибольшевистские силы. В сводках зафиксирован единственный случай открытой агитации, когда на общее собрание на заводе АМО приехали два меньшевика с мандатом от МК РСДРП. Они призывали не выходить на демонстрацию 20 июня. В итоге за их резолюцию проголосовало приблизительно 15 человек из около 400 присутствующих, а за коммунистическую — все остальные⁷⁹.

В адрес завкомов по почте направлялись письма ЦК РСДРП, листовки, номера меньшевистских и эсеровских изданий. По поводу одного такого письма завком завода «Динамо» обратился с открытым письмом через «Правду», которое заканчивалось словами:

«Покорнейшая просьба к ЦК меньшевиков не загромождать завком письмами»⁸⁰.

Утром 19 июня в Замоскворецком, Краснопресненском, Рогожско-Симоновском районах у входа на ряд предприятий были расклеены меньшевистские прокламации, призывавшие рабочих не выходить на демонстрацию. Они заканчивались лозунгами: «Долой террор, долой смертную казнь!» «Да здравствует международный рабочий фронт!». На некоторых предприятиях распространялся эсеровский бюллетень «Труд» (№ 2 от 19 июня), который призывал рабочих «демонстрировать» ко всем тюрьмам, в том числе и к тюрьме ГПУ, и требовать освобождения политарестантов.

Среди рабочих поползли зловещие слухи, что якобы на Красной площади будут производиться расстрелы и что идти туда рискованно⁸¹. Настроение рабочих все время колебалось, но там, где были приняты резолюции об отказе от участия, на демонстрацию не пошли. В день демонстрации, начиная с 15 час. 30 мин., МГПО ГПУ каждые полчаса как, сводки военных действий, передавал специальные сообщения «О демонстрации 20 июня». В них говорилось о настроении рабочих, какие предприятия вышли на демонстрацию и сколько человек. В начале 4-го часа дня во всех районах началось движение колонн демонстрантов со сборных пунктов в центр. От Городского района общее число участников доходило до 25 тыс. Не участвовали 31-я, 32-я и 39-я типографии. С Главпочтамта, Телеграфа и от Телефонной станции — вместе не более 40 человек. По пути следования этой колонны с Трубной площади появилась группа анархистов в 15–20 человек с плакатами. Плакаты тотчас были разорваны, как сообщалось, демонстрантами, а анархисты — разогнаны.

От Замоскворецкого района на демонстрацию вышли все предприятия, некоторые с малым числом участников. Например, от фабрики Циндель — 50 человек из 700 работающих, видимо, только коммунисты. От Рогожско-Симоновского района участвовало около 15 тыс. человек: все заводы вышли почти в полном составе, за исключением завода быв. Алексеева-Шамшина (100 из 400). От Хамовнического района — около 4 тыс. и 1 тыс. госзнаковцев. Особенно незначительно были представлены типографии (от 7-й типографии — только комъячейка, «меньшевики остались работать»), Уваровский трамвайный парк (всего 60 человек), от остальных предприятий района участвовало около половины состава. Всего в Москве по данным ГПУ в демонстрации приняло участие около 200 тыс. человек⁸².

Вечером этого же дня в Трибунал явились представители московских и петроградских рабочих с тем, чтобы огласить резолюции,

принятые на фабриках и заводах в связи с процессом. При появлении рабочих председатель трибунала Г.Л.Пятаков лицемерно заявил, так как трибунал «является органом Рабоче-крестьянской республики, и мнение трудящихся масс имеет чрезвычайно существенное значение, хотя в своих суждениях **Верховный трибунал и независим от мнения какой бы то ни было группы товарищей**»⁸³, он разрешает огласить резолюции. Это вопиющее нарушение правовых норм вызвало резкий протест со стороны адвокатов первой группы Н.К.Муравьева, А.С.Тагера и др. Они потребовали персональной смены членов трибунала. Получив отказ, защитники в полном составе заявили о невозможности дальнейшего участия в процессе. Это решение поддержали и их подзащитные. После долгих пререканий и новых оскорблений со стороны суда и государственного обвинителя отставка защиты была принята, но ее поведение Н.В.Крыленко назвал преступным⁸⁴.

20 июня прошла также массовая демонстрация в другом крупном политическом центре страны — Петрограде. По сообщению, присланному 24 июня в информотдел ГПУ из Петрограда, на демонстрации «отмечалось бодрость и воодушевление. Присутствовали почти все рабочие крупных предприятий, более 75 тыс. человек. Контрреволюционных агитаций и листовок среди масс не замечалось. Демонстрация 20 июня [в] Кронштадте прошла оживленно. [В] сравнении [с] 1 Мая подтверждается устойчивое положение и сочувствие Советской власти всех слоев»⁸⁵. По сообщениям большевистской печати 20 июня состоялись также демонстрации в Харькове (150 тыс. участников), Самаре (15 тыс.), в Саратове, в Туле и в ряде других городов⁸⁶.

Не смотря на огромные обороты, набранные пропагандистской машиной большевиков, истинные цели проведения демонстрации и мотивы участия в ней были очевидны для здравомыслящей части населения. Вот что, например, записал в эти дни в дневнике москвич Н.П.Окунев: «И до и после Стеклов и прочие писатели земли советской старались кого-то уверить, что трехсоттысячная громада манифестантов, вышедшая 20-го числа «на улицу», шла сознательно, по своей инициативе, будучи обуреваема презрением к обвиняемым эсерам и их защитникам. Я не был в числе таких демонстрантов и не берусь за подсчет их. Во всяком случае, большинство их своею прогулкой на Красную площадь на некоторое время забронировало себя от «сокращения». А это теперь такой бич, который с каждым днем все увеличивает число голодающих и преступников»⁸⁷. А очевидцем демонстрации 20 июня в Петрограде был известный экономист Питириим Сорокин. Он описал в дневнике, изданном в эмиграции,

как наблюдал колонну демонстрантов, примерно, 50 тыс. человек. В толпе Сорокин видел много знакомых студентов и рабочих, о которых знал, что они не согласны с требованием смертной казни подсудимым. Они, как и многие москвичи, и жители других городов, участвовали в демонстрации, чтобы не потерять работу и не оказаться тем самым на пороге голодной смерти⁸⁸.

Контроль общественных настроений и, в первую очередь, в рабочей среде, осуществлялся в течение всего процесса. Так, анализируя политические настроения в июле, органы ГПУ отмечали: «Из политических вопросов боевым в отчетном месяце был процесс над эсерами, однако, в рабочей среде он потерял тот интерес, который имел в прошлом месяце, что объясняется его затяжкой»⁸⁹. Даже из обычно беспокойного Петрограда приходили сообщения о безразличии рабочих⁹⁰. Не смотря на этот общий вывод, МГПО ГПУ продолжал пристально следить за поведением меньшевиков и эсеров, контролировать положение на предприятиях. В зоне повышенного внимания ГПУ находились те предприятия, которые продемонстрировали свою неблагонадежность в период кампании принятия резолюций и те, кто не вышел на демонстрацию 20 июня. Причем отказ от участия в демонстрации отмечался, как правило, именно там, где меньшевики традиционно пользовались влиянием (например, в ряде типографий). Усиление этой работы в начале августа было связано с ожиданием реакции на вынесение приговора на процессе. Под этим углом зрения и шел сбор информации. Так, например, в сводке за 7 августа содержалась информация «о настроениях в связи с процессом эсеров» на 6 московских предприятиях. В том числе, о положении на Телеграфе сообщалось: «На Телеграфе имеется группировка антисоветских элементов во главе с Лаврентьевым, Уваровым и др., которые в свое время на собрании работников Телеграфа внесли поправку в резолюцию, предложенную докладчиком, чтобы высшую меру наказания к эсерам не применять. В данное время к этой группировке примкнул Иконников и К^о. Возможно, что в связи с вынесением приговора над эсерами они выявят свой протест, тем более что вовлечь работников Почтамта в подобного рода антисоветский выпад возможно, т.к. экономическое состояние работников Почтамта плохое»⁹¹.

Первый открытый политический процесс в советской России закончился вынесением высшей меры наказания 12 подсудимым-эсерам. На следующий день после окончания процесса, 8 августа, ВЦИК, считая своей задачей «дать трудящимся наглядный урок революционного действия», утвердил приговор Верховного трибунала с добавлением, «но исполнением приостановить»⁹². Этот

вердикт был predetermined с самого начала, в том числе и хорошо продуманной и организованной агитационной кампанией. Рабочие столичных предприятий по замыслу властей сыграли в ней главную обвинительную роль. Таким образом, был создан прецедент, сценарная заготовка для последующего использования пролетарского гнева в показательных процессах сталинского периода. Но означал ли успех кампании массовую поддержку самого режима? Скорее всего, для самих рабочих вопрос так не стоял. Попытки активной борьбы уже ушли в прошлое, свои результаты принесла и «отрицательная селекция», в результате которой изымались лучшие элементы общества. Все большое число коммунистов считали своим партийным долгом, совпадавшим с их внутренним убеждением, информировать об «антисоветских проявлениях». Основная же масса была вне политики и воспринимала власть как данность, к которой нужно приспособляться.

О том, как проходила идеологическая обработка населения, и формировалось отрицательное отношение к подсудимым и партии эсеров в целом, свидетельствуют до недавнего времени секретные документы ГПУ. Информационные документы ГПУ позволяют проанализировать механизм и мотивы принимавшихся резолюций, влияние на сознание рабочих их личного опыта, вынесенного из совсем еще близкого времени военного коммунизма и Гражданской войны. Несмотря на то, что на подавляющем большинстве предприятий были приняты резолюции, инициированные сверху, поведение участников собраний, ход голосования говорят о неоднозначном отношении к процессу даже на этих собраниях. Помимо рабочих, разделявших политические убеждения большевиков, были и те, кто, имея противоположное мнение, скрывали его. Они уже усвоили «правила игры», установленные властью, и либо голосовали за, а потом старались уклониться от фиксирования результатов голосования, либо воздерживались при голосовании.

Оценки, высказывания в форме «живой речи», зафиксированные в сводках, свидетельствуют о том, что среди рабочих были немногочисленные группы, которые, несмотря на тяжелое материальное положение, думали не только «о хлебе насущном». Они имели свои убеждения, нравственную позицию и смелость их высказывать, не боясь ареста или увольнения. На основе этих документов складывается и определенное представление о работе ГПУ, сотрудники которого не только «слушали», «смотрели», выявляли несогласных, но и пытались прогнозировать развитие ситуации, исходя из настроений населения. Текст сводок фиксирует также использование устойчивых политических штампов, появившихся еще

в первые послереволюционные годы, и зарождение новых клише. Как, например, маскировка партийных директив под инициативу беспартийных масс.

Свои особенности имело и волеизъявление в удаленных от центра уголках страны. Для их жителей центральная власть с ее инструкциями и кампаниями, судя по поступавшим сообщениям, существовала отдельно от местной жизни с ее заботами и невзгодами, ответственность за которые несли местные коммунисты. Поэтому только на первый взгляд может показаться абсурдом соседство в одной и той же сводке таких, казалось бы, взаимоисключающих сообщений, как, например, из Омской губернии. Так, по данным на 25 июля 1922 г. сообщалось: «В Бобринской волости Омского уезда крестьяне не дают хоронить коммунистов на общем кладбище». А ниже, отвечая на 7-й пункт сводки об отношении к процессу: «Кампания по освещению процесса эсеров и итогов Генуэзской конференции приняла широкие размеры. Благодаря проведенной кампании выяснилось, что рабоче-крестьянские массы, не смотря на частичное недовольство голодом и материальной необеспеченности, находятся на стороне Советов и РКП»⁹³.

Примечания

¹ В дни нэпа // Последние новости. № 651. Париж. 1922.

² Там же. Л. 72.

³ Там же. Л. 450.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 65.

⁵ Долгое время единственной специальной работой на эту тему являлась монография шведского историка М.Янсена «Суд без суда», русский перевод которой вышел в 1993 г. В последние годы в связи с возможностью объективно подойти к изучению истории небольшевистских партий появились исследования, в которых с разной степенью подробности затрагиваются отдельные аспекты судебного процесса. См.: *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг. М., 1995. *Яров С.В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих. СПб, 1998.

⁶ *Борисова Л.В.* Рабочие Москвы и процесс правых эсеров (по документам ГПУ) // Ежегодник историко-антропологических исследований 2001/2002. М., 2002.

Большое значение для дальнейшего углубления исследований имеет первая научная публикация значительного комплекса архивных документов о подготовке и проведении судебного процесса в документальной серии «Архивы Кремля». См.: Судебный процесс над социалистами-ре-

волюционеры (июнь–август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М., 2002. Первым итогом этой работы явилась фундаментальная монография одного из участников проекта. См.: *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Он. 3. Д. 284. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 10.

⁹ Там же. Л. 11.

¹⁰ Там же. Д. 294. Л. 4.

¹¹ На заседании Политбюро 20 апреля 1922 г. была утверждена смета на 20 экземпляров каждого издания. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 289. Л. 5.

¹² Там же. Д. 299. Л. 4.

¹³ Там же. Д. 304. Л. 3.

¹⁴ Последние новости. № 694 Париж. 1922. 23 июля.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 299. Л. 5.

¹⁶ Уже находясь на скамье подсудимых, А.Р.Гоц заявил: «Мы готовы примириться с советским строем, но при условии свободных выборов в советы и при соблюдении гражданских свобод». Цит. по: Перевыборы советов? // Последние новости. Париж. 8 августа 1922 г. № 707.

¹⁷ На советском Олимпе // Последние новости. Париж. 17 мая 1922 г. № 639.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 303. Л. 5.

¹⁹ Там же. Д. 304. Л. 4.

²⁰ Там же. Д. 304. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 102.

²² *Вардин И.* Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты. М., 1922. *Луначарский А.В.* Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М., 1922. *Мещеряков В.* Партия социалистов-революционеров. Ч. 1–2. М., 1922. *Платонов А.* Работа эсеров за границей. М., 1922. *Попов Н.* Что должен знать каждый рабочий о процессе социалистов-революционеров. М., 1922. *Стеклов Ю.* Партия социалистов-революционеров. М., 1922. *Шмераль Б.* Чехословаки и эсеры. М., 1922.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 301. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 283. Л. 1. Здесь и далее текст выделен мной. — Л.Б.

²⁵ Там же. Д. 285. Л. 3.

²⁶ Там же. На заседании Политбюро 6 июля 1922 г. постановление об издании названного циркуляра было отменено. См.: Там же. Д. 302. Л. 1.

²⁷ Апология предателя // Последние новости. Париж. 2 июня 1922 г. № 980.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 289. Л. 5.

²⁹ Там же. Д. 297. Л. 2.

³⁰ Там же. Д. 305. Л. 4.

³¹ Письмо из Москвы // Голос России. 1922. 27 июня.

³² Обвинители // Последние новости. № 719. 1922. Судя по этому описанию, на кинолентке фиксировались не только документальные кадры, но и

постановочные сюжеты. Не исключена вероятность, что «киносъемщиком» мог быть известный кинорежиссер Дзига Вертов, снявший документальный фильм «Процесс правых эсеров». См.: Янсен М. Суд без суда. М., 1993. С. 166.

³³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 454.

³⁴ Там же. Л. 455.

³⁵ Там же. Л. 133.

³⁶ См.: Процесс эсеров. Вып. 1. Речи обвинителей. Вып. 2. Речи защитников и обвиняемых. М., 1922.

³⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 450.

³⁸ Там же. Л. 141. Д. 481. Л. 12.

³⁹ Там же. Д. 592. Л. 141 об.

⁴⁰ Там же. Л. 142 об.

⁴¹ Там же. Л. 139 об., 464.

⁴² Там же. Л. 135.

⁴³ Там же. Л. 135 об.

⁴⁴ Там же. Л. 139.

⁴⁵ Там же. Л. 133.

⁴⁶ Там же. Л. 145. Слухи об аресте якобы 10 участников этой забастовки, в свою очередь, распространились на фабрике быв. Бутникова. Возможно, с процессом эсеров был связан и инцидент с членом Исполкома Коминтерна Кларой Цеткин, являвшейся одним из обвинителей на процессе. По сообщению «Последних новостей» 25 июля ее освистали собравшиеся рабочие при въезде на территорию Прохоровской мануфактуры, а автомобиль забросали грязной ветошью. Притом, что приезд Цеткин преследовал благую цель: посмотреть приют-ясли для детей работников фабрики. (Последние новости. № 709. Париж. 1922).

⁴⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 160 об.

⁴⁸ Там же. Л. 157.

⁴⁹ Там же. Л. 135 об.

⁵⁰ Там же. Л. 136 об.

⁵¹ Там же. Л. 141 об.

⁵² Например, на общем собрании, состоявшемся 14 июня в 11-й типографии, за резолюцию комъчейки из 900 чел. проголосовало только 25, остальные воздержались. (Там же. Л. 155).

⁵³ По статистическим данным в 1922 г. был самый высокий уровень безработицы за период нэпа. Например, в Москве было зарегистрировано 316181 безработный (в 1921 г. — 171657 чел., в 1923 г. — 299858 чел.). См.: Аleshchenko Н.М. Московский совет в 1917 — 1941 гг. М., 1976. С. 309.

⁵⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 141 об.

⁵⁵ Голос России. № 996. 1922. 22 июня. В «Голосе России» под рубрикой «К процессу с.-р.» опубликованы многочисленные сообщения о фальсификации общественного мнения. В частности, о принятии резолюции в одном из военных госпиталей московский корреспондент газеты писал: «И хотя с резолюцией никто, кроме внесившего ее на голосование коммуниста, не был согласен, оказалось, что она «была принята подавляющим большинством». (№ 985. 1922. 9 июня).

⁵⁶ До начала мая предполагалось участие в процессе 10 защитников: Эмиль Вандервельде, Артур Вотерс и Хаген Гест (от II Инт.); Поль Бонкур, Теодор Либкнехт и Курт Розенфельд (от Венского Инт.); Модильяни (от Итальянской социалистической партии); Сухомлин, Кобяков и Гуревич (от ПСР). Затем представители эсеровской партии отказались, чтобы не создавать впечатления о политической пристрастности. Позднее выяснилось нежелание участвовать в процессе еще ряда названных адвокатов. В итоге в Москву приехали трое.

⁵⁷ Подробнее см.: *Янсен М.* Указ. соч.

⁵⁸ См.: Правда. 1922. 11 апреля.

⁵⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 133 об. В сводке МГПО ГПУ за 3 июня сообщалось об изменении настроений среди курсантов Коммунистического университета им. Свердлова, что они начинают с некоторым осуждением высказываться о своем участии во «встрече» иностранных защитников и критически относиться к кампании, ведущейся в прессе по поводу процесса эсеров. (Там же. Л. 144).

⁶⁰ Правда. 1922. 27 мая. О встрече см. так же: Известия. Труд. 1922. 27 мая.

28 мая в «Известиях» была опубликована декларация иностранных защитников, в которой выражалась благодарность правительству России «за в высшей степени любезный прием и за решительные меры, позволившие предупредить насилия над личностями иностранных защитников, к которым могла бы привести демонстрация на Виндавском вокзале». В ней также объяснялось, что целью защитников является беспристрастное установление истины и выполнение долга перед международным пролетариатом.

⁶¹ Голос России. № 986. 1922. 10 июня.

⁶² ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 138 об.

⁶³ Там же. Л. 141 об.

⁶⁴ Там же. Л. 139 об.

⁶⁵ Там же. Л. 141 об., 142; и др.

⁶⁶ Там же. Л. 142. О присутствии на вокзале Бухарина говорил и Вандервельде.

⁶⁷ Там же. Л. 154, 155, 155 об. На Мытищенском вагоностроительном заводе, несмотря на отклонение официальной резолюции, рабочие избрали трех делегатов для присутствия на процессе. Видимо, обстановка на собрании была бурной, так как в сводке при этом указано: «в том числе один крикун».

⁶⁸ Там же. Л. 152.

⁶⁹ *Яров С.В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих. СПб, 1998. С. 149–150.

⁷⁰ Волнения среди рабочих Петербурга // Голос России. № 998. 1922. 24 июня.

⁷¹ Голос России. 1922. 8 июня.

⁷² ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 481. Л. 178, 209. Д. 488. Л. 91, 263.

⁷³ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сб. док. М., 2002. С. 68.

⁷⁴ Последствия неудавшегося антиэсеровского митинга // *Голос России*. № 998. 1922. 24 июня.

⁷⁵ Такие сообщения были получены в конце августа из Саратовской, Красноярской и Челябинской губерний. (Там же. Д. 489. Л. 204, 291, 312).

⁷⁶ Процесс эсеров. Вып. 2. Речи защитников и обвиняемых. М., 1922. С. 144.

⁷⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 158.

⁷⁸ Там же Л. 158–159.

⁷⁹ Там же. Л. 160 об.

⁸⁰ Правда. № 137. 1922. 21 июня.

⁸¹ В связи с процессом имел широкое хождение еще один слух: будто Чичерин не вернулся с Генуэзской конференции, т.к. взят в заложники на случай вынесения смертного приговора правым эсерам. В действительности он получил отпуск от ЦК и, не возвращаясь в Москву, остался за границей на отдых. Вообще же эти слухи интересны с точки зрения отражения в массовом сознании типичных вариантов развития событий. Формирование этих «прогнозов» (расстрелы, заложники), несомненно, связано с памятью о реалиях военного коммунизма и с усилением с началом нэпа практики подавления инакомыслия.

⁸² ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 159 об. Скорее всего, это наиболее достоверные данные. По всей видимости, эта цифра показалась недостаточной, поэтому в советской печати сообщалось, что в демонстрации 20 июня в Москве участвовало 300 тыс. Есть и другие сведения о численности демонстрантов. По западным оценкам эти данные колеблются от 150 тыс. до 400–500 тыс., а по утверждению меньшевика Бориса Двинова — десятки тысяч. (См.: *Яцен М.* Суд без суда. 1922 год. М., 1993. С. 241).

⁸³ Цит. по: *Голликов Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. Изд. 3-е, доп. М., 1980. С. 213.

⁸⁴ 14 июня от участия в процессе отказались иностранные защитники. Трибунал весьма характерно оценил их позицию: «Иностранная защита, с самого начала усвоившая себе неправильный тон по отношению к Трибуналу, пытавшаяся заподозрить его объективизм и беспристрастие, осмелившаяся сопоставлять его с антипролетарскими буржуазными судами капиталистических государств, убедившаяся на деле в том, что процесс ведется со всеми гарантиями действительной защиты подсудимых и действительного выяснения индивидуальной виновности каждого... что перед лицом фактов политической манифестации остается все меньше и меньше места, — эта защита искала только предлога, чтобы покинуть процесс, участие на котором для нее становилось явно политически невыгодным». (Цит. по: *Голликов Д.Л.* Указ. соч. С. 213).

⁸⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 608. Л. 15. Официальные данные значительно превышают эту цифру. В печати было сообщено о 200 тыс. участников.

⁸⁶ Янсен М. Суд без суда. С. 166, 168. К.В.Гусев сообщает о 120 тыс. участников демонстрации в Харькове, «в том числе 90% работников промышленных предприятий». (Указ. соч. С. 365).

⁸⁷ Окунев Н.П. Дневник москвича. С. 231.

⁸⁸ Янсен М. Суд без суда. С. 170.

⁸⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 459. Л. 5 об.

⁹⁰ По всей видимости, на настроения в городе повлияли и превентивные меры, предпринятые против оппозиции. По сообщению эмигрантской печати, чтобы на время процесса изолировать меньшевиков и эсеров, в Петрограде проводились повальные обыски. Под видом розыска воров и грабителей мобилизованные для этого рядовые коммунисты совместно с агентами угро проверяли трудовые книжки, осматривали квартиры и сверяли с количеством живущих. Подозрительных, а им мог оказаться любой, арестовывали. (См.: Голос России. 1922. 8 июня).

⁹¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 207.

⁹² Процесс эсеров. Вып. 1. Речи обвинителей. М., 1922. С. 243–244.

⁹³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 488. Л. 276.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заявленные накануне Октябрьской революции меры выхода из экономического кризиса на практике из временных превратились в основополагающие. А ликвидация частной собственности и физическое уничтожение эксплуататорских классов привели к тому, что якобы рабоче-крестьянское государство стало единственным собственником, прикрывавшимся демагогическими утверждениями о диктатуре большинства над меньшинством. При этом задачи организации труда и повышения его производительности были главными для новой власти.

Первоначальные расчеты на сознательность и попытки убедить рабочих в том, что теперь они — новые хозяева фабрик и заводов, очень быстро показали свою несостоятельность. Старая система мотивации труда, державшаяся на штрафах и страхе увольнения, рухнула, а вместе с ней и развалилась дисциплина на производстве. К тому же, критическое состояние предприятий, остановившихся из-за отсутствия топлива и сырья, оказывало дезорганизующее влияние на рабочих. Выходом из этого положения, отчасти, являлась милитаризация наиболее важных с точки зрения обороны отраслей, начавшаяся с 1918 г. Именно на милитаризованных предприятиях, чтобы хоть как-то удержать разбегающихся рабочих, были предприняты самые жесткие дисциплинарные меры, оправдывавшиеся военным временем. Некоторой компенсацией этого ужесточения служило снабжение рабочих красноармейскими пайками. Действенным стимулом к труду в годы Гражданской войны являлся страх перед отправкой на фронт, которая применялась как наказание.

С 1919 г. стали осуществляться принудительные переброски рабочих с одного предприятия на другое, при этом расстояние между старым и новым местом работы могло исчисляться тысячами километров. Кроме того, по отношению к индустриальным рабочим применялся еще один вид принудительного труда. Они направлялись на сезонные принудительные повинности. Например, на уборку урожая.

Уничтожив экономические стимулы к труду и почти задушив рыночные отношения, большевистское государство не могло заменить их ни энтузиазмом, ни трудовым героизмом, как категориями не экономическими. Кредит доверия, полученный накануне Октября 1917 г., быстро закончился, и начались постоянные, то разрастающиеся, то затухавшие протестные выступления, как в городе, так и в деревне. Стихийным ответом рабочих на материальные трудности в этот период были волынки и забастовки, которые в редких случаях принимали форму вооруженных столкновений и городских бунтов. При этом проявления рабочего протеста имели свои особенности в разных регионах страны. Так, для рабочих Петрограда были характерны массовые стачки и стремление к организованной борьбе в рамках движения Чрезвычайных уполномоченных фабрик и заводов. Формы протестного движения обуславливались и способностью институтов власти уловить и откликнуться на импульс, идущий от рабочих. В частности, таким откликом на стихийный поход горожан в деревню за хлебом являлась организация продотрядов.

После выступлений весной – летом 1918 г. следующий всплеск рабочего протеста пришелся на весну 1919 г. Крупнейшие выступления в этот период произошли в Астрахани, Гомеле и Туле. События в Туле, в частности, показали, что уже в этот период руководство профсоюзами не имело реальных возможностей отстаивать свою точку зрения и было вынуждено подчиняться партийному диктату.

Социальный взрыв весны 1921 г. стал последней каплей, переполнившей чашу военного коммунизма. При этом выступления рабочих в Петрограде и Москве отличались не только по своему масштабу, но и по реакции на них власти. Московские события, хотя и уступали по массовости принявших в них участие, но напугали своей близостью власть больше, чем питерские. Эти выступления стали последним сигналом для большевиков о необходимости срочных и кардинальных перемен.

Следующий период подъема протестного движения рабочих пришелся на начало нэпа, когда уже был обозначен переход к новой системе мотивации труда, при которой размер заработной платы зависел от производительности труда. Одновременно был взят курс на переход к денежной оплате труда. Все эти меры противоречили тому порядку, к которому на протяжении предшествовавших лет успели привыкнуть рабочие, когда зарплата не соотносилась с производительностью труда, а главное значение имела величина продовольственного пайка. Уравнительность оплаты труда уже прочно укоренилась в сознании рабочих. Слом устоявшихся отношений, введение условий рыночной конкуренции были восприняты с яв-

ным раздражением. Рабочие также успели поверить в пропаганду своего исключительного положения в обществе и демонстрировали превосходство над другими слоями населения, прежде всего, над образованной его частью — спецами. В это время в условиях чудовищного жилищного кризиса вновь, как в первое время после революции, начинают звучать настойчивые предложения рабочих, выселять из квартир не только «буржуев», но и спецов.

Переход к рыночным отношениям сопровождался для рабочих многомесячными задержками выплаты зарплаты, ростом дороговизны, безработицей, конфликтами с администрацией. Все эти неурядицы служили питательной почвой для многочисленных трудовых конфликтов, нередко, заканчивавшихся остановкой работы. При этом массовость конфликтов, существенно превышавших количество рабочих выступлений предыдущих лет, компенсировалась их скоротечностью, что, однако, не исключало и многодневных забастовок. А многочисленные причины конфликтов отражали все особенности трудовых отношений. При этом забастовки, зачастую, заканчивались объявлением «перерегистрации», под которой маскировался дореволюционный локаут. Уволенные таким образом рабочие могли оказаться в «черном списке» или быть сосланными. В свою очередь, и рабочие, выражая свое недовольство материальным положением, использовали чувствительную для власти форму — отказывались участвовать в демонстрациях, в том числе и по случаю революционных праздников.

В условиях нэпа и частичного восстановления капиталистических отношений значительно расширилось участие профсоюзов в трудовой жизни. Они окончательно превратились в часть государственной системы, взяв на себя и некоторые функции Наркомтруда. Прежде всего, на профсоюзные органы была возложена большая работа по разработке и принятию коллективных договоров, фиксировавших все нюансы трудовых отношений. Примечательно, что до середины 1920-х гг. в коллективных договорах сохранялись такие пережитки военного коммунизма как предоставление бесплатных талонов на обувь, на дрова, на проезд. При этом рабочие настойчиво отстаивали свои интересы. Так что трения на почве коллдоговоров в ряде случаев заканчивались забастовкой. Профсоюзные органы регулировали также конфликтные ситуации через систему своих органов, работавших по принципу примирения. В задачи профсоюзов входило также ведение переговоров для улаживания забастовок, при условии, что рабочие не прекращают работу. И, наоборот, на частных предприятиях профорганы возглавляли забастовочную борьбу.

Одновременно с выполнением производственных задач предприятия являлись центром политической агитации. Не было ни одного события, будь то изъятие церковных ценностей, Генуэзская конференция или судебный процесс над правыми эсерами, которое бы не сопровождалось собраниями и митингами на предприятиях. На них принимались резолюции, призванные демонстрировать одобрение рабочими действий власти. Не смотря на стремление рабочих всякий раз использовать эти собрания для улучшения своего материального положения, власть придавала им большое значение, рассматривая их как своеобразный мандат на ведение борьбы с классовыми и политическими врагами. Как показало изучение кампании в связи с процессом партии правых эсеров, в ходе ее проведения впервые была успешно апробирована технология формирования резко негативного отношения к политическим оппонентам. Таким образом, было положено начало действию политического театра, «расцвет» которого пришелся на вторую половину 1930-х годов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Бухревком	— Бухарский революционный комитет
быв.	— бывший
ВНУС	— войска внутренней службы
ВОХР	— войска внутренней охраны Республики
ВСНХ, Вышсовнархоз	— Высший совет народного хозяйства
ВЦСПС	— Всероссийский центральный совет профессиональных союзов
ВЧК	— Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности
Главвод	— Главное управление водного транспорта ВСНХ
Главкомтруд	— Главный комитет по трудовой повинности
Главполитпуть	— Главное политическое управление железнодорожного транспорта
Главцветмет	— Главное управление предприятиями цветной металлургии
Госплан	— Государственный плановый комитет
горпродком	— городской продовольственный комитет
губвоенком	— губернский военный комиссар
губисполком	— губернский исполнительный комитет
губком	— губернский комитет
губкомиссар	— губернский комиссар
губкомтруд	— губернский комитет по трудовой повинности
гублеском	— комитет лесной промышленности при губернском совнархозе
губпродком	— губернский продовольственный комитет
губрабисправдом	— губернский рабочий исправительный дом
губчека	— губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности
желеском	— комитет лесозаготовок и оборудования для железных дорог
ЖЧК	— железнодорожная чрезвычайная комиссия
земотдел	— земельный отдел
информбюллетень	— информационный бюллетень
информсводка	— информационная сводка
Иртур	— Управление по ирригации Туркестана
Кавфронт	— Кавказский фронт
коммунхоз	— отдел коммунального хозяйства
комтруд	— комитет по трудовой повинности
Москвотоп	— Московский топливный комитет
МЧК	— Московская чрезвычайная комиссия

Список сокращений

Нарбанк	— Народный банк
нарком	— народный комиссар
наркомат	— народный комиссариат
Наркомвоен	— Народный комиссариат по военным делам
Наркомзем, НКЗем	— Народный комиссариат земледелия
Наркоминдел, НКИД	— Народный комиссариат иностранных дел
Наркомпуть, НКПС	— Наркомат путей сообщения
Наркомюст, НКЮст	— Наркомат юстиции
НКВД	— Наркомат внутренних дел
особотдел	— особый отдел ВЧК
Пгчeka	— Петроградская чрезвычайная комиссия
Предреввоенсовет	— Председатель Реввоенсовета
ПУР	— Политическое управление
Пятокрчка	— Пятигорская окружная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности
РВС, Реввоенсовет	— Революционный военный совет
ревсовет	— революционный совет
ревсовтудармия	— революционный совет трудовой армии
ревтрибунал	— революционный трибунал
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	— Российский государственный архив экономики
РКП(б)	— Российская коммунистическая партия (большевиков)
Сибтрудбат	— Сибирский трудовой батальон
трамот	— транспортно-материальный отдел ВСНХ
Туркфронт	— Туркестанский фронт
Турккомиссия	— Туркестанская комиссия ВЦИК и СНК
Турчeka	— Туркестанская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности
ЦА ФСБ РФ	— Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
Цекпрофсоюз	— Центральный комитет профсоюза железнодорожного транспорта
Центротекстиль	— Центральное управление текстильной промышленности ВСНХ
Цупрезком	— Центральное управление чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности на Украине
Чрезкомтопгуж	— Чрезвычайная комиссия по проведению топливно-гузевой повинности
Чусоснабарм	— Чрезвычайный уполномоченный Совета Оборона по снабжению Красной армии и Красного флота
Южфронт	— Южный фронт

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамович Р. (Рейн Р.А.) 96
Агранов Я.С. 121
Александрова Е.В. 14
Алексеев Е.Н. 224
Алексеева Г.М. 13
Алуф Ф. 13
Андерсон Э.Ф. 236, 245
Аникст А.М. 55, 76, 77, 81, 181
Антонов И. 114, 115
Ардов В. 189
Аристов Н. 106, 185
Артем (Сергеев Ф.А.) 129
Артузов А.Х. 130
Атарбеков Г.А. 104–106
Ауэрбах-Подгорный 109
- Балабанова А.И. 43
Басман Н. 126,150
Беглецов Н. 95
Белкин Г. 13
Белобородов А.Г. 43
Берг Е.С. 98
Билецкий Н.С. 109
Биценко А.А. 257
Бокий Г.И. 43
Бонкур П. 276
Борисова Л.В. 83,84,145,151, 183, 241,
243, 245, 273
Бош Е.Б. 109, 110, 112, 149
Брюханов Н.П. 121, 132
Булдаков В.П. 86, 145
Бумажный Е.О. 129
Бухарин Н.И. 17, 43, 55, 67-70, 73, 75-76,
83, 252, 257, 262, 263, 265, 267, 276
- Вандервельде Э. 263, 264, 276
Вардин Ил. (Мгеладзе И.В.) 135, 274
Васильев Н.В. 290
Вегер Е.И. 129
Вецкалн А.А. 146
Волков И.Г. 90
Волобуев П.В. 77
Володарский В. (Гольдштейн М.М.) 267
Вороничев М.А. 96, 97, 148
- Вотерс (Уотерс) А. 276
Вышинский А.Я. 124, 150
- Гарви Н. (Бронштейн П.А.) 147, 245
Гастев А.К. 24, 171, 172, 184
Гертер Э.И. 103, 104
Гессен И.В. 188
Гест Х. 276
Гимпельсон Е.Г. 8, 13, 82, 273
Глебов Н. 114–116, 139
Голинков Д.Л. 147–149, 277
Гольцман А.З. 29,30, 49, 78, 144, 163, 182
Горшков В. 117
Горький М. (Пешков А.М.) 252, 261
Гоц А.Р. 223, 268, 274
Гриневич М.Г. 13, 147
Гулло 109
Гуревич А. 92, 182, 276
Гусев С.И. (Драбкин Я.Д.) 72, 73, 76, 84,
278
- Дан (Гурвич) Ф.И. 113
Дени (Денисов) В.Н. 248
Деникин А.И. 34, 45, 53, 146, 267
Дзержинский Ф.Э. 42, 46, 52, 55, 58, 66,
76, 102, 114, 127, 128, 152, 168, 170,
189, 190, 218, 223, 244, 251
- Егоров К.* 80
Елизарова А.И. 68
- Животов М.Н. 137
Животов С.В. 218
- Закс С.М. 20
Захаров Д.В. 96
Зеленский И.А. 130
Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 48, 53,
89, 119, 132, 133, 141, 265, 283
- Измозик В.С.* 13
Ильинский А.И. 108, 110–112
Ильинский В. 111, 180, 182, 185
Ильюхов А.А. 8, 13, 182

- Иозефович С. 80
 Иконников 271
- Кабо Е.О.* 180, 185
 Калинин М.И. 63, 114, 128, 131, 213, 232, 257
 Каменев (Розенфельд) Л.Б. 42, 131, 182, 257, 264
 Каминский Г.Н. 115
 Карахан Л.М. 66
 Карцев Н.Ф. 224
 Кац В.П. 97
 Кацнельсон З.Б. 168
 Качалов В.И. 21
 Кедров М.С. 123
 Киров (Костриков) С.М. 102, 105, 106
Кирьянов Ю.И. 13, 240
Киселев А.Ф. 7, 12
 Кобяков С.А. 276
 Козелев Б.Г. 13, 36
 Колчак А.В. 44, 50, 79, 138-140, 145
 Комиссаров С. 109
 Кондратьев Н.Д. 208
 Кондурушкин И.С. 183
 Коноплева Л.В. 254
 Косиор В.В. 49
 Косиор С.В. 53, 142
 Котов Ф.С. 224
 Красин Л.Б. 44, 45, 237
Краус Т. 13, 81
 Крестинский Н.Н. 46, 252, 263
 Крыленко Н.В. 129, 252, 253, 270
 Куйбышев В.В. 129, 167, 190
- Ланге И. 109
 Ларин Ю. (Лурье М.А.) 29, 69, 84, 122, 169, 170, 255
 Лацис М.Я. (Судрабс Я.Ф.) 129
 Лейкин Ю.С. 97
 Ленин В.И. 17-22, 34, 37, 38, 46, 48, 54, 64, 66-72, 74, 76, 77, 80-82, 84, 108, 118, 119, 132, 133, 135, 138-140, 144, 146, 149, 151, 152, 154, 177, 181, 182, 214, 215, 229, 243, 245, 262, 265
 Либкнехт К. 263
 Либкнехт Т. 263, 276
 Лисовский М.И. 88
Литвин А.Л. 13
 Лозовский (Дридзо) С.А. 49, 131, 139
- Ломов А. (Оппоков Г.И.) 34
 Ломоносов Ю.В. 42
 Луначарский А.В. 252, 253, 255, 257, 259, 260, 274
Люттов Л.Н. 185, 245
- Маркс К. 28, 68, 77
 Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) 42, 113, 135, 146, 262
Мау В.А. 7, 13, 77
Матюгин А.А. 150, 151, 182
 Мачигин 108, 110
Маяковский В.В. 61, 190, 240
 Медведев (Медведь) Ф.Д. 114
Мельгунов С.П. 105
 Менжинский В.Р. 123
 Мессинг С.А. 130, 218
 Мехоношин К.А. 123
 Миллюков П.Н. 251, 254
 Милютин В.П. 17, 19, 20
 Михайлов В.М. 194
 Молотов В.М. 225, 245, 250
 Морозов К.Н. 274
 Муравьев Н.К. 270
 Муралов Н.И. 123, 129
 Мясников Г.И. 226
- Невский В.И. 117
Ненароков А.П. 13, 146
 Никулин Л. 189
 Ногин В.П. 25, 70
- Окунев Н.П.* 82, 159, 151, 182, 239, 270, 278
 Ольминский М.С. 67, 68, 134, 135
 Орлов 35
 Осинский Н. (Оболенский В.В.) 20, 21, 42, 75
- Павлов Д.Б.* 13, 146
Павлюченков С.А. 8, 13, 150
Панкратова А.М. 13
 Петерс Я.Х. 43
 Подвойский Н.И. 122
 Покровский М.Н. 253, 257
 Полонский 35, 36
 Полукаров С.И. 97
 Попов П.И. 24, 208
 Преображенский Е.А. 74, 84, 183, 254
 Путинцев Н.М. 217

- Пятаков Г.Л. 53, 157, 270
 Радек К.Б. 43, 255, 262, 264
 Радус-Зенкович В.А. 53
 Раскольников Ф.Ф. 106
Рассказов Л.П. 13
Рейхель М. 82
 Розенгольц А.П. 44, 45
 Розенталь Я. 114, 116
 Розенфельд К. 263, 276
 Романов А.Б. 139, 140
 Рудзутак Я.Э. 37, 38, 245, 258
 Рыков А.И. 32–34, 39, 43, 69, 70, 75,
 78–80, 83, 84, 143, 196, 241
 Рязанов (Гольдендах) Д.Б. 23, 36, 98, 129,
 147, 151, 182

 Савельев А. 104
 Садуль Ж. 257
 Самсонов Т.П. 130
 Свицерский А.И. 129
 Селиванов 109
 Семенов (Васильев) Г.И. 254
 Серебряков Л.П. 55, 119
 Склянский Э.М. 43
 Скотников Д.Н. 100, 101
 Смидович П. 134, 135
 Смирнов А.Н. 96, 147
Соколов А.К. 12, 13, 77
 Сокольников (Бриллиант) Г.Я. 183, 252
 Сорокин П. 270, 271
 Сосновский Л.С. 255
 Сталин (Джугашвили) И.В. 53, 106, 215,
 242, 245, 247
 Стеклов (Нахамкес) Ю.М. 98, 147, 257, 258,
 270, 274
 Степин 108
 Стопани А.М. 13, 204, 240
 Стрекопытов 108
 Струмилин (Струмилло-Петрашкевич) С.Г.
 25, 28, 48, 78, 84, 169, 182, 225
 Сундуков 108

 Тагер А.С. 270
 Тейлор Ф. 22, 32
Тилли К. 6
Тилли Ч. 6
 Томский М.П. 43, 48, 62, 69, 70, 75, 114,
 116, 140, 142, 153, 154

 Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 38, 45–48,
 52–55, 67, 69, 70, 73–76, 79, 80, 83, 119,
 122, 149, 150, 179, 180, 252, 254, 257
 Туляков 131
 Тягунов П. 44

 Уншлихт И.С. 254
 Уповалов И.Г. 93, 94
 Уханов П.И. 97

Федулин А.А. 14
 Филлер 223
Фин Я. 13
 Франс А. 252
 Фрид 109
 Фрунзе М.В. 43
 Фунин В.А. 104

 Ходоровский И. 82

 Цеткин К. 257, 275

 Чайнов А.В. 68
 Чиркин В.Г. 90
 Чичерин Г.В. 43, 277
Чураков Д.О. 14, 146, 147

 Швейцер 64
Шишкин В.А. 8, 13, 150
 Шляпников А.Г. 23, 43, 65
 Шмераль Б. 274
 Шмидт В.В. 129, 152
 Штульман 139

 Щупак Б. 42

 Энгельс Ф. 177
 Эрист Г.В. 224
 Этин Р.И. 96

 Югов А. 113
 Юзефович 139

 Ягода Г.Г. 123
 Яковлева В.Н. 11, 129, 130
Янсен М. 273, 275–278
Яров С.В. 11, 14, 145, 150, 243, 244, 273, 276
 Ярославский (Губельман) Е. 254

Научное издание

Лариса Владимировна Борисова
**Трудовые отношения
в советской России
(1918–1924 гг.)**

*Утверждено к печати
Ученым Советом
Института российской истории РАН*

*Монография издается
в авторской редакции*

Компьютерная верстка
Л.П.Андреановой

Подписано в печать 01.06.2006 г.
Гарнитура NewBaskerville. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 18,00. Уч.-изд. л. 17,37. Тираж 500 экз. Заказ №3736

Издательский центр
Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ООО «Издательство “Собрание”»
109559, Москва, Тихорецкий бульвар, 1, стр. 5
Тел. (495) 389 68 88

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в ППП «Типография “Наука”» АИЦ РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6